

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Чесноков Владимир Геннадиевич

**ОРГАНИЗАЦИЯ АРХИТЕКТУРНО-СТРОИТЕЛЬНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ВОРОНЕЖСКОЙ ГУБЕРНИИ**

(последняя четверть XVIII – начало XX вв.)

Том 1

Специальность 5.6.1. Отечественная история

Диссертация

на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук,
профессор Карпачёв М. Д.

Воронеж – 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
Глава 1. СТАНОВЛЕНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АРХИТЕКТУРНОЙ СЛУЖБЫ В ВОРОНЕЖСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII В.....	35
§ 1. Организация строительства в России в XVIII в.....	35
§ 2. Формирование и деятельность губернской архитектурно-строительной службы в последней четверти XVIII в.....	47
Глава 2. РЕГУЛИРОВАНИЕ АРХИТЕКТУРНО-СТРОИТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ В ВОРОНЕЖСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XVIII – 60-х ГГ. XIX В.....	98
§ 1. Законодательные основы регуляции архитектурно-строительных процессов в первой половине XIX в.	98
§ 2. Реализация государственной архитектурно-градостроительной политики и организация жилищно-гражданского строительства в губернии	125
§ 3. Управление проектированием и строительством храмов и зданий духовного ведомства Воронежской епархии	186
Глава 3. ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОЕКТИРОВАНИЯ И СТРОИТЕЛЬСТВА В ВОРОНЕЖСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.....	207
§ 1. Законодательные основы формирования учреждений управления строительством в России во второй половине XIX – начале XX вв.	207
§ 2. Процесс организации и практика реализации проектно-строительных работ в Воронежской губернии с середины 1860-х гг. и до 1918 г.	223
Глава 4. РОЛЬ ГОРОДСКОЙ АРХИТЕКТУРНО-СТРОИТЕЛЬНОЙ СЛУЖБЫ В ФОРМИРОВАНИИ ОБЛИКА ВОРОНЕЖА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.....	273

§ 1. Профессиональная деятельность городских архитекторов Воронежа в пореформенный период.....	273
§ 2. Деятельность местных органов власти по созданию нового генерального плана Воронежа во второй половине XIX – начале XX вв.	299
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	312
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	323

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. Архитектурно-строительная деятельность является важнейшей составляющей жизни любого государства, которая всегда в процессе исторического развития подвергалась определенному регулированию. Его масштабы на местах определялись не только столичными установками, но и региональными условиями, обусловленными действием множества факторов. История этой деятельности, направленной на формирование урбанизированной среды обитания человеческого общества как сложного социально-экономического, научно-технического, а иногда и политического явления, традиционно вызывает большой научный и общественный интерес.

Сказанное в полной мере относится к Российской империи, в которой в период с последней четверти XVIII и до начала XX в. происходило совершенствование организации архитектурно-строительной деятельности. Воронежская губерния в этом отношении не была исключением и к началу XX в. работа её архитектурно-строительных служб достигла высокого уровня. Стоявшая за этими процессами работа местной администрации и специалистов архитекторов обладает большим потенциалом для изучения. Отсутствие комплексных исследований по Воронежской губернии, посвящённых этому важнейшему аспекту отечественной истории, определяет актуальность темы, призванной ответить на многочисленные вопросы о порядке формирования и особенностях функционирования архитектурно-строительных служб в провинции.

Фактором актуальности является также и то обстоятельство, что проведённое исследование в совокупности с аналогичными региональными работами позволит получить полноценную картину организации строительной и проектной практики в дореволюционной России. Знание этого пласта отечественной истории может служить основой современных попыток решения проблем, связанных с архитектурно-строительным комплексом, успешное функционирование которого невозможно без осознания преемственности на разных уровнях решения задач по созданию комфортной жилой среды. В этом качестве изучение организации архи-

тектурно-строительной деятельности в Воронежской губернии приобретает не только теоретическую, но и практическую ценность. Материалы диссертации могут быть использованы в учебных курсах «История Воронежского края» и по истории архитектуры России XVIII – начала XX вв.

Изучение процесса управления архитектурно-строительными процессами в провинции уже ведется, но нуждается в расширении, поскольку историография советского и постсоветского периодов разрабатывалась в основном на материалах столиц. С этой точки зрения, актуальным является введение в научный оборот массы источников, иллюстрирующих процессы становления и функционирования архитектурно-строительных служб в провинции.

Объектом исследования является исторический процесс становления и эволюции архитектурно-строительной службы Воронежской губернии с последней четверти XVIII в. до начала XX в., как составной части общегосударственного комплекса работ по регулированию архитектурно-строительной деятельности в стране.

Предмет исследования – влияние общероссийского законодательства и местной администрации на организацию работы архитектурно-строительной службы Воронежской губернии в исследуемый период: изменения в её структуре и кадровом составе; эволюция застройки Воронежа и городов губернии; деятельность губернских и городских архитекторов.

Территориальные рамки исследования – Воронежская губерния, в границах которой история становления и функционирования архитектурно-строительных служб изучена недостаточно, и непосредственно Воронеж¹, где результаты их деятельности получили наиболее яркое отражение.

Хронологические рамки исследования – период с 1773 г. по 1917 г. Выбор нижней границы исследования обусловлен документально зафиксированным событием – крупным пожаром в Воронеже, произошедшим в 1773 г. Этот пожар,

¹ Город Воронеж мы рассматриваем в территориальных границах дореволюционного времени, но с учётом пригородных слобод, без которых невозможно представить во всей полноте историю освоения и архитектурно-градостроительного развития территории, именуемой в настоящее время историческим центром города.

уничтоживший значительную часть деревянной застройки города, буквально расчистил строительную площадку для широкомасштабных планировочных преобразований, проводимых в русле великих реформ и в соответствии с указом Екатерины II от 25 июля 1763 г. «О сделании всем городам, их строению и улицам специальных планов по каждой губернии особо»¹.

С 1773 г. началась работа над регулярным планом, который лежит в основе современной планировки Воронежа. Работа над ним по существу послужила началом формирования архитектурно-строительной службы в Воронежской губернии.

Выбор верхней границы определен сменой политического строя в 1917 г., приведшей к переменам в социально-экономическом укладе страны и коренному перелому во всех сферах государственной деятельности.

Основу методологической базы исследования составляют: принципы историзма и научной объективности, сравнительно-исторический и историко-ретроспективный методы, а также методики историографического и источниковедческого анализа всего комплекса выявленных фактов и собранных материалов в сочетании с системным подходом и анализом.

Принцип научной объективности предполагает анализ источников, формулировку оценок и выводов без политической тенденциозности, а принцип историзма позволяет исследовать деятельность архитектурно-строительной службы в развитии с учетом изменений исторического контекста и сопутствующих причинно-следственных связей. Сравнительно-исторический метод позволяет проводить сопоставления между Воронежской и другими губерниями, выявлять локальную специфику и общие тенденции в развитии архитектурно-строительных процессов. Историко-ретроспективный метод дал возможность представить процесс развития законодательной базы и системы управления строительством в исследуемый период на государственном уровне, а также рассмотреть основные этапы становления и функционирования архитектурно-строительной службы страны на примере отдельного региона.

¹ ПСЗРИ. 1-е собр. – Т. 16. – № 11883.

Степень изученности темы. Данный сюжет в указанных территориальных и хронологических границах ранее объектом исследования не являлся. Специальных всесторонних исследований, осуществляемых на общероссийском фоне, посвященных процессу организации проектирования и строительства, не только в Воронежской, но и в других губерниях России, до сих пор проведено не было. Это в значительной степени обусловлено тем обстоятельством, что советская историография российского градоформирования традиционно разрабатывалась в основном на материалах столиц.

Существуют многочисленные работы, которые раскрывают историю планировки и застройки городов, но аспекты организации строительства и его связь с российским законодательством рассматриваются в них лишь фрагментарно.

К этой группе следует отнести общетеоретические работы по истории градостроительства и архитектуры России в целом, а также издания, освещающие историю архитектуры Москвы и Петербурга в тесной увязке с творчеством крупных зодчих. В частности, это капитальные исследования историков архитектуры В.А. Шкварикова, Е.А. Борисовой, А.В. Бунина, Т.Ф. Саваренской, Е.Н. Кириченко, В.И. Пилявского, С.С. Ожегова, Д.О. Швидковского, Б.М. Кирикова, и др.¹

В последние десятилетия в ряде регионов были выполнены работы на темы, связанные с историей архитектурно-планировочного развития российских городов в дореволюционный период. К ним относятся диссертации на соискание ученых степеней кандидата исторических наук, кандидата архитектуры и кандидата искусствоведения: И.М. Сергеева, А.А. Гудкова, С.Ю. Семеновой, Г.Л. Леденёвой, Н.В. Грязновой, А.Н. Гуменюк, Н.А. Николаевой, И.Г. Пирожковой, В.В. Са-

¹ Шквариков В.А. Планировка городов России XVIII и начала XIX века. – М., 1939; Он же. Очерк истории планировки и застройки русских городов. – М., 1954; Борисова Е.А., Каждан Т.П. Русская архитектура конца XIX – начала XX вв. – М., 1971; Бунин А.В., Саваренская Т.Ф. История градостроительного искусства. – М., 1979. – Т. 1: Градостроительство рабовладельческого строя и феодализма; Борисова Е.А. Русская архитектура второй половины XIX в. – М., 1979; Кириченко Е.Н. Русская архитектура 1830–1910-х годов. Изд. 2-е, испр. и доп. – М., 1982; Пилявский В.И., Тиц А.А., Ушаков Ю.С. История русской архитектуры: [Учебник для архитектурных специальностей вузов]. – Л., 1984; Ожегов С.С. Типовое и повторное строительство в России в 18–19 веках. – М., 1984; Борисова Е.А. Русский неоклассицизм. – М., 2002; Саваренская Т.Ф., Швидковский Д.О., Петров Ф.А. История градостроительного искусства: Поздний феодализм и капитализм: учеб. пособие. – М., 2004; Кириков Б.М. Архитектура Петербурга конца XIX – начала XX века. Эkleктика. Модерн. Неоклассицизм. – СПб., 2006.

вельевой, М.С. Емельяновой, Б.О. Демина, И.В. Поцешковской, И.Г. Котовой, С.В. Литвинова, Е.Л. Ломако, Д.П. Шульгиной, Т.Г. Михайленко, А.С. Шумилкина, М.В. Князевой, О.С. Ворониной и др¹.

В этих работах каждый из авторов делает акцент на исследование темы в контексте заявленной научной области. В силу этого обстоятельства в подавляющем большинстве диссертаций вопросы руководства и контроля со стороны органов управления различного уровня (общегосударственного, губернского и мест-

¹ Сергеев И.М. Промышленные мануфактуры – архитектурно-планировочная основа городов Чернозёмного центра России XVIII века: автореф. дис. ... канд. арх. – М., 1986; Гудков А.А. Регулярное градостроительство в Сибири в конце XVIII – первой половине XIX вв.: автореф. дис. ... канд. арх. – М., 1989; Семенова С.Ю. Историческое развитие планировки и застройки Уфы, конец XVI – начало XX вв.: автореф. дис. ... канд. арх. – М., 1998; Леденева Г.Л. Гражданская архитектура Тамбова конца XIX начала XX столетий: дис. ... канд. архит. – М., 1999. – 180 с.; Грязнова Н.В. Архитектурно-пространственное преобразование российской провинции в конце XVIII – начале XIX веков: замысел и реализация (на примере Тамбовской губернии): автореф. дис. ... канд. арх. – М., 2000; Гуменюк А.Н. Архитектура Омска XIX – начала XX веков: дис. ... канд. искусствоведения. – Омск, 2002; Николаева Н.А. Архитектурно-градостроительное развитие уездных городов Вятской губернии последней трети XVIII – начала XX века: автореф. дис. ... канд. искусствоведения. – СПб., 2002; Пирожкова И.Г. Жилищный вопрос и гражданское строительство в русском провинциальном губернском городе в XIX – начале XX вв. (на материалах Тамбова): дис. ... канд. ист. наук. – Тамбов, 2002; Савельев В.В. Градостроительная реформа Екатерины II: формирование приемов "регулярного" градостроительства и механизм их осуществления (По материалам Тверского наместничества): автореф. дис. ... канд. искусствоведения. – СПб., 2002; Емельянова М.С. Архитектура города Рыбинска конца XVIII – начала XX веков: автореф. дис. ... канд. культурологии. – Ярославль, 2004; Демин Б.О. Проблемы реконструкции центров российских провинциальных городов в конце XVIII – начале XX веков: на примере Тамбова, Козлова (Мичуринска) и Моршанска: автореф. дис. ... канд. арх. – М., 2005; Поцешковская И.В. Архитектурно-градостроительное развитие городов Нижнего Дона во второй половине XVIII – первой половине XIX веков: автореф. дис. ... канд. арх. – М., 2005; Котова И.Г. Градостроительство и архитектура Симбирска второй половины XVIII – начала XX веков: автореф. дис. ... канд. искусствоведения. – М., 2006; Литвинов С.В. Архитектурно-планировочное развитие городов Среднего Приобья: исторический анализ и оценка: автореф. дис. ... канд. арх. – СПб., 2007; Ломако Е.Л. Русский провинциальный город екатерининской эпохи (по материалам Коломны второй половины XVIII века): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2008; Шульгина Д.П. Архитектура эклектики в российской провинции второй половины XIX – начала XX века: региональные особенности (на примере Владимирской и Калужской губерний): автореф. дис. ... канд. искусствоведения. – М., 2009; Михайленко Т.Г. История планировки и застройки Курска (конец XVIII – начало XIX веков): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Курск, 2010; Шумилкин А.С. Эволюция архитектурно-планировочной структуры Нижнего Новгорода конца XVIII – начала XX веков: автореф. дис. ... канд. арх. – Н. Новгород, 2010; Князева М.В. История генерального планирования провинциального русского города: замыслы и реализация: 1780-1991 гг., на примере г. Рязани: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2013; Воронина О.С. Развитие планировочной структуры города Томска в XVII – XX вв.: автореф. дис. ... канд. арх. – Томск, 2017.

ного самоуправления) и деятельность архитектурно-строительных служб в провинции не нашли полноценного отражения.

Наиболее близкой по тематике является вторая менее обширная группа работ, в которой раскрывается непосредственно процесс организации проектирования и строительства.

В эту группу входят, во-первых, работы по государственному регулированию градостроительства и влиянию органов городского самоуправления. Их основу заложили труды дореволюционных исследователей И.И. Дитятин и О.С. Трахтерева, в которых на основе актуальных для того времени сведений законодательная и нормативная база рассматривалась как основа регулирования в строительстве и обустройстве городов¹.

Эти идеи нашли достойное продолжение в публикациях уже современных исследователей. Так, например, в капитальных работах А.А. Барановой и М.В. Золотаревой детально анализируется развитие архитектурно-строительной документации и регулирование архитектурно-строительных процессов в масштабе всей России². В монографии Е.И. Кириченко и М.В. Нащокиной по существу впервые была предпринята попытка на фоне истории архитектуры второй половины XIX в. рассмотреть творческую деятельность архитекторов в существующих правовых условиях³. А.М. Власюк исследует развитие градостроительного законодательства в России во второй половине XIX – начале XX вв. и общие принци-

¹ Дитятин И.И. Устройство и управление городов России: в 2 т. – Т. 1. Введение; Города России в XVIII столетии. – СПб., 1875. – 508 с.; Он же. Устройство и управление городов России: в 2 т. – Т. 2. Городское самоуправление в настоящем столетии. – Ярославль, 1877. – 565 с.; Трахтерев О.С. Строительное законоведение: пособие к лекциям, чит. на СПб. высш. жен. политехн. курсах. – СПб., 1913. – 84 с.

² Баранова А.А. Развитие архитектурно-строительной документации в дореволюционной России (XIX – начало XX вв.): дис. ... канд. ист. наук. – М., 1984. – 258 с.; Золотарева М.В. Регулирование архитектурно-строительного процесса в России в XVIII в. – СПб., 2007. – 122 с.; Она же. Регулирование архитектурно-строительного процесса в России XVIII – начала XX века: дис. ... д-ра арх. – СПб., 2010. – 669 с.

³ Кириченко Е.И., Нащокина М.В. Русское градостроительное искусство. Градостроительство России середины XIX - начала XX века. Общая характеристика и теоретические проблемы. – Кн. I. – М., 2001. – 340 с.

пы развития городов России в этот временной период¹. И.Г. Пирожкова рассматривает историю эволюции российского строительного законодательства и правовой базы строительного дела с юридической точки зрения².

Во многом с близких позиций представлен опыт реконструкции истории российского строительного законодательства и организационно-правового регулирования, но уже только по отношению процессу формирования основ градостроительной политики и управления градостроительством, в монографии А.Г. Вайтенса и Ю.Л. Косенковой³.

Управленческим вопросам при реализации государственной градостроительной политики в отдельных губерниях и городах посвящены работы А.Г. Смирновой, А.В. Коновалова, Т.М. Манониной, А.Г. Вайтенса и др.⁴ Однако нетрудно увидеть, что перечисленные работы охватывают в основном период капиталистического развития городов во второй половине XIX и начале XX вв.

В центре внимания ряда исследователей находятся вопросы истории формирования строительных и инженерно-технических кадров и деятельности отдельных архитекторов. Конечно, они наиболее исследованы в отношении петербургских и московских зодчих, биографии которых представлены в словарях и сборниках творческих портретов⁵. Тем не менее, в последнее время стали появ-

¹ Власюк А.М. Эволюция строительного законодательства России в 1830-1910-е годы // Памятники русской архитектуры и монументального искусства. Стиль, атрибуции, датировки. – Вып. 3. – М., 1985. – С. 226-239.

² Пирожкова И.Г. Строительное законодательство Российской империи: дис. ... канд. юрид. наук. – Тамбов, 2006. – 203 с.

³ Вайтенс А.Г., Косенкова Ю.Л. Развитие правовых основ градостроительства в России XVIII-начала XXI веков: опыт исторического исследования. – Обнинск, 2006. – 523 с.

⁴ Смирнова А.Г. Градостроительство и органы московского городского управления (60-е гг. XVIII в. – 30-е гг. XIX в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2002; Коновалов А.В. Государственное управление развитием городов Поволжья во второй половине XIX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Самара, 2006; Манонина Т.Н. Государственное регулирование застройки городов России в XIX – начале XX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Томск, 2011; Вайтенс А.Г. Исторический опыт регулирования архитектурно-градостроительного развития Санкт-Петербурга – Ленинграда: 1870-е - конец 1950-х гг.: автореф. дис. ... д-ра арх. – М., 2014.

⁵ Зодчие Москвы в 2 кн. – Кн. 1. Зодчие Москвы XV–XIX вв. – М., 1981. – 304 с.; Кн. 2: Зодчие Москвы XX в. – М., 1988. – 368 с.; Архитекторы-строители Санкт-Петербурга середины XIX – начала XX века: справочник / сост. А.М. Гинзбург, Б.М. Кириков. – СПб., 1996. – 397 с.; Зодчие Санкт-Петербурга. XVIII век. – Л., 1997. – 1021 с.; Нащокина М.В. Сто архитекторов московского модерна: Творческие портреты. – М., 2000. – 304 с.; Зодчие Москвы времени барокко и классицизма (1700-1820-е годы) / сост. и науч. ред. А.Ф. Крашенинников. – М., 2004. – 304 с.;

латься исследования, в которых анализируется история развития строительной отрасли в отдельных губерниях в увязке с законодательными документами и профессиональной деятельностью архитекторов. Это работы Л.М. Муртазиной, Е.В. Холодовой, С.Н. Овсянникова, Л.Б. Щавинской, А.В. Леготиной, О.Ю. Хомутовой и др.¹

При этом следует признать, что научные исследования по этой проблематике пока очень немногочисленны и охватывают в основном узкие временные интервалы, что недостаточно для полноценной реконструкции истории архитектурно-градостроительного освоения регионов.

Непосредственно по отношению к теме нашего исследования отдельно следует выделить публикацию Н.Л. Семёновой². В ней, пожалуй, впервые в региональном аспекте была предпринята попытка рассмотреть процессы организации и последующей реорганизации строительной и дорожной комиссии в 30–60-е гг. XIX в. на примере Оренбургской губернии, проанализировать ее штаты и функции. При этом автор в небольшой по объёму статье сделала заявку на то, чтобы увязать поднятую в ней тему с реформами по усилению управленческой оперативности органов власти в России и на местах.

Словарь архитекторов и мастеров строительного дела Москвы XV — середины XVIII века / отв. ред. И.А. Бондаренко. — М., 2008. — 784 с.; Исаченко В.Г. Зодчие Санкт-Петербурга XVIII–XX веков. — СПб., 2010. — 320 с.

¹ Муртазина Л.М. Профессиональная и общественная деятельность архитекторов Казанской губернии (вторая половина XIX - начало XX вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Казань, 2000; Холодова Е.В. Зодчие Курского края XVII–XXI веков: ил. биограф. словарь. — Курск, 2003; Овсянников С.Н. Ярославский губернский архитектор П.Я. Паньков: творческая личность в контексте среды и эпохи: автореф. дис. ... канд. искусствоведения. — Ярославль, 2006; Щавинская Л.Б. История формирования инженерно-строительных кадров Томской губернии во второй половине XIX – начале XX в. (постановка проблемы) // Хозяйственное и культурное развитие Урала и Сибири в XIX – начале XX в. — Томск, 2011. — Вып. 3. — С. 312–318; Она же. История формирования строительных и инженерно-технических кадров Томской губернии во второй половине XIX – начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Томск, 2015; Леготина А.В. Специалисты строительного отделения Оренбургского губернского правления и их роль в развитии южноуральской архитектуры начала XX в // Вестник культуры и искусств. — Челябинск, 2017. — № 4 (52). — С. 167–172; Хомутова О.Ю. Управление градостроительством в провинциальных городах конца XVIII – 60-х гг. XIX вв. на примере Калужской губернии // История: факты и символы. — 2019. — № 1 (18). — С. 104–117.

² Семёнова Н.Л. Организация строительной и дорожной комиссии в Оренбургской губернии в 30–60-е годы XIX века // Вестник Челябинского государственного университета. — 2010. №15 (196). История. С. 55 – 60.

Наряду с рассмотренными работами большое значение имеют труды российских и советских историков Б.Б. Веселовского, Г.А. Герасименко, П.А. Зайончковского, Н.П. Ерошкина, А.А. Кизеветтера, В.А. Нардовой и др., посвященные вопросам государственного управления, истории реформ (городской и земской)¹, социально-экономическому и культурному развитию провинциальных городов². В этом плане в отечественной исторической науке накоплено немало ценного материала, знакомство с которым позволяет достаточно полно представить те аспекты российской истории, глубокое понимание которых необходимо для нашего исследования.

Историографию по Воронежской губернии можно разделить на три временных этапа.

Первый этап: конец XVIII в. – 1920-е гг. Его можно обозначить как этап предварительного накопления фактов по истории отдельных памятников архитектуры и немногочисленной фактуры по организации городского строительства. В конце этого этапа (1910–1920-е гг.) предпринимаются первые попытки создать краткую историю воронежской архитектуры XVII – середины XIX вв. Ввиду специфики темы нет существенных отличий в методологии её изучения в дореволюционное время и в период нэпа.

Первый воронежский краевед Е.А. Болховитинов привел краткие сведения о том, как губернский центр Воронеж и уездные города преобразились с реализацией генеральных планов второй половины XVIII в. В его книге дана датировка го-

¹ Кизеветтер А.А. Из истории законодательства в России XVII-XIX вв. – Ростов на Дону, 1904. – 42 с.; Он же. Городовое положение Екатерины II 1785 г. Опыт исторического комментария. – М., 1909. – 473 с.; Веселовский Б.Б. Земство и земская реформа. – Пг., 1918. – 48 с.; Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 1968. – 368 с.; Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. – М., 1978. – 288 с.; Ерошкин Н.П. Местные государственные учреждения дореформенной России (1800–1860-е гг.). – М., 1985. – 98 с.; Герасименко Г.А. Земское самоуправление в России. – М., 1990. – 264 с.; Нардова В.А. Городское самоуправление в России в 60-х – начале 90-х гг. XIX в. – М., 1984. – 260 с.

² Терещенко А.А. Социально-экономическое развитие провинциального города в России второй половины XIX – начала XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. – Курск, 1999. – 218 с.; Ястребов А.Е. Культурный облик губернского провинциального города Центрального Черноземья в конце XIX начале XX вв. (Орел, Курск, Воронеж): дис. ... канд. ист. наук. – Орел, 1999. – 248 с.

родских соборов, других крупных храмов, а также общественных зданий¹. В связи с утратой многих подлинных архивных документов, на которые опирался Е.А. Болховитинов, массив исторических фактов в его работе можно рассматривать и как исторический источник.

Такое же значение имеют работы его последователей в XIX в. М.И. Славинского², Г.М. Веселовского (частично в соавторстве с Н.В. Воскресенским)³. В частности, Веселовский сообщает сведения о строительстве и реконструкции воронежской крепости XVI–XVII вв. на основе документов, впервые опубликованных в XIX в., приводит ряд архитектурно-строительных данных в связи с работой городского самоуправления Воронежа и Острогожска, уделяет внимание строительству крупных общественных зданий вплоть до 1880-х гг. Архимандрит Дмитрий (Самбикин) описывает историю строительства многих храмов губернии также до 1880-х гг. включительно⁴.

В 1900–1910-е гг. Воронежский церковный историко-археологический комитет выпускал периодический сборник «Воронежская старина», в котором публиковались статьи различных авторов по истории Митрофановского, Акатова Алексеевского и Покровского Девичьего монастырей, Успенской, Никольской, Тихвино-Онуфриевской, Спасской и других церквей Воронежа⁵. Статьи, посвя-

¹ Болховитинов Е.А. Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии / науч. ред. А.Н. Акиншин. – Воронеж, 2011. – 250 + [228] + 6 (вклейка) с.

² Славинский М.И. Историческое, топографическое и статистическое описание Воронежской губернии / науч. ред. А.Н. Акиншин. – Воронеж, 2014. – 240 с.

³ Веселовский Г.М. Воронеж в историческом и современно-статистическом отношениях (с подробным планом города и его окрестностей). – Воронеж, 1866. – 456 с.; Он же. Город Острогожск (Воронежской губернии) и его уезд: ист.-стат. и этногр. очерк с пл. города и геогр. картой уезда. – Воронеж, 1867. – 220 с.; Он же. Исторический очерк города Воронежа. 1586–1886. – Воронеж, 1886. – 298 с.; Веселовский Г.М., Воскресенский Н.В. Города Воронежской губернии: их история и современное состояние, с кратким очерком всей Воронежской губернии. – Воронеж, 1876. – 122 с.

⁴ Дмитрий (Самбикин), [архим.]. Указатель храмовых празднеств в Воронежской епархии. – Воронеж, 1884–1886. – Вып. I–IV; Он же. Хронологический указатель церквей Воронежской епархии. 1586 – 1886. – Воронеж, 1886. – 172 с.

⁵ [Грацианский М.В.] Воронежский Троицкий кафедральный собор // Воронежская старина. – Воронеж, 1905. – Вып. 5. – Прил. С. 57–63; Лукин Ф.М. Успенская церковь (бывший Успенский монастырь) // Там же. – С. 64–69; Нечаев В.Е. Покровская церковь // Там же. – С. 76–88; Поликарпов Н.И. Воронежский Благовещенский Митрофанов монастырь (бывший Благовещенский собор г. Воронежа) // Там же. – С. 3–56; Попов Т.Д. Спасская церковь // Там же. – С. 70–75; Правдин А.М. Николаевская церковь // Там же. – С. 89–96; Аскоченский М.Ф. Всесвятская

щенные некоторым церковным и другим сооружениям, появились в конце XIX и начале XX в. на страницах периодических изданий «Воронежские епархиальные ведомости», «Дон», «Живое слово» и др. Тем самым было положено начало углубленному изучению отдельных архитектурных памятников.

В 1915 г. столичный искусствовед Г.К. Лукомский по итогам своего посещения Воронежа издал книгу, в которой впервые познакомил широкий круг читателей с наиболее ценными памятниками архитектуры XVIII и первой половины XIX вв. Однако это знакомство носило описательный характер, а попытки выявить авторов проектов базировались на стилевом анализе сооружений и были сведены в основном к упоминанию имен крупных столичных зодчих¹.

Первой монографической работой по истории воронежской архитектуры XVII – первой половины XIX вв. стала книга искусствоведа Ю.И. Успенского, изданная в 1922 г. Автор представил последовательный ряд памятников старины в связи со временем их строительства и архитектурными стилями². Он постарался использовать максимально возможный в то время круг печатных источников, однако уровень знаний о ряде памятников оставался еще крайне слабым. Также, как и Г.К. Лукомский, он в ряде случаев не выходит дальше предположений по поводу времени строительства привлечших его внимание зданий. К тому же оба автора, по существу, игнорировали современную им архитектуру, считая её эклектичной.

В изданных в начале XX в. путеводителях по Воронежу³, также, как и в названных книгах Г.К. Лукомского и Ю.И. Успенского, памятники архитектуры рассматриваются вне исторического контекста развития города. Среди публика-

кладбищенская церковь // Там же. – Воронеж, 1908. – Вып. 7. – Прил. С. 142–149; Горьковский В.П. Тихвино-Онуфриевская церковь // Там же. – С. 97–124; [Никольский П.В.] Воронежский Покровский Девичий монастырь // Там же. – С. 163–182; Никонов Н.Г. Введенская церковь // Там же. – С. 136–141; Орлов Н.А. Крестовоздвиженская (Петропавловская) церковь // Там же. – Воронеж, 1908. – Вып. 7. – Прил. С. 125–135; Ширкевич С.И. Домовые церкви г. Воронежа // Там же. – С. 150–162; Поликарпов Н.И. Воронежский Алексеевский Акатов монастырь и находящаяся в нем Чудотворная икона Божией Матери, именуемая «Троеручица» // Там же. – Воронеж, 1909. – Вып. 8. – Прил. С. 183–213.

¹ Лукомский Г.К. Воронежская старина. – Пг., 1915. – 56 с.

² Успенский Ю.И. Старый Воронеж: художественно-исторический очерк. – Воронеж, 1922. – 77 с.

³ Путеводитель по Воронежу: с 15 видами и планом города. – Киев, 1901. – 117 с.; Путеводитель по городу Воронежу для школьных экскурсий. – Воронеж, 1914. – 68 с.

ций этого периода следует отметить появление статьи члена Воронежской учёной архивной комиссии архитектора В.И. Гайна, который, говоря о старинной архитектуре Воронежа, поднял вопрос о проблемах её сохранения в условиях смены форм собственности¹.

В целом же на данном этапе воронежской историографии не были даже предприняты попытки изложить историю проектирования и строительства как последовательный процесс, результатом которого и являлись рассмотренные примечательные сооружения.

Второй этап: 1930–1970-е гг. – время, когда исследования в области истории региональной архитектуры были крайне слабыми. Они заметно сокращаются в связи с усилением идеологической нагрузки во всех сферах жизни общества на рубеже 1920-х и 1930-х гг. В издававшейся популярной литературе в основном повторялась прежняя фактура. Примером может служить обзорная статья М.В. Георгиевского 1934 г. об архитектуре региона в «Энциклопедическом словаре ЦЧО»².

В 1950-е гг. в связи с восстановлением Воронежа архитектор Н.В. Троицкий кратко коснулся истории дореволюционной архитектуры города в своих книгах³. Коренной житель Воронежа, очевидец сооружения нескольких крупных зданий в начале XX в., он не мог не упомянуть их, но не более того. Так, в публикациях Н.В. Троицкого впервые приведено имя крупного воронежского архитектора дореволюционного времени М.Н. Замятнина.

Возобновление интереса к этой теме начинается в 1960-х гг. в связи с возрождением воронежского краеведения. Однако во многих путеводителях и других популярных изданиях тех лет в контексте истории Воронежа лишь повторяются

¹ Гайн В.И. О старинной архитектуре Воронежа // Воронежский историко-археологический вестник. 1921. – Вып. 1. – С. 23–27.

² Энциклопедический словарь ЦЧО. – Т. 1. – Воронеж, 1934. – Стб. 82–94.

³ Троицкий Н.В. Облик будущего Воронежа. – Воронеж, 1953. – С. 3–14; Он же. Воронеж. – М., 1959. – 118 с. – (Архитектура городов СССР).

ранее известные историко-архитектурные факты¹. При этом предреволюционное время традиционно воспринимается в них как классово чуждое и принесшее мало ценного в архитектурно-строительном отношении.

Третий этап: с 1980-х гг. и по настоящее время. Только в это десятилетие появляются первые научные краеведческие работы, рассматривающие процессы городского строительства и создания памятников архитектуры на основе архивных источников. В публикациях краеведа А.В. Кожемякина впервые прозвучали имена первого губернского архитектора Н.Н. Иевского и архитектора-художника В.Н. Шебалина, также ставшего губернским архитектором².

В.А. Митин в 1983 г. защитил диссертацию на соискание степени кандидата архитектуры. Он установил основные исторические факты архитектурно-планировочного развития Воронежа в конце XVII – начале XIX в.³ При этом им был детально рассмотрен первый регулярный генеральный план города 1774 г. и роль зодчего И.Е. Старова в его разработке, охарактеризована деятельность губернского архитектора Н.Н. Иевского и освещены воронежские страницы творчества знаменитого столичного зодчего Д. Кваренги. Организация архитектурно-строительного процесса практически не получила отражения, поскольку основная часть диссертации была посвящена характеристике облика города в рассматриваемый им период.

А.Н. Акиншин в 1987 г. в рамках диссертации на соискание степени кандидата исторических наук в одной из глав рассмотрел историю архитектурно-строительного развития города. Именно в этой главе впервые была очень кратко изложена хронология создания архитектурных служб губернии в XVIII – первой половине XIX в. Здесь же были введены в научный оборот имена многих воронежских архитекторов и установлена причастность известных петербургских зод-

¹ Пульвер Е.А. Знакомьтесь с Воронежем: путеводитель-справочник. – Воронеж, 1965. – 270 с.; Он же. Здравствуй, Воронеж!: путеводитель. – Воронеж, 1970. – 232 с.; Кретьева О.К. Летопись дней минувших // Воронеж. – Изд. 2-е, доп. – Воронеж, 1967. – С. 169 – 327.

² Кожемякин А.В. Новые историко-краеведческие находки // Записки воронежских краеведов. – Воронеж, 1983. – Вып. 2. – С. 120–129.

³ Митин В.А. Архитектурно-планировочное развитие Воронежа и его застройка в конце XVII – начале XIX вв.: дис. ... канд. арх. – М., 1983. – 146 с.

чих к строительству в Воронеже¹. В дальнейшем фрагмент этой главы диссертации в конспективной форме нашёл отражение в тезисах его доклада².

А.Н. Акинъшиным была начата масштабная работа по выявлению имен до-революционных архитекторов и составлению соответствующих биографических справок на основе изучения материалов областного и столичных архивов. Исследователь опубликовал серию статей³, в которой собраны более 200 имен инженеров и архитекторов, которые проектировали здания и сооружения в Воронежском крае (в числе наиболее значимых имен – И.И. Волков, А.М. Баранов, М.Н. Замятин, С.Л. Мысловский и др.). В результате этой работы множество гражданских и культовых построек обрели авторов. При этом информацию о месте службы зодчих можно рассматривать как первую публикацию сведений о городских и губернских организациях, занимавшихся проектированием и реализацией градостроительной политики в провинции.

В эти же годы активизируется выпуск сборников научных статей по краеведению, включающих, в частности, исследования В.А. Митина, А.Ф. Крашенинникова, А.Н. Акинъшина, Г.А. Чеснокова по истории планировки и застройки Воронежа⁴.

Толчок дальнейшим исследованиям дала крупномасштабная работа по выявлению и обследованию памятников архитектуры в районах Воронежской обла-

¹ Акинъшин А.Н. Социально-экономическое и политическое развитие города Воронежа периода позднего феодализма: дис. ... канд. ист. наук. – Воронеж, 1987. – С. 150–180.

² Акинъшин А.Н. Организация строительства в Воронежской губернии в конце XVIII – начале XX вв. // Елец и его окрестности: тезисы науч. конф. – Елец, 1991. – С. 46–48.

³ Акинъшин А.Н. Материалы к биографическому словарю воронежских архитекторов (конец XVII – начало XX вв.) // Труды Воронежского областного краеведческого музея. – Воронеж, 1994. – Вып. 2. – С. 70–89; Из истории Воронежского края – Вып. 10. – 2002. – С. 76–100; Вып. 11. – 2003. – С. 150–177; Вып. 12. – 2004. – С. 97–107; Вып. 13. – 2005. – С. 112–135.

⁴ Митин В.А. Постройки Джакомо Кваренги в Воронеже // Из истории города Воронежа. – Воронеж, 1984. – С. 87–98; Крашенинников А.Ф. Неизвестный проект Кваренги ансамбля архиерейского двора в Воронеже // Архитектурное наследие. – М., 1985. – Т. 33. – С. 266–270; Он же. Проекты архитектора Кваренги для Воронежа // Воронежский краеведческий сборник: из истории культуры края. – Воронеж, 1985. – С. 163–191; Митин В.А. Историко-градостроительные особенности формирования центра Воронежа // Региональные проблемы архитектуры и градостроительства. – Воронеж, 1988. – С. 40–55; Акинъшин А.Н., Чесноков Г.А. Историческая география Воронежа по планам города (XVIII – середина XIX века) // Историческая география Черноземного центра России (дооктябрьский период). – Воронеж, 1989. – С. 118–132.

сти, развернутая в 1980–1990-е гг. на базе Воронежского государственного университета (ВГУ) и Воронежского инженерно-строительного института (ВИСИ). Ее результатом стало издание под эгидой столичного НИИ культурологии серии сборников по районам области¹ и отдельной книги, посвященной историко-культурному наследию Воронежа². Авторами многочисленных статей здесь выступили воронежские историки и архитекторы А.Н. Акиншин, П.А. Попов, Л.В. Кригер, Ю.Н. Хондо и др., а также московские культурологи Е.Н. Чернявская, А.А. Зайцева, А.Н. Рылева и др. Более ста памятников Воронежа обрели имена их первых владельцев, заказчиков строительства и точную датировку благодаря исследованиям П.А. Попова, выполненным на основе документов местного архива.

В капитальных монографиях архитектора Г.А. Чеснокова³ впервые детально прослежен процесс архитектурно-планировочного развития г. Воронежа в XVI–XX вв. и показано место сохранившихся памятников в современной городской застройке. Наряду со своими исследованиями автор постарался максимально привлечь и опубликованные данные о деятельности губернских и городских архитекторов, давая им оценку с точки зрения специалиста. Именно поэтому его работу можно считать единственным исследованием, которое частично, но хронологиче-

¹ Материалы Свода памятников истории и культуры РСФСР. Воронежская область. – Вып. 1. – Ч. 1: Богучарский, Верхнемамонский районы. – М., 1990. – 80 с.; Ч. 2: Кантемировский, Павловский, Петропавловский, Россошанский районы. – М., 1990. – 130 с.; Материалы Свода памятников истории и культуры Российской Федерации. Воронежская область. – Вып. 2. – Ч. 1: Бобровский, Бутурлиновский, Воробьевский районы. – М., 1993. – 144 с.; Ч. 2: Каменский, Каширский, Ольховатский, Острогожский, Подгоренский районы. – М., 1993. – 128 с.; Материалы Свода памятников истории и культуры Российской Федерации. Воронежская область. – Вып. 3. – Ч. 1: Аннинский, Грибановский, Калачеевский районы. – М., 1993. – 148 с.; Ч. 2: Лискинский, Новохоперский районы. – М., 1993. – 180 с.; Ч. 3: Панинский, Поворинский, Таловский, Терновский районы. – М., 1993. – 115 с.; Зайцева А.А., Кригер Л.В. Историко-культурное наследие Борисоглебской земли: (материалы Свода памятников Воронежской области). – М., 1994. – 208 с.; Материалы Свода памятников истории и культуры Российской Федерации. Воронежская область. – Вып. 4. – Ч. 1: Верхнехавский, Хохольский и Эртильский районы. – М., 1997. – 140 с.; Ч. 2: Нижнежевицкий, Репьевский и Семилукский районы. – М., 1997. – 210 с.

² Историко-культурное наследие Воронежа : материалы Свода памятников истории и культуры Российской Федерации. [Изд. 2-е] / науч. ред. Е.Н. Чернявская, Т.С. Старцева. – Воронеж, 2009. – 574 с.

³ Чесноков Г.А. Архитектура Воронежа: история и современность. – Воронеж, 1999. – 394 с.; Он же. Воронеж. Каменная летопись. Архитектура и строительство: в 2 т. – Воронеж, 2011. – Т. 1. – 200 с.

ски очень последовательно раскрывает процесс организации строительства в губернском городе.

Книга Л.В. Кригер и Г.А. Чеснокова посвящена градостроительному и архитектурному развитию исторических городов Воронежской области: Острогожска, Павловска, Боброва, Новохопёрска и др.¹, которые в отличие от губернского центра ранее не привлекали внимания исследователей. Эта монография стала первой, в которой авторам удалось представить достаточно полно архитектурно-планировочное развитие бывших уездных городов по генеральным планам второй половины XVIII в. Однако информация, представленная в отдельных главах по конкретным городам по организации проектирования и строительства, носит фрагментарный характер. В силу этого многие строительные процессы XIX и начала XX вв. имевшие место в губернии остались неисследованными из-за отсутствия у авторов данных об организациях и лицах, осуществлявших выполнение проектов и контроль за их реализацией в это время.

Продолжением этой масштабной работы стала монография Л.В. Кригер², посвящённая истории градостроительства Центрального Черноземья, охватывающая временной период с конца XVIII и до начала XX вв. На примерах уездных городов трёх губерний (Воронежской, Тамбовской и Курской) автор исследует процесс их архитектурно-планировочного развития, выявляя при этом типичные и уникальные градостроительные явления. Однако вопросы государственного градорегулирования не нашли в книге системного отражения. Эта информация рассыпана по главам, посвящённым отдельным городам, а сведения о том какими службами на местах эта деятельность осуществлялась в разные временные периоды практически отсутствуют.

Два издания, отличающиеся составом статей, выдержала книга об истории сельских усадеб Черноземного региона³. В ней в статьях А.Н. Акиньшина, П.А.

¹ Кригер Л.В., Чесноков Г.А. Архитектура исторических городов Воронежской области. – Воронеж, 2009. – 317 с.

² Кригер Л. В. История градостроительства Центрального Черноземья: XVIII – нач. XX вв. – Воронеж, 2021. – 396 с.

³ Русские провинциальные усадьбы /сост. Р.В. Андреева, Л.Ф. Попова. Воронеж, 2001. – С. 77–168; То же. Изд. 2-е. Воронеж, 2011. – С. 66–218.

Попова, Е.А. Виноградовой, Л.В. Кригер и др. впервые прослежена история строительства наиболее примечательных усадеб воронежского края. В отдельной книге Л.В. Кригер в деталях представлены архитектурно-планировочные особенности усадеб, расположенных непосредственно на территории нынешней Воронежской области¹. Однако в этих монографиях информация о том, как в целом осуществлялась застройка в сельской местности и чем она регламентировалась, практически не нашла отражения. Несколько более подробно эти вопросы были затронуты Л.В. Кригер в методическом пособии для подготовки документов территориального планирования муниципальных образований².

Истории воронежских храмов посвящена монография А.Н. Акиньшина³, в которой изложена история их возведения, но без привязки к тем государственным службам, которые занимались контролем культового строительства.

Результаты исследований П.А. Попова по истории застройки Воронежа и отдельным памятникам архитектуры нашли отражение в ряде научных статей и в нескольких книгах⁴. В его диссертации и монографии, изданной по её материалам, частично было рассмотрено участие в организации строительства городской управы Воронежа и городских архитекторов⁵.

В 2000–2010-е гг. В.А. Митин издал ряд книг по истории архитектуры Воронежа XVII – середины XIX вв. В них он особое внимание уделил созданию генерального плана 1774 г., а также творчеству зодчих И.Е. Старова, Д. Кваренги,

¹ Кригер Л.В. Усадьбы Воронежской области. Изд. 2-е. Воронеж, 2018. – 367 с.

² Кригер Л.В. Историко-культурное наследие Воронежской области: исследования и использование: метод. пособие для подготовки документов территориального планирования муниципальных образований. Воронеж, 2007. – 128 с.

³ Акиньшин А.Н. Храмы Воронежа. 2-е изд. испр. и доп. Воронеж, 2003. – 239 с.

⁴ Попов П.А. Модерн в архитектуре Воронежа // Из истории воронежского края. Воронеж, 2002. Вып. 10. – С. 162–175; Он же. Воронеж. История города в названиях улиц. Воронеж, 2003; Он же. Историко-архитектурный комплекс в Богучаре // Воронежский вестник архивиста. Воронеж, 2008. Вып. 6. – С. 143–152; Он же. Русский стиль и его носители в архитектуре Воронежа середины XIX – середины XX в. // Там же. Воронеж, 2010. Вып. 8. – С. 134–163; Он же. Русский стиль и его носители в архитектуре Воронежа середины XIX – середины XX в. // Там же. – Воронеж, 2012. Вып. 10. – С. 147–160; Попов П.А., Фирсов Б.А. Старый Воронеж : из истории городского быта XVIII–XX веков. Изд. 2-е. Воронеж, 2013; Попов П.А. Здравствуй, старый дом! : самые замечательные здания Воронежа. Воронеж, 2014. Он же. Следы творчества зодчего В.П. Стасова в Воронеже // Воронежский вестник архивиста. Воронеж, 2018. Вып. 16. – С. 111–121.

⁵ Попов П.А. Городское самоуправление Воронежа (1870–1918 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2005; Он же. Городское самоуправление Воронежа, 1870–1918. Воронеж, 2006.

губернских архитекторов Воронежа Н.Н. Иевского и В.Б. Белокопытова. Достоинством этих работ является и публикация в хорошем качестве многочисленных графических материалов из фондов центральных архивов¹.

Отметим также некоторые диссертации на исторические темы и изданные по этим материалам монографии, в которых затрагиваются вопросы строительства в контексте истории Воронежской губернии и деятельности губернских органов власти².

Таким образом, авторы в разной степени касались заявленной темы, однако до сих пор нет системного исследования, которое последовательно охватывало бы весь многообразный строительный процесс в губернии и его результаты в широких хронологических рамках.

Цель исследования – на фоне общего развития системы законодательного регулирования архитектурно-строительных процессов в Российской империи дать комплексный анализ становления и деятельности архитектурно-строительных служб Воронежской губернии в период последней четверти XVIII - начала XX вв.

Выдвижение данной цели обусловило постановку следующих **исследовательских задач**:

- проанализировать развитие законодательства Российской империи в сфере регулирования архитектурно-строительной деятельности и планировочного развития городов в указанный исторический период;

¹ Митин В.А. Усадьбы города Воронежа XVIII, XIX, XX веков. Воронеж, 2004. – 223 с.; Он же. Иван Егорович Старов, Николай Никитович Иевский, Джакомо Кваренги. Начало Большого Воронежа : в 2 Т. Т. 1. Воронеж, 2009. – 96 с.; Он же. Иван Егорович Старов, Николай Никитович Иевский, Джакомо Кваренги. Начало Большого Воронежа : в 2 Т. Т. 2. Воронеж, 2010. – 95 с. Он же. Василий Борисович Белокопытов. Губернский архитектор. Воронеж, 2015. – 96 с.

² Павлова Г.В. Воронежская губернская администрация (губернское правление и канцелярия губернатора) в 60-х гг. XIX – начале XX вв. : дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2004. – 269 с.; Лихорадова И.Н. Становление и развитие дорожного строительства на территории Воронежского края в XIX-XX веках: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2004; Лихорадова И.Н., Подольский В.П. История дорожного строительства на территории Воронежского края. Воронеж, 2006. – 174 с.; Филищева С.В. Организация деятельности земских учреждений в Воронежской губернии (1865 – 1918 гг.). Воронеж, 2010. – 332 с.; Шевченко Е.А. История Воронежского наместничества: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2009; Он же. Воронежское наместничество (1779–1796 гг.): система управления : монография. Воронеж, 2010. – 302 с.

- проследить хронологию возникновения и развития органов регулирования и надзора в архитектурно-строительном комплексе страны и их роль в реальном архитектурно-строительном процессе на примере конкретной губернии;
- рассмотреть механизмы взаимодействия центральных и местных органов власти в сфере надзора и реализации требований архитектурно-строительного законодательства;
- проследить деятельность губернских архитекторов как ключевых фигур в реализации градостроительной политики в провинции;
- определить основные направления деятельности архитектурно-строительных служб Воронежской губернии на каждом хронологическом этапе и выявить изменения, происходившие в их кадровом составе в ходе реорганизации;
- исследовать степень влияния губернских и городских органов управления архитектурно-строительным комплексом и служивших в них зодчих на формирование планировки и застройки городов исследуемого региона;
- изучить творческие биографии городских архитекторов Воронежа, практическая деятельность которых определила их личный вклад в развитие и формирование облика города, ставшего крупнейшим культурным и экономическим центром Черноземья.

Источники диссертационного исследования. В комплексе использованных источников основной массив составляют документы Государственного архива Воронежской области (ГАВО), Российского государственного исторического архива (РГИА), Российского государственного архива древних актов (РГАДА) и Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), которые в значительной мере вводятся в научный оборот впервые.

В ГАВО важнейшим источником информации является фонд И-14 «Воронежское наместническое правление», в котором сохранились переписка по строительству казенных зданий за 1775-1796 гг. и «билеты», выданные губернским архитектором в 1780-е гг., представляющие собой разрешения на строительство дома с указанием его основных характеристик, местоположения усадьбы и её размеров. Здесь же в протоколах заседаний и постановлений правления содержатся

предложения о назначении губернских архитекторов и землемеров, информация об их перемещениях по службе, их деятельности по благоустройству, проектированию и строительству самых разнообразных объектов в губернском центре и в уездных городах. В материалах фонда выявлены предписания правительства и губернской администрации, связанные с реализацией регулярного плана Воронежа 1774 г., что позволило раскрыть реальную роль губернского архитектора в этом процессе на самом важном начальном его этапе.

Материалы фонда И-167 «Воронежская палата гражданского суда» дали возможность реконструировать и детализировать представление о застройке Воронежа в период с 1785 по 1870 гг. на основании подробной информации о размерах участков и использованных строительных материалах, содержащейся в описях по оценке домов и имений, составляемых при продаже и залоге недвижимости.

Документы фонда И-30 «Воронежского губернского предводителя дворянства» позволили на основании формулярных списков проследить перемещения по службе дворян, служивших в присутственных местах на должностях архитектурно-строительного профиля. Ряд материалов фонда И-29 «Воронежского депутатского собрания» даёт представление о том, какие документы и чертежи, присланные из столицы и связанные с застройкой городов и сёл, рассматривались дворянским собранием.

Огромный массив информации по теме исследования содержится в фонде И-19 «Воронежская городская управа». Материалы фонда раскрывают исполнительную деятельность управы, связанную с благоустройством и регулированием процесса застройки в Воронеже. За период с 1870–1875 гг. сохранились дела, связанные с выдачей управой разрешений на строительство и перестройку частных домов. Это самостоятельные дела, в подавляющем большинстве которых указан исполнитель чертежей предлагаемой постройки и «ситуационного плана» её размещения в городе. В дальнейшем делопроизводство велось по годам отдельно по Московской, Мещанской и Дворянской частям города, что позволило проследить динамику их градостроительного освоения и качество возводимых построек. Есть

в фонде материалы по истории казенных и общественных зданий и сооружений. Их проекты по большей части разрабатывались губернскими и городскими архитекторами и строительным отделением губернского правления. Однако сами фонды архитектурно-строительных служб были утрачены в годы Великой Отечественной войны. По этой же причине в ГАВО практически нет материалов, связанных непосредственно с губернской строительной и дорожной комиссией (Фонд И-22).

Тем не менее, отдельные вопросы, связанные с деятельностью службы городского архитектора во второй половине XIX – начале XX вв. удалось восстановить благодаря немногочисленным документам, сохранившимся в фонде И-61 «Воронежская городская дума».

Имеющиеся в ГАВО материалы по истории проектирования и строительства культовых зданий и сооружений также весьма немногочисленны, поскольку в фонде И-84 «Духовная консистория» их нет. Фонды отдельных воронежских церквей и монастырей содержат весьма скудную информацию об истории их строительства. К этому следует добавить, что в ГАВО нет фонда епархиального архитектора. Единственный архивный источник по храмам – фонд И-24 «Губернское управление земледелия и государственных имуществ», где за период 1840-1860-х гг. в переписке об освидетельствовании церквей в сёлах государственных крестьян встречаются даты строительства и авторы проектов. Это позволило получить фрагментарную информацию о работе архитектора казенной палаты и гражданского инженера палаты государственных имуществ.

Для характеристики процессов, происходивших в области регулирования строительства в губернии в пореформенный период, привлекались документы из фонда И-20 «Воронежская губернская земская управа» и фонда И-21 «Воронежское губернское по земским и городским делам присутствие».

Обширный комплекс документов для воссоздания истории деятельности архитектурно-строительных служб в губернии был извлечён из РГИА. Именно эти материалы в значительной степени восполнили лакуны ГАВО.

Для анализа проектных материалов по Воронежу и уездным городам были использованы чертежи, сохранившиеся в фондах РГИА (№ 1399 «Коллекция карт, планов и чертежей Петербургского Сенатского архива»; №1488 «Коллекция планов и чертежей гражданской архитектуры»).

Здесь же была выявлена информация о строительстве зданий, относящихся к ведомству МВД, и составлении нового проектного плана Воронежа (фонд № 1287 «Хозяйственный департамент МВД»; фонд № 1285 «Департамент государственного хозяйства МВД»). В фонде № 1293 «Техническо-строительного комитета МВД» Воронежской губернии посвящена специальная опись № 166, материалы которой раскрывают информацию о строительстве и ремонте казенных зданий. В этом же фонде имеется информация по улучшению состояния городов, порядке работы строительных ведомств. Материалы об организации, деятельности и личном составе губернской строительной и дорожной комиссии были обнаружены в фонде № 200 «Штаб корпуса инженеров путей сообщения министерства путей сообщения (МПС)». Важные сведения по теме исследования удалось выявить в фонде № 216 «Второй департамент Главного управления путей сообщения и публичных зданий (ГУПСиПЗ)» и фонде № 218 «Департамент искусственных дел ГУПСиПЗ». В фонде 207 «Особенная канцелярия Главноуправляющего ПСипЗ» была найдена ценная информация, касающаяся работы губернских строительных и дорожных комиссий и их последующего преобразования.

Для выяснения вопросов, связанных с культовым строительством в губернии, большую помощь оказали материалы, хранящиеся в фондах № 796 «Канцелярии Синода» и № 835 «Строительные планы и фотографии Синода».

Сравнительный анализ всех известных с 1773 г. планов города позволил проследить динамику градостроительного освоения территории Воронежа. Кроме того, наряду с другими документами планы, хранящиеся в фонде № 846 «Военно-учётного архива (ВУА)» РГВИА сыграли существенную роль в воссоздании хронологической последовательности появления отдельных улиц и интересующих нас объектов строительства.

В поиске необходимой информации по архитектурно-планировочному развитию городов Воронежской губернии существенную помощь оказали материалы графических коллекций, содержащихся в фондах РГАДА № 16, № 192 и № 1356.

Мемуары и путевые заметки, хранящиеся в библиотеках: отделе рукописей Библиотеки Академии наук (ОР БАН) и отделе рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ), в которых авторы давали характеристику застройке Воронежа использовались для полноты представления о внешнем виде города в соответствующий исторический период его развития.

В общей сложности работа по выявлению необходимых для выполнения исследования документов была проведена в сорока четырёх архивных фондах полностью или хотя бы частично связанных со строительной деятельностью, что позволило воссоздать порядок разработки и утверждения проектов в центре и в губернии. При этом следует подчеркнуть, что поскольку творческая деятельность воронежских архитекторов¹ — один из важнейших аспектов исследуемой темы, то наиболее значимую группу источников составили выполненные ими проекты и построенные на их основе здания.

В работе также использовались опубликованные источники, которые можно разделить на следующие основные группы: законодательные документы; нормативно-правовые акты и ведомственные распоряжения; справочные издания, статистические материалы и энциклопедии; периодические издания; документы органов самоуправления и прочие издания, попадающие во временные границы исследования, а также современные в которых содержится извлечённая из архивов документация.

Автором были выявлены и проанализированы законодательные акты и правительственные постановления, содержащиеся во всех трёх собраниях «Полного собрания законов Российской империи» (ПСЗРИ, 1830–1913), касающиеся вопросов строительства и регулирования архитектурно-строительной деятельности в

¹ Поскольку профессии архитектора и гражданского инженера не были строго дифференцированы по выполняемым функциям, то архитекторами мы считаем всех специалистов исследуемого периода, реализовывавших свои профессиональные знания и навыки в соответствии с занимаемой должностью, в проектной и строительной практике, включая частную.

стране в исследуемый период. Среди законодательных актов наиболее важны: связанные с проведением Екатериной II губернской реформы 1775 г.; с созданием в 1781 г. при губернских правлениях строительных экспедиций; с их преобразованием в 1832 г. в губернские строительные и дорожные комиссии и заменой в 1865 г. на строительные отделения губернских правлений; Городовые Положения 1870 и 1892 гг.; документы касающиеся непосредственно штатов или объектов строительства по Воронежской губернии.

Ещё одним ценнейшим источником информации, изучение которого дает достаточно наглядную картину совершенствования градостроительного и архитектурно-строительного законодательства, правил и приемов работы с объектами строительства, является «Свод законов Российской империи» (СЗРИ, 1832-1917). Государственная политика в области строительства отражена в нескольких разделах «Свода ...»: в Уставах казенного управления, законах гражданских и межевых, а также Уставах государственного благоустройства. В последнем разделе собрано наибольшее количество законов, регулирующих вопросы управления архитектурно-строительным комплексом. В состав Свода уставов государственного благоустройства входят: Устав строительный, Учреждения и уставы путей сообщения, Устав пожарный, Постановления о благоустройстве в городах и селениях¹.

Устав строительный являлся официальным собранием действующих законодательных актов Российской империи в области гражданской архитектуры и строительства, а также благоустройства населенных мест. Его первая редакция была опубликована в 1832 г. Появление новых нормативных актов, регулирующих градостроительную деятельность, послужило в дальнейшем основой для принятия новых редакций Строительного устава, действовавшего вплоть до 1917 г.² При этом составители старались исключить все нормы, вышедшие из употребления, существовавшие противоречия и повторы. В результате, каждая новая редакция Устава оптимально соответствовала своему времени и детально излагала

¹ Свод законов Российской империи, повелением гос. имп. Николая Павловича составленный. Т. 12. Ч. 4. Учреждения и уставы путей сообщения, устав строительный и устав пожарный. Ч. 5. Постановления о благоустройстве в городах и селениях. СПб., 1832. – 677 с. разд. пар.

² Всего было четыре редакции Устава – 1832, 1842, 1857, 1900 гг.

структуру управления архитектурно-строительными процессами в государстве, губерниях, городах и сельских поселениях, определяла правовой статус архитекторов, инженеров и техников, а также их служебные обязанности.

Свод Учреждений и уставов путей сообщения имел большое значение для организации строительства дорог, а также благоустройства уличной сети городов. В этих нормативных документах рассматривались вопросы, касающиеся отвода земли под дороги, организации финансирования их строительства, порядок взысканий за нарушение правил содержания дорог в надлежащем состоянии.

Устав пожарный суммировал опыт, накопленный государством в деле обеспечения пожарной безопасности в населенных пунктах. В отношении обеспечения пожарной безопасности вновь возводимых зданий Устав пожарный опирался на положения, изложенные в Уставе строительном.

Свод Постановлений о благоустройстве городов и селений включал в себя постановления правительства в отношении местных органов управления в этой сфере. В частности, местные органы решали находящиеся в их компетенции вопросы строительства и благоустройства, принятия мер для предотвращения пожаров и поддержания в надлежащем состоянии дорог в городах и селах различного статуса. Свод постановлений о благоустройстве городов - это своего рода развитие первого Городового положения 1785 г., поскольку почти в каждой статье Свода имеются ссылки либо на него, либо на законодательные акты, изданные в его развитие.

В работе также были использованы материалы «Собрания узаконений и распоряжений правительства» (издавалось с 1863 г.), Постановления и распоряжения МВД и Техническо-строительного комитета (ТСК) МВД, руководства и инструкции по применению на практике нормативных документов.

Для освещения вопросов, связанных с реализацией практики жилищного¹ и культового¹ строительства по образцам, были изучены альбомы проектов, изданных в последней четверти XVIII – первой половине XIX вв.

¹ Собрание фасадов, Его Императорского Величества, высочайше апробованных для частных строений в городах Российской империи. В 5 ч. Ч. 1–5. СПб., 1809-1812. – 272 л; Образцовые

Важнейшим источником информации при изучении динамики развития Воронежа и характера его застройки послужили частично опубликованные историко-статистические и военно-топографические описания Воронежской губернии². Официальный характер описаний, содержащих разнообразные статистические данные и сведения о численности и занятиях населения, predetermined сжатость представленных в них материалов и однотипность их изложения.

Тем не менее, интересные для нас сведения о городских зданиях и строительстве в Воронеже сообщаются в изданных описаниях, сделанных губернатором И.А. Потаповым (1777 г.),³ чиновником С.И. Линицким (1785 г.),⁴ Е.А. Болховитиновым (1800 г.) и преподавателем губернской гимназии М.И. Славинским (1818 г.). Также в работе были использованы опубликованные путевые заметки современников и другие материалы по истории города Воронежа и губернии.

Важные статистические сведения, характеризующие застройку Воронежа в конце 1830-х гг., содержатся в статье барона А.Ф. Штакельберга, опубликованной в «Энциклопедическом лексиконе» А. Плюшара⁵ и в изданных материалах, собранных чиновником и известным литератором П.И. Сумароковым⁶. Достаточно наглядное представление о динамике в застройке Воронежа за последнее двадца-

фасады высочайше утвержденные для обывательских в городах домов. В 12 тетр. СПб., 1840-1841. – 178 л.; Образцовые фасады, удостоенные Высочайшего одобрения. Тетр. 10. СПб. 1852. – 12 л.; Образцовые фасады деревянных домов в 3,4 и 5 окон с воротами и заборами, удостоенные Высочайшего одобрения, для постройки таковых домов в уездных городах. СПб., 1854. – 24 л.

¹ Собрание планов, фасадов и профилей для строения каменных церквей с кратким наставлением, как о самом производстве строения, так и о вычислении потребных к тому материалов. – СПб., 1824. – 60 грав. л.

² Прогулка по 12-ти губерниям с историческими и статистическими замечаниями в 1838 г. Павла Сумарокова. СПб., 1839. – С.128-136; Военно-статистическое обозрение Российской империи. Том XIII. Ч.2. Воронежская губерния. СПб., 1850. – 126 с.; Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. В 20 т. Т.4. Воронежская губерния. СПб., 1862. – 413 с.

³ Документ полностью опубликован в газете «Воронежские губернские ведомости». 1848. № 4 – 8.

⁴ Описание Воронежского наместничества 1785 года. Воронеж, 1982. – 147 с.

⁵ Энциклопедический лексикон, посвященный Е. В. Государю Императору Николаю Павловичу. т. 12. Воо – Вяз. – СПб., 1838. – С. 37– 41.

⁶ Прогулка по 12-ти губерниям с историческими и статистическими замечаниями в 1838 году. Павла Сумарокова, СПб., 1839. – С.128–136.

тилетие XIX в. дают сведения, представленные в книге воронежского статистика И.К. Воронова¹.

К источникам этой же группы можно отнести многочисленные издания справочного характера — как ведомственные, так и региональные. В связи с этим, например, огромный интерес в плане изучения персонального состава служащих Воронежской губернской строительной и дорожной комиссии, а также и строительного отделения губернского правления в разные годы их деятельности представляют справочные периодические издания, выпускавшиеся в виде памятных книжек и адрес-календарей Воронежской губернии (1856–1917). В этих же источниках содержится информация о количестве храмов и монастырей, жилых домов, фабрик, заводов и других зданий и сооружений в губернии и губернском центре с указанием материала из которых они сооружены, что позволяет оценить их капитальность и объёмы строительства по годам. Здесь также имеются сведения о воронежских архитекторах, занимавшихся частной проектной практикой.

Важным источником для получения дополнительной информации о творческой деятельности и продвижении по службе воронежских архитекторов бывших воспитанников института гражданских инженеров является алфавитный справочник, составленный Г.В. Барановским к пятидесятилетию института².

Пробелы в архивных фондах о строительстве казённых и общественных зданий частично восполняют материалы газет «Воронежские губернские ведомости» (с 1838 г.), «Воронежский телеграф» (с 1869 г.), «Дон» (1868 г.), а историю храмового строительства в губернии помогают воссоздать публикации в газете «Воронежские епархиальные ведомости» (с 1866 г.). Для уточнения отдельных вопросов, связанных с застройкой Воронежа привлекалась информация из столичного журнала «Зодчий» (1872 -1918 гг.), где в частности была опубликована статья Г.К. Лукомского посвящённая старинной воронежской архитектуре,³ текст

¹ Воронов И.К. Город Воронеж. Население и недвижимые имущества. Материалы для оценки городских недвижимых имуществ. Воронеж, 1903. – 226 с.

² Юбилейный сборник сведений о деятельности бывших воспитанников института гражданских инженеров (Строительного Училища). 1842 – 1892. /сост. Г.В Барановский . СПб., 1893. – 428 с.

³ Лукомский Г. О некоторых старинных постройках в Воронеже. Зодчий. 1914. № 41, – С. 457 – 462.

которой несколько отличается от того, что был напечатан в изданной позже его книге «Воронежская старина».

В 2005 г. были изданы мемуары архитектора Н.В. Троицкого, подготовленные к печати А.Н. Акинъшиным и Г.А. Чесноковым¹. Сделанные ими пояснения помогли расшифровать для современников сотни фамилий, упоминаемых в тексте рукописи, что позволило наряду с авторскими оценками получить наглядную картину застройки Воронежа начала XX в.

Научная новизна. Диссертация является первым систематическим исследованием по истории формирования и деятельности архитектурно-строительных служб в Воронежской губернии. Работа учитывает пробелы, существующие в отечественной историографии и недочёты подобного рода исследований по другим регионам. В силу того, что автор исследования является историком архитектуры, особое внимание в деятельности этих служб было обращено на практические результаты в виде проектов и реализованных построек. Такой междисциплинарный подход, основанный на анализе богатой совокупности разносторонних сведений, позволил впервые получить достаточно полную картину архитектурно-строительных процессов, имевших место на территории губернии с последней четверти XVIII и до начала XX в. и оценить роль местных зодчих в формировании облика, прежде всего города Воронежа. В отличие от ряда других региональных работ, становление архитектурно-строительных служб в Воронежской губернии раскрывается более детально и в тоже время в тесной взаимосвязи с процессом становления общероссийского законодательства. Это дало возможность выявить общие и отличительные черты в их деятельности и оценить более объективно её итог за весь исследованный в диссертации период.

Теоретическая значимость исследования определяется ее важностью в рамках изучения региональной истории и культуры. Результаты, полученные в ходе осуществленной работы, расширяют представления о деятельности архитектурно-строительных служб Воронежской губернии и города Воронежа. Проводится связь между законодательными и нормативными актами, их применением и

¹ Троицкий Н.В. Я – коренной воронежец: воспоминания архитектора. Воронеж, 2005. – 298 с.

конкретной реализацией в установленных хронологических границах исследования на примерах реальной архитектурно-строительной практики в губернии.

Практическая значимость исследования. Основные положения исследования и его результаты могут найти применение при написании обобщающих трудов по истории Воронежского края, в учебно-методической работе воронежских вузов исторического и архитектурно-строительного профиля при создании специальных курсов, а также в работе Управления по охране объектов культурного наследия Воронежской области и в комплексных научных исследованиях, проводимых Государственной инспекцией историко-культурного наследия. Поскольку градостроительное освоение Воронежской губернии шло в контексте единых исторических процессов, имевших место на территории Европейской России, то полученные в работе обобщения и оценки могут быть полезными при изучении истории близлежащих российских регионов. Полученные автором результаты могут быть применены при составлении тематических энциклопедий и научно-справочных изданий.

Положения, выносимые на защиту:

1. Деятельность архитектурно-строительных служб губернии на всех этапах их функционирования, с одной стороны, демонстрировала последовательность в реализации установок, идущих из столицы, а с другой стороны – региональную специфику. Установлено, что в ряде случаев воронежский опыт имел приоритет по отношению к общероссийскому.

2. В диссертации доказано, что должность губернского архитектора в Воронеже фактически существовала уже с 1773 г., что является абсолютно уникальным явлением для провинции. С этого времени следует вести отсчёт начала формирования губернской архитектурной службы, а не с сентября 1779 г., когда она была впервые официально учреждена в штате Воронежского наместничества.

3. Установлено, что у столичного зодчего И.Е. Старова, который официально считается единоличным создателем первого регулярного плана Воронежа 1774 г., был полноправный соавтор – губернский архитектор Н.Н. Иевский.

Именно он возглавил подготовительный этап работы по созданию плана и на начальной стадии реализации осуществил его корректировку.

4. В исследовании доказано, что Воронеж, как и в случае с губернским архитектором, стал одним из первых провинциальных городов, где была введена должность городского архитектора. Эту должность 27 июля 1805 г. занял Т.С. Кондратьев.

5. Наличие в губернском центре достаточного количества высококлассных архитекторов, способных осуществить возведение сложных в техническом плане культовых построек по собственному оригинальному проекту, способствовало тому, что Воронежская губерния оказалась одной из последних, где должность епархиального архитектора была учреждена в 1899 г.

6. Определено, что в первой половине XIX в. происходил процесс постепенной передачи функций по рассмотрению проектов и смет из столицы в регионы, что привело к созданию в губернии встроенной в местные органы власти разветвлённой структуры архитектурно-строительной службы. В результате её интенсивной разрешительно-запретительной деятельности удалось в кратчайшие сроки изменить в соответствии с принципами классицизма и регулярности облик не только Воронежа, но и многих уездных центров.

7. В диссертации установлено, что во второй половине XIX в. снижение контроля государства над застройкой городов привело к полному отказу от использования образцовых проектов и появлению архитектурно-строительных служб в новых земских органах. Наблюдавшееся при этом расширение их кадрового состава было закономерным следствием капитализации экономики и реформ, способствовавших активизации строительных процессов в стране.

Апробация результатов исследования. Диссертация обсуждалась на кафедре истории России Воронежского государственного университета, где получила положительную оценку. С докладами по теме исследования автор выступал на научных сессиях Воронежского государственного архитектурно-строительного университета (2013) и Воронежского государственного технического университета (2017, 2018, 2019). Отдельные вопросы, вошедшие в состав диссертации, освещены

щены автором в докладах: на международных конференциях «Диверсификация российских архитектурных школ в условиях внедрения государственных образовательных стандартов третьего поколения» (Воронеж, 2010), «Реконструкция и реставрация архитектурного наследия» (СПб., 2020), на выездном заседании XV Международного Петровского конгресса (Воронеж, 2022); на научных сессиях Центрального регионального отделения Российской академии архитектуры и строительных наук (Москва, 2010; Тамбов, 2012), на IV Всероссийской научно-практической конференции студентов и магистрантов «Студенческое творчество в архитектурно-художественной культуре России» (Ростов на Дону, 2014), на 1-й Всероссийской многопрофильной научно-практической конференции молодых учёных опорных университетов (Ростов-на-Дону, 2017).

По теме диссертации были опубликовано 9 статей общим объёмом 4,5 печатных листа, из которых 4 в рецензируемых научных изданиях из списка ВАК.

Структура работы. Диссертация представлена в двух томах. Первый том состоит из введения, четырёх глав, заключения, списка сокращений и списка использованных источников и литературы. Второй том содержит блок приложений и иллюстративных материалов.

Глава 1. СТАНОВЛЕНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АРХИТЕКТУРНОЙ СЛУЖБЫ В ВОРОНЕЖСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII В.

§ 1. Организация строительства в России в XVIII в.

Архитектурно-строительное законодательство начало формироваться в нашей стране в первой четверти XVIII в. – в период бурного и всестороннего реформирования социально-экономического и политического устройства российского государства.

Немногочисленные указы Петра I начала XVIII в., касающиеся градостроительного регламентирования, прежде всего были нацелены на упорядочивание застройки Москвы. Так, в 1701 г. он издает указ, в котором, беспокоясь о пожарной безопасности древней столицы, повелевает возводить на погорелых местах дома из кирпича либо мазанки, в зависимости от достатка погорельцев¹. В том же году в Москве учреждается «Канцелярия каменных дел», на которую возлагаются обязанности по надзору за строительством в городе и распространением среди населения пожароустойчивых строительных материалов.

В 1704 г. вышел царский указ, запрещающий жителям Москвы строиться внутри дворов². Теперь новые постройки, также, как и в городах западных государств, разрешалось возводить фасадом только вдоль по линии улиц.

Другие крупные русские города в московский период правления Петра I, в том числе и Воронеж, продолжали строиться по старинке, то есть с минимальной государственной регламентацией. Благоустройство населенных мест постепенно становится одним из важнейших направлений внутренней государственной политики лишь после начала строительства Санкт-Петербурга. Таким образом, Петр I, озабоченный созданием достойного облика новой столицы, фактически стал основателем нормативной базы архитектурно-строительной деятельности. Наиболее

¹ ПСЗРИ. 1-е собр. – Т. 4. – № 1825.

² Там же. – № 1963.

тесно процесс её становления был связан со следующими реформами, проведёнными по его инициативе:

Губернская реформа 1708–1710 гг.

На первом этапе строительства имперской государственности в соответствии с царским указом «Об учреждении губерний и о расписании к ним городов» от 18 декабря 1708 г. Россия была поделена на восемь губерний, образование которых дало толчок росту городов, получивших статус губернских¹. К государству с этого времени окончательно переходят функции главного заказчика всех видов строительных работ, осуществляемых за казённый счёт.

Реформа органов центральной власти 1711 г.

Правительственный Сенат, учрежденный указом от 22 февраля 1711 г. для управления страной на время отъездов Петра I, быстро приобретает статус основного законодательного органа при верховной власти и становится проводником новых подходов в деле строительства и архитектуры. Под управлением Сената впоследствии возникают новые учреждения, решающие вопросы градостроительства.

Реформы органов государственного управления 1717–1720 гг.

Взамен устаревшей системы приказов в эти годы формируются новые центральные органы государственного отраслевого управления – коллегии, подчинившиеся Сенату. В некоторых из них создаются «ведомственные строительные отделы».

В 1718 г. указом Петра I в Санкт-Петербурге под эгидой Сената была создана Главная полицмейстерская канцелярия, регламентирующая в частности городское строительство. На полицейских возлагались обязанности по надзору за возведением построек в соответствии с планом города, благоустройством его территории, поддержанием санитарного порядка и требований противопожарной безопасности. С организацией полиции в остальных городах России в 1733 г. подобная практика распространилась на всю страну.

¹ В 1709 г. Воронеж вошёл в состав Азовской губернии и стал её центром в 1715 г. С 1725 г. губерния именовалась Воронежской.

Реформы органов городского самоуправления 1720-1721 гг.

В 1720 г. в Санкт-Петербурге учреждается Главный Магистрат, которому были подчинены избираемые во всех крупных городах городские магистраты. В принятом 16 января 1721 г. «Регламенте или Уставе Главного Магистрата», в частности, говорилось, что в зависимости от числа жителей все города делятся на пять разрядов и им, в соответствии с принадлежностью к той или иной группе, назначаются общественные и административные здания¹.

Два крупных пожара, случившиеся в Санкт-Петербурге в 1736-1737 гг. привели к созданию в 1737 г. «Комиссии о Санкт-Петербургском строении»², которая сыграла важную роль в формировании основ архитектурно-строительной деятельности в стране. Нормы, выработанные «Комиссией», в дальнейшем были использованы для строительства в других городах и введены в последствии строительный устав.

В послепетровский период значительный вклад в формирование представлений об организации архитектурно-строительных процессов в стране внёс созданный в рамках работы «Комиссии» трактат-кодекс «Должность архитектурной экспедиции»³. В тексте этого сочинения нашли отражение следующие темы: государственное руководство строительством и планировкой города на регулярной основе, деятельность архитектора и его обязанности⁴, производство строительных материалов и организация строительных работ, свод строительно-технических правил, теоретические вопросы архитектуры и подготовка архитектурных кадров. Однако этому труду было не суждено стать официальным документом, т.к. в 1742 г. «Комиссия» была упразднена.

Тем не менее, идеи «регулярности» в первой половине XVIII в. постепенно внедрялись в градостроительную практику посредством издания соответствующих

¹ ПСЗРИ. 1-е собр. – Т. 6. – № 3708.

² Там же. – Т. 10. – № 7323.

³ Аркин Д.Е. Должность архитектурной экспедиции. Трактат-кодекс 1737-1740 годов // Архитектурный архив. 1946. Вып.1. – С. 7 – 100.

⁴ Слово «архитектор» стало внедряться в России по отношению к тем, кто составлял проекты и руководил производством работ лишь при Петре I. Прежде строителей, занимавшихся возведением всевозможных зданий и сооружений, обозначали словами «зодчий», «палатный мастер», «муроль», «каменный и плотничный староста».

щих указов¹. Они были направлены на геометризацию планировочной структуры российских средневековых городов, упорядочивание и регламентацию их застройки по всем типам сооружений общественного и частного характера.

Вторая половина XVIII в. стала тем временем, когда расширение поля деятельности инженеров потребовало выделения их корпуса в отдельное ведомство, что и было сделано в 1757 г. Основным направлением в его деятельности являлось строительство военных объектов, однако высокий профессионализм офицеров инженерного корпуса позволял использовать их и в решении задач гражданского характера. Так, в указе «О сделании всем городам, их строению и улицам специальных планов, по каждой губернии особо» от 25 июля 1763 г. ведомствами, отвечающими за эти работы, были названы межевая канцелярия и канцелярия главной артиллерии и фортификации². Принцип взаимодействия военного и гражданского ведомств был таков: числясь в инженерном корпусе, военные инженеры получали жалование в комиссиях, производящих работы гражданского характера.

Именно создание множества комиссий является одной из характерных черт царствования Екатерины II. Главное отличие подобных административных образований от прочих – их временный характер. Срок их «жизни» определялся тем временем, которое требовалось для решения конкретной проблемы, по поводу которой созывалась комиссия, однако деятельность отдельных растягивалась на десятилетия.

Так, 11 декабря 1762 г. по указу Екатерины Сенат учредил «Комиссию для устройства городов С. Петербурга и Москвы»³. Главная причина возникновения подобного органа – проблема «неустройства» этих крупнейших городов империи и, в частности, продолжение разработки мер по снижению пожарной опасности за счёт упорядочения застройки. По существу, «Комиссия» являлась архитектурно-проектной организацией, которая в тоже время курировала внедрение каменного

¹ ПСЗРИ. 1-е собр. – Т. 11. – № 8458; Т. 12. – № 9510; Т. 13. – № 10003; Т. 14. – № 10467.

² Там же. – Т. 16. – № 11883.

³ Там же. – № 11723.

строительства, о чём свидетельствует её последующее переименование в «Комиссию о каменном строении Санкт-Петербурга и Москвы».

Ядром комиссии являлись высокопоставленные сановники, среди которых наиболее значимой фигурой был видный просветитель, сенатор И.И. Бецкой, который в то время считался экспертом в вопросах передового городского «устройства». Именно он своей деятельностью способствовал вызреванию идеи архитектурно-градостроительного «регуляторства» у императрицы и её принятию обществом, как некоей новой нормы городской жизни.

В мае 1763 г. будущий главный архитектор «Комиссии...» А.В. Квасов вместе с архитектором П.Р. Никитиным был привлечен к разработке проекта перепланировки пострадавшей от пожара Твери. Это был первый опыт по созданию «регулярного» города, с применением градостроительных принципов известных российским архитекторам еще с петровских времен, но еще не имевших применения по отношению к старым городам за пределами столиц.

Пожар в Твери стал поводом к изданию уже упомянутого нами указа «О сделании всем городам ... специальных планов ...», поскольку оказалось, что город необходимого для своего восстановления фиксационного плана не имеет. Именно с этого указа началась масштабная кампания по составлению исторически сложившихся фиксационных и новых генеральных планов российских городов на регулярной основе. В этой грандиозной работе Тверь стала «образцовым» городом для реконструкции других русских городов¹.

Учитывая объём предстоящей работы и нехватку квалифицированных инженерных кадров, Сенат в 1764 г. издаёт указ «О снятии специальных планов всех губерний с их городами»². Этот документ предлагал привлекать для выполнения работ отставных военных инженеров и фортификаторов, обладавших умением производить инструментальную съёмку местности и составлять масштабные чертежи. Так губернаторам был подсказан источник кадровых ресурсов, которым они затем охотно пользовались в ходе составления фиксационных чертежей и пере-

¹ Ожегов С.С. Типовое и повторное строительство в России в XVIII-XIX веках. М., 1984. 168 с.

² ПСЗРИ. 1-е собр. – Т. 16. – № 12196.

планировки городов. Кроме того, их знания и умения оказались весьма востребованы в связи с выходом в 1765 г. «Манифеста о генеральном размежевании земель во всей империи»¹. Результаты межевания, нередко снабжаемые от лица местных властей предложениями по реконструкции городов, отправлялись в Петербург и поступали в Сенат, который передавал их в «Комиссию о каменном строении Санкт-Петербурга и Москвы», и начиналась непосредственно проектная работа.

Для каждого города архитекторы «Комиссии...» определяли контур его границ, стремясь привести их к компактной фигуре. Принцип регулярности диктовал расчленение городской территории на кварталы прямолинейных очертаний располагавшихся в соответствии с часто повторяемыми композиционными схемами.

Архитектурную команду «Комиссии...» в 1772 г. возглавил архитектор Иван Егорович Старов. Короткий период участия в работе комиссии оказался для него достаточно насыщенным. В начале 1774 г., незадолго до отставки, И.Е. Старов принял участие в «регулировании» планов двух значительных на тот период городов – Воронежа и Пскова. Именно этот год можно считать началом массового «выхода» преобразований, начатых в сфере архитектуры и градостроительства во второй половине XVIII века, за пределы двух столиц. Так, если за период с 1763 по 1774 гг. «Комиссия...» разработала планы всего 40 городов², абсолютное большинство из которых пережили опустошительные пожары, то к 1 января 1797 г., когда она прекратила свою деятельность, число разработанных ею и законодательно утвержденных генеральных планов провинциальных городов достигло 305.

Активизации этого процесса в значительной степени способствовал манифест, озаглавленный «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи» от 7 ноября 1775 г.³ Он стал важнейшим законодательным документом, способствовавшим децентрализации власти в целом и усилению её непосредственно на местах.

¹ ПСЗРИ. 1-е собр. – Т. 17, № 12474.

² Ожегов С.С. Указ. соч. – С. 40.

³ ПСЗРИ. 1-е собр. – Т. 21, № 14392.

Реформированию губернского управления предшествовал этап тщательной оценки состояния губерний. Власти на местах должны были представить характеристики своих городов. Исходя из полученных данных, города ранжировались по их значению и количеству населения: формируется понятие городов «штатных» и «заштатных». В результате губернской реформы большая часть строительных норм, действовавших ранее на уровне губернских городов, распространила своё действие на эти новые объекты регулирования.

В этом документе давался примерный штат губернии, органами управления в которой становились губернское правление и казенная палата. «Учреждения...» также инициировали появление при казенных палатах строительных экспедиций, которым именованным указом от 24 марта 1781 г. помимо содержания дорог и мостов поручались «дела по всем казенным и публичным в городах строениям»¹. Частное строительство в губерниях было им передано лишь в 1796 г. Строительные экспедиции в основном находились в управлении ассессоров, положенных при казённых палатах.

Манифест положил начало и созданию губернских межевых частей. Они должны были быть представлены губернским землемером, а в каждом уезде уездным или поверенным землемером. Их персоналии утверждались Сенатской межевой комиссией.

Кроме того, документ давал строгую соподчиненность в системе «губерния – уезд», что нашло соответствующее отражение в структуре управления полиции, традиционно отвечающей за вопросы благоустройства и наблюдения за обывательскими строениями. В городах, где существовали гарнизоны, полицейские функции возлагались на комендантов, а в остальных городах учреждалась новая должность городничего.

После выхода манифеста, спровоцировавшего увеличение объема проектных работ, произошло изменение схемы взаимодействия проектных и согласовывающих органов. Основные работы по составлению планов постепенно перено-

¹ Там же. В документообороте второй половины XVIII в. эти термины, в соответствии с указом от 12 июня 1763 г. «О строении во всех городах каменных публичных зданий», нередко использовали как синонимы (Там же. Т.16. № 11862).

сятся на места, а сама «Комиссия...» фактически становится органом, который только руководит перепланировкой и строительством городов в масштабе всей страны. Комиссия давала экспертную оценку поступающим проектам, по возможности вносила коррективы, готовя генеральные планы к «высочайшей конфирмации».

Организационная часть работ на местах становится обязанностью губернаторов. Они же занимались налаживанием работы по согласованию планов городов в Сенате и «Комиссии...», а также с представителями горожан. Такой подход позволял улучшить конечный результат, приблизить его к реалиям конкретного города не только на уровне максимального учета особенностей рельефа местности, но и на уровне соответствия типов зданий экономическим возможностям горожан.

В зависимости от «статуса» город должен был получить соответствующий набор общественных построек. Так, например, в обязательный набор для губернских центров входили: здания губернского правления и присутственных мест, дом губернатора, собор, здания учебных заведений, больницы, комплекс почтовой станции. Эти постройки составляли первые «регулярные» архитектурные ансамбли, украсившие центры городов.

Что касается уездных городов, то в 80-х годах XVIII в. была предпринята попытка типизировать целый комплекс предназначенных для размещения в них казенных зданий. В качестве примера можно привести опыт проектирования городов Воронежского наместничества: Землянска, Нижнедевицка, Богучара, Коротояка, Боброва, Павловска, Острогожска, Калитвы. В комплекс со сторонами 50 на 50 сажень (примерно сто на сто метров), который должен был располагаться на главной площади, включались: дом городничего, гостиный двор, присутственные места, соляные и винные магазины¹. Однако до реализации эти проектные предложения не дошли из-за отсутствия нужного количества государственных средств и чрезвычайно слабой экономической базы этих городов.

¹ Лавров В.А. Типовые проекты в застройке центров русских городов второй половины XVIII века // Архитектура СССР. 1956. № 7. С. 37-38.

В последней четверти XVIII в., пожалуй, впервые были подняты вопросы организации строительства в губерниях. Прежде возведение жилых домов осуществлялось самостоятельно или наемными мастерами с минимальным учетом норм и правил, культовых сооружений – подрядчиками, по образцу уже существующих храмов. Когда возникала необходимость в проведении проектно-строительных работ в том или ином регионе, туда направлялись, как правило, столичные архитекторы. Даже в самом Воронеже после пожара 1748 г. долго не могли выполнить и прислать в Сенат чертежи на восстановление зданий, ибо здесь не было ни одного специалиста, способного выполнить эту работу.

Традиционно считается, что должность губернского архитектора возникла в соответствии с рассматриваемым нами манифестом Екатерины II. Однако в самом его тексте ничего не сказано о её включении в штат губерний¹. Из-за нехватки кадров она вводилась последующими распоряжениями в местные правления не повсеместно, а с утверждением штатов для отдельных губерний и наместничеств по мере возникающей необходимости. Этот процесс действительно активизировался после выхода манифеста.

В связи с этим весьма спорным представляется утверждение М.В. Золотаревой, что ко времени выхода манифеста более 200 архитекторов состояли в разных должностях на службе в губерниях². Утверждение Г.С. Смирнова, что общее число губернских архитекторов, занимавших положенную по штату должность, на протяжении последней четверти XVIII в. равняется примерно 100, представляется ещё менее убедительным³, поскольку это число почти в два с лишним раза превышает число административно-территориальных единиц высшего уровня существовавших в стране в этот период.

¹ Этим указом были повсеместно введены должности губернских и уездных землемеров, которые состояли в ведении губернской межевой части, входящей в состав губернского правления.

² Золотарева М.В. Регулирование архитектурно-строительного процесса в России XVIII-XX века: дисс. ... докт. архитектуры. СПб., 2010. Т. 1. С. 111. На этой же странице рукописи без ссылок на документы утверждается, что первым губернским архитектором в России был Я.А. Ананьев, назначенный в Нижний Новгород в сентябре 1779 г.

³ Смирнов К.С. Общественная архитектура второй половины XVIII века в провинциальных городах России: автореф. дисс ... канд. искусствоведения. М., 2003. С. 11.

Впервые в провинции официально должность губернского архитектора была введена 18 сентября 1772 г. Эта информация содержится в высочайше утвержденном докладе Белорусского генерал-губернатора, к которому был приложен штат губернских канцелярий для Псковской и Могилевской губерний¹. В соответствии с этим документом архитектор по должности должен был получать 400 рублей в год, а его помощник 160 рублей².

Следующий по времени акт введения должности архитектора в губернский штат состоялся 31 января 1775 г., т.е. опять до выхода манифеста. В докладе Сената «О новом разделении Иркутской губернии на провинции...» говорится о том, что губернатор просил включить в штат «для смотрения за казенным и партикулярным строениями... Архитектурии Гезеля³». Сенат просьбу поддержал и рекомендовал определить туда «с положенным по штату жалованьем настоящего Архитектора»⁴. Данное предложение получило высочайшее одобрение. Тем не менее, вакансия была заполнена реальным человеком (А.Я. Алексеев) лишь 1 февраля 1779 года с образованием Иркутского наместничества.

Традиционно считается, что первым в России губернским архитектором, фамилия которого известна, стал потомственный немецкий архитектор Фёдор Фёдорович Штенгель (1746-1830). Он был назначен на эту должность в январе 1776 года в Тверь, переживавшую после пожара период активного строительства. Однако, как показывают проведенные исследования, по сути, такая должность в Воронежской губернии фактически существовала уже с 1773 г. Её занял московский архитектор Николай Никитич Иевский (1740-1797)⁵, которому «в здешнем городе должность архитектурная препоручена была...по нужде за неимением

¹ ПСЗРИ. 1-е собр. – Т.19, № 13866; Т. 44: Книга штатов: Ч. 2. С. 147.

² Для сравнения приведём данные о жаловании других губернских служащих. Так, например, по штатам 1763 г. копиисты получали 60 рублей в год, ассессоры (майоры) – 450 рублей, коллежские ассессоры (полковники) – 750 рублей.

³ «Архитектурии гезель» – первый архитектурный чин, который присваивался при переводе из учеников в подмастерья.

⁴ ПСЗРИ. 1-е собр. – Т. 20. – № 14242.

⁵ Акинъшин А.Н. Материалы к биографическому словарю воронежских архитекторов (конец XVIII – начало XX вв.) // Из истории Воронежского края. Воронеж, 2002. Вып. 10. С. 99–100.

знающих ту науку (*архитектурную - В.Ч.*), по договору и временно»¹.

Тем не менее, благодаря стечению ряда обстоятельств именно Тверь, как мы уже отмечали, стала воплощением многих принципов архитектуры русского классицизма, а наработанные при её проектировании приемы и опыт использовали при формировании застройки в других городах. «Образцовые» проекты домов, созданных для Твери, способствовали появлению серии «фасадов примерных против прочих вновь строящихся городов каменным и деревянным домам», которые с первой половины 70-х годов XVIII в. прилагались ко всем проектам перепланировки городов, сделанным комиссией Бецкого².

Возобновление петровской практики образцового строительства в значительной степени повлияло на качество и количество возводимых построек. В этом огромная заслуга архитектора И.М. Лема, работавшего в архитектурной команде Бецкого в наиболее интенсивный период её деятельности. Именно им в 1778 г. были составлены проекты образцовых фасадов (восьми домов и лавок) с целью их использования при строительстве в городах Российской империи. Они были рассчитаны на различный социальный состав населения и отличались по этажности, величине и строительным материалам.

В условиях нехватки квалифицированных архитекторов и строителей созданная система централизованного «образцового» строительства в значительной степени решала проблему отсутствия необходимого числа специалистов на местах. Решению этой же проблемы была посвящена и книга И.М. Лема, первое издание которой вышло в 1785 г.³

Однако в отличие от петровского времени, когда выработанные государственными органами проекты рассматривались как обязательные эталоны, «образцовые» проекты второй половины XVIII в. лимитировали лишь основные раз-

¹ ГАВО. Ф. И-14. Оп. 1. Д. 37. Л. 261.

² Ожегов С.С. Указ. соч. С. 60.

³ Лем И.М. Опыт городским и сельским строениям, или Руководство к знанию, как располагать и строить всякого рода строения по неимению архитектора. 2 издан., исправ. и допол. СПб., 1802. –128 с. В этом издании И.М. Лем сделал акцент на практическую направленность книги, ставшей одним из первых детальных руководств для реального строительства самых разных зданий и сооружений в условиях отсутствия необходимых специалистов.

меры зданий и основные пропорции фасадов, оформление которых было выполнено в классическом стиле.

Закономерным продолжением осуществленных реформ становится «Устав Благочиния или Полицейский» (1782 г.)¹, определивший новую структуру и принципы построения полицейского управления. В нем, в частности, были четко сформулированы вопросы, которые полиция должна контролировать в сфере строительства и благоустройства городов. Созданные по этому уставу в губернских городах Управы благочиния возглавили полицеймейстеры или городничие. Они непосредственно подчинялись губернскому правлению.

Административно-хозяйственные и полицейские функции ведомства определялись как наблюдение за тем, «чтобы предписанное законами полезное повсюду в городе исполняемо и сохраняемо было». Только управа имела право осуществлять отвод мест под застройку в городе, предместьях и на городских землях, контролировала вопросы благоустройства и содержание путей сообщения (деревянных мостов, мощения площадей и главных улиц.), т.е. по существу выполняла на местах функцию государственного надзора за реализацией градостроительной программы правительства.

«Грамотой на права и выгоды городам Российской империи» (она вошла в историю, как первое «Городовое Положение»)², подписанной императрицей 21 апреля 1785 г. был наложен окончательный запрет на стихийное развитие застройки городов: отныне полагалось «город строить по утвержденному плану, за подписанием руки Императорского Величества». Кроме того, в ней была провозглашена передача городским думам некоторых полицейских функций, которые прежде относились к контролю за строительством в городах. Так, например, в 6-м пункте 167 статьи читаем: «Наблюдать за прочностью публичных городских зданий, стараться о построении всего потребного, о заведении площадей для стечения народа по торгу, пристаней, амбаров, магазинов и тому подобного»³.

¹ ПСЗРИ. 1-е собр. – Т. 21. – № 15379.

² Этот документ действовал до нового «Городового Положения», принятого в 1870 г.

³ ПСЗРИ. 1-е собр. – Т. 22, № 16187. С. 383.

Положения перечисленных нами законодательных актов легли в основу новой государственной политики России в области градостроительства, практическим воплощением которой явилась кампания по созданию качественно новых генеральных планов городов. Не все проекты были реализованы в полном объеме, но масштабы переустройства городов были колоссальными и демонстрировали полную победу «разумного» стиля – классицизма в русском зодчестве. Именно с ним ассоциировался идеальный образ нового города, до которого следует улучшать провинциальные города.

§ 2. Формирование и деятельность губернской архитектурно-строительной службы в последней четверти XVIII в.

В течение XVIII в. Воронеж пережил целый ряд событий, оказавших значительное влияние на формирование архитектурно-планировочной структуры города. Строительный бум начала столетия был связан с деятельностью Петра I, но многие из возведенных при нем строений сгорели в пожаре 1748 г. После пожара город словно бы отступил от берега реки обратно на плато, где застройка возобновилась с новыми силами. На расширение территории Воронежа оказали существенное влияние перенос канцелярии губернатора за городской вал, ближе к началу нынешнего проспекта Революции¹, и появление новых слобод при суконных мануфактурах.

Тем не менее, до 1770-х гг. строительство в Воронеже продолжалось по старому образцу, то есть скученно и довольно бессистемно. Кроме военных инженеров и землемеров, других специалистов, имеющих хотя бы косвенное отношение к архитектурно-строительной деятельности в Воронежской губернии, в этот период выявлено не было. Для примера перечислим исполнителей дорегулярных планов Воронежа, которые были обнаружены в архивах страны. В РО БАН хранится копия с плана, снятая в 60-е гг. XVIII в. «Воронежского гарнизона Елецкого

¹ Если судить по плану Воронежа 1768 г. (РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Д. 1), комплекс губернаторской усадьбы располагался на месте, занятом ныне корпусами ВГУИТ.

полку поручиком Михайлой Ермерковским»¹. В РГВИА находится план 1763-1764 гг. составленный инженер-поручиком Степаном Шишковым², а в РГАДА план 1771-1773 гг. «сочиненный землемером коллежским регистратором Прохором Акиндиновым»³. Датировка последних двух планов была уточнена А.Н. Акиньиным и Г.А. Чесноковым в совместной статье⁴.

Возведение жилых домов по-прежнему осуществлялось горожанами самостоятельно или наемными мастерами с минимальным учетом противопожарных мер, несмотря на то, что Воронеж в основном был деревянным. Так, если судить по плану С. Шишкова г. внутри города располагалось всего 32 каменных строения: архиерейский дом, 21 жилой дом, 10 каменных церквей.

Дома, как правило, располагались внутри усадьбы, а на улицу были обращены глухие заборы и хозяйственные постройки, что было удобно для подвоза сена или какой-либо другой сельскохозяйственной продукции. Никакого благоустройства в виде освещения, твердого покрытия, деления на проезжую и пешеходную части на улицах не было. Многие из них по-прежнему оставались узкими, кривыми и оканчивались тупиками.

Выразительность панораме города придавали храмы, располагавшиеся на наиболее активных точках рельефа. Их возведение осуществлялось подрядчиками, которые при этом ориентировались на уже существующие образцы. Аналогично поступали и при строительстве казенных зданий.

Кардинальные изменения в планировочной структуре Воронежа и его внешнем облике произошли лишь в последней четверти XVIII в. Эти преобразования непосредственно связаны с деятельностью учрежденной Екатериной II «Комиссии о каменном строении Санкт-Петербурга и Москвы» и с созданием губернской архитектурной службы в Воронеже.

¹ Акиншин А.Н., Чесноков Г.А. Историческая география Воронежа по планам города (XVIII – середина XIX в.) // Историческая география Черноземного центра России (дооктябрьский период). Воронеж, 1989. С. 119.

² РГВИА. Ф. 349. Оп. 9. Д. 2932.

³ РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. Д. 891.

⁴ Акиншин А.Н., Чесноков Г.А. Указ. соч. С. 119–120.

Однако ещё до решительного преобразования планировочной структуры города началась подготовительная работа для ее изменения. В связи с этим важно упомянуть некоторые документы, которые отражают, градостроительную ситуацию Воронежа до начала работы екатерининской «Комиссии...».

Так, например, особый интерес представляет уже упоминавшийся план города Степана Шишкова, первый из дошедших до нас инструментальных планов Воронежа. Чертеж ценен не только фиксационными данными о застройке города середины XVIII в., но и тем, что содержит первое известное нам проектное предложение по разбивке плана Воронежа на регулярной основе. Автором предполагалось спрямление большинства старых улиц в приречной части города и включение в застройку новых, геометрически правильных по форме кварталов, начерченных в пределах, ограниченных современными улицами: Плехановская – Никитинская – Комиссаржевской.

Анализ допожарного плана Воронежа, «сочиненного» П. Акиндиновым, показывает, что в нём также содержится проектное предложение по развитию города на регулярной основе на верхних отметках плато, в северо-западном направлении. План этот невелик по размерам, содержит минимум информации, однако ценность его состоит в том, что он наряду с планом Шишкова дает основание утверждать, что предложения по развитию Воронежа на регулярной основе появились до знаменитого пожара 1773 г., который явился лишь поводом, позволившим ускорить процесс обновления планировочной структуры города. Таким образом, «допожарные» попытки губернских властей по урегулированию застройки Воронежа можно охарактеризовать как предварительный этап работы по осуществлению идей, идущих из новой столицы.

Есть все основания полагать, что эту работу в послепожарный период продолжил архитектор Н.Н. Иевский. О его деятельности в Воронеже впервые сообщил воронежский краевед А.В. Кожемякин¹.

Н.Н. Иевский получил образование в архитектурной школе знаменитого

¹ Кожемякин А.В. Новые историко-краеведческие находки // Записки воронежских краеведов. Воронеж, 1983. Вып. 2. С. 120 – 124.

московского зодчего Д.В. Ухтомского. В 1759 – 1771 гг. служил в Москве, работал в «Комиссии о каменном строении Санкт-Петербурга и Москвы», в Гоф-интендантской конторе¹. Архитектор принимал участие в проектировании таких значимых объектов, как Кремлевский, Головинский и Коломенский дворцы. В 1771 г. в чине коллежского асессора он ушел в отставку с государственной службы и поселился в родовом имении в селе Грязи Липецкой округи. Однако по приглашению губернатора Н.Л. Шетнева уже в 1773 г. вновь вернулся на службу по договору для выполнения фиксационного чертежа застройки Воронежа, работа над которым заняла три месяца².

На упомянутом чертеже нет имени автора, однако исследования московского историка архитектуры А.Ф. Крашенинникова дают основание полагать, что им был именно Н.Н. Иевский³. Чертеж, составленный Иевским, сыграл решающую роль в подготовке генерального плана города, поскольку содержал предложения по перепланировке Воронежа на регулярной основе (см. иллюстративные материалы, рисунок №1). В их основу был положен принцип «трезубца» – чрезвычайно популярный планировочный прием в России XVIII в. Центральный луч прокладывался по ткани старой застройки, а крайние совпадали с направлениями существовавших радиальных улиц, выходивших к архиерейскому подворью, разместившемуся на месте старой деревянной крепости. Этим планировочным приёмом архитектором подчёркивалась значимость древнего центра города⁴. Дорога-аллея, которая шла от дома губернатора, на этом плане превратилась в городскую улицу, сформированную на всём её продолжении кварталами правильной формы.

¹ Гоф-интендантская контора ведала всеми строительно-хозяйственными вопросами императорского двора.

² Этот чертеж имеет собственное наименование – «План города Воронежа, с показанием погоревшей части, минувшего августа 10 дня 1773 года (РГИА. Ф. 1293. Оп. 168. Д. 4. – Л. 1). Выгорел почти весь старый центр – от культового комплекса Воронежской епархии, располагавшегося на месте нынешнего главного корпуса ВГУ, до земляного вала XVII в., проходившего примерно по современным улицам Станкевича, площади Ленина и Театральной. Одних только «обывательских домов» сгорело 249.

³ Крашенинников А.Ф. Проекты архитектора Кваренги для Воронежа // Воронежский краеведческий сборник: Из истории культуры края. Воронеж, 1985. С. 163, 189.

⁴ Чесноков Г.А. Воронеж. Каменная летопись. Архитектура и строительство. В 2 т. Т.1. Воронеж, 2011. С. 47.

В целом Н.Н. Иевский, так же, как и его предшественник С. Шишков, стремился упорядочить сложившуюся застройку на склоновой территории Воронежа и предложить новую планировку в нагорной части, на плато за городским валом, в системе прямоугольной сетки улиц. Фактически он, наряду с губернской администрацией, возглавил первый этап работы по созданию генерального плана, и такая деятельность губернских архитекторов, как мы уже отмечали, в дальнейшем стала характерна для их взаимодействия с «Комиссией...».

Именно план 1773 г. был препровожден губернатором Н.Л. Шетневым в правительствующий Сенат и далее поступил в «Комиссию...». Об этом говорится в докладе Сената: «губернатор ... представил к разрегулированию нового строения план всему городу, означа на оном погоревшие места»¹. Из документа следует, что предложение воронежцев было внимательно изучено. На его основе выдающимся русским зодчим эпохи классицизма Иваном Егоровичем Старовым (1745–1808) был составлен первый регулярный генеральный план Воронежа². 11 марта 1774 г. план был утверждён Екатериной II и стал законом под названием «Об отстройке города Воронежа по случаю бывшего там пожара» (см. иллюстративные материалы, рисунок №2). После «высочайшей конфирмации» этого градостроительного документа, соавтором которого в полной мере можно считать Н.Н. Иевского, завершился второй этап работы над ним.

Проведем анализ этого и последующих планов Воронежа, появившихся в последней четверти XVIII в. Именно они во многих случаях являются самыми наглядными документами, дающими представление о реальном масштабе и темпах работы проводимой архитектурной службой губернии.

Начнём с плана И.Е. Старова. В левом верхнем углу чертежа помещён большой пояснительный текст, названный «Описание плана Воронежской губернии города Воронежа». Не будем приводить его полностью, а ограничимся только той частью, которая способствует раскрытию нашей темы: «Строение полагается

¹ ПСЗРИ. 1-е собр. – Т.19, № 14134. План это хранится в РГИА (Ф. 1293. Оп. 168. Д. 4).

² ПСЗРИ. 1-е собр. – Книга чертежей и рисунков (Планы городов). СПб., 1839. С. 66. На этой странице помещена печатная копия плана Воронежа. Оригинал плана хранится в РГА ВМФ (Ф. 3. Оп. 23. Д. 2845).

в городе и в кварталах прикрытых кармином каменное, в предместии под желтую краскою деревянное, по фасадам представляемым при сем какой пропорции построить что может службы во дворах как то людские покои, сараи, конюшни и тому подобное строить деревянное и бес каменных фундаментов, а кто и в тех местах где назначивается деревянное пожелает вместо деревянного построить каменное и застроить сплошным строением, также и выше фасад строй каменное запрещения не иметь, деревянное строение в одном корпусе больше 12 сажен и выше 6 аршин не строить, и чтоб каждый корпус одним от другого не ближе пяти сажен был, кровли крыть на каменных строениях железом или черепицею, а до разведения черепичных заводов гонтом или тесом, на деревянных строениях тесом же а хворостом и соломою не допускать. Которые обыватели в тех местах, где полагается каменное строение и по фасадам застроить не в состоянии и у коих дворовые места отходить будут под улицы и площади и на старых местах строиться не могут, таким отводить другия, оставшиеся места придавать к соседним дворам, и отводить желавшим выстроек по фасадам, а где есть строения оставить до такого случая когда сами собой уничтожатся есть лиж хозяева и прежде того добровольно по плану перестроят и на другие места строения перенести пожелают не запрещать. В прочих же частях как в городе, в предместьях и за предместьями неразрегулированные места по имени больших буераков заочно разрегулировать комиссия не сможет, а применять по сему плану потребуется время разрегулировать и его в натуре по плану исполнить будет неможно малые перемены удлинить равным образом и места под дворы и строения отводить не выходя из настоящего в плане положения предоставить воронежскому губернатору».

Из приведенного текста следует, что более детальную планировку на тех участках, о которых архитекторы комиссии не имели подробной информации, следует осуществлять на месте. Такое замечание имело смысл при наличии квалифицированного специалиста, способного под контролем губернатора выполнить такую работу. Отсюда можно сделать вывод, что информация о наличии такого специалиста в Воронеже была известна в столице. И тогда понятно, что именно ему, профессионалу, был адресован приведенный фрагмент текста, опи-

сывающий характер возводимой новой застройки и порядок претворения в жизнь генерального плана. Следует заметить, что этой же точки зрения придерживался и В.А. Митин¹.

Опора на материалы, подготовленные Н.Н. Иевским, позволила И.Е. Старову выполнить окончательный проектный план, максимально учитывающий исторически сложившуюся планировку, сохранившуюся каменную застройку и конкретные условия рельефа. Все это в совокупности и предопределило высокую жизнеспособность этого градостроительного документа.

Для сравнения приведем опыт ближайшего к нам губернского города Курска, план которого был утвержден в 1782 г. Основным недостатком проекта было то, что в нём совершенно не был учтён сложный рельеф местности². Структура плана, правильная и упорядоченная на бумаге, требовала значительной доработки, поскольку не было выполнено предварительной работы, подобной той, что была проведена в Воронеже.

По новому плану Воронеж был разбит на 236 кварталов. В нём И.Е. Старов закрепил предложенную Н.Н. Иевским укрупненную, геометрически правильную сетку улиц, которые были проложены в основном в соответствии с прежними направлениями. На самом чертеже это показано достаточно наглядно, так как дорегулярная планировка на нём изображена пунктиром. При этом в проектом предложении были учтены все существовавшие на тот период храмы, а новая планировочная сетка была устроена таким образом, чтобы каменные здания, сохранившиеся после пожара, оказались не на улице, а внутри кварталов и не подлежали бы сносу.

В качестве примера можно привести первый трехэтажный жилой дом Воронежа, принадлежавший фабриканту С.А. Савостьянову (ул. Плехановская,3), за которым в краеведческой литературе закрепилось название «Магистрат». На плане 1773 г. видно, что изначально это здание было обращено главным фасадом к упраздненной впоследствии улице. На красную линию застройки новой Боль-

¹ Митин В.А. Указ. соч. С. 86.

² Михайленко Т.Г. История планировки и застройки Курска (конец XVIII – начало XIX веков). Автореф. дис... канд. ист. наук. – Курск, 2010. С. 17.

шой Московской улицы, закрепленной регулярным планом, дом С.А. Савостьянова вышел уже не главным, а торцевым фасадом.

Тем не менее, разбивка территории города сеткой улиц на кварталы правильной формы была произведена так, что целый ряд новых улиц проходил через существующие жилые образования, а прежние проходы и проезды оказывались внутри запланированных кварталов. Иногда запроектированная улица и вовсе лишала горожанина его усадьбы, а многие существующие дома при этом попадали под снос. Все это в перспективе влекло за собой перераспределение усадебных участков по всему городу, что вызывало споры при выделении новых участков и недовольство многих жителей.

По чертежу И.Е. Старова планировочная структура Воронежа состояла из трёх частей: новой территории (западная часть нагорного плато), реконструируемой части (в пределах старого земляного вала) и сохранявшейся нерегулярной застройки приречных склонов. По новому проекту город получил значительное развитие к западу от реки и приобретал определенные новым валом четкие границы, за пределы которых предполагалось вывести мясные и рыбные торговые ряды, салотопенные и кожевенные заводы, скотобойни. Этот последний в истории Воронежа земляной вал со рвом просуществовал лишь до конца XVIII в., поскольку необходимости в подобном земляном укреплении уже давно не было. Он проходил вдоль нынешней улицы Кольцовской и изначально служил для ограничения предместий.

Сохранив в целом трёхлучевую схему планировки старого центра, И.Е. Старов усилил композиционное значение центрального луча, переходившего в дорогу на Москву. Этой улице, названной Новая Московская (позже Большая Московская, ныне Плехановская), отводилась роль главной торговой артерии с гостиним двором и основными базарными площадями.

Основная, самая большая площадь, получившая название Щепные ряды – занимала квартал между современными улицами Пушкинская и Ф. Энгельса. Напротив нее, на левой стороне Новой Московской там, где нынешний Центральный рынок, разместилась Хлебная, к ней примыкала Староконная (пл. Ленина).

Левый луч (ул. Большая Девицкая, ныне Платонова – 9 Января) – соответствовал предложениям воронежцев. Он стал по генплану более протяженным, чем до 1773 г., и вел от площади перед архиерейским двором до современной улицы Кольцовской.

Правый луч (ул. Мещанская, ныне Володарского) также был оставлен И.Е. Старовым в основном в предложенном ему виде. Доходя до границ старого городского вала, он резко изменял направление и переходил в Большую Дворянскую улицу (ныне проспект Революции), идущую параллельно бровке обрыва правого берега к губернаторской резиденции, удаленной на расстояние 1,5 – 2 км к северо-западу от старого центра. Создание на этой улице в 1780-1790-е гг. нового полноценного административного центра следует целиком поставить в заслугу губернской архитектурной службе, поскольку планом Старова такая перспектива предусмотрена не была.

Несмотря на имеющееся проектное предложение Н.Н. Иевского, «Комиссия», тем не менее, допустила серьезную ошибку, поместив новую административную площадь к юго-востоку от нынешней Театральной улицы, близ современной Советской площади. «Казенное строение и губернаторский дом» таким образом, попадали на бровку между холмом и оврагом в районе современной улицы Орджоникидзе. Этот факт был впервые отмечен П.А. Поповым при описании истории воронежских улиц и площадей¹. Отметим, что исправлять ошибку впоследствии пришлось губернской архитектурной службе².

Крупной композиционной осью Воронежа являлись также переходящие друг в друга улицы Старо-Московская и Большая Садовая (ныне они образуют ул. К. Маркса). Всем перечисленным выше улицам архитектором отводилась роль главных городских магистралей, что нашло отражение в их ширине (за старым земляным валом 10 сажень – 21 м) и предложениях по застройке. Между ними

¹ Попов П.А. Воронеж. История города в названиях улиц. Воронеж, 2003. С. 327.

² Поскольку «в некоторых городах... учиненные для строений планы не сходятся с местным положением оных» именованным указом от 17 января 1783 г. было разрешено, исходя из удобства и местоположения, отходить от плана (ПСЗРИ. 1-е собр. – Т. 21, № 15641. С. 799).

на плане были намечены поперечные улицы, ширина которых составляла всего 6 саженей (13 м).

На чертеже выделялись кварталы, предназначенные под каменные и деревянные «казенные, публичные и обывательские и прочие строения». Их возведение должно было вестись по прилагаемым «образцовым» проектам, о чем сообщается в поясняющем чертеж тексте. Информация о том, что город должен был застраиваться с использованием рекомендованных проектов содержится и в уже упоминавшемся нами докладе Сената «Об отстройке города Воронежа, по случаю бывшего там пожара». В этом документе говорится: «комиссия, исполняя сенатским указом ей предписанное, представила разрегулированный вновь план с описанием и с фасадами каменных и деревянных домов на рассмотрение сенату»¹. Такие проекты, как показывают исследования С.С. Ожегова, с первой половины 70-х гг. XVIII в. прикладывались ко всем проектам перепланировки городов, выполненных «Комиссией»². Однако до сих пор историкам не удалось обнаружить в архивах чертежи этих первых «образцовых» проектов, предназначенных для Воронежа.

Расселение по территории города должно было осуществляться строго по имущественному признаку – центр выделялся для заселения дворянством и купечеством, окраины – для малоимущих и неимущих жителей. В центре и примыкавших к нему кварталах города разрешалось строить только каменные двухэтажные (и в виде исключения – одноэтажные) дома. Центр, застроенный каменными зданиями, должен был придать городу новый, «парадный» облик, соответствовавший величию империи. Всем этим указаниям необходимо было неукоснительно следовать. Для хозяев дворов, «которые ныне, по бедности их, хороших домов и регулярного строения выстроить не могут», отводилось место за Ямскою слободою, за первой городской кольцевой улицей (ул. Лесных дворов, ныне Кольцовская), проложенной вдоль нового городского вала. Кварталы должны бы-

¹ ПСЗРИ. 1-е собр. – Т. 19, № 14134.

² Ожегов С.С. Указ. соч. М., 1984. С. 60.

ли застраиваться по периметру, а внутриквартальные пространства отводились под хозяйственные постройки и огороды.

План Воронежа 1774 г. интересен для нас не только тем, что это первый регулярный генеральный план, определивший пути и средства реализации государственной политики в области гражданского строительства в крупном губернском центре. Для Воронежа очень важно то, что намеченная проектом планировка города была реализована почти полностью, хотя и не везде в точности. Для этого уже существовала тщательно разработанная законодательная база и на начальном этапе его реализации имелся редкий для провинции специалист.

С конфирмацией закончился второй этап проектной работы над планом Воронежа и начался третий – его корректировка на месте губернской службой. Так сложилось, что именно Н.Н. Иевский, стоявший у истоков создания первого регулярного генерального плана, осуществлял и всю первую, самую трудную практическую работу по претворению его в жизнь. При этом, как нами было установлено, он не состоял на государственной службе до 1779 г. Тем не менее, поскольку он по существу исполнял обязанности губернского архитектора уже с 1773 г., именно этот год следует считать началом становления губернской архитектурной службы.

Служебные обязанности Н.Н. Иевского включали не только надзор за строительством, но и прокладку новых улиц на местности, отвод земельных участков под застройку в губернском городе, выдачу разрешений на возведение и перестройку частных домов, проектирование казенных и общественных зданий, а также контроль за соблюдением установленных строительных правил. Он расширял и спрямлял старые улицы, воевал с погорельцами, которые успели построить жильё до утверждения нового плана. Кроме того, функциональные обязанности архитектора включали ответы на жалобы, связанные с перераспределением или выделением в послепожарном городе «жилых крепостных мест»¹.

По своей должности губернский архитектор последовательно боролся с теми, кто не хотел считаться с утвержденным планом. Приведем пример: в 1780 г.

¹ ГАВО. Ф. И-14. Оп. 1. Д. 34. Л. 89. Д. 23. Л. 201 об.

он, давая разрешение крупному чиновнику А.А. Репьеву на постройку дома на Б. Девицкой улице в приходе Введенской церкви, предупреждал его «если ж што в противность опробированного плана зделано будет, быть имеет разломано»¹.

Помимо уже перечисленных обязанностей Н.Н. Иевский, как свидетельствуют многочисленные архивные документы, составлял сметы на казённые объекты, выполнял работу близкую функциям подрядчика (отвечал за доставку в нужном количестве строительных материалов, необходимого числа рабочих, контролировал расходы) и нёс материальную ответственность за использование выделенных средств. Здесь следует заметить, что строительство казенных сооружений² в те годы велось исключительно подрядным способом³.

Главная роль в осуществлении общего надзора за строительством казенных зданий на местах принадлежала губернаторам, а губернский архитектор на всех этапах их возведения должен был контролировать соответствие производимых подрядчиком работ проекту и смете.

Результаты столь многообразной деятельности губернского архитектора наглядно прослеживаются и при анализе последующих планов Воронежа. Первым в их ряду стоит план, архивная датировка которого обозначена как 1777 г.⁴ Он составлен землемером Прохором Акиндиновым. По плану видно, что город уже получил развитие на регулярной основе в северо-западном направлении на верхних отметках плато. Своего рода пояснением к чертежу может служить фрагмент из

¹ Там же. Д. 8. Л. 201, 202.

² Казенные сооружения – здания, которые строились на государственные средства и служили государственным интересам (присутственные места, дома наместников, почтовые дома, тюрьмы, винные «магазинны», склады и т.д.).

³ Поясним, как это происходило. На основании торгов выбирался подрядчик, запрашивавший наименьшую цену за строительство. О последней цене необходимо было уведомить Сенат, поскольку именно он давал распоряжение о проведении торгов и осуществлял контроль за правильным составлением смет, определявших стартовую цену подряда. Для иллюстрации приведем переписку между Воронежским наместническим правлением и Сенатом по поводу строительства винного магазина в Воронеже. В ней, в частности, говорится о «неисправности сметы, сделанной «здешним архитектором Иевским» и дается предписание «ему указом оную исправить со всею аккуратностью» (ГАВО, Ф. И-14. Оп. 1. Д. 37. Л. 183 об.). После одобрения цены Сенатом казенная палата с подрядчиком заключала договор на реализацию проекта, в соответствии с которым он должен был выстроить здание или какое-либо сооружение своими силами, из своих материалов и за счет своих средств. Казна выплачивала оговоренную подрядом сумму после завершения строительства.

⁴ РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. Д. 891.

описания Воронежской губернии, представленного в том же году в Сенат за подписью губернатора И.А. Потапова. В нем про Воронеж говорится: «Сейчас город ... строениями ныне приводится в лучшее благоуобразие... тесные и кривые улицы в широту и прямизну разрегулировываются» и отмечается, что «к строению порядочному домов на казенном иждивении содержится архитектор. Внутри же города обветшалые строения, – вместо бывших деревянных, каменные изрядной архитектуры, а иные и немалых корпусов, в два этажа выстраиваются, что и происходит с довольным успехом»¹. Приведённая цитата убедительно демонстрирует последовательность и активность воронежских властей в реализации плана И.Е. Старова и подчеркивает важную роль в этом процессе губернского архитектора и объём выполняемой при его участии работы.

Следующий чертёж Воронежа помещен на кромке «Карты составляющемуся Воронежскому наместничеству», датированной августом 1779 г. Она была подписана её исполнителем подполковником Христофором Финстелем и наместником генерал-поручиком Е.А. Щербининым². На плане города, весьма небольшом по размеру (примерно 20x15 см), нет ни пояснений, ни названий улиц. Лишь разным цветом показаны наиболее значимые деревянные и каменные здания, расположенные преимущественно вдоль Большой Дворянской, где в частности изображён дом губернатора Потапова со службами (см. иллюстративные материалы, рисунок № 3).

Тем не менее, сравнивая чертёж Воронежа с предыдущими планами можно оценить результаты работы архитектурной службы по реальному преобразованию планировочной структуры города. На нём видно, что новая планировка на плато уже почти полностью соответствует плану 1774 г., а прибрежная часть города приведена к подобию регулярности.

Это же подтверждается запиской 1779 г. Е.А. Щербинина адресованной Екатерине II, в которой, в частности, говорится: «Город Воронеж... по опробо-

¹ Воронежские губернские ведомости. 1848, № 4. С. 25.

² РГВИА. Ф. ВУА. – Д. 18667. ГАВО. Ф. И-14. Оп. 1. Д. 4. Л. 202. Воронежское наместничество, в штате которого была сохранена должность губернатора, просуществовало до 1796 г. и территориально полностью соответствовало Воронежской губернии.

ванному е. и. в. плану новым каменным и деревянным строением умножаетца. ... А сверх того находится в нём немалое число суконных фабрик и многое каменное и деревянное строение»¹. К строительству деревянного обложенного кирпичом двухэтажного дома для самого наместника приступили в 1780 г. Автор проекта Н.Н. Иевский расположил его на Большой Дворянской (на месте нынешнего углового корпуса ВГУИТ), что также способствовало формированию на ней нового административного центра города.

Карта Воронежского наместничества, кроме всего прочего, в нижней её части содержит три фасада «образцовых» жилых домов для Воронежа: одноэтажный в деревянном исполнении, имитирующем каменное строительство, двухэтажный и трехэтажный в каменном. Их предписывалось применять при застройке города.

Однако строительство в Воронеже в последней четверти XVIII в. не превратилось в механическое повторение образцов. В проектах, разработанных правительственной «Комиссией от строений...», с учетом материальных возможностей застройщика и его пожеланий, специальными оговорками допускалась определенная свобода размещения деталей архитектурного декора на фасадах и внутренней планировки. Этими оговорками в полной мере воспользовалась губернская архитектурная служба Воронежа.

Карта Воронежского наместничества интересна для нас ещё и «приложением планов старым и вновь учреждавшимся городов», т.е. на ней помещены дорегулярные планы всех 14 уездных городов, включенных в его состав (среди них целый ряд новых: Бобров, Задонск, Нижнедевицк, Богучар и др.).

26 сентября 1779 г. царским указом был утверждён штат Воронежской губернии. В соответствии с ним в состав губернского правления наконец-то была официально введена должность губернского архитектора². С этого времени к зоне ответственности Н.Н. Иевского, теперь уже как государственного служащего, помимо губернского центра, стала относиться территория в 50 тысяч квадратных

¹ Города Воронежского наместничества. Записка Е. Щербинина Екатерине II. 1779 г. // Воронежский край в XVIII веке. Документы и материалы по истории края. Воронеж, 1980. С. 157.

² ПСЗРИ. 1-е собр. – Т. 20, № 14923.

верст. На ней под его присмотром строились дороги и мосты, а в уездных городах – присутственные места, соляные магазины, денежные кладовые и остроги.

Здесь представляется уместным привести содержащиеся в этом документе сведения об окладах чиновников Воронежской губернии, причастных к решению архитектурно-градостроительных проблем. В соответствии с общими утвержденными штатами уездных и губернских присутственных мест по первому разряду уездный землемер должен был получать 300, губернский землемер – 400, губернский архитектор – 300 рублей в год¹. Тот факт, что денежное содержание архитектора меньше губернского землемера, вполне объяснимо для периода, когда государство проводило массовое освоение новых земель, стремясь в кратчайшие сроки обеспечить их необходимыми картографическими и градостроительными документами.

Воронеж, став центром наместничества, получил дополнительный импульс к развитию и по инициативе Е.А. Щербинина стал «приводиться в большее благообразие». В качестве иллюстрации приведем пример, связанный с устройством штаб-лекарем Мейнике «аптекарского огорода» на Большой Дворянской улице. По предложению наместника было приказано Н.Н. Иевскому «отыскать способное место» для его размещения, но при этом было рекомендовано рассмотреть участок «позади ево фон Мейника, строящегося дому и в самом квартале оставлено под строение под два дома, потому более, что оное и способно к надзиранию и закрыто будет строением, чрез что внутренность огорода никакого городу безобразия составлять не будет»². Последние слова данной цитаты весьма красноречиво свидетельствуют о стремлении придать Воронежу как можно более репрезентативный вид, соответствующий статусу «первенствующего» города наместничества.

Е.А. Болховитинов отмечал, что с открытием Воронежского наместничества, Воронеж получил «лучший вид и знатность ... по несравненно умножившимся от граждан строениям больших каменных и деревянных домов новейшей

¹ Там же. Т. 44: Книга штатов. Часть 2: Штаты по гражданской части. С.254-257.

² ГАВО. Ф. И-14. Оп. 1. Д. 4. Л. 303, 303 об.

архитектуры. К чести Воронежского купечества надо сказать, что оно ... старается украшать город многими хорошего вкуса зданиями»¹. При этом большинство наилучших зданий было сосредоточено «на Дворянской перспективе», т.е. на Большой Дворянской. К сказанному следует добавить, что с приобретением нового административного статуса Воронежем повышались и требования к застройщикам, а это в свою очередь закономерно приводило к удорожанию строительства.

При этом, заботясь о благообразии города, Е.А. Щербинин, тем не менее, вынужден был принять решение о том, чтобы мощение улиц «оставить до будущего, дабы помехой каменному строительству не служило»². Справедливости ради следует отметить, что работы по мощению улиц в Воронеже начались ещё до открытия наместничества, т.е. при губернаторе И.А. Потапове.

Стремясь в кратчайшие сроки привести город в соответствие с генеральным планом, И.А. Потапов подписывает планы и «билеты» на строительство обывательских домов или же издает указы, на основании которых выдавались эти документы на дворовое место губернским архитектором³.

А.Н. Акиньшиным по документам, содержащимся в «Приговорах Воронежского наместнического правления, по рапортам воронежского комендантского правления о выдаче планов и билетов на перестройку старых домов и построек»⁴ и в «Рапортах и прошениях о перестройке собственных домов в Стрелецкой слободе»⁵ подсчитано, что в 1780 г. только за полгода «правлящим в городе Воронеже архитектурскую должность коллежским ассессором Иевским» было выдано жите-

¹ Болховитинов Е.А. Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии [вступительная статья и примечания А.Н. Акиньшина]. Воронеж, 2011. С. 45.

² ГАВО. Ф. И-14. Оп. 1. Д. 37. Л. 257, 258.

³ Сошлемся на прошение от 5 ноября 1780 г. воронежского купца Максима Гарденина дать ему «владенную выпись», который ссылается на то, что «прошлого де 1778 года декабря 22 дня по указу...Потапова дан ему план и билет за подписанием Иевского на его крепостное место» (ГАВО. Ф.И-14. Оп. 1. Д. 8. Л. 289). В качестве примера приведем фрагмент документа, датированного 1780 г., в котором говорится: «Дан от здешнего архитектора коллежского ассессора Иевского билет за подписанием Потапова на отведенное место» (ГАВО. Ф. И-14. Оп. 1. Д. 8. Л. 118).

⁴ ГАВО. Ф. И-14. Оп. 1, Д. 12. 126 л. Здесь содержатся не только билеты, выданные на жилые дома, но и на торговые лавки и трактиры.

⁵ ГАВО. Ф. И-14. Оп. 1. Д. 16. Л. 1–196. Д. 292. Л. 1–167.

лям 75 «планов и билетов»¹. Проведенный нами анализ текстов этих документов показывает с одной стороны интенсивность работы архитектора², а с другой стороны свидетельствует о том, что строительство домов в подавляющем большинстве предполагалось из дерева (для прочности на каменном фундаменте) и в один этаж. Лишь 5 домов из указанного количества должны были строиться из кирпича.

В целом за время работы в должности, судя по сохранившимся в ГАВО «билетам», Н.Н. Иевский выдал нескольких сотен таких документов. Их изучение показало, что перепланировкой были охвачены не только основные нагорные улицы, но и периферийные приречные (Алексеевская – ныне Пролетарская ул., Беломестная – теперь ул. Помяловского и др.)³. Участки под домовладения отводились не только на перекрестках, что было необходимо для быстрой фиксации границ кварталов, но и на всем протяжении улиц.

Для того, чтобы в полной мере представить характер и оценить степень детализации излагаемой в этих документах информации, приведем для примера полностью текст двух таких билетов. 25 октября 1780 г. билет дан «мещанину ... Кольцову, у которого в городе Воронеже в Вознесенском приходе дом разбивается по регулированию к соседним дворам, а вместо того отведено новое, состоящее за городовым валом, идучи от оною валу на Большой Девицкой улице⁴ (ныне ул. 9 Января, старый городской вал пересекал её в районе современной пл. Ленина – В.Ч.) на левой стороне четвертое угольное место для деревянного строения на каменном фундаменте. Длинною того места 26 ½ сажени с правой стороны от порозжего места, слева по означенной Девицкой улице 16 сажень, шириною впереди по Публичной улице 17 сажень, сзади от купца И. В. Ростовцева 15 сажень»⁵.

¹ Акиншин А.Н. Социально-экономическое и политическое развитие города Воронежа периода позднего феодализма; дис... канд. ист. наук. Воронеж, 1987. С. 159.

² Нами было посчитано, что только с 20 августа до 6 октября 1780 г. архитектором было выдано 29 билетов на постройку и перестройку домов.

³ ГАВО. Ф. И-14. Оп. 1. Д. 26. Л. 22, 53, 58, 63, 97.

⁴ Сохранившиеся «билеты» свидетельствуют о том, что «за городовым валом», вдоль улиц Большой Девицкой и новой Большой Московской активно отводились усадебные места для состоятельных воронежцев (ГАВО. Ф.И-14. Оп. 1. Д. 12. Л. 23, 36, 68, 92).

⁵ Там же. Д. 15. Л. 75.

В этом же месяце был дан билет «воронежскому купцу Минаю Петрову сыну Герасимову вместо отошедшего его крепостного места в разные соседние двory отведено новое пустолежащее место состоящее в приходе церкви Покрова Пресвятой Богородицы идучи от оной церкви по Вяхиревской улице (*ныне ул. Бехтерева – В.Ч.*) на правой стороне во втором квартале близ мясного ряду (*располагались на Мясной площади, ставшей ныне Советской – В.Ч.*) первое угловое место для каменного строения з деревянными службами длиною того места с правой стороны по Покровской улице (*ныне ул. Орджоникидзе – В.Ч.*) 42 сажени с левой от мясного ряду тридцать две сажени, шириной по Вяхиревской улице 30 сажень взади от вновь назначенного рыбного ряду 45 сажень. Строение производить по фасаду и особливо данному фасаду неспуская»¹.

По этим билетам, как, впрочем, и по другим, ориентируясь на старинные названия улиц и разновременные планы Воронежа, можно достаточно точно установить расположение этих новостроек в планировочной структуре современного города. В билетах большое внимание уделялось привязке участков, отводимых под домовладения, по отношению к существующим строениям, которые выполняли таким образом роль своеобразных реперных точек. Это было чрезвычайно важно при решении всевозможных спорных вопросов, поскольку нумерации домов не было. Анализ билетов свидетельствует и о том, что в них лейтмотивом проходит требование строить по выданному плану и фасаду, а размеры выделяемых земельных участков значительно отличались друг от друга.

По данным историка архитектуры Л.В. Тьдмана, за каждым домом в период регулярного строительства должен был располагаться участок площадью не менее 800 кв. м.², что вполне подтверждается воронежской практикой. Однако в зависимости от принадлежности хозяина к тому или иному сословию и его материального положения размер участка мог варьироваться, по нашим подсчетам, от

¹ Там же. Д. 16. Л. 72.

² Тьдман Л.В. Изба, дом, дворец: Жилой интерьер России с 1700 по 1840-е годы. М., 2000. С. 65.

указанных восьми до семидесяти соток¹. Например, усадьба губернатора И.А. Потапова, если судить по плану 1779 г., вообще имела площадь более 3 гектаров. Заметим при этом, что рельеф местности также влиял на размер получаемой усадьбы, поскольку на «неудобьях» отводимые участки значительно увеличивались в размерах с целью компенсации недостатка в ровной территории.

Вопрос о неравномерности участков в городе и возникающих в связи с этим проблемах нашел отражение в статье краеведа А. Шишкина. В ней он привел фрагмент обращения магистрата к генерал-губернатору В.А. Черткову (вероятно, 1788 г.), в котором выражалось беспокойство по поводу возможного недостатка в ближайшей перспективе свободных мест под застройку. В нём, в частности, говорилось: «Особливо же дворянам обширные места, наипаче одному владельцу – по 3 и по 4 места не давать, ибо не безызвестно, что многие из дворян, отнюдь не имеющие нужды в излишнем пространстве дворовых мест, занимают сажень на 200-и, заняв таковые пространные места, и не только не производят на них порядочного хоромного строения, но даже огорожи, продают другим, крайнюю нужду в местах имеющим за весьма неумеренную плату, что и служит для других прибыточную торговлей»².

На фоне типичной информации о месте и размерах участка выделяются «билеты», в которых помимо этих обязательных сведений, даны конкретные пояснения, касающиеся непосредственного возводимого дома и рекомендации по противопожарным мерам безопасности. В качестве примера приведём фрагмент билета, выданного купцу М.М. Абрамову «на новоотведенное место»: «Строение производить по данному плану и фасаду³, не упуская регулы⁴, а именно фундамент от земли до окон три четверти аршина, от окон до окошечного свету аршин с

¹ Детальное представление о размерах усадебных участков в Воронеже дает «Книга приходная поземельного сбора на 1817 год», где указаны площади, занимаемые каждым домом и двором (ГАВО. Ф. И-61. Оп. 1. Д. 20. 96 л.).

² Шишкин А. Из забытого прошлого // Дон. 1897. 21 дек.

³ Основными проектными чертежами при рядовой застройке были фасады и планы владений. К сожалению, ни в одном из сохранившихся в ГАВО билетов нет чертежей, которыми должен был руководствоваться застройщик. В РГИА сохранились лишь фиксационные чертежи тех объектов недвижимости, которые являлись предметом сделки между частным лицом и государством.

⁴ Регулы – норма, правило (от лат. regula).

четвертью, окна шириной в свету аршин с четвертью, окна шириной в свету аршин, вышиною в свету же аршин с четвертью, кровлю крыть в третью часть по лубу, а по березовой сколе отнюдь не употреблять¹, епанчей², а не шатром³; в кровле сделать слуховые окна по фасаде, печи делать на каменных фундаментах на полу, а на деревянных опечках запрещается⁴, трубы в потолке разделку делать в полтора кирпича, сверх кровли трубу вывести в полтора аршина»⁵.

В билете, выданном нотариусу И.А. Долгополову на его крепостное место, перечисляются примерно те же требования к возводимому дому, но для нас он интересен, прежде всего, заключением. В нём, помимо указания «строение произвести по данному при сем плану и фасаду» и угрозы в противном случае все сломать, сказано, что новое строительство после такого наказания можно будет начать только через год. Здесь же читаем: «Наружные стены особливо с улицы опшить непременно тесом и убрать столярною работою, фасад покрасить краскою как кровлю так болясы (*точеные столбики перил – В.Ч.*) и стены из масла неотменно»⁶. Итак, с одной стороны прописаны меры воздействия на нерадивого застройщика, а с другой – требования, относящиеся к художественному убранству уличного фасада дома.

Поскольку тексты билетов во многом одинаковы по содержанию, то можно согласиться с утверждением историка архитектуры В.А. Митина, который считал, что данное обстоятельство является весомым доказательством массового применения «образцовых» проектов при строительстве в Воронеже новых жилых домов⁷. Добавим к этому, что к каждому билету необходимо было вычертить фасад дома и план владения, отвести земельный участок на местности, что без использования «образцовых» проектов, учитывая объем послепожарного строительства,

¹ Здесь имеется в виду, чтобы при сооружении деревянной кровли использовали в качестве подстилающего слоя более волокнистую кору липы (луб), а не кору березы, которую из-за жесткости называли сколом.

² Крутая четырехскатная кровля с горизонтальным ребром наверху.

³ Четырехскатное покрытие, состоящее из треугольных скатов, соединяющихся в центре.

⁴ Ставить печи на деревянном срубе, что было распространено у крестьян, в городе запрещалось.

⁵ ГАВО. Ф. И-14. Оп. 1. Д. 15. Л. 28, 29.

⁶ Там же. Д. 12. Л. 7.

⁷ Митин В.А. Указ. соч. С.47.

при индивидуальном проектировании и дефиците профессиональных кадров сделать было практически невозможно.

Сохранившиеся графические материалы позволяют получить представление о мастерстве архитектора Н.Н. Иевского¹. На его долю приходится проектирование во второй половине 1770-х – начале 1780-х гг. целого ряда значимых казенных и публичных зданий Воронежа. Подчеркнем, что их проектирование (при полном отсутствии других архитекторов в городе) было одной из важнейших обязанностей губернского архитектора.

До наших дней в Воронеже сохранилось очень примечательное здание – дом воронежского губернатора генерал-поручика И.А. Потапова (ныне областной художественный музей им. И.Н. Крамского, пр. Революции, 18). Это трехэтажное барочной архитектуры дворцового типа здание, в котором совмещались административные и жилые функции, было построено в 1777-1779 гг. на Большой Дворянской улице, как уже отмечалось, одним из первых.

Стилевые особенности архитектуры этого здания и тесные отношения губернатора с Н.Н. Иевским дают основание с большой вероятностью считать губернского архитектора автором этой постройки². Косвенным свидетельством этого является тот факт, что при строительстве этого здания он по существу выполнял не только надзорные функции, но и подрядчика³.

Дом располагался в центре обширной усадьбы, обнесенной со всех сторон каменной оградой (см. иллюстративные материалы, рисунок № 4). Перед главным фасадом, в соответствии с архитектурной модой того времени был устроен парадный двор-курдонер, окруженный одноэтажными каменными службами. Во двор со стороны улицы вели ворота, а за домом был устроен большой выполненный «регулярным способом» сад.

При непосредственном участии губернского архитектора были построены: каменный магазин для соли и солдатская школа (1776); "большая линия" 255-ти каменных "симметричных лавок" на новой торговой площади (1779); дом апте-

¹ РГАДА. Графические материалы № 798, 799, 811, 869, 1017 – 1019.

² Акиншин А.Н. «Воронежский дворец» // Подъем. 1984. №1. С. 117-120.

³ ГАВО. Ф. И-14. Оп. 1. Д. 8. Л. 46, 225.

каря Зегера, сооруженный по "образцовому" проекту (1779), выкупленный позже в казну и ставший первым городским почтамтом; больница Приказа общественного призрения (1780) и уже упоминавшийся дом губернатора. В 1777-1778 гг. для городов Воронежской губернии Н.Н. Иевским были разработаны типовые проекты уездных присутственных мест, по которым впоследствии велось строительство¹. Такая практика создания уездных присутственных мест по образцовым проектам, применявшихся в пределах одного наместничества, в те годы был весьма распространена².

Заслуги архитектора на посту губернского архитектора получили достойную оценку современников. Наместник Е.А. Щербинин в доношении, отправленном в Сенат 17 февраля 1781 г. писал: «По представлении ко мне из наместнического правления по сообщению оного наместничества из уголовной палаты, какова приложена челобитная о награждении той палаты асессора коллежского асессора Николая Иевского с засвидетельствованием особо от... господина Потапова, что Иевский, как в рассуждении долговременной в оном чину бытности, так и за употребленные труды в разрегулировании по плану в городе Воронеже строения, где он исправлял должность архитектора с достойным похвалы рачением награждения заслуживает оного. Прошу Сенат в уважение его трудов произвести в чин надворного советника»³.

В то же время переписка, сохранившаяся в документах губернского правления, свидетельствует о взыскании «с советника палаты уголовного суда Иевского за слабое им по бытности архитектором смотрение при построении в Воронеже соляного магазина» суммы, «потребной на починку того магазейна»⁴. При этом заметим, что со времени строительства прошло 14 лет и почти 10 лет, как Н.Н. Иевский оставил должность губернского архитектора. Данный факт в его биогра-

¹ Акиншин А. Н. Материалы к биографическому Словарю // Из истории Воронежского края. Воронеж, 2002. Вып. 10. С. 98, 99.

² Смирнов К.С. Общественная архитектура второй половины XVIII века в провинциальных городах России: автореферат дисс... канд. искусствоведения. М., 2003. С. 14.

³ ГАВО. Ф. И-14. Оп. 1. Д. 27. Л. 120.

⁴ Там же. Д. 220. Л. 171, 174, 184 об, 192; Д. 266. Л. 125 об.

фии весьма наглядно показывает высокую степень ответственности архитектора за принятое решение.

Государственный соляной магазин по традиции того времени был построен на главной торговой площади города. Воронежский подрядчик купец 1 гильдии С.А. Севастьянов возвел его по проекту, присланному из Московской главной соляной конторы (см. иллюстративные материалы, рисунок № 5). Указом губернской канцелярии от 10 июня 1776 г. надзор за строительством магазина был возложен на губернского архитектора¹. Со временем в процессе эксплуатации по стенам магазина поползли трещины. Здание нужно было отремонтировать или строить заново, что в обоих случаях требовало серьезных финансовых затрат. Поскольку объект казенный, то между местническим правлением и Сенатом по этому поводу началась активная переписка, которая к 1789 г. образовала целое дело. «О постройке в Воронеже соляного магазина»².

Решением Сената с архитектора было предложено взыскать 1697 рублей необходимых для починки данного магазина³, однако за него вступился губернатор И.А. Потапов. Об этом факте свидетельствует прошение Н.Н. Иевского, отправленное местническим правлением в Сенат, «о неповинном с него взыскании суммы»⁴. В тексте поданного им объяснения читаем: «магазин построен на том самом месте, где по опробованному Е. И. В. на город Воронеж плану быть ему положено, и точно в такой пропорции твердости фундаментов, стен, сводов, какова в присланных из бывшей Главной Соляной конторы плане и фасаде...не было тут его упущений как в наблюдении местоположения, так и предопределенной

¹ РГАДА. Ф. 248. Д. 1016. Л. 66, 66 об.

² Там же. Кн. 4590. Л. 35-89.

³ РГАДА. Ф. 248. Д. 1016. Л. 70, 70 об. Принимая решение о денежном взыскании Сенат, очевидно, исходил из положений указа от 11 декабря 1766 г. «О наблюдении Архитектором прочности в построении зданий», в котором говорилось: «архитекторы и их помощники, будучи при строениях, о прочности оных по должности своей прилагали всевозможное старание, наблюдая неослабно доброту материалов и надежную в употреблении оных работниками, а тем самым и самого строения во всех его частях прочность, в противном случае архитекторы подвергаются строгому ответу и оштрафованию, а при том неминуемому взысканию по мере необходимого вреда и убытка от их погрешностей и несмотрений...» (ПСЗРИ. 1-е собр. – Т. 17, № 12799. С. 1091).

⁴ ГАВО. Ф. И-14. Оп. 1. Д. 212. Л. 195 об.

меры и доброты в строении и материалах, а потому оный магазин в казенное ведомство поступил без всякого обракования»¹.

В результате сумма денежного начета по решению Сената от 19 ноября 1790 г. была уменьшена на 542 рубля, а остальные деньги приказано взыскать из жалования надворного советника Н.Н. Иевского или предложить ему произвести самостоятельно ремонтные работы не позднее будущего лета². Надо полагать, что Н.Н. Иевский выбрал второй вариант, как менее затратный. В связи с этим заслуживает внимания версия В.А. Митина³, что контрфорсы по периметру стен, показанные на фиксационном чертеже 1803 г. губернского архитектора В.Б. Белокопытова,⁴ были сделаны по расчетам Н.Н. Иевского и на его деньги. Это техническое решение призвано было предотвратить дальнейшее разрушение соляного магазина.

В сентябре 1781 г. в виду отсутствия в штате губернского землемера⁵ Н.Н. Иевский, будучи уже ассессором уголовной палаты, был откомандирован для размежевания губерний на границу с Тульским, Орловским и Тамбовским наместничествами⁶. Здесь следует заметить, что при дефиците профессиональных кадров знания и умения архитектора неоднократно были востребованы и в дальнейшем. Приведем пример: Н.Н. Иевский в 1790 г., уже советник уголовной палаты⁷, «с механиком Валером и прежде бывшим архитектором Сахаровым» был привлечен «для свидетельства выстроенных корпусов для губернского и городского магистратов»⁸.

Числясь в уголовной палате, Иевский, судя по документам, по существу выполнял обязанности ассессора седьмой экспедиции казенной палаты⁹, которая с

¹ РГАДА. Ф. 248. Д. 1016. Л. 78 об.

² Там же. Кн. 4590. Л. 88 – 94.

³ Митин В.А. Василий Борисович Белокопытов. Губернский архитектор. Воронеж, 2015. С. 60.

⁴ РГИА. Ф. 1488. Оп. 1. Д. 733. Л. 1.

⁵ Лишь в октябре на эту должность был назначен премьер-майор Степан Провович Владыкин (ГАВО. Ф. И-29. Оп. 125. Д. 58. Л. 23 об.).

⁶ Там же. Ф. И-14. Оп. 1. Д. 129. Л. 7, 10 об.

⁷ На должность советника уголовной палаты он был назначен в июле 1785 г. (ГАВО. Ф. И-14. Оп. 1. Д. 128. Л. 263).

⁸ Там же. Д. 213. Л. 4.

⁹ Обязанности государственного служащего, занимающего такую должность, изложены в указе «Об утверждении наставления для производства дел в Казенных палатах» принятом 24 марта 1781 г. (ПСЗРИ. 1-е собр. – Т. 20, № 15141).

1781 г. должна была осуществлять и контроль над расходованием государственных средств, отпускаемых на строительство в губернии. В самой же воронежской губернской казённой палате имелось в штате два ассессора¹, которые привлекались, в том числе и для рассмотрения дел по строительной части. По роду своей деятельности Н.Н. Иевский находился в тесном взаимодействии со строительной экспедицией², в состав которой входил губернский архитектор и губернский землемер. На её содержание в год отпускалась сумма в 640 рублей (по росписи от 18 декабря 1797 г., а на всю казенную палату Воронежской губернии 7000 рублей)³.

Об этой стороне деятельности казённой палаты за этот период сохранилось относительно немного свидетельств. Так, например, в 1781 г. от палаты в местническое правление поступило обращение с просьбой переложить с неё финансирование постройки в Землянске «кирпичных заводов и соляных магазейнов» на приказ общественного призрения. Она принимала участие в «устроении кирпичных заводов» в уездных центрах. Однако, если судить по рапортам 1790 г. вице-губернатора Ф.И. Ярцова местнику, для этих целей «мастеров и рабочих людей не отыскано» и поэтому принимается решение о продаже в 13 уездных городах сооружений, предназначенных для «делания казенного кирпича»⁴. Вероятно, такое решение было продиктовано и тем обстоятельством, что казенное кирпичное строительство в условиях очередной русско-турецкой войны в провинциях было приостановлено. Тем не менее, здесь следует подчеркнуть, что именно казенная палата курировала строительство всех питейных заведений и соляных магазинов на местах, поскольку винная и соляная монополия находились под жестким контролем государства. Именно по этой причине в 1780-е гг. существования Воро-

¹ ПСЗРИ. 1-е собр. – Т. 29, № 22114. С. 246.

² Напомним, что создание при казенных палатах строительных экспедиций, в которых были сосредоточены дела о перевозках и состоянии мостов, «о всех казенных и публичных строениях в городах, о том какие из них окончены, а какие строятся» было декларировано манифестом от 7 ноября 1775 г.

³ ПСЗРИ. 1-е собр. – Т. 29, № 22114. С. 244-246.

⁴ ГАВО. Ф. И-14. Оп. 1. Д. 34. Л.184 об.; Д.212. Л.109, 129 об.

нежского наместничества строительство этих сооружений на его территории велось достаточно активно¹.

В своей обширной переписке с окрестными наместниками Е.А. Щербинин в виду нехватки архитекторов и землемеров неоднократно просил направить таких специалистов в Воронеж. Наиболее остро проблема укомплектования штатов касалась, прежде всего, землемерной службы, имевшей по сравнению с архитектурной гораздо более разветвленную структуру, призванную охватить своей деятельностью всю территорию наместничества. В ведении губернского землемера находилась губернская чертежная, занимавшаяся техническим оформлением межевых документов. Ему подчинялись уездные землемеры. Их число определялось количеством уездов, которых на 1779 г. в Воронежской губернии было 15.

Кадровая проблема усугублялась ещё тем обстоятельством, что в 1781 г. началось грандиозная работа по размежеванию границ Воронежской губернии с соседними губерниями, продолжавшаяся почти два года и проводившаяся межевой экспедицией, основу которой составляли землемеры. Внутри самой губернии проводилось межевание границ уездов.

Землемеры на местах часто не только осуществляли геодезическую съемку территорий, проводили межевание казенных земель и раздел земель по купчим крепостям, измерение городских мест, отводимых под застройку, привязывали здания на местности, копировали планы, но и выполняли топографические съёмки городов и сел, на которые наносили существующие здания. Они достаточно часто привлекались и к надзору за строительством казенных зданий в городах и составлению смет, что объяснялось полным отсутствием архитекторов в этот период в уездных городах, должность которых не была предусмотрена губернскими штатами.

Среди уездных землемеров знание архитектуры ценилось. Именно по этой причине, например, землемера Н.П. Лютова рекомендовано было «оставить по-прежнему в Задонске, а в Ливенск определить инженер-прапорщика Колова», т.к.

¹ Шевченко Е.А. Воронежское наместничество (1779-1796 гг.): система управления. Воронеж, 2010. С. 145.

весной 1782 г. в уездном центре планировалось открытие казенных строений¹. Нижнедевицкого землемера Г.Г. Шпажинского, который «имеет склонность, охоту и знание в правилах архитектуры», наместник В.А. Чертков просил межевую экспедицию Сената «определить в Острогожскую округу землемером уездным», чтобы «он сверх упражнения в своей должности занимался в свободное время и присмотром за производством строения» по городу Острогожску, который «требует присмотру архитекторского». Указом от 31 июня 1792 г. эта просьба была удовлетворена².

Из-за нехватки специалистов архитекторов после создания Воронежского наместничества землемерам пришлось разрабатывать и новые регулярные планы уездных городов. Предложения по изменению старых планировок были отправлены в Сенат, а затем доработаны архитекторами «Комиссии».

Из письма наместника В.А. Черткова от 2 марта 1784 г., адресованного статс-секретарю императрицы графу А.А. Безбородко удалось установить, что эту работу возглавил столичный архитектор Фёдор Иванович Волков. В этом никогда не публиковавшемся ранее документе отражено стремление недавно назначенного генерал-губернатора как можно быстрее включиться в созидательный процесс по переустройству подчиненных ему городов и содержится просьба поговорить с архитектором Волковым по поводу переделки их планов, а затем «поднести оные к высочайшей конфирмации»³. Новые регулярные планы воронежских уездных городов были подтверждены 20 апреля 1786 г.⁴

Документально установлено, что «План города Боброва с лежащею около оного трехверстною ситуацией», был изначально составлен в 1780 г. уездными землемерами Г. Дьяконовым и Е.А. фон Коловым⁵. Г.Г. Шпажинский принимал участие в разработке проектных вариантов плана Нижнедевицка, где до 1792 г.

¹ ГАВО. Ф. И-14. Оп.1. Д. 37. Л.149.

² Там же. Д. 246. Л.186, 186 об.

³ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1000, ч. 1. Л. 129, 129 об.

⁴ ПСЗРИ. 1-е собр. – Т. 18, № 16380, с. 578.; РГИА. Ф. 1293. Оп. 166. Д. 1. Л. 1-10. Планы уездных городов Воронежской губернии.

⁵ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 18667.

состоял в должности уездного землемера¹. Губернскому землемеру С.П. Владыкину (совместно с Е.А. фон Коловым) в 1785 г. пришлось разрабатывать на регулярной основе генеральный план города Павловска².

Именно Владыкину по существу с нуля пришлось выстраивать работу службы уездных землемеров, которой он в силу своей должности руководил долгих 15 лет³. Результаты этой последовательной и целенаправленной работы по подбору кадров частично отражены в «Протоколах заседаний и приговоров Воронежского наместнического правления». Так, в документе от 29 октября 1780 г. находим: «Инженер-прапорщика Егора Колова⁴ определить Павловским уездным землемером», и далее «Об определении уездными землемерами подпоручика Никиты Сербина, архитектуры ученика Петра Сахарова. Первого определить в Богучар, второго определить куда нужно, когда он прибудет в Воронеж»⁵.

Упомянутый Сахаров – второй губернский архитектор Сахаров Петр Никифорович (1752–1796), архитекторский помощник, который до переезда в Воронеж состоял на службе в Москве в Государственной коллегии экономии, а затем в Каменном приказе⁶. В феврале 1781 г. он был определен землемером Воронежской округи, но уже в апреле того же года сменил Н.Н. Иевского на посту губернского архитектора (полный список воронежских губернских архитекторов см. приложение № 1)⁷. Предложение о назначении его на эту должность было сделано Е.А. Щербининым 29 апреля в обращении к наместническому правлению. Приведем полностью текст этого весьма обстоятельного документа, показывающего личную заинтересованность наместника в нахождении на этом месте квалифицированного

¹ Кригер Л.В., Чесноков Г.А. Архитектура исторических городов Воронежской области. Воронеж, 2002. С. 281.

² РГИА. Ф. 1293. Оп. 168. Д. 31; Ф. 1399. Оп. 1. Д. 326.

³ Акинъшин А.Н. Материалы к биографическому словарю [А-В] // Труды областного краеведческого музея. Воронеж, 1994. Вып. 2. С. 86.

⁴ Егор фон Колов был прислан в Воронеж из Смоленской межевой конторы (ГАВО. Ф. И-14. Оп. 1. Д. 18. Л. 50 об.).

⁵ Там же. Д. 8. Л. 104, 106 об.

⁶ Акинъшин А. Н. Материалы к биографическому словарю // Из истории воронежского края. Воронеж, 2005. Вып. 13. С. 113.

⁷ ГАВО. Ф. И-14. Оп. 1. Д. 37. Л. 144.

специалиста¹. «Воронежской округи уездный землемер бывший архитекторский помощник Петр Сахаров чрез поручаемые ему относительные до архитектуры должности и дела усмотрен довольно знающим архитектурии правила и в практике сей науки более искусен, чем в геодезии; а понеже в здешнем городе должность архитектурная препоручена была пред сим коллежскому асессору Иевскому по нужде за неизменением знающих ту науку, по договору и временно, ныне же он Иевский, сверх того обязан уже и асессорской должностью при уголовной палате, а следовательно, и несовместно ему ответствовать исправлением двух должностей.. По поводу сего наместническому правлению предлагаю помянутого Сахарова исключая из должности землемера уездного, к которой меньше он способностей имеет, определить в должность архитектора на место коллежского асессора Иевского, а на землемерову вакансию поместить по-прежнему бывшего пред сим воронежским уездным землемером секретаря Васильева, о чем для сведения и о присылке на место поступившего в архитекторскую должность землемера Сахарова предоставлено от меня в Сенат в межевую экспедицию»².

Несмотря на столь пространное и аргументированное ходатайство «на определение в должность архитектора Воронежской округи землемера Петра Сахарова» из Петербурга 8 июня 1781 г. был получен отказ «за недостатком землемеров»³. Тем не менее, архивные документы свидетельствуют о том, что он выполнял фактически те и другие обязанности: участвовал в составлении карт наместничества и уездов, планов уездных городов и в отводе на их территории участков под каменное строительство⁴. Признание его заслуг отражено в указе Сената о производстве в чин коллежского регистратора «уездного землемера архитектурии помощника Петра Сахарова за немаловременную и безпорочную службу»⁵.

¹ Этому в значительной степени способствовало и то обстоятельство, что 24 марта 1781 г. было принято решение о выделении на казенное строительство 20 тыс. рублей ежегодно в каждое наместничество. Деньги эти необходимо было осваивать и за их рациональное использование отчитываться (ПСЗРИ. 1-е собр. – Т. 21, № 15140).

² ГАВО. Ф. И-14. Оп. 1. Д. 37. Л. 261, 261 об.

³ Там же. Л. 145.

⁴ Там же. Л. 12 об., 22, 134, 198 об.

⁵ Там же. Д. 128. Л. 273.

Если судить по документу «Производство в чины уездных землемеров», датированному 8 октября 1782 г., то к этому времени штаты уже были в основном заполнены. В нём, помимо представленных выше фамилий семи землемеров, фигурируют ещё восемь¹. Таким образом, можно с уверенностью сказать, что из 15 уездов к этому времени в 12 точно были свои землемеры.

После П.Н. Сахарова на должность губернского архитектора был назначен Иван Иванович Волков (сер. XVIII – после 1828 г.). Так сложилось, что эту должность он занимал дважды (1783-1793, 1804-1807)². Первый этап его деятельности полностью пришелся на период правления Воронежским наместничеством генерал-губернатора В.А. Черткова, назначенного в 1782 г. на место Е.А. Щербинина. Чертков, также, как и Волков, прибыл в Воронеж из Азовской губернии и поэтому наверняка его знал.

При активной поддержке наместника архитектор продолжил работу по реализации регулярного плана города 1774 г. – руководил выпрямлением и расширением ряда улиц (современные ул. Сакко и Ванцетти, Софьи Перовской, Чернышевского, 25-го Октября и др.). Кроме градопланировочных работ, Волков составлял сметы на ремонт и строительство казенных зданий и сооружений, выдавал жителям разрешения и чертежи на постройку домов. Часть чертежей делалась архитектором с использованием «образцовых» проектов³, но были и полностью авторские.

На период работы И.И. Волкова пришелся и этап строительства в Воронеже многих административных зданий в стиле классицизма, создавших новый архитектурный облик города.

¹ Назовем здесь их имена: Марк Голостенев, Иван Головин, Степан Туганов, Гаврила Танков, Никита Лютов, Борис Васильев, Алексей Христофоров, Иван Парфенов (ГАВО. Ф. И-29. Оп. 125. Д. 58. Л. 24). При этом ещё раз подчеркнем, что утверждения на должности даже уездных землемеров проходили через межевую комиссию Сената.

² Акиншин А.Н. Материалы к биографическому словарю [А-В]. // Труды областного краеведческого музея. Воронеж, 1994. Вып. 2. С. 86-87.

³ В качестве примера можно упомянуть билет на строительство деревянного дома «по плану, фасаду и регуле», выданный И.И. Волковым в 1784 г. губернскому землемеру С.П. Владыкину (ГАВО. Ф. И-29. Оп. 125. Д. 58. Л. 26, 26 об., 27).

Один из первых казенных заказов И.И. Волкова – проект 1784 г. по перестройке особняка аптекаря А.И. Зегера под почтовую контору (см. иллюстративные материалы, рисунок № 5). Ныне на этом месте на главной улице города располагается Главпочтамт (проспект Революции, 25). Применительно к этой постройке казенная палата требовала: «дабы повелено было здешнему архитектору Волкову при выстройке почтового двора каменного дому по учиненному оным Волковым плану иметь смотрение»¹. Подобного рода объекты, на которые выделялись государственные средства, всегда контролировались местной казенной палатой и эти функции, как уже говорилось, возлагались на архитектора.

По проекту И.И. Волкова в районе современных улиц Кости Стрелюка и Володарского были построены двухэтажные корпуса губернского и городского магистратов (1788-1790, не сохранились). Их строительство доставило архитектору серьезные неприятности. Весной 1790 г. в уже законченных зданиях были обнаружены повреждения, для освидетельствования которых наместником В. А. Чертковым создается комиссия. В результате с подрядчика удержали две тысячи рублей, а архитектору приостановили выплату жалованья до устранения дефектов².

Украшением города долгие годы был построенный им в 1792 г. дом сына генерал-губернатора Д.В. Черткова, располагавшийся на углу современных улиц Ф. Энгельса и Чайковского (с 1824 г. в нём размещалось Дворянское собрание). Сохранилась Алексеевско-Воскресенская церковь в Алексеевском Акатовом монастыре Воронежа (1804-1819). В перестроенном виде дошел до наших дней жилой дом самого архитектора (ул. К. Маркса, 43).

Не только постройки, но и сохранившиеся чертежи, выполненные И.И. Волковым, также свидетельствуют о незаурядном мастерстве зодчего³. Как губернскому архитектору, ему приходилось выполнять распоряжения казенной палаты, касающиеся освидетельствования и проектирования не только воронежских

¹ Там же. Ф. И-14. Оп. 1. Д. 140. Л. 133.

² Акиншин А. Н. Материалы к биографическому словарю [А-В] // Труды областного краеведческого музея. Вып. 2. Воронеж, 1994. С. 88; РГИА. Ф. 1374. Оп. 6. Д. 943.

³ РГАДА. Ф. XVI. Граф. материалы, № 919, 950, 1016, 1017.

объектов, но и расположенных на территории наместничества. Так, например, 18 февраля 1788 г. Волкову было велено «немедленно отправясь в город Валуйки ... состоящий тамо мост, так и острог по прежнему предписанию прожектировать и сделать сметы»¹. 3 августа 1793 г. он был вновь откомандирован в Валуйки для осмотра и составления сметы на починку казенного моста через реку².

Тем не менее, в рапорте от 14 января 1792 г. коменданта города Костромитинова он всё ещё именуется как «исправляющий архитектурскую должность землемер Волков»³. Ожидалось, что с 1 января 1792 г. его должен был сменить Лаврентий Калиновский, служивший в Курском наместничестве⁴. По каким-то причинам этот перевод не состоялся, и Волков ещё год исполнял обязанности губернского архитектора. Очевидно, это обстоятельство и подвигло наместника В.А. Черткова в донесении, адресованном Сенату, написать «по неимению в Воронежской губернии положенного по штату губернского архитектора, которого за вызовом и неоднократным приглашением отыскать было ещё невозможно, исправление оной должности, как в губернском, так и в уездных городах препоручается людям, у других должностей находящихся, знающих архитектуру»⁵.

Очевидно, именно таким человеком был и И.И. Волков, который как свидетельствуют документы, с 28 января 1791 г. работу губернным архитектором совмещал, с согласия В.А. Черткова, с должностью Калитвянского уездного землемера. В указе Сената межевой экспедиции от 20 мая 1793 г. «О производстве землемеров в следующие чины», вышедшем уже после освобождения Волкова от обязанностей губернского архитектора, он упоминается как уездный землемер и числится «заштатным» архитектором⁶. В этом качестве И.И. Волков, возможно, пребывал до 1804 г., т.е. до очередного назначения на должность губернского архитектора. Косвенным свидетельством этого утверждения могут служить рапорты

¹ ГАВО. Ф. И-61. Оп. 1. Д. 1. Л. 28, 28 об. Этот документ, как и многие другие, касающиеся архитектурно-строительных вопросов, от казенной палаты подписан Н.Н. Иевским.

² ГАВО. Ф. И-14. Оп. 1. Д. 271. Л. 116.

³ ГАВО. Ф. И-14. Оп. 1. Д. 247. Л. 4.

⁴ Там же. Ф. И-61. Оп. 1. Д. 1. Л. 146.

⁵ Там же. Ф. И-14. Оп. 1. Д. 246. Л. 186.

⁶ Там же. Д. 27. Л. 266; Д. 268. Л. 116.

губернского землемера Владыкина «о принятии от землемера Волкова архитектурских дел» от 12 сентября 1794 г. и «о препоручении архитектору Белокопытову разбирательство по городу спорных и отводе мест по принятии им от землемера Волкова дел бывших архитекторов» от 12 апреля 1795 г.¹

Осуществление застройки Воронежа по новому плану сопровождалось множеством проблем. Так, довольно большие трудности возникали из-за своеволия погорельцев, спешно строивших свои дома, где и как кому вздумается. Лишь после угрозы В.А. Черткова «сломать колодниками все по улицы заборы», дело сдвинулось с мертвой точки и «лицевые строения» массово стали появляться в городе. Сохранившиеся в архивном фонде наместнического правления документы показывают размах его деятельности по созданию нового, более презентабельного архитектурного облика Воронежа. Им составлено и подписано множество документов, регламентирующих жизнь города в соответствии с регулярным планом, вплоть до рекомендаций по спрямлению и благоустройству улиц. Именно при наместнике В.А. Черткове была выполнена наибольшая часть работы по его перепланировке. Такая активность губернатора вполне объяснима, поскольку от успехов в реализации генерального плана в значительной степени зависело монаршее благоволение.

Именно при Черткове в соответствии с градостроительными концепциями русского классицизма центральные районы города начинают застраиваться ансамблями административно-общественных и культовых зданий, которые проектировались в едином характере архитектуры. Примером одного из таких ансамблей являлся комплекс зданий Воронежской епархии, перестроенный по проекту придворного архитектора Д. Кваренги в 1784-1787 гг. Используя сложившуюся градостроительную ситуацию, зодчий создает величественный комплекс, выполненный в полном соответствии с канонами классицизма (см. иллюстративные материалы, рисунок № 6, 7). Обновленный ансамбль епархии с 70-метровой колокольней, по замыслу зодчего, после её завершения должен был замкнуть на себя трехлучие главных улиц Воронежа.

¹ Там же. Д. 306. Л. 44 об.

Здесь следует заметить, что если руководство строительством казенных зданий осуществляли соответствующие ведомства, то возведение культовых зданий и сооружений на протяжении всего XVIII в. находилось вне поля деятельности архитектурно-строительных служб и осуществлялось на основании «храмозданных грамот», выдаваемыми епархиальными архиереями¹. Впрочем, иногда церковные власти в лице правящего архиерея обращались непосредственно к архитекторам, как в случае с Д. Кваренги. Только этим обстоятельством, очевидно, можно объяснить тот факт, что придворный архитектор выполнил проект перестройки епархиальных зданий для провинциального Воронежа.

Другой важнейший ансамбль, заслуга в появлении которого уж точно принадлежит губернской архитектурной службе, – комплекс административных зданий наместнических и губернских присутственных мест на Большой Дворянской улице, непредусмотренный на этом месте генпланом 1774 г. По мнению В.А. Митина, их проекты для Воронежа были полностью выполнены знаменитым Д. Кваренги².

Однако более убедительной представляется точка зрения столичного историка архитектуры А.Ф. Крашенинникова, опиравшегося на бесспорные документы: Д. Кваренги был автором только центральной части комплекса (гражданской, уголовной и казенной палаты, см. иллюстративные материалы, рисунок № 8, 9)³, созданного по повелению императрицы на основе переделки ранее выполненного проектного предложения И.Е. Старова⁴. Столь повышенное внимание к комплексу губернских присутственных мест вполне закономерно, т. к. среди казенных зданий, с которыми прежде всего ассоциировалась власть, им принадлежала в то время главенствующая роль.

Воронежская казенная палата 23 ноября 1787 г. сообщила в Сенат, что контракт на постройку присутственных мест наместнического правления

¹ ПСЗРИ. 1-е собр. – Т. 6, № 4122; Т. 7, № 4988; Т. 19, № 14144.

² Митин В.А. Иван Егорович Старов, Николай Никитович Иевский, Джакомо Кваренги. Начало Большого Воронежа. В 2 т. Т. 2. Екатерининский классицизм. Воронеж, 2010. С.91.

³ Крашенинников А.Ф. Указ. соч. С. 185.

⁴ РГАДА. Ф. 16. Д. 100, ч. 1. Л.138. Свидетельств о том, для какого места в Воронеже был выполнен проект И.Е. Старова, обнаружить не удалось.

заключен с воронежским купцом Иваном Нечаевым. К сообщению была приложена копия контракта с изложением процесса строительства и указанием материалов для изготовления фундаментов, стен, связей и архитектурных деталей. Поручителями по контракту «выступили: 1 гильдии купец и фабрикант Василий Тулинов, 1 гильдии купец и фабрикант Иван Иванов сын Тулинов, 1 гильдии купец и фабрикант Дмитрий Андреев сын Гарденин»¹.

Несмотря на заключенный контракт, проект Д. Кваренги не был воплощен целиком. В 1787-1788 гг. возвели лишь двухэтажный корпус казенной палаты (пр. Революции, 21). Завершению строительства помешала начавшаяся война с Турцией в связи с чем в 1788 г. было принято решение о прекращении выделения денег на возведение присутственных по губерниям «до будущего повеления»². Тем не менее, в период с 1788 по 1795 гг. на Большой Дворянской всё же были построены губернские присутственные места, которые были значительно более скромными, чем те, которые были предусмотрены для наместнического правления. Они представляли собой четыре двухэтажных однотипных здания, возведенных по обе стороны от предполагаемого места строительства зданий наместнического правления³. Вероятнее всего они были спроектированы губернским архитектором И.И. Волковым (см. иллюстративные материалы, рисунок № 10), который взял за основу фасады зданий с кваренгиевских чертежей. В любом случае именно он составил смету «на построение наместнического правления, гражданской и уголовной палат, трёх каменных корпусов и двух галерей», руководил отводом участков, вызовом подрядчиков, организацией торгов и строительством всего комплекса⁴. Им же были заверены и копии с чертежей Д.

¹ РГАДА. Ф. 248. Д. 950. Л.209 – 213.

² Крашенинников А. Ф. Указ. соч. С. 188.

³ Две постройки, располагавшиеся на территории ВГУИТ, были снесены в 1890-е гг. Два других здания сохранились: корпус губернского правления и корпус уголовной и гражданской палат (см. иллюстративные материалы, рисунок № 11). Они имеют сейчас один адрес – проспект Революции, 23, т. к. в 1857-1859 гг. между домами была сооружена вставка (она слегка выступает вперед). После Великой Отечественной войны здание было надстроено еще на один этаж.

⁴ РГАДА. Ф. 248, кн. 4487. Л. 180, 180 об., 181 об., 183 – 186, 188 – 208.

Кваренги «на построение в Воронеже ...каменных палат», которые, вероятно, он сам и выполнил¹.

Косвенно о том, что какой-то воронежский архитектор мог быть причастен к реализации проектов Д. Кваренги в Воронеже, свидетельствует и текст письма столичного зодчего наместнику В.А. Черткову, датированного 1784 г. В нём по поводу предполагаемой переделки дома губернатора И.А. Потапова говорится: «Честь имею переслать Вашему превосходительству шаблоны, которые Вы пожелали получить. Во всяком другом случае поступлю также, лишь бы архитектор, которому поручена постройка, отметил мне все его пожелания и все, что ему необходимо»².

Именно этот дом предлагал в 1785 г. В.А. Чертков «взять в казну» и перестроить его для генерал-губернатора³. В письме к А.А. Безбородко, обосновывая экономическую целесообразность этого решения по сравнению с новым строительством «по высочайше апробированным строениям», он указывает, что выгода казне должна была составить 10279 рублей⁴. Тем не менее, в «ведомство казны» дом не был принят и в 1800 г. продан коменданту Воронежа, генерал-майору П.А. Сандбергу и губернскому архитектору, коллежскому асессору В.Б. Белокопытову⁵.

В документах 1784 г., опубликованных А. Шишкиным, приведен список из 27 наиболее достойных городских объектов⁶. Первым в этом ряду упоминается именно этот губернаторский дом. О нём и других чрезвычайно важных для города объектах сообщается и в «Топографическом описании Воронежского наместничества», составленном в 1785 г. С.И. Линицким. Приведем из него весьма красноречивый фрагмент, характеризующий масштабы строительства в городе: «Сверх

¹ Там же. Ф. 248, граф. материалы. Д. 949.

² Вестник постройки Воронежского губернского музея. Воронеж, 1914, № 2. С. 8.

³ РГАДА. Ф.16. Оп. 1. Д. 1000, ч. 2. Л. 52, 52 об.

⁴ В этом же письме было сделано предложение приобрести и «дом господина бригадира Хрущева для губернатора». Экономия в этом случае должна была составить 5646 рублей (РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 656, ч. 1. Л. 49).

⁵ Историко-культурное наследие Воронежа: материалы Свода памятников истории и культуры Российской Федерации. Воронеж, 2009. С. 308.

⁶ Шишкин А. Из забытого прошлого // Дон. 1897. 16 дек.

онных по высочайше подтвержденным вновь планам начато строение казенных присутственных мест и перестраивается архиерейский дом с колокольнею, училищным домом с библиотекою по новой архитектуре; так же и в городских построениях, лавках и в частных домах великая прибавка; и всюду видны вновь производящиеся каменные и деревянные строения. Кирпичных заводов, как в городе, так и за городом - 59... Кирпич продается от 3 до 3 рублей 50-ти копеек тысяча»¹.

По данным на 1786 г., «на устройство в уездных городах кирпичных заводов было отпущено 6000 рублей»² с целью снижения дефицита кирпича и, вероятно, недопущения активного роста его стоимости. Высказанное предположение базируется на информации, содержащейся в письме наместника Е.А. Щербинина графу А.Р. Воронцову, датированному 1781 г., в котором говорится «кирпич с экономических наших заводов продается не более как по 2 рубля по 60 копеек тысяча»³. Отсюда можно сделать вывод, что всего лишь за четыре года его стоимость выросла почти на рубль.

Зная цену кирпича, можно примерно представить затраты на строительство небольшого (6м x 9м) одноэтажного кирпичного дома. Это не менее 200 рублей только на возведение фундамента и стен. Этот расчет показывает всю дороговизну кирпичного строительства в те годы, если учесть, что корова могла стоить от одного до двух рублей. Тем не менее, если по описи 1777 г. в Воронеже насчитывалось всего 76 обывательских каменных домов, то к концу века их насчитывалось уже 272⁴, многие из которых имели два этажа⁵.

Несмотря на утрату многих архивных материалов, в ГАВО, в фонде Воронежской городской думы (И-61) сохранился ещё один небольшой массив интересных нас документов. Он включает переписку наместнического правления и

¹ Описание Воронежского наместничества 1785 года. Воронеж, 1982. С. 41 – 42.

² РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 655. Л. 19.

³ Письма Евдокима Алексеевича Щербинина к графу Александру Романовичу Воронцову. 1774 - 1782 гг. Публикация, предисловие и примечания Н.П. Воскобойниковой // Из истории Воронежского края. Сб. статей. Воронеж, 2009. Вып. 16. С. 241.

⁴ Болховитинов Е.А. Указ. соч. С. 44–54.

⁵ Среди двухэтажных домов всё же наибольшее распространение у состоятельных горожан получили смешанные дома, в которых нижний этаж был кирпичный, а верхний сложен из бревен.

губернской администрации с городской думой по вопросам хозяйственной жизни, благоустройства и переустройства градостроительной структуры Воронежа. Здесь же упоминаются предписания губернаторов губернским архитекторам, соответствующие указания думе и городскому магистрату.

В частности, из документа, датированного 22 ноября 1785 г. и подписанного В.А. Чертковым, мы узнаем о существовании в городе комиссии о разрегулировании дворов, учрежденной для того, «чтоб не могли претерпеть каких-либо убытков те хозяева, от коих при разрегулировании отойдут целые дворы или части оных под казенные строения, под улицы и площади или под соседний двор»¹. В её состав, как сказано в этом документе, входили комендант города полковник Костромитинов, губернский землемер премьер-майор Владыкин и губернский архитектор Волков².

Комиссии было предписано взыскивать средства с владельцев тех дворов, в состав которых войдут эти вновь прирезанные куски, а тем, от кого они отошли, платить из денег, собираемых в соответствии с положением о городах на «законные городские расходы». С каждого двора на эти цели необходимо было собирать по одной четверти копейки с каждой квадратной сажени, что, по мнению Черткова, не может быть обременительным для владельцев собственных дворов.

В этом же документе говорится и о необходимости благоустройства (выравнивания) улиц. Ссылаясь на полицейскую инструкцию, Чертков предлагает городскому магистрату, чтобы «каждый хозяин против своего двора до половины улицы оную исправляет неизменно обязательно»³.

Магистрат признал полезным предложение генерал-губернатора и поэтому поводу постановил: «представить губернскому архитектору прапорщику Волкову в магистрат ведомость, по коей исчислить, какое количество квадратных сажений находится под дворами, каковую ведомость в возможно скорейшем времени, дабы не могло быть не малой остановки». Если судить по этому документу, опублико-

¹ ГАВО. Ф. И-14. Оп. 1. Д. 142, Л. 3 об., 4.

² Здесь следует заметить, что в масштабе государства «снихождение к частным лицам, дома коих по планам городов подлежали бы ломке» было декларировано значительно позже, именным указом от 3 мая 1829 г. (ПСЗРИ. Собр. 2-е. – Т. 4, № 2857).

³ ГАВО. Ф. И-14. Оп. 1. Д. 142. Л. 3

ванному в газете «Дон», по ведомости, составленной Волковым, выборный от всех обывателей Воронежа купец Русинов собрал на мощение улиц за два года (1786 и 1887) сумму в 1465 руб. 21 коп.¹

В 1786 г. наместническое правление велело губернскому архитектору скопировать и доставить в городской магистрат план Воронежа, чтобы город был осведомлен о своих границах². Вероятно, это распоряжение явилось прямым следствием на указание, содержащееся в п. 3 «Грамоты на права и выгоды городам Российской империи». В нём говорилось о категорическом запрете застраивать городские выгоны, получаемые от казны³. Этим пунктом впервые был определен юридический статус прилегающих к городу территорий, которые таким образом защищались от самовольного захвата, застройки и распаивания. Для того, чтобы не нарушить это требование, необходимо было точно знать, где проходит городская граница. Практическая работа на местности по размежеванию городской и выгонной земли с пригородными слободами была проведена в июне 1790 г. Она была осуществлена присланным из Пензенской межевой конторы землемером Томилиным и откомандированным из наместнического правления уездным землемером Васильевым⁴.

Стараясь следовать правительственным рекомендациям и исходя из условий реализации первого регулярного плана Воронежа, наместническое правление требовало от губернских архитекторов «запримеченные думой выгодные для городского строения» улицы и площади под частные дома не отдавать, а размещать на них казенные и общественные здания⁵. В 1788 г. наместническое правление по рапорту городской думы приказало «здешнему архитектору Волкову» не назначать под частную жилую застройку те участки, «которые для публичных строений

¹ Шишкин А. Из забытого прошлого // Дон. 1897. 21 дек.

² ГАВО. Ф. И-61. Оп. 1. Д. 1. Л. 17.

³ Выгоны не входили в селитебную территорию города, т.е. располагались за чертой жилой застройки и предназначались для выпаса скота и других сельскохозяйственных нужд горожан.

⁴ ГАВО. Ф. И-14. Оп. 1. Д. 196. Л. 7.

⁵ В указе Екатерины II, адресованном Воронежскому наместническому правлению, говорится об изъятии «от тех кои получили порозжие места для разных строений планов и данных на земли выписей и обращения оных для рассмотрения в думу равно оставления всех пустых мест внутри города Воронежа состоящих в пользу города для общественных и публичных строений» (ГАВО. Ф. И-61. Оп. 1. Д. 2. Л. 73).

Думе нужными быть могут... озаботить себя примечанием в городе надобных для общества праздных мест, которые если заприметить, учиненные чрез архитектора планы представить при рапорте с объявлением на тех планах о каждом месте, на что оно потребно, дабы...и без нужды праздных к обезображиванию города мест не оставалось»¹. Тем не менее, несмотря на то, что вопрос об использовании общественных мест городская дума держала на контроле и к нему обращалась неоднократно, на практике реализовать это распоряжение не всегда удавалось. Приведем пример, дума решила запретить воронежскому купцу Петру Капканщикову застраивать «особое порозжее место, состоящее позади общественного купеческого каменного дома разными службами». Однако в результате разбирательства наместническое правление приходит к выводу, что этот запрет неправомерен, т.к. «Капканщиков купил это место за 400 рублей, имеет план и билет и крепость на это место». В этой ситуации архитектору Волкову было предписано, чтобы он всего лишь «наблюдал соответствие фасада выданному плану»². Для того, чтобы в дальнейшем подобных ситуаций не возникало 11 июля 1788 г. В.А. Чертков издает распоряжение «о недаче впредь без сношения с думою, никому на порозжее место выписей и планов», поскольку юридических оснований для «отобрания от тех, кои получили порозжие места для разных строений... в пользу города, для общественных и публичных строений», не имеется³.

Для того, чтобы таких недоразумений впредь не возникало, в феврале 1789 г. наместническим правлением городской думе был отдан приказ, чтобы все «выданные жителям планы и выписи внести в Думу для снятия копий и сочинения обывательской книги». Её введение регламентировалось «Грамотой на права и выгоды городам Российской империи» 1785 г., в которой в отделе «А» пункте 9 предписывалось «Городовому Магистрату иметь книгу с описанием домов, строений, мест и земель городских под нумерами, дабы, желающие дать в заем деньги,

¹ ГАВО. Ф. И-61. Оп. 1. Д. 1. Л. 22.

² Там же. Л. 37.

³ Там же. Л. 40.

на заклад дома, или же кто дом, строение, место, или землю купить или нанять хочет, с тою книгой справясь, давать деньги мог с надежностью»¹.

Несколько запоздалое составление городской обывательской книги наконец-то давало Думе возможность получить более полное представление о реальном состоянии города и строже контролировать процесс застройки в Воронеже. Введение нумерации, с одной стороны, уменьшало путаницу в разного рода документах, а с другой – облегчало процесс навигации в городе. Её введение в значительной степени стало возможным в связи с последовательным внедрением градостроительства в стране на регулярной основе.

В этом же распоряжении наместнического правления содержалось требование, чтобы городские застройщики быстрее возводили дома на отведенных им участках и при этом «выписи» на новые места, отводимые жителям, выдавать с учётом того, «может ли оный построить такой дом, коей сообразуется с этим местом»². Данное дополнение весьма наглядно подтверждает тот факт, что власти желали как можно быстрее придать Воронежу благообразный вид, сообразный с новациями того времени. Этим же обстоятельством объясняется и требование губернатора О.И. Хорвата от 12 октября 1792 г., «чтобы никто в городе, кроме самих неимущих, домов дранью не крыл»³. Если горожанин не мог выстроить каменный дом на принадлежащем ему участке, незастроенное «дворовое место» отдавалось другим, более состоятельным жителям.

В «Пособии к выстроению губернских городов и к облегчению градских жителей», текст которого обнаружен в бумагах В.А. Черткова, относящихся к 1784 г., сказано: «гражданам при построении домов давать льготу: каменному на 7 лет, деревянному на 4, даже и от сбора поземельных денег». В этом же документе, исходя из реального положения дел, он предлагал «делить город по близости к центру на 3 части, в первой строить каменные дома или на каменном со сводами фундаменте, чтобы со временем можно было выстроить каменные дома; во вто-

¹ ПСЗРИ. 1-е собр. – Т. 22, № 16187.

² ГАВО. Ф.И-61. Оп. 1. Д. 1. Л. 59 – 61.

³ Там же. Л. 216.

рой – на обыкновенном каменном фундаменте; в третьей – деревянные дома»¹. При этом, согласно приказу 1785 г., каменные дома необходимо было строить за пять лет, а на строительство деревянных давалось три года².

В марте 1789 г. В.А. Чертковым думе было отдано распоряжение, чтобы городские застройщики возвели дома на отведённых им участках в установленный срок³. В апреле того же года наместник предписал городской думе продлить Большую Дворянскую улицу до Новой Московской улицы. В ордере губернскому архитектору И.И. Волкову объясняется, что это решение принято «для лучшей по городу коммуникации» и указывается, границы каких купеческих дворов придётся изменить и далее «извольте ваше благородие ту улицу пробить кольями»⁴. Колья ставились для визуального восприятия на местности ширины вновь прокладываемых улиц и габаритов будущих кварталов.

В мае он же внёс в наместническое правление предложение «о поспешнейшем исправлении вновь проложенной от города улицы к мосту чрез реку Воронеж». В выполнении задания был задействован «премьер-майор губернский землемер Владыкин». Исполнителем строительных работ выступала городская власть, за которую отвечали Воронежский комендант П.А. Сандберг, а также гласные городской думы⁵. В результате больших по объёму земляных работ был устроен капитальный пологий спуск по склону Чернавского лога. Новая улица, связавшая центр города с Чернавским мостом, получила название Большая Чернавская (ныне улица Степана Разина). До сих пор под № 43 на ней располагается здание суконного цеха купцов Гардениных (более известное как «Арсенал»), сооружённое в конце 1770-х гг., т.е. в то время, когда начались первые работы по устройству уличного спуска.

Для решения спорных вопросов, связанных с застройкой города, архитектору И.И. Волкову в августе 1790 г. было приказано еженедельно по вторникам и

¹ РГАДА. Ф. 16. Оп. Д.1000, ч. 1. Л.105, 106.

² Шквариков В.А. Планировка городов России XVIII и начала XIX века. М., 1939. С. 184.

³ ГАВО. Ф. И-61. Оп. 1. Д. 1. Л. 60 об.

⁴ Там же. Л. 66, 67.

⁵ Там же. Л. 69.

четвергам являться в городскую думу¹. Очевидно, что это распоряжение отнимало много рабочего времени и поэтому указом Воронежского наместнического правления в мае 1792 г. И.И. Волкову было предписано «чтобы он сам или помощник² его для разбивки и размера мест между спорящимися, когда повестка будет из Думы учинена, являлись в оную»³. Однако в июне того же года к этому вопросу вернулись вновь. Учитывая «обширность города», объём работы, которую должен выполнять архитектор, и отсутствие в связи с этим свободного времени принимается решение об освобождении его от присутствия «при разборе по планам Думою дворовых мест и при отводе оных под строение». Эти обязанности, а также «отведение под строение мест...и прочие части до устройства города относящиеся» было решено передать в ведомство губернского землемера, а И.И. Волкову оставили право сочинения планов и фасадов⁴. Такое функциональное разделение было вполне закономерным, учитывая всю сложность проблем, которые приходилось решать архитектурной службе ежедневно для того, чтобы в кратчайшие сроки обеспечить реализацию генерального плана.

Исправление старых улиц в соответствии с этим планом теперь должно было осуществляться «под назрением здешнего уездного землемера», а архитектор в этом случае определял «размеры дворовых мест, против которых будут исправляться улицы». Об этом говорится в указе Воронежского наместнического правления городской думе от 17 октября 1790 г.⁵ Из этого документа мы узнаем, что для успешного выполнения этих работ было принято решение о сборе с обывателей денежных средств: по 1/2 копейки с каждой кв. сажени площади, отведенной под дом, и по 2 копейки с каждой сажени длины участка, выходящего на красную линию застройки вновь проложенной улицы. Основополагающим документом, подтверждающим принадлежность дворового места обывателю, была «крепость» – гербовая бумага с указанием на ней взятых пошлин. Воронежцам устройство

¹ Там же. Л. 140.

² Здесь следует заметить, что официально в штате Воронежского наместничества при губернском архитекторе должность помощника не предусматривалась.

³ ГАВО. Ф. И-61. Оп. 1. Д. 1. Л.163.

⁴ Там же. Л.177.

⁵ Там же. Л. 118.

города по «конфирмованному плану» принесло много тревог и потребовало существенных материальных затрат.

Анализ вышеуказанных документов свидетельствует о том, что потребовалось более десяти лет для того, чтобы наладить порядок взаимодействия наместнического правления и городских властей со службою губернского архитектора. В связи с этим особый интерес представляет указ Воронежского наместнического правления, полученный 1 марта 1789 г. в городской думе, в котором наконец-то был детально регламентирован порядок реконструкции и оформления новой городской застройки в соответствии с генпланом 1774 г.¹ Небольшой фрагмент этого документа ранее был опубликован П.А. Поповым². Мы же в приложении № 4 впервые воспроизводим его текст в более полном объеме, поскольку считаем, что содержащаяся в нём информация очень важна для данного диссертационного исследования, т.к. раскрывает порядок взаимоотношения властей и обывателей по поводу застройки городских улиц и роль губернского архитектора в этом процессе. Из текста этого документа также следует, что выделение участков жителям Воронежа под строительство осуществлялось только на основании прошения, поданного в наместническое правление, и при наличии плана с фасадом на постройку, начерченного и завизированного лично губернским архитектором.

В 1789 г. в ходе проведения в стране «генерального межевания» был составлен очередной план Воронежа. Он изображен на огромных размеров карте, носящей название «Генеральный план Воронежского уезда». План даёт некоторые дополнительные сведения о застройке города в пределах окружающего его земляного вала³. К нему примыкают две слободы: Беломестная на севере, Чижовка на юге. Слобода Придача разместилась на востоке по другую сторону реки. К ней ведет широкая полторакилометровая дамба, устроенная от Чернавского моста в 1786 г.

Здесь следует заметить, что первое упоминание о строительстве Чернавского моста относится к 1768 г. Деревянный мост был наплавным и после весеннего

¹ ГАВО. Ф. И-61. Оп. 1. Д. 1. Л. 59 – 61. Городская дума в Воронеже действовала с 1787 г.

² Попов П.А. Воронеж. История города в названиях улиц. С. 12.

³ РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. Д. 713.

паводка, как уже говорилось, его приходилось строить заново¹. На анализируемом плане показан уже упоминавшийся новый более удобный съезд к мосту из города.

В связи с мостами, которые строились через реки в губернии, в документах Воронежского наместнического правления 1788 г. впервые упоминается губернский механик². Вполне возможно это был «механик Валер», о котором, как было сказано ранее, нашлась информация в документах 1790 г. Надежность мостов в полной мере архитекторы «по незнанию механической науки» обеспечить не могли. Поэтому потребность в таком специалисте была велика, к тому же после очередного весеннего паводка мосты приходилось освидетельствовать и в случае необходимости, что случалось часто, чинить. Удалось установить, что на эту должность в 1795 г. был определен Карл Густав Михелис³.

На рубеже XVIII-XIX вв. губернским землемером Егором Адамовичем фон Коловым был выполнен целый ряд картографических материалов по Воронежу и губернии⁴. Среди них выделим «План Воронежской губернии губернского города Воронежа с лежащей трехверстной ситуацией»⁵, составленный совместно с воронежским уездным землемером А.З. Артемьевым⁶. План выявлен и частично описан А.Н. Акинъшиным и Г.А. Чесноковым⁷. К плану города приложена довольно подробная экспликация, дающая пояснения по характеру застройки кварталов, а также по назначению или принадлежности наиболее значительных зданий. В целом план носит чисто фиксационный характер: на нём, в частности, показано, что спрямлению и частичной перепланировке подверглись старые приречные улицы, реконструкция которых планом И.Е. Старова не была предусмотрена.

¹ Документы свидетельствуют, что, кроме Чернавского моста, на противоположный берег можно было попасть при помощи Чижовского и Троицкого перевозов (паромов), которые брали в содержание мещане и однодворцы (ГАВО. Ф. И-61. Оп. 1. Д. 1. Л. 235).

² ГАВО. Ф. И-61. Оп. 1. Д. 1. Л. 23 – 26, 28, 28 об.

³ Там же. Ф. И-14. Д. 306. Л. 32.

⁴ Будучи Павловским уездным землемером, он сменил С.П. Владыкина на месте губернского землемера и проработал в этой должности с 1796 г. и до середины 1815 г. (ГАВО. Ф. И-14. Оп. 1. Д. 8. Л. 104, 116, 237).

⁵ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 21837.

⁶ Андрей Захарович Артемьев занял должность губернского землемера около 1815 г. (ГАВО. Ф. 29. Оп. 123. Д. 100. Л. 13).

⁷ Акинъшин А. Н., Чесноков Г. А. Указ. соч. С. 125.

В сравнении с предыдущим планом видно, что город несколько вытянулся в северо-восточном направлении вдоль реки, за счет появления новых кварталов и улиц. Именно поэтому одной из наиболее значимых стала улица Большая Девиченская (ныне ул. Сакко и Ванцетти), которая объединила Акатово с остальным городом. У Беломестной слободы впервые показана загородная резиденция воронежского епископа¹. В левобережной части изображены слобода Придача с суконой фабрикой и деревня Клементьевка (иное название – Монастырщенка). На чертеже также отмечены дороги, ведущие в Воронеж из близлежащих городов, направление которых благодаря сформировавшейся застройке получило чёткое отражение в планировочной структуре губернского центра. Таков был результат деятельности губернских архитекторов И.И. Волкова и сменившего его на этом посту В.Б. Белокопытова.

В «Книге входящих документов, указов, предложений, сообщений» губернского правления за 1793 г. содержится записка В.А. Черткова, которой он «дает знать, что на определение инженер-поручика Василия Белокопытова на место архитектора Волкова ... согласен»². Утверждение состоялось в феврале, однако И.И. Волкову пришлось дожидаться сменщика почти 4 месяца³. После выхода в отставку он стал числиться «заштатным архитектором», т.е. он по-прежнему привлекался к выполнению проектных работ и наблюдению за строительством разного рода объектов.

Василий Борисович Белокопытов занимал дважды должность губернского архитектора (с июня 1793 г. по февраль 1804 г., с мая 1807 г. по июнь 1808 г.) В течение последующих 10 лет, до ухода в отставку в январе 1818 г., он был ассессором строительной экспедиции губернского правления⁴.

Известно, что В.Б. Белокопытов не был профессиональным архитектором. Он учился в артиллерийском инженерном кадетском корпусе в Петербурге, а по-

¹ Территориально они располагались напротив нынешнего Центрального городского парка культуры и отдыха.

² ГАВО. Ф. И-14. Оп. 1. Д. 271. Л. 8.

³ Там же. Л. 261.

⁴ Акиншин А.Н. Материалы к биографическому словарю [А-В] //Труды областного краеведческого музея. Вып. 2. Воронеж, 1994. С. 78.

сле служил военным инженером. Оказавшись на посту губернского архитектора, он продолжил работу своих предшественников по реализации первого регулярного генерального плана Воронежа. Выполненные В.Б. Белокопытовым фиксационные планы позволяют историкам оценить темпы работ по реконструкции города за годы его работы.

В РГВИА хранится план Воронежа, составленным губернским архитектором в 1797 г.¹ На чертеже, выделены застроенные и ещё пустые кварталы, отмечены наиболее крупные здания. Его несомненным достоинством является тщательно прорисованный рельеф городской территории, который позволяет оценить степень успешности работы службы губернского архитектора по привязке утверждённого плана к местным условиям. Ещё больший интерес для нашего исследования представляет план Белокопытова 1799 г. (см. иллюстративные материалы, рисунок № 12)². Это, пожалуй, наиболее детальный из всех рассмотренных ранее планов Воронежа, поскольку на нём впервые нанесена вся поквартальная городская застройка. На чертеже показаны не только казенные и церковные постройки, но и все «обывательские строения» с указанием их конфигурации в плане и расположения в структуре квартала и конкретного отведенного под застройку участка. Каждое существовавшее на тот период здание каменное или деревянное нашло место на этом подробнейшем плане Воронежа.

Изучение этого документа позволяет с наибольшей полнотой судить о результатах претворения в жизнь плана 1774 г. за относительно небольшой исторический период. Беспорядочно разбросанные слободки уступили место правильным кварталам, кривые переулки – прямым и относительно широким улицам. Большинство кварталов уже застроено по периметру, а внутреннее пространство занято хозяйственными постройками. Территории кварталов разбиты на участки усадеб, на которых в линию улицы примерно через равные интервалы стоят дома.

В верхней части города регулярные установки 1770-х гг. почти полностью выполнены и дополнены новыми наработками – вновь спроектированными анало-

¹ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 21528.

² РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. Д. 892.

гичными прямоугольными кварталами. Губернская архитектурная служба явно превзошла генплан 1774 г., полностью преобразовав и нижнюю часть города. Видны также чёткие результаты корректировки генплана: на Большой Дворянской улице показаны новые административные здания, т.е. она реально получила статус главной в отличие от проектного предложения И.Е. Старова, не выделявшего её среди прочих.

Не только скрупулезность исполнения, но и высокое графическое мастерство отличают эту картографическую работу. Она наглядно показывает профессиональный рост губернской архитектурной службы и результат деятельности за четверть века её существования. Город резко изменил не только свою планировочную структуру, но и благодаря новой застройке центра свой облик. Впрочем, если судить по чертежу, изменилось и само понятие центра в представлении горожан.

В качестве примера можно привести улицу Большую Девиченскую, расположенную достаточно далеко от старого центра. К концу XVIII в. она оказалась заселённой весьма состоятельными людьми. Именно здесь в 1798 г. был построен очень внушительных размеров для того времени жилой дом губернатора А.Б. Сонцова (ныне ул. Сакко и Ванцетти, 102). По предположению А.Н. Акиньшина, автором проекта является В.Б. Белокопытов¹. По нашему мнению, в работе над проектом, он вероятнее всего опирался на один из «образцовых» фасадов, разработанных комиссией И.И. Бецкого в 1779 г.² От прежней обширной усадьбы ныне уцелел только главный дом, который за свою долгую историю неоднократно перестраивался и поэтому не отличается сейчас строгостью пропорций. В целом же документально подтверждённое архитектурное наследие Белокопытова составля-

¹ Акиньшин А.Н. Материалы к биографическому словарю [А-В] //Труды областного краеведческого музея. Вып. 2. Воронеж, 1994. С. 78.

² Строительство церквей вплоть до конца XVIII в. осуществлялось также по образцам, но несколько иного рода. Так, в 1796 г. сельское общество с. Горяиново Землянского уезда обратилось к В. Б. Белокопытову с просьбой спроектировать церковь "мерою в длину, ширину и высоту против состоящей в Землянке Спасской церкви, только с прибавлением против оной одного осьмерика в два аршина ровню". (Там же. С. 79).

ет 80 чертежей казенных зданий различного назначения, запроектированных для Воронежа¹.

Строительство в Воронеже, если судить по рассмотренному плану, наиболее активно велось в секторе между современными улицами 9 Января и К. Маркса. На выходе Новомосковской (ныне ул. Плехановская) из города разместилась Ямская слобода, что еще раз подчеркнуло важность этого направления в его планировочной структуре. Воронежские губернские архитекторы, в отличие от «конфирмованного» плана, в процессе его адаптации к местным реалиям не стали размещать её вдоль дороги на Острогжск.

То, как архитектурная служба стремилась определить перспективные направления для развития планировочной структуры города, можно увидеть на плане, составленном Е.А. фон Коловым и уездным землемером А.З. Артемьевым на рубеже веков². Он представляет практически полную копию плана 1799 г., однако по сравнению с ним содержит и проектное предложение. Авторами включены в черту города незастроенные кварталы, примыкающие к Большой Дворянской улице в районе нынешнего вокзала и за линией железной дороги.

Картину застройки Воронежа дополняет информация, содержащаяся в книге Е.А. Болховитинова. Им составлено подробное описание Воронежа на 1799 г. – перечислены лучшие улицы и дана характеристика наиболее примечательных «градских публичных зданий». В частности, сообщается, что в городе при численности населения «обоого пола 14720 душ» обывательских домов каменных 272, деревянных 2645, а его территория разделена на 236 кварталов³. Данный труд, наряду с рассмотренными выше картографическими материалами, наглядно демонстрирует масштаб работ, осуществленных под руководством губернской архитектурно-строительной службы.

В целом принципы преобразования городской структуры Воронежа были типичными для России. Тем не менее следует подчеркнуть, что деятельность местной архитектурной службы отличалась большим, нежели того требовали

¹ Митин В.А. Василий Борисович Белокопытов. Губернский архитектор. Воронеж, 2015. 96 с.

² ГАВО. Фототека, № 0-20678.

³ Болховитинов Е.А. Указ. соч. С. 45, 54, 55.

установки «Комиссии...», стремлением к упорядочению планировки всего города, а не только его основной нагорной части.

Начинания Екатерины II в области административно-территориального устройства империи дали свои весьма наглядные плоды, отразившиеся, прежде всего в обустройстве российских городов. Контрреформаторский характер государственной деятельности Павла I оказался весьма коротким (конец 1796 г. – начало 1801 г.) и не смог кардинально изменить принципы организации работы архитектурно-строительных служб в стране. Тем не менее, упразднение Воронежского наместничества вместе с другими наместничествами по именному указу от 12 декабря 1796 г. «О новом разделении государства на губернии»¹, ознаменовало начало нового этапа в развитии Воронежской губернии и её губернского центра.

В годы правления Павла I произошла ликвидация ряда учреждений² и должностей, созданных при Екатерине II, среди которых оказалась и должность уездного землемера, упраздненная по указу от 18 февраля 1800 г.³

В книге штатов ПСЗРИ, в связи с «уничтожением уездных землемеров» даны следующие пояснения «не настоят надобности держать по всем уездным городам Землемеров, а куда нужда потребует... командированы быть из Губернской чертежной... В каждой Губернии по штатам положен Губернский Землемер, Губернский Архитектор и Губернский Механик, с жалованьем первому по 400, второму по 300, а третьему по 200 рублей. А как в механиках особливой надобности не настоят, найти их за такую плату не можно, да и не находится их; обыкновенно по губерниям употребляется в надобности вместо Механика Землемер или Архитектор: то и полагаем отменя содержание Механика, разделить жалованье, оному назначенное, на Губернского Землемера и Архитектора поровну»⁴.

Многие землемеры, оставленные за штатом, были определены, в силу их образованности и опыта работы, на разные должности в уездные администрации Воронежской губернии. Например, землемер Задонской округи Н.П. Лютов стал

¹ ПСЗРИ. 1-е собр. – Т. 24, № 17634.

² В частности, 1 января 1797 г. была ликвидирована «Комиссия о каменном строении Санкт-Петербурга и Москвы» (ПСЗРИ. 1-е собр. – Т. 24, № 17670).

³ Там же. – Т. 26, № 19281.

⁴ ПСЗРИ 1-е собр. – Т.43, Книга штатов, ч.1. С. 356 – 358.

служить в уездном суде¹, а Г.Г. Шпажинский по данным на 1806 г. значился смотрителем народного училища в Острогожске².

Данный указ подвел своего рода черту под эпохой екатерининских преобразований в деле переустройства российских городов. По отношению к Воронежу результат этой титанической и очень последовательной работы был впечатляющим по своему качеству и масштабу. Наиболее ярким свидетельством этого утверждения является тот факт, что направления улиц, проложенных по плану 1774 г., сохранились до наших дней в центральной части Воронежа. В силу этого планировка исторического центра города, доказавшая свою жизнеспособность, может рассматриваться как памятник градостроительства XVIII в. Регулярный план явился той основой, на которой в дальнейшем развивалась вся архитектурно-планировочная структура города.

В конце XVIII в. произошло становление профессии архитектора и первичных форм управления архитектурно-строительной деятельностью, как в масштабе страны, так и на уровне губерний и отдельных городов. Все это способствовало формированию европеизированного архитектурного облика провинциальных городов Российской империи: от регулярной планировки до формирования в их структуре классических ансамблей и отдельных зданий, соизмеримых в ряде случаев по своей выразительности с культовыми постройками. Возведение зданий по чертежам вошло в строительную практику Воронежа и стало обязательным требованием. Это касалось не только уникальных построек, но и рядовых жилых домов, для которых составлялся план владения и фасад. Индивидуальный характер не только городских общественных построек, но и многих жилых домов в Воронеже в значительной степени был обусловлен тем, что казенное и частное строительство велось в основном по проектам или под наблюдением губернских архитекторов. При этом они умело адаптировали образцовые проекты к местным условиям.

¹ ГАВО. Ф. И-30. Оп.1. Д. 62. Л.26.

² Там же. Д. 90. Л. 4.

Глава 2. РЕГУЛИРОВАНИЕ АРХИТЕКТУРНО-СТРОИТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ В ВОРОНЕЖСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XVIII – 60-х ГГ. XIX В.

§ 1. Законодательные основы регуляции архитектурно-строительных процессов в первой половине XIX в.

Для вступившего на престол в 1801 г. Александра I важнейшей проблемой явилось реформирование устаревшей системы государственного и местного управления. Большим шагом в её решении стала так называемая «Министерская реформа» (1802–1811), суть которой сводилась к упразднению существовавшей со времен Петра I системы коллегий. Манифестом от 8 сентября 1802 г. было учреждено 8 министерств. Одним из них стало министерство внутренних дел, за которым закреплялось «построение и содержание всех публичных зданий» и благоустройство в целом¹.

На основании этого манифеста был подготовлен доклад министра финансов, утвержденный 13 ноября 1803 г., в соответствии с которым надзор за строительством и содержанием публичных строений, составление и контролирование планов и смет возлагались на губернаторов и губернские правления. При этом финансирование строительной части должно было проходить через МВД².

В соответствии с утвержденным императором докладом МВД от 18 апреля 1805 г. строительные экспедиции, при казенных палатах состоящие, переводились в губернские правления³. Указом сената от 14 января 1807 г.⁴ было определено, что ассессоры этих экспедиций должны принимать участие в работе губернских правлений при рассмотрении дел, связанных со строительством. В случае необходимости по согласованию с губернатором их разрешалось привлекать и к выполнению других поручений. При этом губернский архитектор с правом совещатель-

¹ ПСЗРИ. 1-е собр. – Т. 27, № 20406.

² Там же. № 21036.

³ Там же. Т. 28, № 21717.

⁴ Там же. Т. 29, № 22426.

ного голоса входил в общее присутствие губернского правления, призванное решать наиболее важные дела.

В ходе проводимой реорганизации в структуре МВД 2 мая 1806 г. среди прочих отраслевых ведомств были создан строительный комитет (СК), который фактически заменил собой упраздненную во время правления Павла I «Комиссию о каменном строении»¹.

При проведении хозяйственным департаментом МВД подготовительной работы по отделению строительных экспедиций от казённых палат выяснилось, что «в целом ряде губерний при палатах состоит только по одному асессору или их вовсе нет, а в суммах, отпускаемых на их канцелярии, нет росписи собственно на строительную экспедицию»². Решение «Об отделении строительных экспедиций от казенных палат и о присоединении оных к губернским правлениям» было принято 2 мая 1806 г. В постановлении говорилось, что для производства дел по части строительной необходимо назначить при губернских правлениях по одному асессору. Вводить эту чиновничью должность разрешалось по мере надобности.

В это время по штату Воронежской губернии при казенной палате числилось два асессора и поэтому она попадала под ту часть постановления, в которой говорилось о переводе «из тех Казенных палат... в Губернские правления с Строительными экспедициями по одному асессору, отделив вместе с ними, как дела сей части, так и канцелярских служителей, строительной частью занимавшихся»³.

В соответствии с «Высочайше утвержденным разделением государственных дел по министерствам» от 17 августа 1810 г.⁴ произошло перераспределение функций, связанных со строительством. В ведении Департамента государственного хозяйства и публичных зданий МВД оставались вопросы строительства и содержания казенных и церковных зданий. Планировка, общее благоустройство, снабжение городов «для частных построений планами и фасадами», содержание

¹ ПСЗРИ. 1-е собр. – Т. 29, № 22114.

² РГИА. Ф. 1285. Оп. 8. Д. 122. 70 л.

³ ПСЗРИ. 1-е собр. – Т. 29, № 22114. С. 245.

⁴ Там же. Т. 31, № 24326.

дорог и всевозможных транспортных сооружений перепоручалось исполнительному департаменту Министерства полиции.

Сенатским указом «О передаче из Министерства Полиции в Министерство Внутренних дел всех дел, до строительной части относящихся, и о бытии под ведением оного Строительным Экспедициям» от 29 мая 1813 г.¹ возникшее дублирование функций двух министерств было устранено. За МВД, в ведение которого перешли губернские правления и в силу этого подчинялись строительные экспедиции в губерниях, окончательно закреплялись все вопросы строительства. В соответствии с указом от 20 июля 1824 г. эти экспедиции на местах должны были аккумулировать и хранить информацию по всем зданиям ведомства МВД в виде технических описей «с означением, когда и из какого материала здания построены ... чем оные заняты ... и в каком состоянии находятся»².

Казенные палаты, находящие после этой реформы в ведении министерства финансов, по всем вопросам строительства и содержания публичных зданий через начальника губернии должны были получать одобрение в МВД. Согласно преобразованиям, в составе губернского правления появилось строительное отделение, а в составе казенной палаты Седьмая экспедиция, которая ведала делами о перевозках, строительстве и содержании мостов, обо всех казенных и «публичных» строениях. Эта работа требовала постоянного не только финансового контроля со стороны казенной палаты, чем она всегда традиционно занималась, но и со стороны специалистов, которые должны были профессионально разбираться в строительстве и проверять расходование отпущенных на него казенных средств.

В связи с этими новыми обязанностями 24 июня 1824 г. утверждается положение, подготовленное комитетом министров «Об определении в казенные палаты 29 Великороссийских Губерний особых Архитекторов». В нём, в частности, говорилось: «В ведомстве казенных палат... находится ныне значительное число казенных строений... для освидетельствования коих при постройках и починках, также для сочинения смет и планов, необходимо иметь в распоряжении Палат

¹ ПСЗРИ. 1-е собр. – Т. 32, № 25392.

² Свод законов Российской империи. СПб., 1833. Т. 12, ч. 4-5: Свод Уставов Государственного Благоустройства. Уставы путей сообщения, строительный и пожарный (ч. 4). С. 125.

особых чиновников, знающих архитектуру: ибо губернские архитекторы, быв почти всегда заняты...медленность же в сих случаях нередко влечет за собою неизбежные для казны убытки»¹. Этим постановлением разрешалось иметь архитекторов в ведении тех казенных палат, «кои будут иметь в том надобность» с жалованием «по 600 руб. в год, да на прогоны, краски и бумагу не более таковой же суммы».

«Надобность» в Воронежской губернии возникла только в 1834 г. Вновь учрежденную в казенной палате должность 25 августа занял архитектор Семен Иванович Соколов². В качестве архитектора казенной палаты он проработал в течение трёх десятилетий до ухода в отставку. В его обязанности входило наблюдение за состоянием и строительством всех казенных и публичных зданий в городах губернии, а также в деревнях государственных крестьян. Кроме того, по требованию губернатора он должен был производить проверку смет «по строительной части составляемых», т.е. исполнял роль контролера, призванного минимизировать ущерб для казны при их составлении³. Необходимость и обязанность в выполнении этой дополнительной работы архитекторами казенных палат были детально прописаны в высочайше утвержденном мнении Государственного совета «О проверке составляемых по строительной части смет чрез посторонних архитекторов», опубликованном 13 октября 1831 г.⁴

Эти функции, но в более широком масштабе, выполнял с 1838 г. гражданский инженер палаты государственных имуществ. Эти палаты непосредственно

¹ ПСЗРИ. 1-е собр. – Т. 39, № 29961. С.394 – 396.

² ГАВО. Ф. И-18. Оп. 1. Д. 182. Л. 75 об.

³ Работу в казенной палате С.И. Соколов совмещал с творческой деятельностью. По его проектам были построены: два собственных жилых дома (ныне утрачены), жилой дом и гостиница С.Н. Шванвича на Большой Дворянской улице (1843-1844 гг., пр. Революции, д. 27), здание духовной консистории на площади перед Митрофановским монастырем (1859-1861 гг., ныне утрачено). По его чертежам был перестроен дом подполковника Д.И. Халютинна на Большой Девиченской улице под общежитие духовной семинарии (нач. 1840-х гг., ул. Сакко и Ванцетти, д. 80). Утраченная в настоящее время церковь Святого Духа на Терновой поляне (1838 г.) предположительно также была построена по чертежам С.И. Соколова. (Акиншин А.Н. Материалы к биографическому словарю воронежских архитекторов (конец XVIII - начало XX вв.) // Из истории воронежского края: сб. статей. Воронеж, 2005. Вып. 13. С. 116-117). Он же был автором проекта расширения теплой церкви Покровского девичьего монастыря в Воронеже (РГИА. Ф. 218. Оп. 4. Д. 587. См. иллюстративные материалы, рисунок № 13).

⁴ ПСЗРИ. 2-е собр. – Т. 6, № 4805.

подчинялись министерству Государственных имуществ, созданному 26 декабря 1837 г.,¹ и формировались на местах в соответствии с «Высочайше утвержденным проектом учреждения о управлении государственными имуществами в губерниях» от 30 апреля 1838 г.² Должность гражданского инженера вводилась §25 этого указа и по штату для палат первого разряда (в их число вошла и Воронежская губерния) обеспечивалась жалованием 1000 рублей (+ 500 столовых) в год. С 1845 и до конца 1860-х гг. должность инженера воронежской палаты государственных имуществ занимал гражданский инженер, коллежский асессор Василий Иванович Егоров³. Он и два его помощника проектировали и осуществляли контроль за возведением казенных и общественных зданий, церквей в крупных селах и слободах государственных крестьян. Кроме того, они снабжали их жителей образцовыми фасадами домов и хозяйственных построек и составляли планы самих селений.

Министерская реформа стала важнейшим этапом в реформировании системы центральной власти в России. Она продолжила процесс выстраивания и совершенствования административной вертикали, начатый при Екатерине II, в том числе и по управлению архитектурно-строительными мероприятиями на разных иерархических уровнях.

В сфере государственной регламентации непосредственно строительной деятельности в первой половине XIX в. важную роль сыграли «Урочные Положения», изданные впервые в 1811 г.⁴ Созданные для внедрения в жизнь государственных строительных нормативов, они в дальнейшем многократно переиздавались с дополнениями и уточнениями, определяемыми появлением новых технических средств.

В первой трети XIX в. образцовые проекты по-прежнему остаются важным подспорьем в работе для местных архитекторов. В период с 1803 по 1830 гг. были разработаны и изданы в виде альбомов или приложений к ПСЗРИ «образцовые»

¹ Там же. Т.12, № 10384.

² Там же. Т.13, № 11189, ч. 2: Штаты и таблицы. С. 117.

³ Акинъшин А.Н. Материалы к биографическому словарю // Из истории Воронежского края. Воронеж, 2002. Вып. 10. С. 86.

⁴ Урочные положения на все вообще работы, производящиеся при крепостях, гражданских зданиях и гидротехнических сооружениях / 2-е изд., испр. СПб., 1839. – 413 с.

чертежи: казенных зданий (1803), жилых домов (1809, 1812)¹, ворот и оград, планировок городских кварталов (1811), церквей (1824), тюремных зданий, присутственных мест, домов вице-губернаторов (1828) и других объектов. Несколько утвержденных еще в 1778 г. «примерных» фасадов для обывательских домов уже не охватывали всё типологическое многообразие необходимых сооружений и со временем перестали удовлетворять заказчиков. В сумме архитекторами СК под руководством В.П. Стасова было составлено более 250 проектов образцовых фасадов. При этом желание государства обеспечить архитектурное единство городской застройки вступало в некоторое противоречие с многообразием выпущенных проектов и разрешением на местах дома частных застройщиков размещать в любом сочетании.

Все эти «образцы» были утверждены императором и поэтому, обладая силой закона, активно внедрялись в жизнь посредством рассылки в губернии размноженных типографским образом комплектов чертежей. Так, например, в фондах ГАВО сохранились присланные в Воронеж циркуляры МВД: о типовых планах станционных почтовых домов с приложением трёх вариантов (1831)² и о построении хлебных магазинов в помещичьих имениях по образцовым проектам (1835)³. Этим двум типам общественных зданий, возводимых в сельской местности, государство уделяло повышенное внимание. Пристанционные почтовые дома воспринимались в своём единообразии как символы государственной структуры на бесконечных просторах России. Хлебные магазины (склады) рассматривались как важнейшие объекты сельского строительства на случай неурожая.

В городской застройке «образцовые» проекты из альбомов В.П. Стасова, благодаря относительной скромности в отделке фасадов, находили достаточно широкое применение. Такие два дома П.А. Поповым были обнаружены и Воронеже среди немногочисленных сохранившихся построек первой половины XIX в.⁴

¹ Несмотря на обилие «образцовых» проектов частных домов, государство по настоящему нигде, кроме губернских центров, не контролировало их соответствие реальному строительству.

² ГАВО. Ф. И-30. Оп. 1. Д. 1049.

³ Там же. Д. 1238.

⁴ Попов П.А. Следы творчества В.П. Стасова в Воронеже // Воронежский вестник архивиста. Вып. 16. Воронеж, 2018. С. 111-121.

Это жилой дом, а впоследствии административное здание Воронежской ремесленной управы (ул. Сакко и Ванцетти, 87), и жилой дом, принадлежавший Успенской церкви (ул. Софьи Перовской, 37а). При этом абсолютно точного соответствия проектам установлено не было, что в очередной раз подтверждает тот факт, что провинциальные архитекторы в ходе реального проектирования, т.е. учитывая пожелания заказчиков, достаточно вольно изменяли габариты домов и меняли декор на фасадах.

По «Положению о новом образовании строительной части гражданского губернского ведомства» от 29 сентября 1832 г.¹ в Главное управление путей сообщения (ГУПС) из МВД, была передана строительная часть, что привело к созданию в 1833 г. нового органа – «Главного управления путей сообщения и публичных зданий» (ГУПСиПЗ), объединившего в единую систему управление дорожным и гражданским строительством в стране.

Основные положения, касающиеся управления процессом проектирования и строительства, взаимодействия ведомств и частных лиц с центральными и местными органами МВД и иными структурами в области строительства, благоустройства и финансовой политики в этой сфере, нашли отражение в строительном уставе, изданном в 1832 г.² Он стал первым официальным собранием действующих законодательных актов в области гражданской архитектуры и строительства, а также благоустройства населенных мест. В его тексте, в частности, было впервые сказано, что должность губернского архитектора является обязательной для всей империи. Занимать её могли «техники по строительной части», окончившие соответствующие учебные заведения.

Для реализации в провинции архитектурно-градостроительной политики, идущей из столицы, принципиально важную роль сыграло постановление «О при-

¹ ПСЗРИ. 2-е собр. – Т. 7, № 5624.

² Строительный устав в первой редакции состоял из семи разделов и двадцати одной главы, в которых были изложены: положения об учреждениях для управления строительной частью (раздел I), о типах казенных (раздел II), церковных (раздел III) и общественных зданий (раздел IV), о правилах построения городов и устройстве в них улиц, площадей, фабрик и частных зданий (раздел V и VI) и селений (раздел VII). Устав был объявлен действующим источником права с 1 января 1835 г. (ПСЗРИ. 2-е собр. – Т. 7, № 5624. С. 626 – 635).

готовлении в академии художеств воспитанников для архитектурских должностей» от 26 августа 1830 г.¹ Оно было принято в ответ на предложение об определении воспитанников «Рязанского чертежного отделения, состоящего при дворянском воспитательном заведении», землемерами в другие губернии². По результатам его рассмотрения было принято решение о том, что подготовку в Рязани «по недостатку средств и способов к образованию в оном опытных архитекторов и землемеров», необходимо закрыть.

«Архитекторское училище», учрежденное при академии художеств, стало первым учебным заведением в стране для подготовки специалистов по гражданско-строительной части. Выпускников после практической работы в течение двух лет в качестве архитектурских помощников в строительном комитете (СК) МВД «судя по успехам и надобности» распоряжением министерства определяли по губерниям архитекторами или на другие должности, связанные со строительством.

Вторым в стране учебным заведением архитектурно-строительного профиля стало «Училище гражданских инженеров», учреждённое 27 апреля 1832 г. В 1842 г. это училище и архитектурное училище при императорской академии художеств³ были соединены в одно учебное заведение – строительное училище ГУПСИПЗ. В положении об училище, утверждённом в 1851 г. сообщалось, что из 160 штатных вакансий 106 приходилось на учащихся, присылаемых из губерний, которые их и содержали⁴. Его воспитанники выпускались «архитекторскими помощниками» X, XII и XIV классов, которые обладали теперь не только художе-

¹ ПСЗРИ. 2-е собр. – Т. 5, № 3874.

² Косвенным свидетельством того, что в Воронежской губернии проблема с обеспечением специалистами данного профиля была не такой острой, как в других регионах страны, является тот факт, что она была перечислена в числе тех губерний, куда рязанских воспитанников направлять не нужно.

³ Несмотря на эти новации, в самой академии художеств сохранялось архитектурное отделение, одним из первых выпускников которого был И.Е. Старов (1762 г. окончания). Среди тех, кто закончил академию и работал в Воронеже, можно назвать губернских архитекторов: В.Н. Шибалин (1833 г.) и А.А. Кюи (1848 г.).

⁴ ПСЗРИ. 2-е собр. – Т.26, № 25857. Так, например, выпускник первого набора училища дворянин М.П. Жукевич-Стош учился «на счет Воронежской губернии», т.е. за счёт средств воронежского дворянства. По окончании училища в марте 1839 г. он получает назначение в Воронежскую ГСК на должность младшего инженера (Акинъшин А.Н. Материалы к биографическому словарю // Из истории Воронежского края. Воронеж, 2002. Вып. 10. С. 90).

ственными, но и техническими знаниями, необходимыми для решения самых разнообразных архитектурно-строительных задач¹. В 1883 г. училище было преобразовано в институт гражданских инженеров².

Подготовкой архитектурных специалистов занималось и Московское дворцовое архитектурное училище – учебное заведение, созданное в 1831 г. на базе архитектурного училища, существовавшего при экспедиции кремлёвского строения (в 1865 г. оно вошло в состав Московского училища живописи, ваяния и зодчества). Однако его возможности по выпуску архитекторов были значительно меньше, поскольку по штатному расписанию на двух его отделениях (практическом и теоретическом) предполагалось обучение всего 60 воспитанников³.

В рассматриваемый период начало функционировать еще одно специальное учебное заведение. Указом Александра I от 20 ноября 1809 г. в составе корпуса инженеров путей сообщения был создан институт инженеров путей сообщения, воспитанники которого могли привлекаться к производству всех видов инженерных и военно-строительных работ. В 1823 г. он стал закрытым учебным заведением, функционирующим по образцу военных кадетских корпусов. Лишь в 1843 г. был прекращён институт выпуск офицеров в строительный отряд⁴, вместо этого, они стали производиться в звание архитекторов.

Получить профессию военного инженера, начиная с 1810 г., можно было и в Николаевском инженерном училище Санкт-Петербурга (с 1855 г. Николаевская

¹ Это учебное заведение в разные годы закончили, работавшие в Воронеже на архитектурных должностях: М.В. Богданович (1836 г. окончания), М.О. Мирский (1838), А.К. Македонский (1845), В.А. Сербин (1846), А.С. Купинский (1850), В.Е. Переверзев (1852), А.П. Багалдин-Тайшев (1857), Д.С. Максимов (1862), В.В. Стайновский (1874), С.Л. Мысловский (1879) и др.

² Его выпускниками были многие воронежские архитекторы. Назовем некоторых из них: И.Н. Афанасьев (1886 г. окончания), Ю.С. Лещинский (1895), Д.Н. Васильев (1897), В.И. Гайн (1901), М.Н. Замятнин (1902).

³ ПСЗРИ. 2-е собр. – Т. 6, № 4956. Может быть, именно поэтому его окончили всего три архитектора, работавшие в Воронеже: М.Ф. Краснов (1836 г. окончания), Г.А. Артемовский (1860), А.М. Баранов (1860).

⁴ Офицерами строительного отряда в свое время были выпущены М.П. Сентянин (1824 г. окончания), служивший председателем ГСДК в Воронеже, и Л.Н. Жеденов (1840), ставший первым начальником Воронежского строительного отделения губернского правления и первым губернским инженером по должности.

инженерная академия), где наряду с прочими дисциплинами, учащимися изучались строительное искусство и архитектура.

За счёт выпускников этих учебных заведений в масштабе страны постепенно происходило наполнение структур, связанных с решением архитектурных задач профильными специалистами. В частности, потребность в таких выпускниках была наиболее острой в губернских строительных комиссиях (ГСК), которые учреждались при губернских правлениях в соответствии с уже упомянутым «Положением о новом образовании строительной части гражданского губернского ведомства». Они заменили существовавшие прежде строительные экспедиции, функции которых были значительно уже. Теперь комиссии заведовали распорядительной и хозяйственной частью гражданских зданий и сооружений «от гражданского управления зависящих, на какой бы счет таковые выстроены ни были»¹. При финансировании строительных работ использовались средства, поступающие от казны, земских повинностей, приказа общественного призрения, городских доходов, частных пожертвований и т.п.

Комиссии непосредственно подчинялись главноуправляющему путями сообщения и публичных зданий и являлись исполнительным органом. Работами на местах руководили начальники округов путей сообщения, на которые была разделена территория России. В 1836 г из 9 существовавших на тот период округов в структуре ГУПСИПЗ решено было создать 5 новых². Воронежская губерния вошла в состав 4 округа, включавшего в себя 12 губерний с местопребыванием окружного правления в Киеве. В 1843 г. в ходе очередной реорганизации количество округов вновь было увеличено. Их стало 12, а Воронежская губерния вошла в состав округа №7.

В «Положении...» перечислены функции строительной комиссии: иметь (хранить) планы, фасады и описи состоящих в её ведении зданий и сооружений; знать, когда здание построено, в каком состоянии находится и чем занято; заботиться о сохранении и содержании зданий; через одного из членов комиссии про-

¹ ПСЗРИ. 2-е собр. – Т.7, № 5624. С. 627.

² Там же. Т.11, № 9030.

верить сведения, подаваемые полицмейстерами, городничими, экзекуторами и смотрителями о состоянии зданий; ежемесячно собирать сведения о ценах на материалы, работы и рабочих людей в губернии для составления смет; при получении разрешения производить ремонт, перестройку и сооружение новых зданий.

До 1 июля каждого года губернатор должен был представлять главному управляющему путей сообщения отчет, содержащий «описание починок, сметы для перестроек, проекты, чертежи и сметы для нового здания», сделанное по определенным правилам инженером или архитектором.

Сметы на ремонты и перестройки на сумму свыше 500 рублей комиссии необходимо было отправлять окружному начальнику для рассмотрения в техническом отделении¹. В случае нового строительства губернатор представлял смету министру внутренних дел с обоснованием нужности здания. После её утверждения губернатор все документы, необходимые для нового строительства, также препровождал окружному начальнику. Только после этого комиссии сообщалась отпускаемая сумма, которая включалась в ежегодные расходы, необходимые для гражданского строительства в губернии. Проекты особой важности, требующие значительных сумм, представлялись на высочайшее утверждение. Резолюции на прошения и представления, полученные из столицы, губернатор передавал в строительную комиссию и для их исполнения назначал ответственных для производства работ. Это мог быть губернский архитектор, его помощник или офицер корпуса путей сообщения. Для «ремонтных починок в уездных городах на сумму не свыше 500 рублей» в случае занятости членов комиссии мог быть назначен кто-то из служащих в губернии чиновников.

Для производства работ ГСК разрешалось использовать 4 способа их организации: 1) разбить подряд с публичных торгов отдельно на поставку материалов и отдельно на производство работ²; 2) заготовление материалов и наем рабочих

¹ В 1837 г. это требование, замедлявшее процесс принятия решений, было отменено (ПСЗРИ. 2-е собр. – Т. 12, № 10326).

² Такой способ подряда назывался «раздробительным», поскольку предполагал составление отдельных договоров на поставку материалов и на производство работ.

осуществлять хозяйственным способом для достижения выгоды для казны¹; 3) отдавать подряд на строение с публичных торгов «гуртом»²; 4) совмещение первых трёх способов³.

Эти четыре способа организации работ, использовавшихся при построении казённых и общественных зданий можно разделить на хозяйственный и подрядный. Крупное казённое строительство велось, как правило, хозяйственным способом, а подрядный был характерен для строительства городских общественных зданий. Со временем подрядный способ строительства получает распространение и при реализации проектов крупных частных зданий. Распространенный прежде артельный способ организации труда, когда староста строительной артели заключал договор непосредственно с нанимателем, по-прежнему сохранялся, но уже только в частном секторе строительства.

ГСК представляла всем желающим принять участие в торгах по строительству и ремонту общественных зданий полные кондиции, т.е. условия договора⁴. При этом каждый подрядчик, принимавший участие в торгах, обязан был иметь свидетельство, выданное городской управой, дававшее ему право заниматься производством строительных работ в пределах определенной суммы.

Информация о проведении предполагаемых торгов публиковалась в периодических изданиях. Торги проводились в казенной палате в присутствии члена строительной комиссии, где решающим критерием была стоимость контракта. По результатам торгов с победителем заключался договор, при составлении которого руководствовались высочайше утвержденным положением от 17 октября 1830 г.⁵ Подрядчиками крупных строек, финансируемых государством, как правило, были

¹ В этом случае предполагалось, что заготовка строительных материалов и проведение самих работ будет осуществляться самим заказчиком.

² При подряде «гуртом» все поставки и само производство работ должны были осуществляться одним подрядчиком-предпринимателем.

³ Этот способ осуществления подрядных работ назывался «смешанным». В этом случае часть работ могла быть выполнена хозяйственным способом, а другая – методом «раздробительного» подряда или «гуртом».

⁴ Кондиция – документ, в котором подробно прописывались: количество и качество необходимых для реализации проекта материалов, способы производства работ, сроки их проведения, размеры выплаты неустойки в случае их нарушения, обязанности обеих сторон, оговаривались условия и сроки оплаты труда и т.п.

⁵ ПСЗРИ. 2-е собр. – Т. 5, № 4007.

купцы, а небольшие подряды были сферой деятельности предпринимателей из мещан и крестьян-однодворцев.

Сенатским указом от 30 июня 1833 г. «О штатах Строительной части Гражданского Губернского ведомства»¹ для 47 губерний (в их состав вошла и Воронежская) был определен состав строительных комиссий, действовавших под председательством гражданских губернаторов. Они должны были состоять из трёх членов: асессора, заведующего только хозяйственной частью, губернского архитектора и его помощника (с жалованьем в 500 рублей ассигнациями) имеющим в своем ведении часть искусственную. Делопроизводством должен был заниматься секретарь (он же и бухгалтер с жалованьем в 750 рублей ассигнациями)². При этом оговаривалось, что асессор и губернский архитектор должны были получать жалованье серебром «ныне им производимое». В работах по «искусственной части» могли быть задействованы один или два офицера корпуса путей сообщения и кондуктор³ комиссии.

В 1834 г. в штат строительных комиссий для делопроизводства были включены канцелярские служащие: высшего оклада – 1, среднего – 1, низшего – 2⁴. В этом же году губернским прокурорам было дано право просматривать журналы работы ГСК⁵. В результате их создания губернские архитекторы превратились в низшее звено многоступенчатой цепи согласований, которая из провинции доходила до Петербурга.

В диссертации А.Н. Акиньшина указывается, что в Воронеже ГСК была создана в 1832 г., однако эта дата не подтверждается ссылками на соответствующие документы⁶. Нам же удалось установить, что она впервые упоминается в «Адрес-

¹ Там же. Т. 8, № 6294, ч.2: Штаты и табели. С. 140, 141.

² Реальная стоимость одного бумажного рубля в этот период составляла примерно 25-26 копеек серебром.

³ Кондуктор – выпускник специального учебного заведения, а также унтер-офицер, выполнявший работу чертежника или художника.

⁴ ПСЗРИ. 2-е собр. – Т. 9, № 6790, ч.2: Штаты и табели. С. 18.

⁵ Там же. Т. 9, № 6792.

⁶ Акиньшин А.Н. Социально-экономическое и политическое развитие города Воронежа периода позднего феодализма : дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 1987. С. 170.

календаре Российской империи на 1837 г.»¹, составленном по данным на ноябрь-декабрь 1836 г. Отсюда можно сделать вывод, что по факту воронежская ГСК стала рабочим органом не ранее 1836 г.

Её председателем был назначен военный губернатор генерал-майор Н.И. Лодыгин, а членами стали: корпуса инженеров поручик П.П. Мольнер², строительного отряда прапорщик Г.И. Рейнгард 3-й, ассессор, коллежский секретарь Н.В. Нестеров, губернский архитектор, коллежский секретарь А.И. Денисенков, помощник его, губернский секретарь А.М. Мокринский, секретарь, коллежский секретарь И.Д. Данилов. На практике работу комиссии, которая располагалась в здании присутственных мест, возглавлял губернский архитектор. Именно он или его помощник чаще всего назначались губернатором ответственными за производство тех или иных работ. Переписку обычно вёл «гражданский помощник».

В связи с организацией в губерниях строительных комиссий формулярные списки офицеров, чиновников, архитекторов, их помощников и землемеров, включенных в их состав, ежегодно рассматривались и утверждались в ГУПСиПЗ³. Все перемещения по службе и увольнения сотрудников согласовывались и утверждались в столице вплоть до 1865 г.

С отделением губернских архитекторов в ведомство ГУПС все их обязанности в отношении жилых, общественных и казенных строений делегировались строительным комиссиям. Обо всех сметах на проекты или строительные работы, ГСК должны были ежемесячно «доносить» главноуправляющему путей сообщения и публичных зданий. Лишь в 1847 г. им было дано право утверждать сметы в размере до 4 тысяч по проектам, прошедшим предварительное рассмотрение в главном управлении⁴.

Сметы составлялись на основе «Урочного положения на все вообще работы» опубликованного в 1838 г., однако после четырехгодичного опыта его ис-

¹ Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской империи. 1837. В 2-х ч. СПб., 1837. Ч. 1. С. 872; Ч. 2. С. 167.

² Решение о назначении членами строительных комитетов инженерных полковников и подполковников было принято позже, 15 марта 1838 г. (ПСЗРИ. 2-е собр. – Т. 13, № 11053).

³ РГИА. Ф. 200. Оп. 2. Д. 70, 219, 239, 541, 694, 1787.

⁴ ПСЗРИ. 2-е собр. – Т. 23, № 22364.

пользования было признано, что проводимые по нему исчисления не очень точны. В результате особым комитетом ГУПСИПЗ был разработан новый вариант этого документа, принятый 9 апреля 1843 г.¹

В 1844 г. на губернские комиссии была возложена обязанность предварительного рассмотрения проектов на индивидуальное жилищное строительство. Обыватели городов, желающие построить новые дома или перестроить существующие, должны были представить в комиссию «при фасадах подробные планы всех частей здания по этажам и разрезы как продольные, так и поперечные»². После рассмотрения проектной документации окончательное утверждение принятого решения происходило в окружном правлении.

В последующие годы наблюдается постепенное понижение уровня утверждающей инстанции. Право утверждать проекты частных зданий (каменных одноэтажных и деревянных до двух этажей с количеством окон по длине фасада не более семи) в уездных и губернских городах в 1847 г. было предоставлено генерал-губернаторам, а где их не было, это право было дано местным губернским строительным комиссиям³.

В 1851 г. были сняты ограничения на количество этажей в каменных домах и количество окон по фасаду, но при этом отчёты о числе домов, построенных в городах на основании разрешений ГСК, по-прежнему необходимо было предоставлять главноуправляющему ПСИПЗ⁴. Лишь в 1857 г., к этому времени уже губернским строительным и дорожным комиссиям, было предоставлено право непосредственно утверждать проекты всех частных построек без согласования с вышестоящими инстанциями⁵.

Дела, хранящиеся в РГИА, позволяют представить последовательность прохождения документов от обращения до принятия и исполнения решений по формированию застройки и благоустройству городов губернии. От частных застройщиков на имя губернатора поступали прошения, в которых обязательно описыва-

¹ Там же. Т. 18, № 16503.

² Там же. Т. 19, № 18529.

³ Там же. Т. 22, № 20826.

⁴ ПСЗРИ. 2-е собр. – Т. 26, № 25803.

⁵ Там же. Т. 32, № 32433.

лась цель запроса – строительство дома, его ремонт и т.д., с просьбой выдать план постройки. Получив прошение, ГСК формировала делегацию, в которую входил представитель комиссии – помощник архитектора, гласный городскойумы и чиновник городского полицейского управления. Эта межведомственная делегация тщательно изучала состояние «крепостного» места потенциального застройщика и соседних построек, после чего выносилась резолюция. В случае «отсутствия препятствий» давалось разрешение или же указывалось на необходимость предварительно провести дополнительные работы по разбору ветхих строений или их частичной перестройке. На законодательном уровне порядок подачи частными лицами заявлений о постройках и исправлениях в домах был определен в 1845 г.¹

В целом по характеру своей деятельности ГСК являлась в большей степени техническим учреждением, которое готовило соответствующую документацию на тот или иной объект и после её одобрения ГУПСИПЗ и министром внутренних дел формировало смету на проведение согласованных действий². При этом следует подчеркнуть, что с ведома и по чертежам, согласованным с комиссией, строились и перестраивались не только здания и сооружения, но и заборы, бани, навесы, крыльца и т.д. Это было чрезвычайно важно, поскольку такой подход обеспечивал не только надежность сооружений, но и их приличный архитектурный облик.

Для того, чтобы обеспечить высокое качество архитектурно-строительных решений, 1 июня 1844 г. было опубликовано высочайше утвержденное мнение государственного совета. В нём в частности говорилось: «нигде по городам не допускались к постройке строений лица, не получившие или звание Архитектора, или свидетельство...от Департамента...Публичных зданий, что они достаточные сведения имеют в строительном искусстве, дабы заведывать работами»³.

Однако из-за встречающихся затруднений «в приискании классных лиц, способных к занятию должностей архитекторов» в 1845 г. было разрешено опре-

¹ РГИА. Ф. 218. Оп. 3. Д. 587.

² Семенова Н. Л. Организация строительной и дорожной комиссии в Оренбургской губернии в 30-60-е гг. XIX в. // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2010. № 15. История. С. 58.

³ ПСЗРИ. 2-е собр. – Т. 19, № 18013.

делять на эти места и «некласных художников, коих Академия Художеств признает для сего достойными»¹. В Воронеже первым из воспитанников академии, получивших звание «некласного художника по архитектурской части», стал Александр Антонович Кюи, прибывший в город в 1854 г.² В соответствии с указанным положением выпускники академии, при отправлении в какую бы ни было губернию, получали подъёмные средства и прогонные. Данное обстоятельство позволяет согласиться с предположением А. Н. Акиньшина, что переезд Кюи из столицы в провинцию был обусловлен материальными соображениями. За счёт «людей из бедного состояния», готовых отправиться на этих условиях в провинцию, происходило, наряду с выпускниками других вышеназванных учебных заведений, постепенное насыщение государственных структур архитекторами в масштабе страны.

На основании высочайше утвержденного «Положения о Губернских Строительных и Дорожных Комиссиях» от 28 апреля 1849 г. губернские строительные комиссии были объединены с губернскими дорожными комиссиями «по однородности предметов» их обязанностей³. Они стали именоваться губернскими строительными и дорожными комиссиями (ГСДК).

Документ о преобразовании губернских строительных комиссий готовился долгие семь лет⁴. ГСДК должны были осуществлять контроль над всеми постройками, переделками и ремонтом дорог, казенных и общественных зданий и сооружений в губерниях. Они учреждались постепенно по усмотрению главноуправляющего ПСиПЗ в тех губерниях, где имелся соответствующий объём работ и необходимость «в усилении технических средств»⁵.

¹ Там же. Т. 20, № 19447. С. 115. Здесь следует заметить, что начиная с 1840 г. в Воронеже помощником губернского архитектора работал выпускник академии художеств В.Н. Шебалин, который имел звание класного художника и в силу этого имел право получить чин и заниматься архитектурной деятельностью. В ходе академической реформы 1893 г. система званий класных художников была заменена на звания художника и художника-архитектора.

² Акиньшин А.Н. Материалы к биографическому словарю // Из истории Воронежского края. Воронеж, 2003. Вып. 11. С. 161-164.

³ ПСЗРИ. 2-е собр. – Т. 24, № 23213.

⁴ РГИА. Ф. 207. Оп. 17. Д. 6. Л. 60.

⁵ ПСЗРИ. 2-е собр. – Т. 26, № 24888, С.104.

Положение о ГСДК вводилось первоначально в действие в виде опыта, который показал полезность этих преобразований. Такой подход позволил весьма существенно дополнить первоначальное положение о ГСДК. Одним из таких дополнений стало включение в состав комиссии от дворянства неперменного члена, что и было узаконено в 1851 г.¹ Он избирался на собрании всех дворян губернии на три года.

Первым таким избранным членом в Воронеже стал титулярный советник А.В. Лофицкий². Помимо Лофицкого в её состав, по списку, опубликованному в «Адрес-календаре на 1851 г.»³, вошли: подполковник М.П. Сентянин, губернский архитектор, титулярный советник В.Н. Шебалин, депутат от дворянства, титулярный советник И.Н. Хрущов, для производства работ прапорщик Л.С. Мысловский, архитектор для производства работ М.П. Жукевич-Стош, правящий канцелярией коллежский асессор А.Ф. Израильский, начальник искусственного стола, майор А.Х. Капгер⁴, бухгалтер, губернский секретарь Ф.С. Мурзин.

Если судить по материалам дела «О преобразовании Воронежской ГСДК», переписка по этому вопросу растянулась на год и была завершена 20 февраля 1851 г.⁵ В документах, как члены комиссии, помимо уже названных, упоминаются: помощник архитектора М.Ф. Петерсон (выпускник института корпуса инженеров путей сообщения, 1847 г.)⁶, архитектурский помощник, губернский секретарь М.В. Кармин (выпускник строительного училища, 1850 г.); чертежник – губернский секретарь Х.З. Крутенков.

Судя по переписке, воронежский губернатор Н.А. Лангель проявил нежелание вводить в штат комиссии городского архитектора А.К. Македонского «из-за

¹ РГИА. Ф. 207. Оп. 17. Д. 72. 47 л.

² Там же. Ф. 200. Оп. 2. Д. 239. 10 л.

³ Адрес-календарь. Общая роспись всех чиновных особ в государстве. 1851. В 2-х ч. Ч. 1. Власти и места Центрального управления и ведомства их. – СПб., 1851. С. 268. Приведенные в данном источнике списки составлялись на основе сведений за предыдущий год.

⁴ 22 октября 1851 г. на эту должность был назначен подпоручик Е.Х. Гиацинтов (РГИА. Ф. 207, Оп. 16. Д. 27. Л. 1).

⁵ РГИА. Ф. 200. Оп. 2. Д. 69. 119 л.

⁶ 8 сентября 1847 г. определен помощником губернского архитектора, с 18 марта 1850 г. при преобразовании ГСДК назначен в её состав для производства работ. (РГИА. Ф. 200. Оп. 2. Д. 1787. Л. 2, 2 об.).

его малых знаний и неопытности». Недавний выпускник строительного училища (1845 г.), он был переведен в Воронеж на эту должность в 1848 г.¹ Косвенным свидетельством объективности этой оценки является тот факт, что Македонский пытался выполнить конкурсный проект церкви, с целью получения звания академика, но потерпел фиаско².

Ещё 24 ноября 1850 г. губернатор предлагал переместить Македонского из Воронежа, а на его место назначить губернского секретаря М.И. Клейнера, что и произошло 27 февраля 1851 г. К этому времени Клейнер имел достаточно большой опыт, поскольку, начиная 1845 г. работал помощником архитектора в комиссии по возведению кадетского корпуса и около года перед назначением Македонского (в 1847-1848 гг.) исполнял обязанности городского архитектора³.

Отсутствие городского архитектора в составе ГСДК на данном этапе было вполне допустимо, поскольку строгого требования об обязательном включении их в состав комиссий не было. Существовал лишь указ от 24 ноября 1842 г.⁴, по которому городские архитекторы включались в состав ГСК, который напрямую не относился к ГСДК. Подчиненное положение городских архитекторов по отношению к ГСДК нашло отражение в §14 исправленного и дополненного «Положения о губернских и областных строительных и дорожных комиссиях»⁵, узаконенного в 1854 г. При этом, что очень важно, оговаривалась возможность их использования в работе ГСДК только «по делам тех городов, в которых они состоят». Назначение городских архитекторов там, где их не было, теперь определялось соглашением между главноуправляющим ПСиПЗ и министром внутренних дел.

О ходе проведения строительных и дорожных работ и о своей деятельности комиссии ежегодно (к 1 марта) отчитывались перед главноуправляющим с приложением чертежей проектируемых зданий⁶. Комиссия также формировала и

¹ РГИА. Ф. 200. Оп. 2. Д. 694. Л. 34.

² Там же. Л. 54.

³ РГИА. Ф. 200. Оп. 2. Д. 219. Л. 1, 2, 8, 11, 13.

⁴ ПСЗРИ. 2-е собр. – Т. 17, № 16251.

⁵ Там же. Т. 29, № 28405.

⁶ Полный проект и смета представлялись в том случае, если сумма затрат превышала 10 тысяч рублей серебром (ПСЗРИ. 2-е собр. – Т. 29, № 28405. С. 691). Сметы до 10 тысяч разрешено бы-

предложения обо всех строительных работах в губернии, которые доставлялись по принадлежности в ГУПСИПЗ для принятия резолюции. Их необходимо было представить главноуправляющему «к 1 ноября предшествующего производству работ года».

В соответствии с «Высочайше утвержденным штатом для губернских и областных строительных и дорожных комиссий» в каждой губернии их возглавлял начальник губернии (председатель). В неё теперь входили неперенные члены общего присутствия: штаб-офицер корпуса инженеров путей сообщения в чине полковника или подполковника¹, гражданский чиновник, губернский землемер, губернский архитектор, депутат от дворянства. При комиссии для производства работ создавалась рабочая группа в составе: офицер корпуса, архитектор и 2 «архитекторских» помощника. Входящий в комиссию начальник искусственного стола, одновременно заведовал и чертежною, в состав которой были включены архитекторский помощник, гражданский чиновник и 2 чертежника. Вместе с работниками канцелярии и счётного стола полный штат ГСДК определялся в 28 членов, на содержание которых в год отпускалось 8728 рублей серебром². В 1841 г. принимается решение об отпуске однопроцентного капитала на расходы губернских и областных комиссий от смет работ произведенных ими за год³.

По данным на 1855 г. в состав воронежской ГСДК возглавляемой по должности губернатором Ю.А. Долгоруковым, сформированной уже в соответствии с высочайше утвержденным штатом, входили её неперенные члены: инженер-подполковник А.П. Нордштейн; гражданский чиновник коллежский асессор С.В.

ло утверждать губернским комиссиям, которые тем не менее необходимо было ежемесячно доставлять главноуправляющему по установленной форме (Там же. С. 694).

¹ Он считался начальником по производству работ в губернии. Эта должность, в соответствии с указом от 17 августа 1837 г., была причислена к VII классу табеля о рангах, что предполагает её замещение офицером в звании не ниже подполковника (ПСЗРИ. 2-е собр. – Т. 12, № 10511).

² Статья, по которой должно было идти приобретение необходимых для работы комиссии геодезических и прочих инструментов, была определена только в 1862 г. По правилам, установленным для всей страны на эти нужды необходимо было использовать однопроцентный сбор от сумм, получаемых из разных источников (городских, земских, приказов общественного призрения) на строительные работы, производимые ГСДК (ПСЗРИ. 2-е собр. – Т. 37, № 38709).

³ РГИА. Ф. 216. Оп. 2. Д.295.

Козловский; губернский архитектор, коллежский асессор В.Н. Шебалин; депутат от дворянства, титулярный советник, князь В.Н. Кейкуатов¹.

Должность губернского землемера на этот год оказалась вакантной, и поэтому в списке членов ГСДК его фамилии нет, однако уже в 1856 г. её занял губернский секретарь Д.А. Лазов². Лишь 30 апреля 1857 г. указом сената был определён порядок участия губернских землемеров в работе ГСДК. В нём говорилось о том, что они должны были присутствовать «как неперменные члены» только по тем делам, которые относились к дорожной части и по тем делам, где требовался обмер земель, принадлежащих городам³.

Производством работ руководили: подпоручик С.Л. Мысловский, архитектор, титулярный советник М.П. Жукевич-Стош, канцелярией заведовал коллежский секретарь Р.М. Якубовский, должность начальника искусственного стола занимал инженер-поручик Е.Х. Гиацинтов. Бухгалтер коллежский секретарь Ф.С. Мурзин и казначей губернский секретарь К.И. Трунов обеспечивали финансовое сопровождение деятельности комиссии.

В ГАВО сохранился интересный документ, озаглавленный «Счетная выписка, представляемая в департамент ревизии отчетов Главного управления путей сообщения и публичных зданий из шнурованной книги о рабочей сумме Воронежской ГСДК». В нём отражена деятельность комиссии за 1855 г. и приведена информация о расходах, связанных с её реализацией. Так, например, архитектору Жукевичу из Богучарского уездного казначейства «на исправление тамошнего тюремного замка» было выдано 100 рублей, инженер-поручику Мысловскому «за исправление дома губернатора» – 1300 рублей, губернскому архитектору Шебалину отослано в г. Бобров «по случаю нахождения его там для наблюдения за постройкой тюремного замка» – 38 рублей⁴. Эти и другие подобного рода сведения дают представление об объёме выполнявшихся членами ГСДК работ, их характере, географии и стоимости.

¹ Адрес-календарь. Общая роспись всех чиновных особ в государстве. 1855. В 2-х ч. Ч. 1. Власти и места Центрального управления и ведомства их. СПб., 1855. С. 261.

² Памятная книжка Воронежской губернии на 1856 г. Воронеж, 1856. Отд. II. С.39.

³ ПСЗРИ. 2-е собр. – Т. 32, № 31771.

⁴ ГАВО. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 1. Л. 2 об., 5 об., 6 об.

Здесь следует заметить, что архитекторы, служившие в воронежской ГСДК, наряду с другими архитекторами, проживавшими в Воронеже, в свободное от службы время занимались частной проектной практикой. Эта информация с указанием адресов, где они принимали заказчиков, на разные годы периодически сообщалась в «Памятных книжках для жителей Воронежской губернии». Для примера в виде цитаты приведем сведения о частнопрактикующих архитекторах Воронежа, содержащиеся в первом таком издании, увидевшем свет в 1856 г.: «Егоров, Василий Иван., близ Кадетского корпуса в соб. Доме; Жукевич-Стош, Михаил Павл., на Воскресен. ул. в д. Потапьева; Клейнер, Михаил Иван., близ Пятницкой церкви, в д. Воробьева; Кюи, Александр Антонов., в новом здании Кадетского корпуса; Петерсон, Михаил Федоров. (при Строит. и Дорож. Комиссии); Поливанов, Гавриил Гаврил., близ Попова рынка, в д. Потеряхина; Соколов, Семен Иван., близ Алексеевского монаст. в соб. доме; Шебалин, Владимир Никол., на Поповом рынке, в д. Гусева»¹. Данная информация свидетельствует о том, что рынок проектных услуг с одной стороны был весьма востребован, а с другой стороны, что среди участников этого процесса существовала большая конкуренция, которая давала жителям города возможность выбора архитектора.

В 1856 г. на законодательном уровне на должности гражданских техников, в случае недостатка инженеров, разрешено было определять в состав ГСДК архитекторов и их помощников для производства работ². Трудности были и с заполнением вакансий чертежников, включенных в штат ГСДК. Очевидно, проблема в масштабе страны оказалась настолько острой, что именным указом от 17 августа 1856 г. было разрешено допускать к работе чертёжниками, в том числе и «способных лиц из податного состояния»³.

Частично эти правительственные новации нашли отражение в штате Воронежской ГСДК уже в 1856 г.⁴ В её состав были введены две должности архитектурских помощников. Одну из них занял инженер-архитектор по образованию,

¹ Памятная книжка Воронежской губернии на 1856 г. Воронеж, 1856. Отд. II. С. 25.

² ПСЗРИ. 2-е собр. – Т. 31, № 31120.

³ Там же. № 30855.

⁴ Памятная книжка Воронежской губернии на 1856 г. Воронеж, 1856. Отд. II. С. 38, 39.

губернский секретарь М.Ф. Петерсон. Вторая должность на тот период была вакантной.

На местах ГСДК включались в состав губернских правлений и им переподчинялись все арестантские роты гражданского ведомства, находящиеся в ведении ГУПСИПЗ. Такие роты должны были формироваться в губернских городах в соответствии с указом от 11 октября 1827 г., в котором в частности говорилось, что это «дешевый способ к устройству губернских городов и к производству разных городских работ»¹. На практике такие роты учреждались именными указами в разные годы и для разных городов. Впоследствии труд арестантов было разрешено использовать не только на казенных, но и на частных работах.

Указ об учреждении в Воронеже арестантской роты гражданского ведомства датирован 29 мая 1853 г. Её было приказано «до отстройки предназначенного для неё здания, сформировать ... в половинном составе², поместив ... до того времени в нанятом доме»³. В РГИА сохранилось дело «О постройке здания со службами для помещения арестантской роты гражданского ведомства в городе Воронеже», в котором помимо переписки содержатся его планы, разрезы и фасад иконостаса домово́й церкви⁴. В 1858 г. после проведения необходимых строительных работ арестантская полурота размести́лась в двухэтажном доме купца И.М. Нижегородцева⁵, который был специально приобретен в казну. «Исправлял» для этой цели купленное здание, за которым до сих пор сохранилось название «Полуротка», городской архитектор М.И. Клейнер.⁶ Именно здесь (пер. Фабричный, д. 10), арестантская полурота обрела постоянную прописку, хотя попытки по её перемещению предпринимались. Так, например, в 1867 г. в МВД рассматривался вопрос

¹ ПСЗРИ. 2-е собр. – Т. 2, № 1455. С. 884.

² Полная рота в соответствии со штатом, утвержденным 15 мая 1831 г., должна была состоять из 4 офицеров, фельдфебеля, 18 унтер-офицеров и 150-180 арестантов (ПСЗРИ. 2-е собр. – Т. 6, № 4573. С. 382, 824).

³ ПСЗРИ. 2-е собр. – Т. 28, № 27291. С. 260.

⁴ РГИА. Ф. 218. Оп. 4. Д. 527. Л. 9-14.

⁵ Историко-культурное наследие Воронежа. Воронеж, 2009. С. 142.

⁶ РГИА. Ф. 200. Оп. 2. Д. 541. Л. 48 об.

«по исправлению дома Пайдака под помещение арестантской полуроты в г. Воронеже»¹.

Арестантские роты осуществляли мощение улиц, рытье канав, благоустройство спусков и другие работы. Их деятельность курировал штаб-офицер комиссии, который отвечал за производство работ и обучение арестантов строительным навыкам. Первым командиром арестантской № 23 полуроты гражданского ведомства, разместившейся в Воронеже, был назначен поручик Э.А. Пржилуцкий².

С высочайшего одобрения под патронажем ГСДК создавались временные комиссии по строительству или возобновлению конкретных крупных зданий или комплексов в отдельных городах страны. Так, в 1854 г. была образована комиссия по «возведению здания Воронежской гимназии с благородным пансионом», ее устройство и регламент работы был тщательно прописан в высочайше утвержденном положении комитета министров³. Строительство по проекту, утвержденному императором в 1852 г., решено было вести хозяйственным способом. Именно это обстоятельство и предопределило необходимость создания этой временной комиссии. Здание было возведено к августу 1859 г.⁴

Проект был составлен «бывшим профессором Харьковского университета Тоном»⁵, однако «для большей благовидности фасада и удобства внутреннего расположения переделан в ГУПСе с сохранением размеров прежнего строения»⁶. Здание гимназии сохранилось и используется ныне как один из корпусов ВГУИТ (пр. Революции, 17).

В состав таких временных строительных комиссий обязательно входил архитектор, который назначался ответственным «по искусственной части» и в силу этого отвечал за возведение строений, их прочность и за соответствие с утвержденными чертежами. В разные годы в состав комиссии по строительству гимна-

¹ РГИА. Ф. 1293. Оп. 76, ч. 1. Д. 246. Л. 3.

² Памятная книжка Воронежской губернии на 1856 г. Воронеж, 1856. С. 39.

³ ПСЗРИ. 2-е собр. – Т. 29, № 28307.

⁴ РГИА. Ф. 733. Оп. 50. Д. 631.

⁵ Академик Андрей Андреевич Тон (младший брат знаменитого Константина Тона) в это время служил архитектором Харьковского учебного округа.

⁶ РГИА. Ф. 218. Оп. 4. Д. 397. Л. 37, 40.

зии в Воронеже входили архитекторы: С.И. Соколов (июнь 1854-1855 гг.), В.И. Егоров, Е.Х. Гиацинтов (1 марта 1856 – 1858 гг.)¹.

В целом первая половина XIX в. была отмечена значительными переменами в работе системы управления архитектурно-строительной деятельностью. Поиски баланса между властной вертикалью и системой губернских и городских учреждений стимулировали формирование в составе губернских управлений местных учреждений, ведающих строительством.

В результате того, что система управления на местах была переведена на губернский уровень, региональные власти получили некоторую самостоятельность в решении вопросов строительства. Губернатор, например, теперь имел право подписывать сметы на ремонтные работы на сумму до 1000 рублей без согласования с соответствующим ведомством в столице.

В 1851 г. было «дозволено» губернским строительным и дорожным комиссиям самостоятельно утверждать планы и фасады частных построек в уездных и губернских городах. Таким образом, процедура их утверждения губернаторами перестала быть обязательной, однако комиссии, тем не менее, по-прежнему должны были наблюдать, «чтобы фасады эти были согласны с образцовыми»². Для облегчения их работы 31 марта 1856 г. были утверждены четырнадцать новых образцовых фасадов на частные постройки в уездных городах³. Среди них оказались и дома с чётным количеством окон, что противоречило требованию строительного устава, по которому «строения должны иметь по фасаду нечётное число окон». Это обязательное правило было упразднено указом от 12 декабря 1856 г.⁴

Результатом этих и многих других принятых новаций стала отмена на законодательном уровне в 1858 г. положения об обязательном применении образцо-

¹ Памятная книжка Воронежской губернской гимназии. Воронеж, 1891. С. 10.

² РГИА. Ф. 207. Оп. 17. Д. 90. Л. 2.; ПСЗРИ. 2-е собр. – Т. 26, № 25803.

³ ПСЗРИ. 2-е собр. – Т. 31, № 30320.

⁴ Там же. № 31251.

вых фасадов, поскольку они стали анахронизмом¹. Теперь генерал-губернаторам и ГСДК разрешалось утверждать при производстве частных построек фасады, отличающиеся от изданных образцовых чертежей при условии правильности их исполнения².

В 1858 г. в ГУПСиПЗ был рассмотрен вопрос об отводе земельных участков под строительство частных домов в губернских и уездных городах, поскольку старый регламент не отвечал реалиям жизни³. В результате в 1859 г. был установлен новый порядок получения данных на усадебные места в городах, адаптированный к изменившимся условиям получения разрешения на строительство и ремонт. Теперь их выдача в уездных и губернских городах должна была осуществляться ГСДК под контролем городских дум⁴. В этом же году полицмейстерам губернских городов было дано право разрешать строить дома и службы в тех частях городов, где не предполагалось капитальная застройка⁵. По вышеназванным причинам для осуществления лучшего контроля над застройкой городских земель, в 1860 г. на ГСДК была возложена обязанность «снабжать городские думы копиями городских планов для руководства при отводе земельных участков»⁶. В этом же году хозяйственный департамент МВД в очередной раз продублировал распоряжение о недопустимости отступлений от подтвержденных планов городов при производстве частных построек⁷.

Для ускорения получения разрешений на «мелочные поправки в существующих обывательских домах и надворных строениях» во всех городах (за исключением столичных) в 1863 г. городским архитекторам было дано право их давать самостоятельно⁸.

¹ Хомутова О.Ю. Управление градостроительством в провинциальных городах конца XVIII – 60-х гг. XIX вв. на примере Калужской губернии // История: факты и символы. 2019. № 1. С.111.

² РГИА. Ф. 1287. Оп. 39. Д. 896; ПСЗРИ. 2-е собр. – Т. 33, № 33064, № 33155.

³ Там же. Ф. 218. Оп. 4. Д.829.

⁴ Там же. Оп. 3. Д. 1760; ПСЗРИ. 2-е собр. – Т. 34, № 34757.

⁵ РГИА. Ф. 218. Оп. 3. Д. 1778.

⁶ Там же. Д. 1815.

⁷ Там же. Ф.1287. Оп. 39. Д. 1897.

⁸ ПСЗРИ. 2-е собр. – Т. 38, № 40289.

Постепенное ослабление жесткой регламентации строительных процессов касалось в первую очередь уездных центров, где «городовых архитекторов» практически не было. Именно этим в значительной степени объясняется издание указа от 19 августа 1853 г., согласно которому в уездных городах городничим было предоставлено право давать жителям разрешения на постройку обывательских домов до пяти окон по уличному фасаду включительно¹. При этом необходимо было руководствоваться утвержденными фасадами образцовых деревянных жилых домов². В 1855 г. это правило было распространено и на дома с количеством окон более пяти, дополненное в 1856 г. ещё четырнадцатью образцовыми фасадами³. По этой же причине в 1863 г. в уездных городах полицейским управлениям было дано право разрешать строительство обывательских деревянных домов, без ограничения числа окон⁴. С их ведома теперь осуществлялось и «производство мелочных починок» в уже построенных домах. Право самовольно производить мелкие постройки и ремонт на участках своих домов, без получения такого разрешения, жителям уездных городов было дано лишь в 1865 г.⁵ Непосредственно в Воронеже такое право населению города было предоставлено в 1861 г.⁶

Подобные новшества, с одной стороны, позволяли губернским властям более оперативно принимать решения по вопросам строительства, поземельного устройства, развития городского хозяйства и своевременного контроля над этими процессами, с другой стороны, они убедительно свидетельствовали о необходимости преобразования губернских строительных и дорожных комиссий в России. Первые подготовительные работы в этом направлении были начаты в 1858-1860 гг.⁷

Следствием этих процессов стало решение Государственного совета от 29 октября 1864 г. «О преобразовании гражданской строительной и дорожной ча-

¹ Там же. Т. 28, № 27514.

² Там же. Т. 29, № 28422.

³ Там же. Т.30, № 28987; Т. 31, № 30320.

⁴ Там же. Т. 38, № 39817.

⁵ РГИА. Ф. 218. Оп. 3. Д.1903.

⁶ Там же. Оп. 4. Д.910.

⁷ РГИА. Ф. 218. Оп. 4. Д.830.

сти»¹, на основании которого из ГУПСИПЗ «управление по частям строительной и дорожной» передавалось в ведение МВД. В губерниях упразднялись строительные и дорожные комиссии. Вместо них при губернских правлениях учреждались строительные отделения, а их функции переходили к органам местного управления. С этого времени архитектура и застройка городов в провинции в большей степени стала определяться деятельностью этих органов, что практически означало завершение процесса децентрализации системы управления строительством в масштабе государства.

§ 2. Реализация государственной архитектурно-градостроительной политики и организация жилищно-гражданского строительства в губернии

Свидетельства современников, наряду с графическими материалами, дают возможность представить, как выглядел Воронеж на рубеже веков. В этой связи весьма показательным его сравнение с другими близлежащими губернскими центрами, данное живописцем, архитектором, гравёром И.А. Ивановым, путешествовавшим по территории европейской части страны. В письме А.Х. Востокову, датированном 21 июня 1803 г., он пишет: «Сказать тебе о губернских городах. Рязань довольно велик со старинными церквями, но грязен. В Тамбове по недостатку лесу много соломенных крыш. Воронеж очень изрядной по величине, прекрасен по местоположению и не худ строением»².

Несмотря на краткость, оценка, сделанная не простым обывателем, а специалистом, весьма красноречиво говорит, о том насколько преуспели губернские и городские власти в переустройстве Воронежа за предыдущее двадцатипятилетие.

Начало века было отмечено строительством в Воронеже нового каменного здания острога (1801 г.). Он был возведён взамен старого деревянного по проекту губернского архитектора В.Б. Белокопытова на том же высоком обрывистом хол-

¹ ПСЗРИ. 2-е собр. – Т. 39, № 41394.

² «Путь наш был ... через Воронеж // Коммуна. – 1988. – 16 марта.

ме, имевшем в городе название Острожный бугор (ныне площадь Детей)¹. Ещё в 1799 г. губернатор А.Б. Сонцев обратился письмом в сенат с просьбой разрешить строительство каменного острога и о сломе старого генерал-губернаторского дома (см. иллюстративные материалы, рисунок № 14) «с употреблением образовавшихся при этом материалов на новую тюрьму»². Такой подход позволял значительно снизить смету «на построение острога» и караульни при нём. О том, что именно таким образом было осуществлено строительство «каменного тюремного замка с каменной церковью во имя св. Николая», свидетельствует современник, историк М.И. Славинский, который к тому же указывает и стоимость всей постройки в 13900 рублей³.

Острог с гауптвахтою представлял собой грандиозное сооружение в виде замкнутого каре с четырьмя круглыми башнями по углам, внутри которого располагался массивный тюремный корпус. Этот выразительный по своей архитектуре тюремный замок просуществовал в центре города до середины XIX в.

В. Б. Белокопытов в соответствии с первым генеральным планом города отводил участки под строительство жилых и казенных домов, разрабатывал для них чертежи и контролировал всё строительство в Воронеже. Кроме того, в его обязанности входило проектирование для уездных городов. Известно, что в 1802 г. он построил соляной магазин в городе Павловске⁴.

Гигантская стройка, запущенная реформами Екатерины II в масштабе страны, продолжалась весьма активно не только в Воронеже, но и в губернии. В качестве доказательства можно привести суммы расходов на постройку и покупку казенных зданий по Воронежской губернии. В 1804 г. на эти цели было потрачено

¹ РГИА. Ф. 1488. Оп. 1. Д. 749. Л. 2;

² Генерал-губернатор просил также разрешения и на разборку флигеля при генерал-губернаторском доме с тем, чтобы из образовавшегося материала построить «нужные при въезде в город караульни». Об этом сообщается в указе Сената от 12 июля 1798 г. «О сбережении суммы на исправление казенных строений», в соответствии с которым предписывалось «те только строения производить, кои сочтутся необходимыми, но с тем, чтоб при каждом таковом назначении, докладываемо было Его Императорскому Величеству», (ПСЗРИ. 1-е собр. – Т. 25, № 18584).

³ Славинский М.И. Исторической, топографическое и статистическое описание Воронежской губернии. Воронеж, 2014. С. 75.

⁴ Акинъшин А.Н. Материалы к биографическому словарю // Труды Воронежского областного краеведческого музея. Вып. 2. Воронеж, 1994. С. 79.

43463 рубля¹. Из них: на покупку дома вице-губернатора – 8958 руб., на его ремонт - 2600 руб.², на расширение строящегося в Воронеже соляного магазина – 5650 руб.; на ремонт губернаторского дома – 948 руб.

Это были гигантские по тем временам деньги, учитывая, что ежегодно с 1775 г. отпускаемая казною в каждую губернию для этих целей сумма составляла всего лишь 20000 рублей³. Лишь в 1797 г. на строительство соляных магазинов, на ремонт казенных строений, на наём домов для размещения в них присутственных мест и другие подобные цели решено было на каждую губернию выделять дополнительно по 10000 рублей⁴. При этом остатки неизрасходованных денег должны были оставаться на местах для строительства необходимых в губерниях казенных строений и на ремонт старых. Все полученные сверх этих сумм деньги выделялись только с соизволения императора на основании именного указа от 26 апреля 1798 г.⁵ С целью экономии государственных средств в 1803 г. была выпущена специальная инструкция, предписывавшая приобретать уже построенные жилые дома для размещения в них общественных учреждений⁶. Эта практика в Воронежской губернии получила широкое распространение.

Все архитектурно-строительные процессы на местах были по-прежнему строжайшим образом регламентированы. Так, например, из-за недостатка средств, в соответствии с высочайше утвержденным докладом министра внутренних дел от 26 февраля 1810 г.⁷, новые казённые каменные строения разрешалось возводить только в губернских городах. В уездных приказано было строить деревянные «по примерным планам и фасадам» на каменных фундаментах. Они рассматривались как временные объекты «доколе положение Государственных доходов не

¹ Архив СПб ИИ РАН. Коллекция 115. № 10. Л. 30 об., 31.

² Описание каменного дома на Б. Дворянской, принадлежавшего Анне Бологовской, с оценкой и ссылкой на план была составлен В. Б. Белокопытовым в 1803 г. (РГИА. Ф. 1285. Оп. 8. Д. 7. Л. 1–3, 8).

³ ПСЗРИ. 1-е собр. – Т. 22, № 16024.

⁴ Там же. Т. 24, № 17803. С. 330.

⁵ Там же. Т. 25, № 18498.

⁶ ПСЗРИ. 1-е собр. – Т. 27, № 20633.

⁷ Там же. Т. 31, № 24133.

получит лучшей возможности». Постепенно, по мере того, как они будут приходить в ветхость, их следовало заменять на более прочные здания.

В губернских городах казенные деревянные здания разрешалось строить только в случае необходимости. Что касалось обывательских домов, то этот процесс также контролировался. В указе от 16 августа 1802 г. говорилось о том, чтобы губернаторы «старались бы о устройении городов по подтвержденным планам, избегая столько возможно допускать по прихотям деревянные строения там, где положено быть каменным»¹. Из приведенного текста следует, что строго запрета на этот счет не было и этим достаточно активно пользовались на местах, исходя из финансовых возможностей застройщиков.

В тоже время в сенатском указе от 15 мая 1810 г.² в очередной раз было приказано «всем Начальникам Губерний и Губернским Правлениям подтвердить, дабы ни под каким видом не дозволяли производить строения не по плану», т.е. менять утвержденную планировку по-прежнему категорически было запрещено. В случае такого дозволения «все издержки и убытки от исправления строения сообразно плану хозяевам причиненные, должны были компенсироваться за счет дозволившего». Прощение на отступление от подтвержденного плана представлялось в МВД, а оно готовило обращение для получения на то высочайшего соизволения. Прежде такое обращение, идущее изначально от губернатора, в принципе было невозможно.

Особое внимание, как в Воронеже, так и в уездных городах³ уделялось по-прежнему строительству соляных магазинов, работу которых контролировала ка-

¹ Там же. Т. 27, № 20372. С. 221.

² Там же. Т. 31, № 24233. С. 184.

³ Согласно сенатскому указу, по высочайше утвержденному докладу «Об отчислении от Слободско-Украинской губернии в Воронежскую трёх уездов и о восстановлении в Слободско-Украинской губернии трех заштатных городов» от 29 марта 1802 г. были переданы в Воронежскую губернию Богучарский, Острогожский, Старобельский уезды Слободско-Украинской губернии, Новохоперский уезд из Саратовской губернии. (ПСЗРИ. 1-е собр. Т. 27, № 20205. С. 85). В результате в составе Воронежской губернии (помимо Воронежа) стало числиться 12 уездных городов. В 1824 г. с возвращением Старобельского уезда в Слободскую губернию их стало 11, и это число оставалось неизменным до 1918 г.

зенная палата, входившая в губернское правление. В её состав наряду с прочими членами были включены губернский землемер¹ и губернский архитектор.

Продажа соли в местах, где не было таких магазинов, запрещалась. На их возведение казна выделяла финансирование в первую очередь, поскольку оптовая продажа соли являлась важным источником пополнения государственной казны. Суммы были весьма значительны. Так, например, по данным на 1805 г. на строительство соляного магазина в Воронеже было израсходовано 21850 рублей. На строительство соляных магазинов в 6 городах губернии было выделено 13803 рубля. Эта ответственная работа была поручена губернскому архитектору, которую он должен был завершить в следующем году². Однако в отчете губернатора А.Б. Сонцова за 1807 г. мы находим информацию о том, что «магазин в Нижнедевицке бывшим архитектором Волковым (в 1808 г., т.е. когда документ был отправлен в МВД, он был освобожден от должности – В.Ч.), по занятию им другими частями ещё не построен»³.

Очевидно, большой объем строительных работ, осуществляемых в губернии⁴, послужил основанием для появления в Воронеже должности городского архитектора или, как тогда говорили, «городового архитектора». На неё был назначен 27 июля 1805 г. Тимофей Сергеевич Кондратьев (1782 – между 1831 и 1837),

¹ К этому времени в губернии была уже полностью восстановлена служба губернского землемера, т.е. были заполнены упразднённые при Павле I должности уездных землемеров. Так, например, в 1806 г. уездными землемерами работали: в Воронеже – А. З. Артемьев, в Землянске – М.Г. Шпажинский (сын Г.Г. Шпажинского), в Задонске – Н. Ближничков, в Коротояке – М. Петров, в Острогожске – О. Потапов, в Бирюче – Н.В. Елисеенков, в Валуйках – Г.П. Майков, в Боброве – И. Хабаров, в Павловске – П.Н. Юскевич, в Богучаре – М. Быков, в Старобельске – И. Майков, в Новохоперске – С. Пахомов. Все они по-прежнему непосредственно подчинялись губернскому землемеру (Е.А. фон Колов), но при этом числились в составе уездных Земских судов. (Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской империи. 1806. В 2-х ч. Ч. 2. СПб., 1806. С. 184 – 195). Как правило, они отбывали из Воронежа в свои уезды для исполнения полевых работ в апреле-мае.

² Архив СПб ИИ РАН. Коллекция 115. № 10. Л. 68.

³ Там же. Л. 164.

⁴ О большом объёме строительных работ имеется свидетельство в отчете губернатора А.Б. Сонцова за 1806 г. В нём в частности сказано, что за строительством в уездах наблюдает архитектор Волков, который, как мы знаем, в это время был выведен за штат (Архив СПб ИИ РАН. Коллекция 115, № 10. Л. 46 об.).

ставший первым городским архитектором в истории Воронежа¹. Факт учреждения этой должности представляется весьма важным для становления архитектурно-строительной службы в Воронежской губернии. Впервые за всё время её существования государственными служащими стали одновременно числиться два архитектора и происходит дифференциация их функций. При этом следует заметить, что губернский относился к МВД, а городской архитектор находился в ведении министерства полиции, поскольку именно оно отвечало за «прибавку чиновников сверх утвержденных штатов»². Эта нестыковка была упразднена Сенатским указом от 29 мая 1813 г., которым все дела по строительной части были переданы в МВД³. В 1866 г. в ответ на жалобу курского городского архитектора на удержание у него жалованья, прогонных и разъездных денег было принято решение о подчинении городских архитекторов губернским правлениям⁴.

Должности «городовых архитекторов» вводились в городах российской провинции отдельными указами там, где для этого была необходимость и возможность. В качестве примера приведём динамику появления и заполнения вновь учреждаемых вакансий городских архитекторов всего за пять лет. В 1836 г. был определен архитектор в город Нижний Новгород, в 1837 г. – в Харьков, Симбирск, Кременчуг; в 1838 г. – в Вильно, Пятигорск; в 1839 г. – в Омск, Севастополь; в 1840 г. – в Тюмень, Тобольск, Томск⁵. Такому росту числа городских архитекторов во многом способствовало и то обстоятельство, что в провинции происходит постепенное наполнение структур, связанных с решением архитектурно-строительных задач профильными специалистами, выпускниками двух специально созданных в столице учебных заведений «Архитекторского училища» при Академии художеств (1830) и Училища гражданских инженеров (1832).

¹ РГИА. Ф. 1285. Оп. 8. Д. 1455. Л. 2, 3. Здесь же приведён полный послужной список Т.С. Кондратьева на 1819 г.

² ПСЗРИ. 1-е собр. – Т. 31, № 24326. С. 325.

³ Там же. Т. 32, № 25392.

⁴ РГИА. Ф. 1287. Оп. 39. Д. 2638.

⁵ ПСЗРИ. 2-е собр. – Т. 11, № 9512; Т. 12, № 10190, № 10421, № 10801; Т. 13, № 11393, № 11606; Т. 14, № 11972, № 11991; Т. 15, № 13520.

В 1837 г. на законодательном уровне наконец-то был определен статус городских архитекторов. Согласно общему расписанию должностей на классы по МВД городской архитектор был причислен к X (коллежский секретарь), а архитекторский помощник к XII классу (губернский секретарь)¹. В 1840–1841 гг. была введено разделение на старших (к ним были причислены и помощники губернских архитекторов) и младших (бывших архитекторских помощников) городских архитекторов с отнесением их должностей к IX и X классу соответственно². Тогда же (в 1841 г.) министру внутренних дел было дано право определять в губернские и уездные города городовых архитекторов «за счет городских доходов с содержанием, сообразным тому, какое донныне усвоено в некоторых городах»³. Указом от 24 ноября 1842 г. городские архитекторы были причислены к губернским строительным комиссиям⁴.

По-настоящему массово городские архитекторы стали появляться лишь после выхода Городового положения 1870 г., развивавшего основы городского общественного самоуправления. Именно тогда на городские управы была возложена забота о городском хозяйстве и благоустройстве. Утверждение планов и фасадов частных зданий в городе, выдача разрешений на перестройки и наблюдение за правильным исполнением построек также закреплялось за управами. В примечании 2 к параграфу §114 Городового положения было написано: «Существующие в некоторых городах должности Городских Архитекторов причисляются к составу городских общественных управлений. Городским Думам предоставляется учреждать и вновь таковые должности, с распространением на оные всех прав службы, Городским Архитекторам присвоенных»⁵.

На основании вышеизложенного мы с полным основанием можем утверждать, что, как и в случае с введением должности губернского архитектора, Воронеж стал одним из первых губернских городов, где вслед за Москвой и Санкт-Петербургом была введена должность городского архитектора. Ранее в провинции

¹ Там же. Т. 12, № 10511.

² Там же. Т. 15, № 13520; Т. 16, № 14819.

³ Там же. Т. 16, № 14820. С. 804.

⁴ Там же. Т. 17, № 16251.

⁵ ПСЗРИ. 2-е собр. – Т. 45, № 48498. С. 833, 834.

должность городского архитектора была введена лишь в Феодосии именным указом от 25 февраля 1804 г. «для производства градских строений, с жалованием по 400 рублей в год»¹.

О Т.С. Кондратьеве известно, что он не имел специального образования, а премудростям архитектурной профессии научился у губернских архитекторов В.Б. Белокопытова и И.И. Волкова². В должности городского архитектора он прослужил до 1819 г. Эту службу Т.С. Кондратьев последовательно совмещал «по небытности губернского архитектора» с его обязанностями (с 3 июня 1808 г. по 10 февраля 1810 г., с 15 ноября 1816 г. по 10 июля 1817 г.). С сентября 1819 г. он назначается губернским архитектором и пребывает в этой должности до ухода в отставку в 1831 г. На этом посту Кондратьев сменил губернского архитектора М.А. Амвросимова (1817–1819 гг.), уволенного в отставку «по слабости здоровья»³.

Именно с Т.С. Кондратьева началось формирование основ должности главного архитектора Воронежа и структуры управления архитектурной деятельностью в масштабе крупного губернского центра (полный список городских архитекторов Воронежа см. приложение № 3). Созданная им «служба городского архитектора» состояла из него самого, его помощника (примерно с 1815 г.) и одного чертежника. Появление должности помощника в его службе ещё раз подчёркивает уникальность для провинции воронежского опыта, поскольку штат помощников в губернских городах был законодательно закреплён лишь в 1832 г., когда вышла первая редакция Строительного устава. Статья № 571 разрешала «в случае крайне нужды», с дозволения главного местного начальства и под его ответственность нанимать архитекторских помощников с оплатой их труда «за счет тех мест и лиц, для коих здания строятся или починиваются»⁴. Прежде такое указание, со-

¹ ПСЗРИ. 1-е собр. – Т. 28, № 21178. С. 155.

² Акинъшин А. Н. Материалы к биографическому словарю воронежских архитекторов (конец XVIII - начало XX вв.) // Из истории воронежского края: сб. статей. Вып. 11. Воронеж, 2003. С. 157, 158.

³ РГИА. Ф. 1285. Оп. 8. Д. 1455. Л. 1.

⁴ Свод законов Российской империи, повелением гос. имп. Николая Павловича составленный. Т. 12. Ч. 4. Учреждения и уставы путей сообщения, устав строительный и устав пожарный. СПб, 1832. С. 113.

держащееся в сенатском указе 1812 г.¹, касалось только помощников при губернских архитекторах, поскольку суммы на их наём также не были предусмотрены штатным расписанием.

Т.С. Кондратьев за четверть века своей деятельности украсил город прекрасными зданиями в стиле классицизма, среди которых наиболее известен особняк фабриканта В.В. Тулинова (1811–1813, пр. Революции, 30). Кроме того, в фондах РГИА сохранился большой объём чертежей неосуществлённых проектов Кондратьева по перестройке важных городских объектов: дома губернатора на Большой Дворянской (1817 г.), больничных и вспомогательных зданий приказа общественного призрения (1811–1824), здания занимаемого городской думой и магистратом (1830 г.)². Кроме того, в 1818 г. он выполнил составление пяти разных по своему назначению планов губернского центра³.

Работая на должностях городского и губернского архитектора, Т.С. Кондратьев подготовил массу важных документов, регулирующих строительные процессы в Воронеже и губернии⁴. Так, например, в 1817 г. при нём был разработан чертёж, озаглавленный «Примерный план сельских усадеб по Воронежской губернии»⁵. Этот документ, направленный на упорядочение застройки в сельской местности, которая была практически вне поля градостроительного регулирования, является редчайшим для того времени.

В отличие от городов, подробной регламентации по устройству поселений в виде многочисленных образцовых проектов не существовало. Данная проблема была признана в тексте примечания к «Положению для устройства селений», ко-

¹ ПСЗРИ. 1-е собр. – Т. 32, № 25027.

² РГИА. Ф. 1293. Оп. 168. Д. 47–62; Ф. 1488. Оп. 1. Д. 717. Л. 1–6.

³ Там же. Ф. 1293. Оп. 168. Д. 5, 6, 7; РГВИА. Ф. ВУА. Д. 21838, Д. 21839. Л. 1–2.

⁴ Вне Воронежа «архитекторская» должность в рассматриваемый период на территории губернии была учреждена лишь при Хреновском конном заводе в 1820-е гг., основанном графом А. Г. Орловым-Чесменским. Он возводился с 1808 по 1818 гг. по проекту знаменитого московского архитектора Д. И. Жилярди, что во многом объясняется статусом владельца. Эксплуатация и ремонт грандиозного комплекса зданий завода, площадь только крыш которого составляет 4,5 га, а суммарная длина периметра стен более 5 км, требовали присутствия в его штате архитектора. Должность эта сохранилась и после продажи завода в казну в 1845 г.

⁵ РГИА. Ф. 1293. Оп. 168. Д. 36.

торое было высочайше утверждено 27 октября 1830 г.¹ В этом документе впервые были изложены подробные правила о расположении крестьянских дворов и «всех на оных строений», а для наглядности приложены примерные планы, «дабы по оным могли строить сельские жилища те, кои того пожелают». Таким образом, Кондратьев по времени намного предвосхитил деятельность центральных органов в плане обустройства селений.

При переводе строительных экспедиций в 1806 г. из казённых палат в состав губернских правлений, неизменными членами которых оставались губернский архитектор и губернский землемер, их штат расширялся за счёт добавления должности асессора для ведения работ только по строительной части. Однако из-за того, что вводить эту чиновничью должность разрешалось по мере надобности, то образовавшаяся вакансия была заполнена в Воронеже лишь в июне 1808 г. Её занял бывший губернский архитектор В.Б. Белокопытов, который проработал асессором строительной экспедиции до ухода в отставку в январе 1818 г.² С его переходом на новое место работы образовалась вакансия губернского архитектора³. Очевидно, из-за отсутствия достойного претендента на эту должность в городе 24 ноября 1808 г. губернатор А.Б. Сонцов обратился в хозяйственный департамент МВД с просьбой прислать архитектора⁴. Приказом МВД от 15 декабря 1809 г. на эту должность был определен уроженец Пруссии Ф.К. Древиц, который не имел российской практики и поэтому был предварительно проэкзаменован СК министерства.

В письме губернатора от 15 ноября 1812 г. «О награждении асессора строительной экспедиции надворного советника Белокопытова орденом», в частности, читаем: «Белокопытов кроме обыкновенных текущих дел по строительству занимается ещё многими другими в губернском правлении, а затем ему было поручено

¹ ПСЗРИ. 2-е собр. – Т. 5, ч. 2, № 4037.

² ГАВО. Ф. И-29. Оп. 124. Д. 61. Л. 7; Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской империи. 1809. В 2-х ч. Ч. 2. СПб., 1809. С. 183; Там же. Адрес-календарь. 1818. В 2-х ч. Ч. 2. СПб., 1818. С. 204.

³ Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской империи. 1809. В 2-х ч. Ч. 2. СПб., 1809. С. 184.

⁴ РГИА. Ф. 1285. Оп. 8. Д. 202. Л. 12.

осмотреть в натуре все состоящие по губернии казённые строения и составить сметы на их ремонт, что им и учинено. Сверх того, употребляется он к наблюдению за самими постройками, по знанию им архитекторской должности, занимается он и делами по части почт, содержанию дорог»¹. В этом тексте перечислен практически весь спектр вопросов, которыми он занимался на этом посту.

К сказанному добавим, что разработанные Белокопытовым планы и фасады на исправление зданий приказа общественного призрения 18 августа 1811 г. были представлены в МВД. Этим же годом датируется упомянутая в наградном представлении работа по обследованию казенных зданий, для которых он не только составлял сметы на ремонт, но и «сочинял планы»². Под его непосредственным контролем осуществлялась работа по строительству во всех городах Воронежской губернии присутственных мест в 1809-1819 гг.³

Таким образом, многое из того, что раньше входило в круг профессиональных обязанностей только губернского архитектора, стало частью обязанностей асессора строительной экспедиции губернского правления. В этом, конечно во многом сказывается воронежская специфика, поскольку, как было отмечено выше, В.Б. Белокопытов был не просто чиновником сведущим в строительных вопросах, а имел богатый архитектурный опыт. Кроме того, по должности асессора он должен был осуществлять контроль над расходованием государственных средств, отпускаемых на строительство, что благодаря своему практическому опыту, как показывают документы, он делал весьма качественно. В качестве примера приведём его роль в разрешении конфликта между губернным архитектором Ф.К. Древицем и городским архитектором Т.С. Кондратьевым. Суть этого дела, которое рассматривалось в СК МВД, состояла в том, что в 1812 г. Древицу было поручено освидетельствование соляных магазинов в уездных городах, на ремонт которых он составил смету в 17035 рублей. Сумма показалась губернскому правлению достаточной большой и поэтому её решили перепроверить. Для этой цели привлекли городского архитектора, который составил смету на те же

¹ РГИА. Ф. 1285. Оп. 8. Д. 554. Л. 1.

² Там же. Ф. 1281. Оп. 11. Д. 34. Л. 28 об., 29.

³ Там же. Ф. 1285. Оп. 8. Д. 232.

объекты в 9986 рублей. Получив результаты проверки, губернское правление обвинило Древица в том, что он «не соблюдает государственный интерес»¹. В донесении воронежского губернатора М.И. Бравина от 23 июля 1813 г. «О неспособности губернского архитектора Древица к отправлению его должности», направленном в МВД, по этому поводу написано: «и ранее в его сметах было излишество в исчислении материалов и цен, что исправлялось в строительной экспедиции губернского правления Белокопытовым»².

Несмотря на то, что сфера работы городского архитектора была ограничена только строительством в губернском городе для нужд городского самоуправления, фактически он подчинялся напрямую губернской администрации. По этой причине Т.С. Кондратьеву посвящено предложение губернатора А.Б. Сонцова Воронежской городской думе от 23 августа 1809 г., в котором отражена эта двойственность положения городского архитектора. Для нашего исследования этот документ чрезвычайно важен также и благодаря подробностям, связанным с исполнением служебных обязанностей архитектора и с его профессиональным инструментарием. Именно по этой причине мы приведём его текст, который никогда не публиковался, практически полностью: «городовой архитектор Кондратьев представляет мне, что дума сия удерживает у него выдачу жалованья, впредь до решения неоконченных у него дел. И объясняя тому причины, что дела те у него в нерешении состоят, во первых, по большей части от недоставления со стороны просителей к разбивке и обмеру мест для носки инструментов рабочих людей; во вторых по не доставлению от просителей к сочинению владельческих планов бумаги и красок. Во избежание всех таковых неудобностей неоднократно от Думы требовал он, к облегчению неимущих просителей и к лучшему в делах успеху до-

¹ В 1829 г. вопросу рационального расходования государственных средств было посвящен указ Сената «О постановлении правилом, чтобы все архитекторы, строящие казенные здания, непременно руководствовались к составлению смет на материалы и работы строгою справедливостью». (ПСЗРИ. 2-е собр. – Т.4, № 2770). Практика проверки смет «чрез посторонних архитекторов» была широко распространена. О ней упоминалось в этом указе, однако по причине недостатка архитекторов в провинции была узаконена только в 1831 г. (ПСЗРИ. 2-е собр. – Т.6, № 4805).

² РГИА. Ф. 1285. Оп. 8. Д. 600. Л.21. Древиц покинул Воронеж весной 1816 г. в связи с переводом в Могилёв губернским архитектором (Там же. Д. 796. Л. 1).

ставить ему на краски и бумагу потребное количество денег¹, и к носке сажени², разных мелочных потребностей и конвертов одного рабочего человека, и для больших местных измерений во избежание неверности и утраты времени, железную в 10 саж. цепь³, но во всем том ему отказано, к тому же сверх настоящей должности более года занимается и губернского архитектора.

Находя удержку таковую думою в даче ему, Кондратьеву, жалованья и прочих описываемых потребностей, недельным, тем более что он занимается должностью губернского архитектора, а потому нередко бывает командирован в другие города, и что если чего не исполняет, может представить ко мне, предписываю думе: заслуженное им жалованье выдать немедленно, и впредь выдавать, равно и помянутые требования его о доставлении ему цепи, суммы на расход, и человека, выполнить и мне в скорости донести»⁴.

Распоряжение губернатора было исполнено и «городовому архитектору коллежскому регистратору Кондратьеву» было выплачено жалованье за 1809 г. в 200 рублей⁵. В «Статистическом описании Воронежской губернии» (1810-1811), составленном воронежским губернатором М.П. Штером, указано, что при губернском правлении имеется один архитектор с должностным окладом в 400 рублей в год⁶. Столь существенная разница в жалованье вполне объяснима, поскольку объем задач, стоявших перед губерньским архитектором, был значительно больше.

Если судить по приведенному тексту предложения А.Б. Сонцова, то с учреждением должности городского архитектора «отведение под строение мест... и прочие части до устройства города относящиеся», закрепленное прежде за ведомством губернского землемера, вновь стало частью работы архитектора, но теперь

¹ Сохранявшийся до конца XVIII в. ручной отлив бумаги в значительной степени тормозил рост объемов её производства, что обуславливало её высокую стоимость при постоянно растущем спросе. Акварельные краски также были дорогими, т.к. лишь в середине XVIII в. началось их производство для потребителей.

² В основном сажень, как овеществленная мера длины (около 2,13 м), использовалась в виде мерной линейки или планки такой длины для измерения земельных участков.

³ Для измерения линий служила стальная цепь в 10 саженой длины, состоящая из 100 колен по 0,1 сажени каждое.

⁴ ГАВО. Ф. И-61. Оп. 1. Д. 4. Л. 231.

⁵ Там же. Д. 5. Л. 33.

⁶ РНБ. Ф. ВЭО, 20 1/40. Л. 258.

уже не губернского, а городского. Поскольку ни в одном документе должностные обязанности городского архитектора не были детально прописаны, то ему приходилось по поручению городской думы заниматься в том числе и вопросами, имеющими весьма отдаленное отношение к решению градостроительных проблем. Например, ему поручалось осуществлять надзор за покраской крыш на казенных зданиях и даже заниматься освидетельствованием и составлением сметы «на поправление пожарных инструментов»¹. Лишь 8 декабря 1865 г. ТСК МВД принял документ «Об обязанностях городских архитекторов и отношениях их по службе к Строительным отделениям Губернских правлений»².

Здесь следует подчеркнуть, что упомянутое совмещение Кондратьевым должностей губернского и городского архитекторов было обычной практикой для многих губерний. Ситуация, фактически существовавшая в стране, была узаконена 12 февраля 1821 г. высочайше утвержденным положением Комитета министров. В нём говорилось, что «все вообще архитекторы занимают по несколько должностей; ибо занятия их такого рода, что доставляют им довольно на сие времени; а потому... запрещение о неопределении чиновников к двум должностям, без Высочайшего на то указа, едва ли следует быть распространено на Архитекторов»³. При этом разрешалось получать жалование по разным местам. Из-за недостатка квалифицированных специалистов в масштабе страны совмещение архитекторами должностей имело место вплоть до середины XIX в.

Затронутые Т.С. Кондратьевым проблемы материального обеспечения деятельности архитекторов и возмещения затрат, связанных с ней, впервые нашли отражение на государственном уровне в именном указе «О обращении необходимых издержек при сочинении планов на те места и лица, для коих здания строятся и починяются». Указ датирован 10 марта 1812 г., однако в тексте этого документа, также, как и в нашем случае, упоминается 1809 г. Речь в указе идёт о прошении Витебского губернатора возратить губернскому архитектору «161 руб. 95 коп, употребленных им на покупку по должности его бумаги, туши и прочаго, и

¹ ГАВО. Ф. И-61. Оп. 1. Д. 4. Л. 64, 65; Д. 26. Л. 13, 14, 65.

² РГИА. Ф. 1293. Оп. 76, ч. 1. Д. 68.

³ ПСЗРИ. 1-е собр. – Т. 37, № 28556. С. 621, 622.

200 рублей заплаченных им помощнику» в 1809 г.¹ По данному конкретному вопросу были даны разъяснения, что губернский архитектор должен снабжаться канцелярскими материалами из суммы, отпускаемой на эти цели губернскому правлению и деньги необходимо вернуть, за исключением тех, которые были заплачены помощнику, т. к. его должность не предусмотрена штатом губернии.

Для решения подобного рода проблем, которые встречались и по другим губерниям, в указе предложено «чтобы необходимые Архитекторские издержки при сочинении планов обращаемы были именно на те места и лица, для коих строятся и починятся; если же на содержание тех зданий и жилищ особых сумм не положено: то издержки сии причислять к сметам, на строение и починку составляемым. Что касается помощников, которые могут быть нужны при черчении планов, то оных нанимать на тот же счет, но не иначе, как в крайней необходимости и с точного дозволения Главного местного Начальства».

К сказанному следует добавить, что у городского архитектора Воронежа помощник появился середине 1810-х гг. Им стал Иван Андреевич Блицын, занявший в 1819 г. должность городского архитектора. О нём также известно, что с 1831 г. он служил в должности губернского архитектора. После выхода в отставку в 1835 г. И.А. Блицын становится первым в Воронеже «вольнопрактикующим архитектором», т. е. не состоявшим на государственной службе и строившим по частным заказам².

Рассматриваемый нами указ, столь необходимый для нормального функционирования архитектурных служб в провинции, несмотря на остроту проблемы, готовился почти три года. В дальнейшем он сыграл очень большую роль, т.к. в нём впервые были указаны источники финансирования проектных работ, связанных как с казенным, так и с гражданским строительством.

Жалование, установленное губернским землемерам и архитекторам ещё в прошлом веке, также не отвечало новым реалиям жизни и нуждалось в пересмот-

¹ Там же. Т. 32, № 25027.

² Акинъшин А.Н. Материалы к биографическому Словарю воронежских архитекторов (конец XVIII - начало XX вв.). [А-В]. //Труды областного краеведческого музея. Вып. 2. Воронеж, 1994. С. 79.

ре. Однако лишь 19 ноября 1819 г. решение о его увеличении губернским архитектором было утверждено¹. По предложению управляющего МВД оно составило 1200 рублей, превысив предыдущую сумму годового вознаграждения в 3 раза. Губернский архитектор впервые за свою работу стал получать больше губернского землемера, что отвечало возросшему объему выполняемых им обязанностей на фоне общего сокращения, по сравнению с периодом екатерининских преобразований, работ, связанных с межеванием. Жалование губернским землемерам была увеличена с 500 до 1000 рублей только в 1825 г.²

Представление о Воронеже 1810-1811 гг. дает информация, содержащаяся в упомянутом ранее «Статистическом описании...» М.П. Штера³. В нём, в частности, сообщается, что «в длину по горам над рекою начиная от Троицкой заставы до слободы Чижевки город продолжается на 4 версты, а в ширину чрез Площадную (Ново-Московскую – В.Ч.) улицу до реки на 2 версты. Окружность его составляет 10,5 верст». В Воронеже, по приведенным в рукописи данным, всех обитателей было 22100 душ. В городе насчитывалось 2258 домов, из которых домов каменных 311 (частных – 296, казенных – 15), деревянных 1947 (частных – 1946, казенных – 1). По количеству жителей Воронеж по данным на 1811 г. занимал 14 место среди городов страны (выше по списку Киев – 23.3 тыс. жителей)⁴.

Приведенные цифры свидетельствуют о том, что всего лишь за шесть лет численность населения Воронежа по сравнению с 1804 г. выросла на 8639 человек. При относительно небольших физических размерах городской территории (всего лишь немногим более 11 км по периметру) этот факт, наряду с постоянно растущим количеством казенных и частных домов, свидетельствует об объёме работы, которую должен был выполнять городской архитектор в соответствии с генеральным планом.

Несмотря на то, что город был давно разбит на кварталы, многие в эти годы были «ещё не разрегулированы» полностью, т.е. не разделены на отдельные дво-

¹ ПСЗРИ. 1-е собр. – Т. 36, № 27986; Т. 44: Книга штатов. С. 205.

² Там же. Т. 40, № 30291; Т. 44: Книга штатов. С. 200.

³ РНБ. Ф. ВЭО, 20 1/40. С. 70 – 72.

⁴ Рашин А.Г. Население России за 100 лет (1811-1913) : статистические очерки. М., 1956. С. 90–91.

ры¹. Это прежде всего касалось периферийных частей города, которые активно заселяться стали в последнюю очередь. Так, например, даже на плане Воронежа 1845 г. кварталы у городской черты, ограниченные современными улицами Ф. Энгельса, Кольцовской и Чайковского, помечены как «неразрегулированные».

Эту работу по отводу мест под застройку должен был выполнять городской архитектор. При проектировании кварталов и разделении их на участки он мог уже руководствоваться «чертежами, принимая за образец те из них, которые удобствам обывателей и местному положению наиболее будут приличны», т. к. 8 февраля 1812 г. были утверждены 26 образцовых чертежей кварталов².

Только после размежевания дворовых мест составлялся план на квартал, который подписывался губернатором. Таков был новый регламент работы с городской землей. Из-за отсутствия таких документов в целом ряде случаев городской архитектор не мог приступить «к сочинению новых планов» на домовладения. По этой причине Т.С. Кондратьеву приходилось отказывать просителям, даже в том случае если имелся старый план, выданный в прежние годы, и существовал дом, но при этом полной разбивки квартала на отдельные участки не имелось³.

После того как квартал был разрегулирован, можно было выбрать свободный участок под застройку. Здесь следует отметить, что возможность такого выбора достаточно долго сохранялась относительно недалеко, по нашим нынешним представлениям, от центра. Приведем документальное свидетельство, относящееся к 9 августа 1818 г. В предложении губернатора Н.П. Дубенского, адресованном Воронежской городской думе, читаем: «Городовой архитектор Кондратьев донес мне рапортом, что купца Николая Клочкова жена Домна объявила ему желание построить каменный двухэтажный дом с полтораэтажными службами на пустолежащем месте, за садом действительного статского советника и кавалера Черткова, при новой площади (*имеется ввиду свободная от застройки территория нынешнего парка «Орленок» – В.Ч.*) в 122 квартале по линии с домом одного Черткова (*это или по линии нынешней улицы Фр. Энгельса или улицы Чайковского –*

¹ РГИА. Ф. 1287. Оп. 39. Д. 77. Л. 13, 54.

² ПСЗРИ. 1-е собр. – Т. 32, № 24989. С. 181.

³ ГАВО. Ф. И-61. Оп. 1. Д. 16. Л. 1, 3.

В. Ч.), выбрав из всей ширины квартала средину, оставляя угольные места для других дворов, и вследствие чего сочинив владельческий план с фасадом, представил мне на рассмотрение. Утвердив оный план препровождаю при сем в Думу для выдачи по принадлежности»¹.

Данный документ показывает последовательность действий и прохождения документов для получения разрешения на строительство дома. При этом заказчик не обязан был обращаться только к городскому архитектору. Проект могли выполнить и специалисты строительной экспедиции губернского правления или работавшие в городе военные инженеры, однако его утверждение думой осуществлялось только с подачи городского архитектора. Из текста выделим также фразу «сочинив владельческий план с фасадом», которая свидетельствует о том, что образцовое строительство, хотя и велось в городе, но не было определяющим в формировании его облика.

Попытки урегулировать строительство, как уже было сказано ранее, предпринимались на уровне государства посредством издания альбомов образцовых проектов, которые рассылались в губернии по полицейской линии. 22 февраля 1811 г. «правлящий должность губернатора председатель уголовной палаты Василий Македонец» подписал распоряжение, адресованное Воронежской городской думе, в котором говорится: «Доставленный ко мне ... экземпляр высочайше утвержденных фасадов для частных строений при сем во оную препровождаю, и предписываю: впредь в дозволении жителям Воронежа производить строение сообразовываться непременно с оными фасадами»².

В этом документе речь идет о первом или втором альбомах, изданных в 1809 г.³ В дальнейшем они вошли в состав серии гравированных чертежей типовых проектов из пяти альбомов, издание которых завершилось в 1818 г. Поскольку в начале XIX в. в застройке провинциальных городов наблюдалось отставание в применении архитектурных форм и приемов, характерных для классической

¹ Там же. Д. 27. Л. 60.

² ГАВО. Ф. И-61. Оп. 1. Д. 7. Л. 33.

³ Собрание фасадов, Его Императорского Величества, высочайше апробованных для частных строений в городах Российской империи. 1809–1812 года. В 5 ч. Ч. I-V. СПб., 1809 - 1812. 287 л.

русской архитектуры, рассылку типовых проектов можно расценивать как усиленную пропаганду этого стилистического направления, обеспечивающего единство городской застройки. С учетом этого отставания период позднего классицизма (первая треть XIX в.) в провинции растянулся до середины столетия.

Несмотря на предписание губернатора, строительство по образцам в Воронеже велось в значительно меньших масштабах, чем в предыдущие десятилетия. Тем не менее, следует согласиться с утверждением С.С. Ожегова, что «в небольших провинциальных городах гравированные типовые проекты были почти единственным источником, откуда местные архитекторы могли черпать материал для своей повседневной работы» и «лишь частично сохраняли значение практического руководства для строительства»¹.

В сохранившихся прошениях о разрешении на строительство удалось обнаружить лишь одну ссылку на наиболее подходящий, по мнению застройщика, номер образцового фасада. Она содержится в прошении асессора И.И. Ильина 1818 г. адресованном Т.С. Кондратьеву, в котором содержится указание на № 14 из «высочайше апробированных фасадов»². В сентябре этого же года Н.П. Дубенский подписывает «представленный от здешнего городского архитектора фасад для постройки по оному каменного двухэтажного со службами дома здешнего губернского правления асессору Ильину на дворовом месте, состоящем за фасадом г. Черткова» и предлагает думе выдать его просителю³.

Дома состоятельных воронежцев сооружались в основном по чертежам, выполненным с учетом пожеланий владельцев. Нишу образцового строительства занимали дома менее состоятельных воронежцев, проживающих в удаленных от центральных улиц кварталах. Однако и в этом секторе строительства отступлений от образцовых проектов было достаточно много. Поэтому, опираясь на местный

¹ Ожегов С.С. Типовое и повторное строительство в России в XVIII-XIX веках. М., 1984. С. 81, 97.

² ГАВО. Ф. И-29. Оп. 131. Д. 35. Л. 12. Под этим номером в альбоме образцовых фасадов изображен двухэтажный жилой дом в 7 оконных осей с накладным шестиколонным портиком тосканского ордера, увенчанным треугольным фронтоном (Собрание фасадов, Его Императорского Величества, высочайше апробованных для частных строений в городах Российской империи. 1809 - 1812 года. В 5 ч. Ч. I. СПб., 1809).

³ ГАВО. Ф. И-61. Оп. 1. Д. 27. Л. 67.

материал, весьма спорным представляется утверждение И.Г. Пирожковой, что при сооружении новых строений не разрешалось делать от образцовых чертежей ни малейших отступлений¹. В провинции точного воспроизведения в натуре этих проектов жилых и казенных зданий государство не требовало.

Очевидно, рекомендательным характером образцовых проектов можно объяснить тот факт, что в 1822 г. губернское дворянское собрание Воронежа отказалось «купить чертежи высочайше утвержденных планов и фасадов для городских строений»². Порядок цен за подобного рода комплект гравированных графических материалов можно представить по именному указу, данному министру полиции «Об учреждении чертежей городским кварталам» от 8 февраля 1812 г. В нём, в частности, говорится: «за напечатание ж и разсылку означенных чертежей истребовать по 7 рублей и 50 копеек за каждый экземпляр из доходов тех городов, для коих оные посланы будут»³.

Типовое проектирование имело преимущественное значение для формирования архитектурного облика массовой жилой застройки. Она в первой половине XIX в. по-прежнему строилась на принципе соподчинения с уникальными опорными зданиями, сооружавшимися преимущественно в центральных районах Воронежа. Именно в центре происходило последовательное формирование классического ансамбля, на который и равнялась застройка остальных частей города. Активное использование принципов классицизма, в частности симметрии, привело к тому, что даже небольшие дома в городе стали более парадными.

В застройке Воронежа по-прежнему проводилось резкое разграничение по социальному признаку – центр выделялся для заселения дворянством и купечеством, окраины – для малоимущих и неимущих жителей. Целиком каменная застройка была лишь на Большой Дворянской. Кроме неё добротные кирпичные дома начинают появляться ещё на двух улицах: на Новой Московской, ставшей центральным лучом планировочного «трезубца», и на Большой Девицкой, которая

¹ Пирожкова И.Г. «Образцовые» фасады как нормативный источник регулирования градостроительства в Российской империи // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2006. № 3. С. 6 – 8.

² ГАВО. Ф. И-30. Оп. 1. Д. 679. Л. 4.

³ ПСЗРИ. 1-е собр. – Т. 32, № 24989. С. 181.

в процессе реализации генерального плана была спрямлена и продолжена до современной улицы Кольцовской. Именно на них концентрировалась купеческая застройка, которая достаточно часто совмещалась с коммерческими заведениями в виде торговых лавок, питейных домов, бань, амбаров и даже небольших заводов, размещавшимися вместе с жилым домом на одном земельном участке.

В указанном «Статистическом описании...» губернатора М.П. Штера¹ приведены сведения, характеризующие мощности кирпичного производства в губернии: имелось 50 заводов с суммарной производительностью в 3718500 кирпичей в год, из которых 21 располагались близ Воронежа и изготавливали 2415500 кирпичей в год. Для того, чтобы оценить, много это или мало, обратимся вновь к примеру, приведенному в главе 1. Дополняя ранее проведённые расчеты, можно сказать, что из кирпича, произведенного за год воронежскими заводами, можно было построить не более 36 одноэтажных домов размером 6 на 9 метров.

Многие из этих кирпичных зданий, расположенных на центральных улицах Воронежа, были крыты листовым железом, однако всё-таки основная масса городских обывательских домов были под деревянными крышами. На улучшение внешнего облика застройки российских городов был направлен указ «О правилах построения частных домов в городах», в котором признавалось, что почти все дома «в губернских городах и особенно уездных кроются тесом и редко хорошим». При этом требовалось, чтобы крыши на обывательских домах в соответствии с циркуляром министерства полиции от 23 ноября 1811 г. были определенной высоты ($\frac{1}{4}$ часть от ширины строения, крытого тесом, из соображений пропорции и красоты зданий), что обеспечить на всех строениях было практически невозможно. При такой высоте крыши из некачественного теса и без покрытия масляной краской быстро приходили в негодность. Чтобы «соединить приятность вида строений с возможными выгодами обывателей» и исключить злоупотребления со стороны местных полицейских «и даже самих Губернских и городских Архитек-

¹ РНБ. Ф. ВЭО, 20 1/40. Л. 378.

торов», решено было оставить это требование только для тех строений, которые ставятся на линии улиц¹.

Мещане строили в Воронеже преимущественно деревянные одноэтажные дома на каменном фундаменте. Из-за недостаточного количества состоятельных жителей в провинциальных городах разрешение возводить деревянные дома на каменном фундаменте, «где по плану назначено быть каменному строительству» было узаконено, исходя из реального строительства на местах, лишь в 1829 г.²

Важную роль в формировании облика российских городов сыграл именной указ Александра I от 13 декабря 1817 г., данный управляющему Министерством полиции с приложением дополнительных правил об устройстве городов и селений³. В ГАВО сохранился его текст в виде печатного приложения к отношению губернатора, направленного воронежской городской думе⁴. В этом документе, в частности, запрещалось «пестрить дома краскою», и перечислены 8 цветов, в которые разрешалось их красить: «белый, палевый, бледно-желтый, светло-серый, дикий (*серый* – В.Ч.), бледно-розовый, сибирка, но с большой примесью белой (*медная зелень* – В.Ч.) и желто-серый»⁵. 25 июля 1818 г. были установлены три «дозволенных цвета» для окраски крыш: дикого, зеленого и красного⁶.

На этот указ Александра I ссылается воронежский губернатор А.И. Снурчевский «по случаю ожидаемого прибытия в Воронеж... императора... для единовременного устройства в городе мостовых, будок, надолбов против казенных зданий, фонарей, шлагбаумов и всех принадлежностей военного караула собрать в течение одного месяца, сверхобыкновенного, тройной поземельный сбор»⁷. Упомянутый документ датирован 31 мая 1819 г.

¹ ПСЗРИ. 2-е собр. – Т. 3, № 2192. С. 719, 720.

² ПСЗРИ. 2-е собр. – Т. 4, № 3026.

³ Там же. Т. 34, № 27180.

⁴ ГАВО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 1100.

⁵ С опубликованием указа «О дозволении расписывать обывательские дома с наружи разноцветными красками» от 5 ноября 1844 г. (ПСЗРИ. 2-е собр. – Т. 19, № 18395) это требование потеряло обязательный характер.

⁶ РГИА. Ф. 823. Оп. 1. Д. 3.

⁷ ГАВО. Ф. И-61. Оп. 1. Д. 23. Л. 52.

Этот императорский указ и другие, регламентирующие устройство городов предписания, сказались весьма существенно на формировании их облика. Естественно, что за выполнение этих предписаний непосредственно отвечали губернский и городской архитекторы, каждый по отношению к тем объектам, которыми они занимались в силу своих профессиональных обязанностей. Контроль исполнения осуществлялся городничими, полицмейстерами и частными приставами.

В связи с этим напомним, что за практическую реализацию этого и других, регламентирующих строительные процессы указов, в Воронеже непосредственно отвечал городской архитектор Т.С. Кондратьев, который с небольшими перерывами работал на этой должности со времени её учреждения и до сентября 1819 г. Свидетельством того, что он очень достойно исполнял свои обязанности является тот факт, что на место ушедшего в отставку губернского архитектора М.А. Амвросимова, губернатор просит «определить... достойного и если такового не окажется, то беру на себя смелость представить на сию вакансию городского архитектора Кондратьева, который заслуживает по усердию его к службе и способности к сей должности»¹.

На ходатайство было получено согласие в столице и Т.С. Кондратьев получает повышение по службе. Он ставится губернским архитектором и работает им до ухода в отставку в 1831 г. Таким образом, в общей сложности на ниве воронежской архитектуры Т.С. Кондратьев проработал 26 лет.

В 1817 г. губернатором Н.П. Дубенским был утвержден подготовленный при Кондратьеве новый план разделения Воронежа на полицейские части, а соответственно и на зоны ответственности пожарных команд. В связи с этим городская дума должна была «избрать трех человек купеческого или мещанского состояния для проведения совокупно с тремя землемерами... и частными приставами новой описи домов»². Однако к выполнению этого распоряжения приступили только после вторичного напоминания губернатора думе в 1818 г.

¹ РГИА. Ф. 1285. Оп. 8. Д. 1053. Л. 2.

² ГАВО. Ф. И-61. Оп. 1. Д. 23. Л. 4. Эти описи носили фиксационный характер и были обязательными для всех домов, располагавшихся на территории города.

Деление города на три части полицейского управления: Московскую, Дворянскую и Мещанскую показано на плане города, составленном полковником Шицем 2-м.¹ Традиционно архивистами он относится к началу XIX в. Исследователи воронежской архитектуры А.Н. Акинъшин и Г.А. Чесноков в совместной статье, опираясь на показанные в экспликации здания, датируют создание этого плана периодом между 1803 и 1809 гг.² Однако при этом вступает в противоречие тот факт, что квартирмейстер Шиц 2-й чин полковника имел с 1817 г. Учитывая это обстоятельство и время подписания губернатором плана разделения города на полицейские части этот чертеж следует отнести ко времени не ранее 1817 г.

Сами здания полицейских частей были построены в 1825 г. Благодаря тому, что над ними возвышались деревянные пожарные каланчи они, наряду с храмами, стали заметными вертикальными ориентирами в однодвухэтажном Воронеже³ (см. иллюстративные материалы, рисунок № 15). К этому следует добавить, что они очень удачно расположились в градостроительном отношении и тем самым значительно обогатили облик губернского центра. Выбор места – несомненная заслуга городского архитектора И.А. Блицына и возглавляемой им службы. Из всех сохранилось только здание Мещанской полицейской части (ул. К. Маркса, 32), у которого в 1875 г. деревянную каланчу ввиду ветхости заменили на четырехъярусную кирпичную.

Рассматриваемый нами план Шица чрезвычайно интересен детальным определением места очень многих общественных, частных, промышленных зданий и указанием имен их владельцев. Можно отметить также довольно низкую плотность застройки даже в центре города: дома стояли не вплотную друг к другу, а перемежались садами. Дворянские и купеческие усадьбы, прилегавшие к до-

¹ РНБ. Отдел рукописей. Ф. 342, № 1143. Такое разделение города на части сохранялось вплоть до революции (см. иллюстративные материалы, рисунок № 38, 39).

² Акинъшин А.Н., Чесноков Г.А. Историческая география Воронежа по планам города (XVIII – середина XIX в.) // Историческая география Черноземного центра России (дооктябрьский период). Воронеж, 1989. С. 125, 131, 132.

³ РГИА. Ф. 1488. Оп. 1. Д. 745. Дом с деревянной каланчей для полицейской части. План, фасад. б/д; РГИА. Ф. 1488. Оп. 1. Д. 722. Мещанская управа. План, фасад. Копия. 1841.

мам, нередко выходили на смежную улицу, которая в таком случае застраивалась только с одной стороны. В отдельных местах сады занимали целые кварталы.

На плане Шица впервые показано Вознесенское кладбище, более известное в Воронеже как Чугуновское, разместившееся за городской заставой. Под него отвели обширный участок в самом конце Старо-Московской улицы (позже Большая Садовая, ныне ул. К. Маркса), которая в силу этого стала тупиковой. Это, странное на первый взгляд, решение объясняется тем, что старая дорога на Москву к началу XIX в. окончательно потеряла свое прежнее назначение в планировочной структуре Воронежа¹.

В апреле 1816 г. функции архитекторов на местах были расширены на основании принятого Сенатского указа «О правилах оценки домов...». В нём со ссылкой на именной указ от 7 октября 1809 г., который прежде распространялся только на Санкт-Петербург, было «повелено: 1. При оценке домов непременно находиться архитектору. 2. Оценку производить наипаче на исчисления несгораемого материала, как то, железа и кирпича; и 3. К сему соображению принимать ещё в добавок выгоду местного положения и доход, получаемый с дома».² Это было сделано для того, чтобы оценка домов по территории всей страны делалась единообразно, т.е. по одним и тем же правилам. Профессиональные знания и умения архитекторов стали востребованы для того, чтобы не было ущерба для казны при принятии зданий гражданской палатой в залог³.

Дело «О выдаче титулярному советнику Якову и майору Василию Тулинову на дома и фабрику свидетельства» даёт представление об этой сфере деятельности архитекторов в городах губернии. В деле имеется «Опись с оценкою жилого каменного 3 этажного дома со службами в г. Воронеже в 126 квартале, между улиц Б. Дворянской, 1-й Дворянской линии и Тулиновского переулка на угле по смеж-

¹ Чесноков Г.А. Воронеж. Каменная летопись. Архитектура и строительство: в 2 т., Т. 1. Воронеж, 2011. С.105.

² ПСЗРИ. 1-е собр. – Т. 33, № 26259. С. 624 – 625.

³ Значительно позже в соответствии с указом от 22 июня 1827 г. об учреждении «Российского страхового от огня общества» по желанию владельцев стали составляться страховые описи (сметы) на строения, которые в губернских городах подписывал полицмейстер или губернский архитектор. При такой оценке принимались во внимание только достоинства самого строения без учёта участка и выгоды его местоположения (Там же. 2 собр. – Т. 2, № 1202. С. 562).

ности с правой стороны», составленная 6 января 1819 г. По «архитекторской смете» общая стоимость кирпичного дома «с тремя под ним выходами» и участка составила 25066 р. 33 к. По существу, это важный финансовый документ, который требует соответствующего заверения и поэтому его завершает следующий текст: «О количестве изчисленных по сей описи материалов подписуюсь, воронежский городской архитектор Тимофей Кондратьев». Как автор проекта этого дома, построенного в 1813 г., он, естественно, прекрасно знал объект оценки¹.

Спустя десять лет «дом Тулиновых» очередной городской архитектор И.А. Блицын оценил в 39019 руб. 3 коп. В надписи под описью губернский архитектор Т.С. Кондратьев поясняет, что «значащиеся по описи материалы как сгораемые, так несгораемые, находятся ныне в хорошем положении, и что оценка умеренна и что сия последняя не превышает постоянного осьмилетнего доходу»². Сумма оценки дома существенно выросла, что вполне объяснимо учитывая «выгоду местного положения и доход, получаемый с дома», который считался одним из лучших в Воронеже.

Обширная усадьба, на которой кроме дома размещались и подсобные строения, простиралась вглубь до современной улицы Ф. Энгельса. Роскошный по тем временам особняк с большим двухсветным залом на втором этаже, от которого анфиладами расходились жилые комнаты, не раз представлялся владельцами для проживания высокопоставленных гостей города. Так, например, в 1818 г. в доме В.В. Тулинова останавливался Александр I. Известие о приезде царя подтолкнуто власти к обновлению и ремонту многих обветшалых зданий.

Картину застройки Воронежа первой четверти XIX в. дополняет уже упомянутый ряд планов города, составленных около 1818 г. городским архитектором Т.С. Кондратьевым. Чертежи представляют большой интерес для историков архитектуры и краеведов в силу того, что к ним приложены подробнейшие экспликации и на планах города нанесены названия почти всех улиц. Их дополняет план Воронежа 1822 г., составленный воронежским губернским землемером А.З. Ар-

¹ ГАВО. Ф. И-167. Оп. 1. Д. 21205. Л. 15 – 29 об.

² Там же. Л. 26, 33.

темьевым (копировал землянский уездный землемер Осетров)¹. На плане и в экспликации к нему указаны казенные, городские (общественные) и церковные строения и нанесены названия большого числа улиц. На нем, в частности, впервые на месте нынешнего драматического театра было изображено здание, в котором уже тогда давала представления профессиональная труппа. Вокруг Успенской церкви изображены здания Приказа общественного призрения.

На этом плане достаточно подробно показаны промышленные заведения – канатные прядильные заводы, суконная фабрика, кожевенные заводы, суконные мануфактуры, колокольный литейный завод (близ Чугуновского кладбища), мыловарни, опустевший сахарный завод (у городского вала, в районе пересечения современных улиц Кирова и 20-летия Октября).

Суммарный анализ этих планов даёт представление о сложившемся функциональном зонировании территории Воронежа, что и определяет их ценность для данного исследования. Например, прослеживается устойчивое тяготение промышленных предприятий к реке, выделяются районы, в которых локализуются места постоянной торговли. Всё это может рассматриваться как наглядный результат последовательной и целенаправленной деятельности архитектурной службы города, направленной на улучшение городской среды.

В качестве примера можно привести дело о перемещении мясных рядов «на другое назначенное по плану место»². По прошению воронежских купцов Трясокурова, Титова и Фролова в столице было принято решение о денежной компенсации понесенных расходов и правомерности принятых в отношении их действий³. Его рассмотрение состоялось в 1841 г., т.е. значительно позже времени составления рассматриваемых планов, тем не менее, именно в силу этого обстоя-

¹ Архив СПб ИИ РАН. Коллекция 220. Д. 206.

² РГИА. Ф. 1287. Оп. 8. Д. 733.

³ Данное решение основывалось на § 39 именного указа от 3 мая 1829 г. «О порядке производства дел по Министерству внутренних дел», в котором говорилось о «снисхождении к частным лицам, коих дома по планам городов подлежали бы ломке» (ПСЗРИ. 2-е собр. – Т.4, № 2857. С. 300).

тельства приведенный пример убедительно показывает постоянство работы, проводимой в городе¹.

Несмотря на то, что количество спорных дел, связанных с реализацией на местах зафиксированных генеральных планов, было достаточно большим только в 1857 г. принимается на государственном уровне решение «об отобрании подписок от вновь строящихся домовладельцев»². В случае устройства домов на местах, предназначенных по плану для улиц и площадей, они, подписав соответствующую бумагу, таким образом, лишались права требовать вознаграждение за утраченную собственность.

В отличие от фиксационного плана Воронежа 1822 г. планы, составленные Кондратьевым, нельзя считать только фиксационными, поскольку на них в верхней части города нанесена сетка перспективных кварталов³. Городской архитектор фактически продолжил разработку предложений по развитию генплана 1774 г. При этом все они отличаются друг от друга степенью детализации, что в свою очередь определялось целью, для которой составлялся тот или иной план.

Выделим два⁴ из них (см. иллюстративные материалы, рисунок № 16,17), которые были составлены в связи с выбором места для строительства новых зданий приказа общественного призрения, опыт проектирования которых представляется важным для характеристики работы губернской строительной экспедиции (с 1836 г. строительной комиссии) и архитектурных служб города. На этих весьма небольших по размерам планах графически выделены лишь участки, принадлежащие Приказу: около Успенской церкви, «близ церкви Святого Ануфрия» и на «новом рынке в Петропавловском приходе»⁵. На них показаны все имевшиеся постройки, а в экспликации дана их функциональная принадлежность. Все осталь-

¹ Похожие проблемы имели место и в уездных городах губернии. Например, в 1839 г. рассматривалось дело по жалобе острогожского купца Панова на Воронежскую губернскую строительную комиссию, разрешившую купцу Маркову «с товарищами строить в городе Острогоске каменные лавки, нарушая план города». (РГИА. Ф. 1287. Оп. 8. Д. 646)

² РГИА. Ф. 218. Оп. 4. Д. 2665. 25 л.

³ Река на планах города Воронежа, составленных Т.С. Кондратьевым, традиционно изображалась в нижней части листа.

⁴ РГИА. Ф. 1293. Оп. 168. Д. 5. План гор. Воронежа. Там же. Д. 6. План гор. Воронежа.

⁵ Это район пересечения нынешних улиц Степана Разина, Сакко и Ванцетти, Вайцеховского, Цюрупы и Большой Манежной.

ные кварталы на планах изображены без детализации. Сохранились очень подробные чертежи 1811 г. всех указанных в экспликации построек, которые «с натуры снимал губернский архитектор Тимофей Кондратьев»¹. Больница, кстати, располагалась в сохранившемся до наших дней бывшем жилом доме купца П. Гарденина.

История выбора места и проектирования зданий приказа общественного призрения весьма показательна для организации строительства казенных зданий в первой половине XIX в. Сохранившиеся в РГИА документы показывают насколько ответственно структуры, отвечающие за их возведение, подходили к выбору места и проекта. Приказы общественного призрения, созданные в соответствии с «Учреждением для Управления губерний Российской империи» 1775 г., играли важную роль в развитии здравоохранения. С 1803 г. все они находились в ведении хозяйственного управления МВД.

Проект предполагаемых к постройке в городе Воронеже богоугодных заведений приказа общественного призрения, рабочего и смиренного домов (в виде планов и фасадов) поступил в СК МВД в 1818 г. Он подписан губернским архитектором М.А. Амвросимовым² (см. иллюстративные материалы, рисунок № 18, 19), служившим в этой должности с 10 июля 1817 г. по 6 сентября 1819 г.³ Если судить по чертежам, то можно сделать вывод, что комплекс запроектированных зданий должен был располагаться на новом, свободном от застройки участке. Этим же годом датируются неподписанные чертежи сиропитательного⁴ и сумасшедшего домов на усадьбе приобретенной Приказом «у коллежской советницы Македонцевой» у нового Попова рынка⁵. Первоначальный проект богоугодных заведений на этом месте был выполнен В.Б. Белокопытовым⁶ (см. иллюстративные материалы, рисунок № 20).

¹ РГИА. Ф. 1293. Оп. 168. Д. 49, 53, 54, 56.

² Там же. Д. 39, 40.

³ Акиншин А.Н. Материалы к биографическому словарю воронежских архитекторов // Труды областного краеведческого музея. Вып. 2. Воронеж, 1994. С. 71, 72.

⁴ Сиропитательный дом – сиротский приют для детей.

⁵ РГИА. Ф. 1293. Оп. 168. Д. 78, 79, 81.

⁶ Там же. Д. 80.

Очевидно, проект М.А. Амвросимова не получил одобрения в столице, поскольку вновь разработанные планы на конкретные здания Приказа и сметы на их возведение были представлены гражданским губернатором Воронежа наместнику генерал-губернатору А.Д. Балашеву в ноябре 1820 г. Если судить по заключению СК МВД от 7 июня 1821 г., то представленных на рассмотрение в этот день проектов было два¹.

Первый предлагал старые сооружения Приказа частично переделать и «распространить пристройками». Новые каменные строения в соответствии с проектом должны были возводиться в самом конце на тот период Большой Дворянской улицы. Чертеж, озаглавленный «План военно-градской больницы на 350 человек предлагаемой к постройке в губернском городе Воронеже», подписан городским архитектором И.А. Блицыным² (см. иллюстративные материалы, рисунок № 21, 22). Стоимость всех работ была определена в 158743 р. 90 коп. При этом экспертами комитета было замечено, что «расположение планов сих строений весьма удобное и приспособленное к надобностям помещающихся во оном предметов»³. Заметим, что практика возведения специальных зданий с учётом функциональных особенностей отдельных заведений в провинции встречалась чрезвычайно редко.

Чаще всего к новым функциям старались адаптировать уже имевшиеся здания. Именно такой подход содержался во втором проекте, в соответствии с которым предполагалось купить закрывшуюся в 1810-х годах, фабрику Гарденина за 20 тысяч рублей и приспособить её строения «для помещения воспитательного и инвалидного домов с чиновниками при оных положенными». В соответствии с повелением царя «О представлении планов домам, при испрашивании Высочайшего позволения на покупку оных» от 19 апреля 1819 г.⁴, архитектором Т.С. Кондратьевым в 1820 г. были составлены эти исходные материалы и представлены в СК МВД.

¹ Там же. Ф. 1285. Оп. 8. Д. 1845. Л. 1-7.

² РГИА. Ф. 1293. Оп. 168. Д. 37, 38. В названии чертежа допущена ошибка, поскольку в больнице такой вместимости не было необходимости. Габариты здания и представленные здесь же планы дают основания считать, что она была рассчитана на 35 стационарных мест.

³ РГИА. Ф. 1293. Оп. 168. Д. 1845. Л. 5.

⁴ ПСЗРИ. 1-е собр. – Т. 36, № 27761.

На чертежах детальнейшим образом изображены «фасады каменных строений в нынешнем их виде фабриканта Якова Гарденина, состоящих на его дворе-вом месте, близ церкви Святого Онуфрия, покупаемого приказом общественного призрения», «план каменного дома, с принадлежащими к оному службами и бывшей суконной фабрикой и с их дворовыми местами и садом» (см. иллюстративные материалы, рисунок № 23). В комплект представленной документации входит и «Генеральный план места со строениями Воронежского приказа принадлежащему, с покупаемым у фабриканта Якова Гарденина местом»¹.

С покупкой и ремонтом фабричных зданий, их перестройкой «в новом предположении» (см. иллюстративные материалы, рисунок № 24, 25, 26) и строительством новых необходимых для размещения больницы, рабочего и смирительного дома смета составила 135581 руб. 25 коп.² Этот проект, выполненный в классическом стиле и «генеральный проект месту и строениям Приказа общественного строения сочинил 31 августа 1820 г. губернский архитектор Тимофей Кондратьев»³. Земельный участок, ограниченный Онуфриевским переулком (ныне - Фабричный), Поднабережной улицей (ныне – ул. 20-летия ВЛКСМ), Большой Девиченской (ныне – ул. Б. Манежная) и Мало-Чернавской (ныне – ул. Замкина), включал «Каменный большой больничный корпус» (на основе перестройки «Дома Гарденина»), жилые дома и каменные службы, больничный флигель, каменную конюшню и др. постройки⁴. При этом сохранялись выстроенная в 1800 г. у реки, в приходе Успенской церкви, больница на 40 мест и купленный для нужд приказа двухэтажный каменный дом «предположенному для помещения сумасшедших» у нового рынка⁵.

Строительный комитет, рассмотрев два варианта, не сделал окончательного выбора, но при этом оценил предпочтительность по издержкам второго, а по удобству расположения отдал предпочтение первому. С позиции сегодняшнего

¹ РГИА. Ф. 1293. Оп. 168. Д. 57, 60, 61.

² Там же. Оп. 16. Д. 1845. Л. 6.

³ Там же. Ф. 1488. Оп. 1. Д. 735. Л. 1–10; Ф. 1293. Оп. 168. Д. 51, 52, 59.

⁴ Там же. Ф. 1293. Оп. 168. Д. 47, 48.

⁵ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 1341. Оп. 1. Д. 265. Л. 12; РГИА. Ф. 1293. Оп. 168. Д. 54.

дня происшедшее можно оценить как первый опыт вариантного проектирования в Воронеже, осуществленного местными архитекторами. Уникальность воронежского опыта состоит в том, что были предложены не только два проектных решения одного и того же объекта, но и разные участки города для их размещения. При этом наряду с детальной проработкой фасадов и поэтажных планов, было создано два генеральных плана, увязанных с существующей городской ситуацией¹.

Такая практика стала распространяться в других провинциальных городах страны значительно позже по мере насыщения их архитектурными кадрами и введения процедуры архитектурных конкурсов. Их проведение предварялось составлением «программы строения с объяснением местных данных»². В такой программе излагались «цель, принадлежности и главные условия здания», в том числе местоположение, этажность, «расположение помещений по этажам и по взаимосвязи»³. Составление такой программы становится необходимым условием с 1830-х гг. при проектировании казенных зданий⁴.

Проведенная воронежскими архитекторами работа легла в основу проекта, выполненного членом СК МВД архитектором И.И. Шарлеманем⁵ (см. иллюстративные материалы, рисунок № 27). Он по должности занимался составлением проектов и осуществлением строительства казенных зданий. Проект, озаглавленный «Планы и фасады богоугодным заведениям Воронежского приказа общественного призрения», был высочайше одобрен самим императором 4 мая 1823 г., что подтверждает его значимость⁶. Он состоит из чертежей главного трехэтажно-

¹ Именной указ «О представлении в Министерство Внутренних дел, вместе с планами строений, планов тех мест, на коих предполагается постройка казенных зданий» был обнародован только 15 ноября 1828 г. Им предписывалось «впредь предоставлять всегда план части улицы или квартала, чтобы можно было судить о приличии фасада» (ПСЗРИ. 2-е собр. – Т. 3, № 2431).

² Правила о производстве строительных работ по Министерству императорского двора: [утв. 3 нояб. 1857 г.]. СПб., 1857. С. 4.

³ Свиязев И.И. Учебное руководство к архитектуре, составленное для студентов Горного института: практическое пособие в 2 ч. СПб., 1833. С. 140.

⁴ Баранова А.А. Развитие архитектурно-строительной документации в дореволюционной России (XIX - начало XX вв.): дис. ... канд. ист. наук. М., 1984. С. 92.

⁵ РГИА. Ф. 1293. Оп. 168. Д. 62 – 70.

⁶ Распоряжение об обязательном рассмотрении царем планов всех новых или перестраиваемых казенных зданий, составляемых СК МВД, действовало с 6 сентября 1827 г., однако его вскоре отменили из-за очень большого количества такого рода дел. В соответствии с высочайшей резолюцией от 12 ноября 1828 г. императору теперь разрешалось представлять только те

го корпуса и двух двухэтажных боковых флигелей. Анализ чертежа показывает, что известный столичный зодчий взял за основу проектное предложение И.А. Блицына и творчески его переработал.

В 1824 г. Кондратьев в очередной раз выполняет большой массив чертежей строений, «предположенным к построению вновь и к отделке из старых строений на месте близ церкви Святого Ануфрия» и «на новом рынке», принадлежавших приказу общественного призрения¹ (см. иллюстративные материалы, рисунок № 28, 29). Они представлены в виде фасадов, планов, разрезов зданий продольных и поперечных. Представлены также чертежи генеральных планов участков с проектируемыми объектами. Однако и в этом случае до реального строительства новых зданий так и не дошли.

В 1826 г. вновь вернулись к рассмотрению вопроса о строительстве комплекса зданий для нужд Приказа. Об этом свидетельствуют «Планы и фасады для постройки богоугодных заведений в Воронеже и Курске», хранящиеся в фонде Петербургского Сенатского архива РГИА². Фасады всех зданий, входящих в предлагаемые для строительства комплексы в Воронеже и Курске, абсолютно одинаковы. Они полностью повторяют проект И.И. Шарлеманя, к реализации которого в Воронеже приступили в 1826 г.

Небольшие различия обнаруживаются при рассмотрении генеральных планов, которые созданы на одних и тех же принципах функционирования многопрофильных больничных заведений. Поскольку все чертежи, за исключением генеральных планов печатные, без подписей и не датированы, то это дает право утверждать, что к этому времени проект, созданный Шарлеманем, стал образцовым. Что касается «образцовых» чертежей для зданий заведений приказа общественного призрения, то они были утверждены 25 июня 1823 г.³, что подтверждает наше предположение. Использование примерных планов богоугодных заведе-

здания «кои не по утвержденным планам делаются ... кои важностью и расположением, составляют значительный предмет издержек и общественной пользы, или могут быть украшением города» (ПСЗРИ. 2-е собр. – Т. 2, № 2423. С. 989, 990)

¹ РГИА. Ф. 1293. Оп. 168. Д. 50, 51, 55, 58, 71.

² Там же. Ф. 1399. Оп. 1. Д. 315. Л. 1–8.

³ ПСЗРИ. 1-е собр. – Т. 38, № 29516 а.

ний с правилами для их возведения, разработанных в столице, в значительной степени удешевляло строительство, осуществляемое под жестким финансовым контролем МВД. Этому же способствовали и фасады, отличавшиеся простотой и целесообразностью архитектуры¹.

В процессе эксплуатации выяснилось, что по больницы, рабочему и смиренным домам требуется «внутренняя перестройка» и в связи с этим по распоряжению городской строительной комиссии решено было составить проект по исправлению выявленных «неудобств». Об этом сообщается в донесении губернатора в МВД о состоянии губернии за 1836 г.²

После пожара 1837 г. в период с 1839 по 1842 гг. губернским архитектором А.И. Денисенковым были составлены чертежи на восстановление «больницы богоугодных заведений» (фасад, планы этажей, разрез главного корпуса) с генеральным планом³, а его помощником А.М. Мокринским планы и фасады всех остальных зданий⁴, располагавшихся на ул. Большой Дворянской. Причем в главном трехэтажном корпусе предложено было вновь поместить военный госпиталь, от которого приказ имел существенный доход.

На эту перепланировку и на устройство служб по смете, отправленной в МВД в феврале 1843 г., требовалось 45658 рублей⁵. В ноябре 1844 г. все работы по главному корпусу «по сметам подрядился произвести купец Придорогин на сумму 49450 рублей и окончить оные к маю 1847 года»⁶. Однако в ГУПСИПЗ проектные предложения воронежских архитекторов не были утверждены. Вероятно, представление МВД «О возобновлении сгоревшего главного корпуса заведений

¹ Ко второму десятилетию XIX в. образцовые проекты были разработаны для большинства типов казенных зданий, которые активно внедрялись в строительную практику. Так, например, в 1824 г. И.А. Блицын, будучи городским архитектором, на основе использования образцового проекта составил чертежи здания думы и магистрата для города Павловска. (Акинышин А.Н. Материалы к биографическому словарю воронежских архитекторов (конец 17-начало 20 вв.) // Труды Воронежского областного краеведческого музея. Вып. 2. Воронеж, 1994. – С. 79).

² Архив СПб ИИ РАН. Ф. 1281. Оп. 2. Д. 52. Л.3.

³ Представленный А.И. Денисенковым генеральный план полностью соответствует плану 1826 г. Чертежи были представлены на рассмотрение в ГУПСИПЗ в июле 1838 г. (РГИА. Ф. 1488. Оп. 1. Д. 738. Л. 1 – 4).

⁴ РГИА. Ф. 1488. Оп. 1. Д. 736, 737.

⁵ Там же. Ф. 1281. Оп.4. Д. 58. Л. 13.

⁶ Там же. Д. 45. Л. 11.

Воронежского Приказа общественного призрения», зарегистрированное в журнале Комитета министров в декабре 1843 г.¹, не получило высочайшего разрешения. Лишь в 1847 г. приступили к восстановлению комплекса в допожарном виде². Такое решение вполне объяснимо, поскольку указ об отмене использования примерных чертежей при строительстве зданий приказа общественного призрения был обнародован только в 1858 г.³

В больничный городок, расположившийся на весьма значительном по размерам земельном участке (примерно 80 x 75 сажень), кроме здания лечебницы вошли богадельня для престарелых, дом для умалишенных, рабочий и смиренные дома, что в сумме составило 9 объектов. Грандиозность комплекса и значимость для Воронежа того времени вполне объясняют столь длительный путь его появления в архитектурно-планировочной структуре города. Все архитектурные силы города последовательно, дополняя друг друга, работали над его реализацией в сумме более 40 лет.

Выстроенный ансамбль со стороны Большой Дворянской получил характерную для периода классицизма симметричную композицию. На красной линии застройки главной улицы города расположились два одинаковых двухэтажных флигеля, а в образовавшемся курдонере⁴, отделённом от дороги сквозной оградой – главное трехэтажное больничное здание с ризалитом по центру, над фронтоном которого возвышался крест⁵. Эти здания, перестроенные после Великой Отечественной войны, и сейчас служат и для нужд здравоохранения (пр. Революции, 10, 12, 14).

В 1820-е гг. по инициативе губернской администрации и под руководством губернского и городского архитекторов в Воронеже были начаты большие работы по приведению города «в большее благообразие», потребность в которых назрела давно. Бедственная ситуация с городским благоустройством нашла отражение в «Кратком статистическом описании Воронежской губернии», подписанном гу-

¹ РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 1574. Л. 8.

² Акиншин А.Н. Социально-экономическое и политическое развитие... С. 170.

³ ПСЗРИ. 2-е собр. – Т. 33, № 33636.

⁴ Курдонер – ограниченный главным корпусом и боковыми флигелями парадный двор.

⁵ Во всех корпусах комплекса с конца 1860-х гг. размещалась губернская земская больница.

бернатором Н.П. Дубенским 27 мая 1818 г. В этом документе, представленном Александру I, в частности сказано: «положение его (*Воронежа – В.Г.*) на гористых местах и черноземе, от чего весной и осенью бывают большие грязи, в отвращение коих хотя и предназначено мостить улицы каждому хозяину против дома своего, но так как камень получают только из одного близлежащего села, называемого Девица, то обыватели берут за оный цены непомерные и от того постройка мостовой весьма безуспешна; для усовершенствования как сего предмета... учрежден по велению начальника комитет; а между тем улицы противу казенных и общественных зданий, площадей замащиваются камнем на счет общественной суммы, под ведением городской суммы состоящей... Ощутимый недостаток претерпевают здешние жители в воде и все к отвращению оного старания остались донныне безуспешными». Далее по тексту губернатор ходатайствует о выводе из Воронежа 14 заведений для бойни скота и топки сала, которые «производят ... вредную нечистоту»¹.

Описание Н.П. Дубенского, пожалуй, впервые столь откровенно повествует о проблемах качества жизни во вверенном ему городе. Обычно подобного рода документы, как правило, носят более бравурный характер, поскольку являются по существу отчетами о деятельности тех или иных губернаторов перед императором.

Здесь следует сказать, что попытки благоустроить хотя бы центр города предпринимались и ранее. Так, например, ещё в 1808 г. «старанием гражданского губернатора... Александра Борисовича Сонцова, – как писал М.И. Славинский, – граждане начали мостить Большую Дворянскую улицу песчаным и частью крепким известковым камнем». Он же сообщает информацию о том, что по инициативе губернатора М.И. Бравина в 1814 г. было начато устройство на этой же улице «булеvara»².

Бедственное положение дел с благоустройством было весьма характерным для большинства городов страны. В приведенной цитате из отчета Н.П. Дубен-

¹ РГВИА. ВУА. Д. 18674. Л. 9 об., 10, 11.

² Славинский М.И. Указ. соч. С. 84.

ского перечислен по существу весь арсенал средств, которые можно было использовать губернаторам исходя из существовавшей законодательной базы для решения этой проблемы. Однако здесь не упоминается обязательный сбор камня со всех проезжающих в город возов, который должен был идти на мощение улиц. Очевидно, закон, введенный в 1811 г. для всех городов страны, на территории лесостепной губернии по существу не работал. Подтверждением этого предположения является тот факт, что «по представлениям некоторых начальников губерний о затруднениях в сборе камня» в 1832 г. этот закон был отменен¹. Одновременно было приказано губернаторам «назначать ежегодно из городских доходов нужную по возможности сумму на замощение площадей и улиц сначала главных, а потом постепенно и всех прочих». При этом учитывая «скудость городских доходов» предписывалось как дополнительный источник финансирования этих работ, исходя из местных обстоятельств, использовать «необременительные сборы» для населения.

В качестве примера поиска таких дополнительных средств для пополнения городского бюджета приведем ходатайство городской думы Воронежа, отправленное в МВД в 1838 г. «об изыскании способов к усилению доходов». В нем предлагалось: 1) брать налог с возчиков, увозящих из губернии хлеб, шерсть, сало в зависимости от расстояния и веса; 2) брать налог с продавцов лошадей на городском базаре². Предложение было одобрено и рекомендовано пересмотреть высочайше утвержденное положение от 24 декабря 1830 г. о доходах и расходах г. Воронежа³.

Сравнивая текст указа 1832 г. и информацию из отчёта Н.П. Дубенского, можно сделать вывод, что задолго до его выхода фактически всё изложенное в нём нашло применение в воронежской практике. Право решать, «какие именно улицы нужно вымостить неотложно и какие впоследствии исподволь», было закреплено лишь в 1835 г. за временными городскими комитетами по благоустройству, которые предлагалось создавать под председательством губернаторов. В них

¹ ПСЗРИ. 2-е собр. – Т. 7, № 5138.

² РГИА. Ф. 1287. Оп. 31. Д. 98. Л. 1.

³ Там же. Л. 4.

должны были входить городской голова и депутаты от всех сословий городских обывателей, имеющие собственные дома¹. Это же право было продублировано в высочайше утвержденном в 1837 г. «Общем наказе гражданским губернаторам»².

Работы по благоустройству Воронежа начались с Большой Дворянской. На ней был ликвидирован проходивший посередине улицы бульвар. От проезжей части высокими тумбами, выполненными из песчаника и соединенными между собой окрашенными в серый цвет брусьями, отделили тротуар, вдоль которого посадили пирамидальные тополя и поставили деревянные столбы с фонарями. Тогда же началось замощение камнем первых трёх улиц в Воронеже: Большой Московской, Большой и Малой Дворянской.

Благоустроительные мероприятия возобновились с еще большей силой в 1824 г., когда должность воронежского губернатора занял Н.И. Кривцов, обративший особенно пристальное внимание на внешний вид города. Работавший с ним чиновник Д. Рябинин вспоминал: «Кривцов служил воронежским губернатором немногим более двух лет... Но, отличаясь горячей деятельностью по строительной части, успел сделать в короткое время своего управления очень многое для улучшения города Воронежа, относительно существенных удобств и внешнего благоустройства. Он вымостил улицы, устроил, вместо первобытной гати, прекрасную дамбу с мостом при выезде из города, выкопал 20 колодцев т.д.»³. Оценивая объём работ, проведённых в Воронеже при Кривцове, С.И. Соколов, работавший в то время помощником городского архитектора, в своих воспоминаниях написал, «что в 3 года, с 1824 по 1827 г. город совсем переродился»⁴.

По распоряжению губернатора в 1824 г. началось замощение камнем улиц и спусков, ведущих к реке (Большой Чернавской, Богословской, Большой Успенской)⁵. В местах резкого перепада рельефа, были возведены мощные подпорные стены из кирпича. Остатки стен того времени можно увидеть и сейчас на левой стороне улицы Степана Разина при спуске к Чернавскому мосту, на улицах Чер-

¹ ПСЗРИ. 2-е собр. – Т. 10, № 7848.

² Там же. Т. 12, № 10303.

³ Воронежские губернаторы и вице-губернаторы. 1770-1917. Воронеж, 2015. С. 183.

⁴ Воронеж в документах и материалах. Воронеж, 1987. С. 56.

⁵ Веселовский Г. М. Исторический очерк города Воронежа. 1586–1886. Воронеж, 1886. С. 221.

нышевского, Бучкури, Декабристов, Севастьяновский съезд, а также на углу улиц Володарского и Белинского.

20 ноября 1825 г. «Комитет для изыскания способов к улучшению состояния городов»¹ направил генерал-губернатору А.Д. Балашеву инструкцию с требованием ответа на вопрос: какие меры нужно принять для подъема городов? От Воронежской губернии ответ был получен в сентябре 1827 г. Вероятнее всего ответы готовились ещё при губернаторе Н. И. Кривцове, который покинул Воронеж в сентябре 1826 г.² Среди многочисленных предложений, сформулированных в Воронеже, есть предложение о необходимости давать льготу на постройку новых домов в виде освобождения от городских повинностей на 2-3 года³. По мнению воронежцев, эта мера могла способствовать ускорению темпов застройки городов и приведению их в более репрезентативный вид.

В рамках благоустроительных работ в 1826 г. в Воронеже, по проекту городского архитектора И. А. Блицына, был сооружен через Воскресенскую улицу (ныне улица Орджоникидзе) первый в городе каменный арочный мост, потребность в котором ощущалась давно. Из-за того, что Богословский спуск (ныне ул. Чернышевского) к реке постоянно размывался водой, постепенно на этом месте образовался овраг и проезд стал весьма затруднителен. В «Волчьей яме» (так называли это место современники, поскольку рядом располагался дом к тому времени уже бывшего губернского архитектора И.И. Волкова⁴) в распутицу постоянно застревали телеги, а подмываемый водой грунт без соответствующего укрепления угрожал располагавшимся рядом домам.

Не дождавшись разрешения из Петербурга на строительство моста, Н.И. Кривцов сам распорядился «сделать арку через Воскресенскую улицу по Старо-Московской» (ул. К. Маркса). Работы были выполнены за счёт городских доходов на сумму в 5596 рублей⁵. При этом заметим, что в смете, прилагаемой к письму

¹ Комитет был создан Сенатским указом от 29 октября 1825 г., а закрыт 28 января 1831 г. (ПСЗРИ. 1-е собр. – Т. 40. № 30567. С. 581; Там же. 2-е собр. – Т. 6, № 4302. С. 82–83).

² Воронежские губернаторы и вице-губернаторы. С. 184.

³ РГИА. Ф. 1286. Оп. 3. Д. 79. Л. 104.

⁴ Дом сохранился до наших дней (ул. К. Маркса, 43).

⁵ РГИА. Ф. 1286. Оп. 4. Д. 140. Л. 7.

губернатора с просьбой разрешить данное строительство, сумма была почти в три раза больше и составляла 17448 рублей¹. Несмотря на существенную экономию денежных средств, которые к тому же не были казенными, генерал-губернатор А.Д. Балашев сделал уже бывшему на тот момент губернатору Кривцову выговор за несанкционированное строительство. При этом он, очевидно, руководствовался высочайше утвержденным 16 февраля 1823 г. мнением Государственного совета, в котором говорилось: «все гражданские губернаторы из городских доходов никаких построек и заведений не делали, не испрася прежде на то разрешения Министерства Внутренних Дел, которому, представляя о надобности какого-либо построения, в то же время представляли бы и смету, во что оное обойтиться может»². Сам же бывший губернатор, принимая решение, вероятно опирался на более раннее решение Сената от 23 февраля 1806 г, в соответствии с которым губернатор или губернское правление имели право на использование городских доходов до 10000 рублей³.

В столице за самоуправство на Н.И. Кривцова завели дело, точка в котором была поставлена в 1828 г. Арка была освидетельствована комиссией, в состав которой вошли: городской архитектор И.А. Блицын, губернский архитектор Т.С. Кондратьев, городской голова Клемешов, по заключению которой она была «найдена прочной и необходимой для города»⁴.

Эта история, связанная с появлением моста, весьма показательна. Была продемонстрирована неотвратимость наказания за нарушение установленной процедуры, связанной с получением одобрения на строительство губернатором в МВД. Несмотря на выполнение обязательных требований по экономии и сопоставимости затрат на строительство с учетом ресурсов городского бюджета, что являлось важнейшими требуемыми критериями при принятии решений, на бывшего губернатора едва не был наложен денежный начёт.

¹ Там же. Л.1.

² ПСЗРИ. 2-е собр. – Т. 7, № 5768. С. 858.

³ Там же. 1-е собр. – Т.29, № 22034.

⁴ РГИА. Ф. 1286. Оп. 4. Д. 140. Л. 12.

В губернских городах средства из городских доходов «для устройства...домов, улиц, площадей, мостов, плотин, гатей...» было разрешено использовать именованным указом лишь в 1831 г. на сумму до 5000 рублей¹. В уездных городах это правило стало действовать с 1834 г.² Разрешение на использование этих средств необходимо было получать в СК МВД. В разделе № 5 «Об устройстве улиц, площадей, мостовых и тротуаров в городах» Строительного устава говорится о том, что благоустройство городских территорий вменяется в обязанность городским думам. Они должны были «назначать ежегодно из городских доходов нужную по возможности сумму на замощение улиц и площадей». Деньги на конкретные работы выделялись на основании постановлений полицейского управления, направляемых в городскую думу. При этом «дальнейшее поддержание устроенных по улицам мостовых лежало уже на обязанности обывателей, каждого противу своего дома»³. Данное положение базировалось на Сенатском указе 1835 г.⁴

С 1834 г. по 1839 г. велись работы по мощению главных улиц Воронежа, на которые «были выданы взаимообразно из казны» 100 тысяч рублей ассигнациями⁵. В 1838 г. в процессе путешествия по 12-ти губерниям Воронеж посетил известный российский чиновник и литератор П.И. Сумароков. Приведем выдержки из его текста, посвященного Воронежу и губернии, которые отвечают теме нашего исследования: «...Воронеж старинный город, из числа лучших наших губернских городов... стоит на веселом возвышении над рекою Воронежем... В нем 23 церкви, домов каменных 435, деревянных 2602 и жителей обоего пола 43813. Улицы правильные, широкие, вымощенные»⁶.

Для большей объективности оценки обратимся к цифрам, которые с одной стороны характеризуют плотность застройки в городе, а с другой дают общее

¹ ПСЗРИ. 2-е собр. – Т.6, № 4539.

² Там же. Т.9, № 7199, ст. 1.

³ Свод законов Российской империи. Т. XII. Ч.1. Раздел IV. Учреждения и уставы строительные. СПб., 1857. С. 64.

⁴ ПСЗРИ. 2-е собр. – Т.10, № 7848.

⁵ РГИА. Ф. 1287. Оп. 39. Д. 65. Л.67–67 об.

⁶ Прогулка по 12-ти губерниям с историческими и статистическими замечаниями в 1838 г. / [Соч.] Павла Сумарокова. СПб., 1839. С. 128 – 136.

представление о состоянии городского хозяйства. По данным на 1837 г., приведенным в статье барона А.Ф. Штакельберга, про Воронеж сказано: «В черте города заключалось 685 десятин и 1767 квадратных сажень земли, из которых 505 десятин 1689 квадратных сажень заняты собственно городскими домами и другими строениями; улиц и переулков 69, из них 44 мощены камнем¹; площадей 6; мостов 2, один деревянный, другой каменный; садов, принадлежащих частным лицам 560; огородов 120, кладбищ 2»².

Помимо самого короткого и самого старого моста в Воронеже за почти тридцатилетний срок работы на государственной службе, а затем в роли «вольнопрактикующего» архитектора И.А. Блицын несомненно создал множество интересных проектов. Однако объектов, где точно установлено его авторство немного. Тем не менее, творчество Блицына может служить примером несколько более позднего и более пышного классицизма в Воронеже.

Среди его построек в первую очередь следует назвать здание Дворянского депутатского собрания. Именно по его проекту и под его руководством в течении двух лет (с 1822 г. и по 1824 г.) велись работы по реконструкции уже упоминаемого нами жилого дома Д.В. Черткова, купленного дворянским собранием под свою резиденцию. К старому угловому зданию, со стороны нынешнего Детского парка Центрального района, был пристроен зал для дворянских выборов, вынесенный на красную линию застройки (ныне на этом месте жилой дом №3 по ул. Чайковского). В 1837 г. в связи с очередной перестройкой и отделкой дома для дворянских выборов И.А. Блицын упоминается ещё раз, но уже как вольнопрактикующий архитектор³.

Наиболее интересным в композиции фасада пристроенной части являлся великолепный портик с шестью коринфскими колоннами, увенчанный массивным

¹ Масштабные работы по устройству мостовых в городах Воронежской губернии были начаты лишь в 1846 г. С этой целью также были взяты займы в государственном казначействе, вопрос о погашении которых рассматривался в Хозяйственном департаменте МВД в 1848 г. (РГИА. Ф. 1287. Оп. 39. Д. 358).

² Энциклопедический лексикон, посвященный Е.В. Государю Императору Николаю Павловичу. Т. 12. СПб., 1838. С. 40.

³ ГАВО. Ф. И-30. Оп. 1. Д. 662, 1269, 1362.

фронтоном, в тимпане которого был помещен герб губернии. По бокам портика, в антах фасада¹, были устроены два полуциркульных окна очень большого размера, которые указывали на общественный характер сооружения. Его основным помещением был большой двухсветный зал (на 500 человек) с хорами, устроенными между колоннами и стенами (по 100 человек с каждой стороны)². Зал, славившийся великолепной акустикой, в предвоенные годы использовался в городе как филармонический. В целом здание Дворянского депутатского собрания, отличавшееся хорошо найденными пропорциями, выглядело парадно и торжественно.

Среди светских зданий, построенных в городе в первой половине XIX в., выделялся своими размерами комплекс сооружений военного учебного заведения – Воронежского Михайловского кадетского корпуса. Напомним, что часто в разных городах страны при строительстве крупных зданий и комплексов под патронажем Губернских комиссий создавались временные комиссии, осуществлявшие контроль за строительством на местах. Такой подход обеспечивал более тщательный надзор общественности «за сохранением всех возможных выгод казны». В их состав ответственным «по искусственной части» практически всегда назначался архитектор.

В этом плане опыт строительства зданий корпуса, ставшего самым крупным ансамблем в городе, также весьма показателен для понимания организации и производства строительных работ.

Кадетский корпус был построен по инициативе и в основном на пожертвования генерал-майора Николая Дмитриевича Черткова, внука наместника В.А. Черткова. Он расположился на северо-западной окраине города, на обширном участке, примыкавшем к Малой Дворянской улице (ныне ул. Ф. Энгельса). Великий князь Михаил Павлович, руководивший в России всеми сухопутными кадетскими корпусами, в процессе торжественной церемонии 14 сентября 1837 г. заложил первый камень в основание одного из зданий будущего корпуса. По проекту инженер-полковника Главного управления военно-учебных заведений К.Ф. Дет-

¹ Анты – выступы продольных стен здания, ограждающие вход.

² ГАВО. Ф. И-30. Оп. 1. Д. 2639. Л. 6

лова, утвержденному 10 июля 1837 г. Николаем I¹, корпус представлял собой главное трёхэтажное здание со встроенным храмом и соединенные с ним теплыми переходами трехэтажный лазарет и одноэтажную баню. Кроме того, было намечено строительство из камня директорского дома, двух флигелей для офицеров и казармы для размещения 193 нижних чинов служительской роты. Все они были запроектированы в формах позднего классицизма. Проектом также предусматривалось место под плац, конноспортивный манеж и сад, предназначавшийся для отдыха кадетов.

В состав комиссии по возведению зданий корпуса в разные годы входили: ассессоры Воронежской ГСДК Н.В. Нестеров (1837), Т.Ф. Иовец-Терещенко (1838-1845); инженеры корпуса инженеров путей сообщения поручик П.П. Мольнер (1837), инженер-майор А.М. Фортини (1838-1851); академик архитектуры И.О. Вальпреде (1844-1846)². Непосредственно обязанности ассессоров заключались в контроле производимых на объекте строительных работ со стороны Воронежской ГСДК.

Непосредственно руководить всеми строительными работами было поручено губернскому архитектору А.И. Денисенкову, который с начала 1838 г. исполнял обязанности архитектора комиссии. С 11 мая этого же года он был утвержден архитектором комиссии, оставив при этом должность губернского архитектора.

А.И. Денисенков разрабатывал рабочие чертежи и сметы на постройку зданий. Он же в 1841 г. составил проект иконостаса домово́й церкви корпуса, одобренный царем 15 июля 1842 г. Тем не менее, в процессе работы выяснилось, что Денисенков «оказался человеком недостаточно исполнительным и недостаточно опытным для возведения столь огромного здания, отмечались недостаточные его знания по архитектурной части»³. Возможно, по этой причине и учитывая масштаб возводимого объекта, 22 июня 1840 г. освидетельствование фундамента здания было проведено представительной комиссией в состав, которой вошли гу-

¹ Поликарпов Н.И. Постройка зданий корпуса // Юбилейный сборник Михайловского Воронежского кадетского корпуса. 1845-1895. Воронеж, 1898. С. 118.

² Поликарпов Н.И. Указ. соч. С.119.

³ Там же. С.124.

бернский архитектор А.М. Мокринский, бывший губернский архитектор И.А. Блицын и архитектор казенной палаты С.И. Соколов. По своей должности Мокринский в мае 1841 г. ещё раз осматривал строящийся объект.

Непосредственно за процессом строительства наблюдали инженеры, которые были наделены большими полномочиями. Наряду с ними процесс строительства периодически контролировали офицеры, направляемые из столицы. Так, в ноябре 1842 г. для освидетельствования произведенных работ был прислан инженер-полковник Лавров, в феврале 1844 г. здания корпуса осматривал инженер-подполковник Губский, в 1845 г. корпус инспектировали инженер-полковник Штральман и инженер-подполковник Якубовский. Строительство главного здания кадетского корпуса было завершено осенью 1845 г., а в июле 1846 г. его осматривал главный архитектор военно-учебных заведений коллежский советник Щедрин¹.

Помощником архитектора почти всё время (1839-1844) был «архитекторский помощник 2-го класса», выпускник Московского дворцового архитектурного училища Михаил Федорович Краснов. Работу в Комиссии в период с 1842 г. по 1844 г. он совмещал с должностью городского архитектора². В этом качестве он руководил работами по укреплению насыпей в промоинах на Чернавском и Богословском съездах. В 1846 г. Краснов предложил, будучи уже губернским архитектором (1844-1847), проект перестройки губернских присутственных мест, предусматривавший объединение и надстройку двух зданий губернского правления и здания казенной палаты³. Проект не был осуществлен.

С августа 1845 г. на должность помощника был назначен М.И. Клейнер, окончивший курс Санкт-Петербургского Лесного и межевого института⁴. С завершением строительства основного здания корпуса должность помощника была

¹ Поликарпов Н.И. Указ. соч. С. 141–154, 162.

² РГИА. Ф. 200. Оп. 2. Д. 70. Л. 7.

³ Там же. Ф. 218. Оп. 4. Д. 148. Л. 31.

⁴ Поликарпов Н.И. Указ соч. С. 126; РГИА. Ф. 200. Оп. 2. Д. 219. Л. 4.

упразднена, а М.И. Клейнер был назначен исполняющим обязанности городского архитектора (1847-1848)¹. Должность архитектора корпуса при этом сохранялась².

В последующие годы архитекторами корпуса были: Шустов Николай Александрович (с 13.09.1846 по 21.06.1849), Соколов Семен Иванович (с 1850 по 7.06.1854)³, Кюи Александр Антонович (с 8.06.1854 по 31.01.1885)⁴, Селихов Николай Федорович (с 1.01.1886 по 31.12.1889), Мысловский Станислав Людвигович (с 1 января 1890 г. и до расформирования корпуса). Они выполняли проектные заказы и за пределами службы.

Главное здание корпуса, П-образное в плане, стояло на нынешней улице Феокистова и имело весьма протяженный главный фасад. Оно занимало по длине почти все расстояние между современными улицами Ф. Энгельса и Студенческой. В 1842 г. для проезда к нему была наконец-то проложена предусмотренная ещё регулярным планом 1774 г. улица, соединившая Б. Дворянскую и М. Дворянскую (сейчас это часть современной ул. Феокистова). Эти и последующие изменения территории примыкающей к зданию корпуса нашли отражение в деле, рассматриваемом в 1846-1847 гг. в Департаменте искусственных дел ГУПСИПЗ⁵.

Центр фасада этого грандиозного здания был акцентирован строгим восьмипилястровым портиком, на фронтоне которого помещался двуглавый орел. Торцы боковых выступов также были увенчаны фронтонами. Первый этаж здания был отведен под квартиры служащих, второй этаж занимали классы, столовая, кабинет инспектора и гимнастический зал, а третий в основном был отведен под спальни.

¹ В 1851 г. он вступил в должность городского архитектора и занимал её до отбытия из Воронежа в 1859 г. в связи с назначением в Курляндскую ГСДК. (Акиншин А.Н. Материалы к биографическому словарю воронежских архитекторов (конец XVII – начало XX вв.) // Из истории Воронежского края: сб. статей. Вып. 11, Воронеж, 2003. С. 154).

² Здесь следует напомнить, что ранее собственного архитектора в Воронежской губернии имел только Хреновский конный завод, в штате которого эта должность существовала с 1820-х гг.

³ Эту должность он совмещал с работой архитектора Воронежской казенной палаты.

⁴ В январе 1857 г. он просил принять его архитекторским помощником в ГСДК «с исправлением должности архитектора Кадетского корпуса приватно (т.е. по совместительству частным образом – В. Ч.)» (РГИА Ф. 200. Оп.2. Д. 1787. Л. 18).

⁵ РГИА. Ф. 218. Оп. 1, ч. 5. Д. 7762.

Это величественное сооружение, в котором после революции располагался Воронежский университет (с 1918 г.), было взорвано фашистами при отступлении из города. Сейчас о нём напоминает лишь мемориальный знак на доме № 6 по улице Феокистова, установленный в честь 150-летия со дня основания Воронежского Михайловского кадетского корпуса. От него сохранились здания лазарета и бани, в которых в настоящее время располагается фармацевтический факультет ВГУ (ул. Феокистова, 3).

Перед главным фасадом здания корпуса размещалась обширная площадь для воинских упражнений – Кадетский плац (сейчас на его месте Детский парк Центрального района), вдоль боковой стороны которого были возведены офицерские флигели и казарма служительской роты. Для их постройки по планам, высочайше утвержденным 19 декабря 1851 г., была учреждена именованным императорским указом от 31 марта 1852 г. в Воронеже временная строительная комиссия¹. В соответствии с этим документом производителем работ считался архитектор, а в помощь ему назначался кондуктор. На выполнение строительных работ был установлен срок в два года.

Производителем работ по постройке офицерских флигелей и солдатской казармы по ул. Грузовой (ныне ул. Студенческая), которые велись в 1857-1860 гг., был назначен архитектор кадетского корпуса А.А. Кюи. В 1857 г. он был удостоен редкого для провинции звания академика архитектуры и в этом качестве руководил работами по сооружению в нашем городе монумента Петру I, выполнил проект Петровской площади (ныне территория Петровского сквера), вёл переговоры в Санкт-Петербурге со скульптором А.Е. Шварцем, мастерами-гранильщиками. Организаторские способности Кюи были оценены, и уже в мае 1859 года Александр Антонович был назначен на должность городского архитектора².

Из суммы, пожертвованной Чертковым и воронежским дворянством, на строительство, в соответствии с указом архитектору в год было установлено жалование в 1000 рублей, а кондуктору в 43 рубля с предоставлением обмундирова-

¹ ПСЗРИ. 2-е собр. – Т. 27, № 26117. С. 219–222.

² Акиньшин А.Н. Материалы к биографическому словарю // Из истории Воронежского края: сб. статей. Воронеж, 2003. Вып. 11. С. 161–164.

ния и провианта. Именно на архитектора в соответствии с «Высочайше утвержденным положением о временной комиссии...» возлагалась ответственность по производству строений, контроль за их прочностью и качеством применяемых строительных материалов, а также за соответствием возводимых зданий с утвержденными чертежами. Отступления допускались лишь в том случае, если они не могли повредить прочности здания и его красоте, по согласованию с комиссией и получения ею соответствующего разрешения наверху. Все эти изменения, оказавшиеся необходимыми при производстве работ, расценивались как непредвиденные случаи и должны были тщательно фиксироваться в виде окончательных отчетных чертежей, помещаемых по окончании строительства в шнурованные книги¹. По окончании строительства в количестве 30-ти томов эти книги были переданы в архив Главного управления военно-учебных заведений.

Такое полное представление документации при строительстве казенных зданий к середине 19 в. становится нормой. Отчёты о выполненных работах делались за каждый год. К окончательному техническому отчету прилагались утвержденные чертежи и смета, документы (рабочие журналы, предписания и разрешения на выполнение тех или иных работ и пр.), а также чертежи со всеми сделанными от первоначального проекта отступлениями (если таковые имелись)².

М.Ф. Краснова на должности городского архитектора сменил Михаил Осипович Мирский, гражданский инженер, окончивший Строительное училище в Санкт-Петербурге. Сохранилось прошение Мирского на имя губернатора Х.Х. фон дер Ховена, в котором молодой инженер претендовал на место губернского архитектора, однако был назначен лишь на должность городского архитектора³. Это место Мирский занимал с 1844 г. по 1848 г.

На эти годы приходится начало работы над созданием нового генерального плана Воронежа. В 1845 году, в Петербург были отправлены два плана города, фиксационный и проектный. Они были составлены городским архитектором М.О.

¹ Аналогичным образом строилась и работа уже ранее упомянутой временной строительной комиссии, учрежденной именным указом в 1854 г. для «возведения здания Воронежской Гимназии с Благородным Пансионом».

² Баранова А.А. Указ. соч. С. 97.

³ РГИА. Ф. 200. Оп. 2. Д. 70; Ф. 1287. Оп. 39. Д. 77.

Мирским под руководством инженер-полковника М.П. Сентянина, который в тот период возглавлял губернскую строительную комиссию¹. Именно он в 1851 г. стал первым председателем Воронежской губернской строительной и дорожной комиссии.

Этой комиссии стали поднадзорны все строительные мероприятия в губернии. В её компетенцию входило многое: приведение застройки в губернском центре и уездных городах в соответствие с подтвержденными планами и принятыми нормами и правилами; благоустройство городов: строительство и ремонт дорог, мостов, водопроводов, спусков, мощение улиц, прокладка новых улиц и переулков, ремонт и строительство казенных зданий, надзор за церковным строительством, рассмотрение многочисленных прошений, жалоб и споров по поводу надстройки, перестройки, перепланировки и нового строительства частновладельческих зданий.

Совпало так, что именно с 1851 г. ГСДК Сенатским указом было дано право домовладельцам «выдавать из вспомогательных капиталов ссуды на постройки, не испрашивая на то особых разрешений»². Они же должны были наблюдать за своевременной уплатой выданной ссуды и ежемесячно отчитываться перед Главноуправляющим ПСиПЗ о том, кому ссуды выданы, в каком количестве, на какие постройки, с каким обеспечением и на какой именно срок. Ссуды, выдаваемые беднейшим горожанам на 10-15 лет на ремонт или на восстановление сторевших жилищ, как правило, при списании недоимок погашались за счет городской казны³. В результате такой дополнительной функции роль ГСДК в жизни городов губернии стало ещё более значимой.

Большей самостоятельности ГСКД способствовал и указ от 29 июня 1853 г., согласно которому им давалось право «поверять окончательно сметы на сумму до

¹ Именно в эти годы (1843-1846) в губернии под его руководством проводились большие работы по постройке и ремонту мостов «по большим почтовым дорогам: в Коротоякском, Острогожском, Бирюченском, Задонском, Землянском и Нижнедевицком уездах (РГИА. Ф. 218. Оп. 2. Д. 218, 219, 220).

² ПСЗРИ. 2-е собр. – Т. 26, № 25778. С. 139.

³ Хомутова О.Ю. Указ. соч. С. 114.

десяти тысяч серебром» без предварительного рассмотрения в ГУПСиПЗ¹. Однако при этом было сделано уточнение, что это право касалось построек, «для коих изданы нормальные (*образцовые* – В.Ч.) чертежи, а также на исправление зданий и сооружений... которые... вполне определяются одними сметами».

В ГСДК регулярно вёлся журнал присутствия, куда вносились текущие дела, принимаемые по ним решения и назначенные исполнители из числа членов комиссии. Работы по Воронежу становились, как правило, обязанностью городского архитектора. Дела в других городах губернии чаще всего поручались губернскому архитектору.

Поводом для составления нового проектного плана для губернского центра, стал рапорт в хозяйственный департамент МВД от 8 октября 1843 г. чиновника особых поручений министерства А.П. Компанейщикова, который в 1841 г. вместе с губернским секретарем Кузьминским был командирован «для обозрения городов Воронежской губернии»². Он содержится в деле «О составлении нового проектного плана города Воронежа. 1843-1855 гг.», хранящемся в РГИА³. В нём сообщается, что «конфирмованного в 1774 г. плана на город не отыскалось»⁴. В этом же документе им было сделано предложение о составлении нового плана.

Здесь следует заметить, что вопрос о пересмотре существующих для городов планов и о составлении их для городов, где таковых не имелось, рассматривался в хозяйственном департаменте МВД ещё в 1838-1839 гг.⁵ Вновь к обсуждению проблемы составления генеральных планов городов вернулись в канцелярии Главноуправляющего ПСиПЗ в мае-апреле 1843 г.⁶ Вполне возможно, что рапорт Компанейщикова был в какой-то степени реакцией на эту обсуждаемую проблему.

Порядок хранения подлинных высочайше утвержденных планов городов был утвержден только в 1860 г. С целью контроля и во избежание возможных

¹ ПСЗРИ. 2-е собр. – Т. 28, № 27394. С. 327.

² РГИА. Ф. 1287. Оп. 39. Д. 24.

³ Там же. Д. 77.

⁴ РГИА. Ф. 1287. Оп. 39. Д. 77. Л. 1.

⁵ Там же. Оп. 8. Д. 453.

⁶ Там же. Ф. 207. Оп. 17. Д. 15.

подлогов при их реализации, что было обнаружено в Житомире, подлинные планы должны были храниться в ГУПСИПЗ. Из четырех копий, сделанных на каждый город, две должны быть отосланы на место, для практической работы в ГСДК и губернскую чертежную «для справок, как губернатора, так и для и губернских присутственных мест»¹.

На основании предписания столичного проверяющего уже декабре 1843 г. губернатором Х.Х. Ховеном было дано указание «губернскому землемеру сделать план города и окрестных земель»², поскольку без этого фиксационного чертежа нельзя было приступать к проектированию нового городского плана. Однако лишь 15 октября 1845 г. губернатором были представлены в МВД два плана Воронежа: существующий и проектный городского архитектора М.О. Мирского. В пояснительном тексте сообщается парадоксальная информация: «До сих пор никакого плана г. Воронежу, который был надлежащим образом рассмотрен, утвержден и одобрен Е.И.В. не было. Улицы получали направление по удобности и соображениям, относительно внешних путей, в город ведущих, и по направлению реки Воронеж»³.

Данное утверждение не соответствовало действительности и полностью отвергается выявленными в ходе проведенного нами исследования архивными документами. Процесс реализации генерального плана Воронежа и его развития находился под постоянным контролем всех архитектурно-строительных служб города и губернии. Тем не менее, следует отметить, что к середине столетия стало ясно, что генеральный план 1774 г., долгие годы служивший основой для строительства в Воронеже, практически исчерпал свои возможности.

Наглядное представление о масштабе города и характере его застройки даёт отчет Компанейщикова, представленный в Хозяйственный департамент МВД по результатам ревизии, проведенной весной 1843 г. В нём указано, что согласно городской межевой книге в Воронеже «под строением состояло 462 десятины 1534 кв. сажени, под выгоном – 149 десятин, а всего удобной и неудобной земли 646

¹ ПСЗРИ. 2-е собр. – Т. 35, № 35335. С. 43.

² РГИА. Ф. 1287. Оп. 39. Д. 77. Л. 4.

³ РГИА. Ф. 1287. Оп. 39. Д. 77. Л. 13–15.

десятин 1617 кв. сажень»¹. Исходя из этих цифр, можно сделать вывод о том, что почти треть городских земель была в этот период свободна от застройки. По этому документу в городе имелось каменных домов: казенных - 15, городских - 5, церковных - 9, приказа общественного призрения - 3. Всего в Воронеже при численности обоого пола жителей в 26123 человек размещалось 2948 домов, из которых каменных было 448, а деревянных 2500. Они располагались на 88 улицах и 6 площадях.

Приведенная в отчете статистика позволяет также получить представление о сословном и качественном характере городских построек Воронежа.² В нём насчитывалось домов: белого духовенства - 16/91, дворян - 71/136, разночинцев - 24/314, почетных граждан - 4/1, купцов - 195/195, мещан - 74/806, цеховых - 12/161, рабочих - 2/63, государственных крестьян - 3/16, отставных нижних чинов - 3/204, нижних чинов служащих - 0/41, казенных мастеровых - 0/28, вольноотпущенных - 0/13, иностранцев 1/1³. В этом перечне обращает на себя внимание тот факт, что все жилые купеческие дома выполнены только из камня. Здесь же читаем, что постройки в городе частных домов «производятся по мнениям городского архитектора с разрешения Строительной комиссии»⁴.

В отчете Компанейщикова мы находим информацию и о том, что жалование городского архитектора в 1842 г. составляло 285 рублей в год⁵, т.е. оно стало больше на 85 рублей по сравнению с 1805 г. когда была введена эта должность.

Напомним, что с учреждением ГСДК в 1851 г. городской архитектор непосредственно подчинялся этой комиссии, но мог привлекаться ею по делам только того города, в котором он состоял. Очевидно, этим обстоятельством объясняется

¹ Там же. Д. 65. Л. 16, 31, 32 об., 54.

² Подобного рода статистика содержится и в отчетах представленных Компанейщиковым в Хозяйственный департамент МВД по всем уездным городам губернии в период с 1841 по 1846 гг. (РГИА. Ф. 1287. Оп. 39. Д. 31, 33, 35, 42, 47, 50, 54, 57, 59, 60, 61). Они составлялись на основании специально разработанных инструкций чиновникам, командируемым для обозрения городов (Там же. Д. 21, 156).

³ В числителе указаны каменные, а в знаменателе деревянные дома.

⁴ Здесь следует заметить, что такое разрешение требовалось получать, в том числе и на ремонтные работы. От мелочного контроля со стороны Строительной комиссии домовладельцы Воронежа были избавлены только в 1861 г. Им было предоставлено право без согласования производить мелкие ремонтные работы на участках своих дворов (РГИА. Ф. 218. Оп. 4. Д. 910. Л. 1-7).

⁵ РГИА. Ф. 1287. Оп. 39. Д. 65. Л. 73 об.

весьма существенная разница в денежном содержании его и его коллег из ГСДК, которые занимались всеми строительными объектами и дорогами на территории губернии. Так, в соответствии с утвержденным штатом Воронежской ГСКД¹ годовое содержание серебром составляло: губернского архитектора 900 (500 – жалование, 400 – столовых) рублей, архитектора для производства работ – 475 рублей. Двум «архитекторским помощникам» жалование было установлено по 350 рублей каждому, а двум чертежникам по 138 рублей 60 копеек. При этом плата строительным рабочим в зависимости от специальности в день (по данным на 1850 г.) составляла от 45 до 90 копеек². С учетом того, что строительный сезон составлял в губернии не более пяти месяцев, то заработок наиболее квалифицированного рабочего мог составить примерно 130 рублей. На стройки нанимались крестьяне-отходники и разорившиеся мещане.

По проектному плану городского архитектора М.О. Мирского было предусмотрено: расширение территории Воронежа за Кадетский корпус (ранее здесь планировалось площадка для размещения запасных артиллерийских снарядов), дальнейшая застройка пустых мест, пробивка новых улиц и корректировка уже существующих. Работа над планом была продолжена и после отправки в столицу. Свидетельством этого является хранящийся в РГИА чертёж 1847 г, подписанный губернским архитектором В.Н. Шебалиным. Если судить по нему, то предполагалось отказаться от устройства части современной улицы Фр. Энгельса, предусмотренной регулярным планом (на участке от ул. Мира до ул. Кольцовской). В этом направлении планировалось расширение территории приказа общественного призрения за счет покупки сада у чиновника Воронкова³.

Предложения воронежцев не были утверждены в столице. В мае 1848 г. проектный план был возвращен в Воронеж для исправления и доработки, поскольку в таком виде он не мог быть представлен на высочайшее утверждение. На основании циркулярного распоряжения МВД от 17 мая 1841 г. к проектным городским планам непременно должны были прилагаться: а) план настоящего рас-

¹ ПСЗРИ. 2-е собр. – Т. 29, ч. 2: Штаты и таблицы, № 28405. С. 105.

² ГАВО. Ф. И-61. Оп. 1. Д. 49. Л. 33.

³ РГИА. Ф. 1287. Оп. 39. Д. 77. Л. 19, 38.

положения города; б) план разрезов (профилей) местности; в) ведомости: о числе дворовых участков личных домов и о числе жителей обоого пола в городе; г) подробное статистическое описание местности, находящейся под проектируемым городом, а также и окружающих его угодий на расстоянии от 250 саж. до 1 версты¹. Материалы, представленные из Воронежа, вероятно, были отклонены из-за того, что не отвечали требованиям, изложенным в ряде пунктов этого циркуляра: в переписке, связанной с разработкой проектного плана Воронежа, упоминаний об этом дополнительном комплекте документов нет.

Спустя шесть лет, 31 мая 1854 г., хозяйственный департамент МВД запросил губернатора о дальнейшей судьбе чертежа, но ответа не последовало². Возможно, это было связано с двумя причинами: 1) требуемые дополнительные трудозатратные материалы ГСДК так и не были подготовлены; 2) в 1854 г. в департаменте была разработана новая инструкция для составления проектных планов городов России³, а новые наработки воронежских проектировщиков предъявляемым требованиям вновь не соответствовали.

Судя по всему, работа над генпланом губернского центра в этот период была приостановлена. Очевидно, именно поэтому на необходимость его составления было вновь указано в «Деле о предоставлении планов городов Воронежской губернии», рассмотрение которого в департаменте искусственных дел ГУПСИПЗ растянулось с 1855 по 1858 гг.⁴ Однако, даже учитывая эту информацию, нельзя однозначно утверждать, что с начала 1850-х гг. никакие практические мероприятия по подготовке нового генерального плана в Воронеже не проводились. Можно предположить, что именно с этапами работы над новым планом связаны два чертежа, составленные в Воронеже соответственно в 1852⁵ и 1856⁶ гг. Они представляют собой попытку выполнить требования циркуляра и поэтому в качестве дока-

¹ Кириченко Е.И., Нащокина М.В. Русское градостроительное искусство. Градостроительство России середины XIX - начала XX века. В 3 кн. Кн. I. М., 2001. С. 240.

² РГИА. Ф. 1287. Оп. 39. Д. 77. Л. 49, 54.

³ Там же. Д. 1596.

⁴ Там же. Ф. 218. Оп. 4. Д. 725.

⁵ Там же. Ф. 1293. Оп. 166. Д. 4.

⁶ Там же. Ф. 1289. Оп. 15. Д. 64.

зательства проведём их анализ по детализации представленных изображений и «искусственной отделке» чертежей.

План 1852 г., составленный классными гражданскими топографами Кельным, Воххе и Фалькенштейном, очень подробный и носит сугубо фиксационный характер (см. иллюстративные материалы, рис. № 30). На нём отмечены не только названия всех улиц и переулков, но и характер их мощения, изображены не только наиболее значительные здания города, но и надворные постройки, заполнявшие усадьбы и даже отдельные фонарные столбы. Чертеж снабжен богатой экспликацией и по степени своей детализации весьма близок плану 1799 г., что дает возможность проследить характер развития городской застройки более чем за полувековой период и увидеть, как в Воронеже реализовывались узаконенные градостроительные регламенты. Так, например, на участках, примыкающих к улицам Большой Московской и Средне-Московской, наблюдается значительное уплотнение застройки в этой престижной части Воронежа. Данное обстоятельство объясняется тем, что указом от 11 июля 1827 г. было разрешено разделять «обширные места и дворы» на части для продажи¹. В то же время в нём указывалось, что вновь образованные участки должны быть не менее 10 саженей по линии улицы, что также нашло отражение на плане. Прежде такая норма распространялась только на Петербург и действовала с 1808-1809 гг.²

На периферийных участках городской земли, примыкающих в основном к реке, мы можем увидеть ещё более мелкую нарезку дворовых мест. Здесь на неудобьях традиционно располагались деревянные дома малоимущих жителей, владеющих маломерными местами, доставшимися им наследство ещё с допожарного времени. Исходя из этой ситуации, характерной и для многих других городов страны, в 1832 г. разрешено было «в городах производить строения на местах, имеющих по улице менее 10-ти саженной меры»³. Во избежание пожаров это раз-

¹ РГИА. Ф. 1287. Оп. 8. Д. 12; ПСЗРИ. 2-е собр. – Т. 2, № 1235.

² ПСЗРИ. 1-е собр. – Т. 30, № 23214, № 23831.

³ Там же. 2-е собр. – Т. 7, № 5712.

решение было дополнено в 1845 г. запретом на строительство ближе двух саженей между зданиями¹.

План Фохта за счет своей высокой детализации убедительно показывает выполнение и этого требования архитектурно-строительными службами города. В тоже время в этой же части города можно увидеть и улицы шириной менее установленных законом минимальных 10 саженей, поскольку выполнение этого требования в случае сноса существующих зданий влекло за собой значительные со стороны города траты в виде компенсации за утраченное имущество². Поиск средств «для усиления городских» доходов привёл к тому, что на основании указа от 20 октября 1841 г.³ свободные, принадлежащие городу места, на которые не было никаких предварительных планов, стали отдавать желающим под застройку на основании публичных торгов. Этим обстоятельством можно, например, объяснить отсутствие обозначенных усадебных мест на Старо-Московской улице (на отрезке от современной ул. Никитинской до Кольцовской).

Самое активное строительство в рассматриваемый период велось на нагорном плато, наиболее пригодном для разбивки кварталов на регулярной основе. Однако и на этой территории можно выделить участки, различные по интенсивности освоения. Например, очень медленно застраивался район между современными улицами 9 Января и 20-летия Октября. На той стороне Большой Дворянской, где располагался дом губернатора, на отрезке от Жандармской горы до площади Солнечных часов, к середине XIX в. зданий было значительно меньше, чем на противоположной стороне улицы. Плотность застройки всего района, от главной городской магистрали до улицы Кольцовской, также была невысока.

В целом же развитие губернского центра и градостроительное освоение его территории шло в соответствии с генеральным планом 1774 г., хотя чистота замысла к середине столетия и была несколько утрачена. Географическое своеобразие расположения старого Воронежа на берегу реки обусловило тот факт, что

¹ Там же. – Т. 20, № 18703.

² Очевидно, данная ситуация была характерна для многих городов страны. Именно этим объясняется тот факт, что в 1854 г. был издан указ, разрешающий при проектировании городов такую ширину улиц (ПСЗРИ. 2-е собр. – Т. 29, № 28762).

³ ПСЗРИ. 2-е собр. – Т. 16, № 14944.

прирост его территории шел в трех направлениях: северном, северо-восточном и северо-западном. Сопоставление планов города показывает, что с середины XVIII в. его территория выросла примерно в 5 раз и вышла за границы, очерченные планом И. Е. Старова. Это очень хорошо видно по плану 1856 г. (см. иллюстративные материалы, рис. № 31), согласно которому новые границы города пролегали по современным улицам XX-летия Октября, Кольцовской, Революции 1905 года, железнодорожной линии и берегу реки. Этот план был литографирован и в том же году воспроизведен в печати¹.

На чертеже 1856 г. Воронеж, вытянувшийся преимущественно вдоль реки, изображен от слободы Чижовка до Троицкой слободы, планировка которых не показана. Регулярные кварталы прочерчены лишь на территории Ямской слободы, в направлении которой, вероятно, предлагалось перспективное развитие города. При этом следует заметить, что население пригородных слобод в то время считалось не городским, а сельским. Именно по этой причине пригородные слободы как правобережные, так и левобережные (Монастырщенка и Придача), в чертеж не были включены.

К плану приложена довольно подробная экспликация (из 42 пунктов), касающаяся монастырей, храмов и наиболее значимых кирпичных общественных и административных зданий. Её изучение даёт возможность получить детальное представление о городе тех лет. Подписаны все улицы, за исключением только тех, которые располагаются на периферии и, вероятно, только предлагаются проектом. В тоже время внутриквартальные территории на плане всего города показаны обобщенно, т.е. без разбивки на домовладения, что характерно для проектных городских планов. Косвенным подтверждением того, что мы имеем дело именно с проектным планом, служит то обстоятельство, что на чертеже показано (вероятно, уже в соответствии с новыми требованиями) окружающее город пространство. В частности, тщательно прорисована пойма реки и показан мост, соединявший два берега.

¹ Памятная книжка Воронежской губернии на 1856 год. Воронеж, 1856. Отд. II. С. 34, вклейка.

Связь с левым берегом, начиная с 1811 г. осуществлялась посредством плашкоутного (наплавного) деревянного моста, ежегодное подновление которого после ледохода стало предметом постоянной заботы городской думы. Каждую весну мост осматривался полицмейстером и губернским архитектором, которым предписывалось «для безостановочного переезда... исправить все недостатки в оном»¹. Так, например, в марте 1818 г. губернатором Н.П. Дубенским был выдан ордер «воронежскому губернскому архитектору коллежскому советнику и кавалеру Амвросимову» на осмотр моста. Подобного рода документов за всю историю существования в Воронеже наплавного моста сохранилось достаточно много. Этот же привлек наше внимание тем обстоятельством, что в нем впервые с целью снижения затрат на восстановление моста было дано распоряжение «по случаю приближения вскрытия реки Воронеж... к выводу плашкотов в безопасное место»².

В 1851 г. городской думой «для сохранения материалов временного Чернавского моста» принимается постановление о его разборке по окончании сезона эксплуатации. Непосредственно эта работа была поручена «инженер-поручику Мысловскому», а осмотр моста был осуществлен «непременным членом ГСДК Рогалевым и архитектором Шебалиным»³.

С созданием ГСДК все работы по поддержанию временного моста в рабочем состоянии стали её постоянной обязанностью. Поэтому крупным событием в истории Воронежа стало строительство постоянного деревянного моста через реку. Его проект выполнил Л.С. Мысловский, который в воронежской ГСДК числился в должности производителя работ⁴. Непосредственно руководил работами городской архитектор М.И. Клейнер⁵. «Мост Шпренгелевой системы, более 100 саж. длины, с часовнею на середине во имя святителя Митрофания» был сдан в

¹ ГАВО. Ф. И-61. Оп. 1. Д.7. Л. 37.

² Там же. Д. 23. Л. 24.

³ Там же. Ф. И-30. Оп. 1. Д.1864. Л. 1-2.

⁴ Акиншин А. Н. Материалы к биографическому словарю // Из истории воронежского края: сб. статей. Вып. 11. Воронеж, 2003. С. 176.

⁵ РГИА. Ф. 200. Оп. 2. Д. 541. Л. 48 об.

эксплуатацию в 1858 г.¹ Теперь по нему в любое время года можно было попасть в левобережные слободы Придача и Монастырщенка или отправиться далее в южные губернии.

Здесь следует заметить, что появление столь необходимого для города объекта стало возможным благодаря инициативе губернатора Н.П. Синельникова, который в годы своего управления (1857-1859) уделял повышенное внимание улучшению благоустройства и внешнему облику Воронежа. Однако лишь спустя годы эта его деятельность получила достойную оценку воронежцев. В 1883 г. Воронежская городская дума избрала его почетным гражданином Воронежа². По этому поводу в «Воронежских губернских ведомостях» было написано: «Его заботливостью построен Митрофановский мост, улучшена дамба, устроены спуски к реке от Дворянской улицы, сооружен памятник Петру и разбит сквер, два корпуса присутственных мест соединены в одно... Губернаторский дом принял другой вид, к Дворянскому собранию были сделаны пристройки для дворянского клуба, пристроены хоры, для приютского помещения куплены и соединены между собою дома Нижегородцева, в фабричных постройках Гарденина у Тихвино-Онуфриевской церкви разместилась арестантская полурота»³. От себя же добавим, что эти успехи губернатора за столь короткий период правления вряд ли были столь впечатляющими, если бы в воронежской ГСДК не было квалифицированных специалистов способных, как было показано выше, не только выполнить проектные работы для объектов разной степени сложности, но и обеспечить их качественную реализацию.

В целом же архитектура периферийных, слободских, районов самого Воронежа в подавляющем большинстве по-прежнему была примитивна и представляла собой исключительно деревянную застройку. Поскольку ближе к окраинам жите-

¹ Записки сенатора Н. П. Синельникова. // Исторический вестник. 1895. № 3. С. 732. Выражение «шпренгелевая система» означает, что мост состоял из деревянных треугольных ферм, которые присоединялись к основным несущим опорам. Наличие на мосту часовни обусловило используемое достаточно часто в дореволюционное время второе название моста – Митрофановский.

² Воронежские губернаторы и вице-губернаторы. С. 248.

³ Воронежские губернские ведомости. 1883. №31, 4 мая.

ли занимались земледелием, разводили скот, то эти районы Воронежа во многом имели вид сельского поселения.

К середине XIX в. Воронеж представлял собой типичный провинциальный чиновничье-дворянско-купеческий город, в котором по-прежнему было значительно развито суконное производство. При этом в списке городов Российской империи по данным на 1856 г. он по числу жителей занимал 16 место¹.

Проведённый нами ретроспективный анализ планов Воронежа первой половины XIX в. свидетельствует о последовательном и целенаправленном процессе реализации проекта генплана 1774 г. Именно в эти десятилетия Воронеж достаточно интенсивно застраивался, приобретая постепенно достаточно respectable облик в своей центральной части. Для наглядности приведем статистику по городу Воронежу², которая весьма наглядно демонстрирует объемы и темпы строительства в губернском центре в этот период.

Дома частные:	1799	1811	1818	1833	1842	1843	1845	1848	1851
Каменные	272	296	279	385	554	448	567	694	666
Деревянные	2091	1946	2003	2028	2411	2500	2491	2385	2416
Всего жилых домов	2363	2242	2282	2388	2965	2948	3058	3079	3082

Анализ этих статистических данных свидетельствует о том, что в год строилось от 5 до 8 частных каменных домов и до 6 деревянных. При этом в отдельные годы количество построенных деревянных домов становится меньше чем в

¹ Статистические таблицы Российской империи за 1856 год, составленные и изданные по распоряжению Министерства Внутренних Дел Статистическим отделом Центрального Статистического Комитета. СПб, 1858. С. 222–223.

² 1799 г. – План города Воронежа. РГВИА. Ф. ВУА. Д. 20729; 1811 г. – Статистическое описание Воронежской губернии. – РНБ. Ф. ВЭО. 20 1/40. Л.71; 1818 г. – Краткое статистическое описание Воронежской губернии. РГВИА. Ф. ВУА. Д. 18674. Л. 10 об; 1833 г. – Обзорение состояния городов Российской империи в 1833 г. СПб., 1834. С. 8; 1842 г. – РГИА. Ф. 1281. Оп. 4. Д. 58. Л. 67; 1843 г. – Там же. Ф. 1287. Оп. 39. Д. 65. Л. 32 об.; 1845 г. – Там же. Д. 77. Л.17; 1848 г. – Там же. Ф. 1281. Оп. 4. Д. 55. Л. 82; 1851 г. – Там же. Оп. 5. Д. 64. Л. 81.

предыдущие годы. Данное обстоятельство можно объяснить тем, что состоятельные воронежцы деревянные дома со временем переводили в камень. К середине XIX в. наиболее распространенными типами жилых домов в Воронеже являлись: одноэтажный деревянный дом на каменном фундаменте или на полуподвальном этаже; одноэтажный каменный дом; двухэтажный каменно-деревянный дом, где первый этаж – каменный, а второй – деревянный.

Двухэтажные каменные дома нельзя отнести к числу распространенных, т.к. их строительство могли себе позволить наиболее обеспеченные слои населения (промышленники, купцы, дворяне).

В целом же с увеличением объёмов частного строительства, вызванного изменениями в общественной жизни страны и государственными реформами, происходило закономерное сокращение доли использования образцовых проектов, приведшее к активизации частной практики архитекторов.

В то же время во многом наблюдалась преемственность в работе губернской архитектурной службы и, соответственно, в курсе, направленном на преобразование градостроительной структуры не только Воронежа, но и уездных городов на регулярной основе. В них ситуация по выполнению требований по застройке и благоустройству оказалась значительно более сложной, поскольку в уездных центрах не только уровень городских доходов, но и их жителей был значительно ниже. Для того, чтобы улучшить состояние городов губернии, 5 мая 1858 г. Государственный совет своим решением установил обязательный ежегодный трехпроцентный сбор с постоянных дворов и подворий, располагавшихся на её территории¹.

Даже в Острогожске, который был вторым по величине городом Воронежской губернии, специальным постановлением ТСК МВД (принято в декабре 1865 г.!) было разрешено бедным городским жителям крыть строения соломой². При высокой стоимости тёса в степных и даже лесостепных районах губернии количество домов, крытых соломой, оставалось стабильно большим. Однако лишь в

¹ ПСЗРИ. 2-е собр. – Т. 33, № 33110.

² РГИА. Ф. 1293. Оп. 76, ч. 1. Д. 40. Л.1

июне 1868 г., учитывая это обстоятельство, Хозяйственным департаментом МВД было принято постановление, разрешающее жителям всех уездных городов Воронежской губернии крыть строения соломой¹.

К сказанному добавим, что лишь в 1864 г. наконец-то был отменен закон, запрещающий постройку деревянных двухэтажных домов в городах России², что также отвечало потребностям и реалиям городской жизни в провинции.

§ 3. Управление проектированием и строительством храмов и зданий духовного ведомства Воронежской епархии³

На карте губернии, составленной фон Коловым около 1800 г., помещен панорамный вид города Воронежа от реки⁴, что и определяет уникальность этого документа, дающего визуальное представление о его облике на рубеже веков. Прибрежную застройку и силуэт города акцентируют вертикали храмов, живописно расположившиеся по правобережным склонам. К концу XVIII в. в Воронеже насчитывалось 17 каменных церквей и 3 монастыря⁵. Причем большинство из храмов было возведено на месте более древних деревянных⁶. Требование строить каменные церкви на месте деревянных, сгоревших или пришедших в ветхое состояние, было узаконено в культовом строительстве впервые в 1800 г.⁷

¹ Там же. Ф. 1287. Оп. 39. Д. 2568.

² Там же. Ф. 218. Оп. 3. Д. 1884.

³ По отношению к храмам и зданиям духовного ведомства достаточно часто применяют обобщающий термин – объекты культового строительства. Перечень этих объектов достаточно большой: церкви (кафедральные, приходские, кладбищенские, домовые), духовные училища, семинарии, церковно-приходские школы, монастырские здания, здания церковной администрации. Возведением зданий духовной направленности всех представленных в России конфессий заведовал Святейший правительствующий синод.

⁴ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 20730.

⁵ Официально монастырей в городе в это время числилось два: мужской Алексеевский Акатов 2-го и женский Покровский 3-го класса. Третий монастырь Воронежа – мужской Митрофановский 1-го класса был официально учрежден в 1836 г. при Благовещенском соборе на архиерейском подворье, которое уже на рубеже веков воспринималось как монастырский комплекс.

⁶ Введенская церковь (1771 г.) стала последней в городе, по времени перестройки из деревянной в каменную.

⁷ ПСЗРИ. 1-е собр. – Т. 26, № 19701.

В начале XIX в. были перестроены старые воронежские храмы: Вознесенская церковь (1801-1815), Петропавловская церковь (1805), церковь Иоанна Богослова (1799-1807) и Пятницкая церковь (1825). На территории Алексеевского Акатова монастыря возвели новую двухэтажную Алексеевско-Владимирскую церковь (1804-1818)¹.

По поводу храмов, украсивших в эти годы Воронеж, современник краевед М.И. Славинский писал: «Благовещенский собор и приходские церкви: Спаса Нерукотворного образа, Рождества Богородицы, Успения и Иоанна Богослова старинной, прочие новейшей, довольно изрядной, архитектуры; Благовещенский собор отличается важностию иконостаса; кладбищенская Вознесенская церковь – новейшим вкусом фасада и светом»². Воронежские церкви, построенные до 1774 г., органично вошли в новую планировочную структуру, которая создавалась, в том числе и с учетом их расположения, а новые каменные храмы блестяще дополнили сложившийся градостроительный ансамбль.

При подъезде к Воронежу со стороны левого берега раскрывался прекрасный вид на его панораму с высоким берегом реки и красивым архитектурным силуэтом. После завершения в 1828 г. четвертого яруса колокольни Благовещенского собора, возведение которой растянулось на 30 лет, панорама Воронежа получила ещё более мощный акцент. Заняв одну из самых высоких точек рельефа на бровке нагорного плато и вытянувшись вверх на 105 аршин (74,5 метров), колокольня, построенная по проекту знаменитого Д. Кваренги, стала главной высотной доминантой Воронежа, т.к. была видна из всех его районов.

Объем культового строительства в Воронеже и пригородных слободах в рассматриваемый период был достаточно большим. В 1818 г. наконец-то завершили Троицкую церковь, которая стала первой в городе полностью новой и в то же время первой, построенной на плато, далеко от реки. Она расположилась «по соглашению с губернатором» на Большой Московской улице, за старым городским валом, на новой торговой площади, где строительство церкви регулярным

¹ Акиншин А.Н. Храмы Воронежа. Воронеж, 2003. С. 38, 44, 51, 84, 96, 126.

² Славинский М.И. Указ. соч. С. 74.

планом не было предусмотрено. Из канцелярии Синода, в ответ на прошение епископа Воронежского о строительстве церкви, 29 апреля 1779 г. было получено разрешение, положившее начало его возведению¹. Завершённый храм, выполненный в стиле позднего классицизма, имел трехъярусную сорокаметровую колокольню. На ней располагались башенные часы, ставшие городской достопримечательностью. Троицкая церковь вошла в историю города как Троицкий Смоленский собор, поскольку в 1836 г. получила статус кафедрального собора. В годы Великой Отечественной войны здание сильно пострадало, однако полностью оно было утрачено только в 1959-1960 гг. при строительстве корпусов нынешнего концертного зала «Созвездие».

Вторым новым храмом, построенным на плато, стала Всесвятская (Митрофановская) церковь. Ее сооружение началось в 1836 г. на территории пригородного кладбища, располагавшегося напротив нынешней улицы Пушкинской (бывшая Острогжская), за современной улицей 20-летия Октября (бывшая Большая Чижовская). Архитектор И.А. Блицын «сочинил» проект храма, как написано в документах, представленных 7 июля 1834 г. в ГУПСИПЗ, где он был рассмотрен и одобрен 13 ноября 1835 г.²

Строительство Всесвятской церкви продолжалось долгих 15 лет, за что среди горожан получила название Новостроящейся³. Декор церкви так же, как и объемная композиция, был выполнен в ярко выраженном классическом стиле, использовавшемся в архитектуре воронежских храмов до конца 1840-х гг. В целом, по своей архитектуре храм весьма походил на нынешнюю Покровскую церковь, перестройка которой была разрешена СК МВД 3 марта 1833 г. Композиционное и стилистическое единство, а также близость по времени выполнения проектов этих двух храмов, по мнению А.Н. Акиньшина, позволяют И.А. Блицына считать вероятным автором перестройки Покровской церкви.

Практически в это же время известным петербургским архитектором Авраамом Ивановичем Мельниковым был выполнен проект церкви во имя Всех Свя-

¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 650. Д. 79. Л. 10.

² РГИА. Ф. 1488. Оп. 1. Д. 739. Л. 1-2.

³ В советский период на месте церкви было возведено здание цирка.

тых Печерских Покровского женского монастыря, построенной в 1832-1835 гг.¹ В непосредственной близости от монастыря в 1838 г. было завершено строительство церкви Святого Духа на Терновой поляне. По мнению А.Н. Акиньшина, автором её проекта мог быть архитектор воронежской казенной палаты С.И. Соколов². Косвенно эту версию подтверждает то обстоятельство, что архитектор, живший в центре города, был погребен у церкви на окраинном Терновом кладбище. Это предположение, поддержанное нами, также базируется и на стилистическом единстве данного храма и других построек этого архитектора³.

Воронежские храмы, построенные в 1830-е гг., стали первыми в городе, проекты которых были выполнены в соответствии с новыми требованиями и необходимыми согласованиями, установленными высочайшим повелением от 9 марта 1826 г.⁴ В соответствии с ним «все планы на построение церквей были от Духовного ведомства сообщаемы»⁵ в МВД, где должны были рассматриваться СК министерства. В резюмирующей части этого документа говорится о том, что его цель состоит в том, «чтобы церкви вообще в Государстве строены были...согласно правилам Архитектуры». В связи с этим проекты разрешалось выполнять только губернским, городским или другим аттестованным архитекторам.

Применительно к воронежской практике многие проекты новых храмов и перестроек существовавших, выполненные после выхода высочайшего повеления, имеют своих авторов, выявленных исследователями. Это вполне объяснимо, поскольку проектная документация, отправляемая в столицу, в основном сохранилась, а создавалась она аттестованными архитекторами, деятельность которых можно проследить по служебным формулярам. Они же, как правило, осуществляли контроль над строительством храмов, создаваемых как по специальным, так и

¹ Тубли М.П. Авраам Мельников. Мастера архитектуры. Л., 1980. С. 138.

² Акиньшин А.Н. Храмы Воронежа. С. 103.

³ В частности, для духовного ведомства С.И. Соколов выполнил проект двухэтажного здания епархиальной консистории, в котором располагались присутствие и канцелярия правящего архиерея (РГИА. Ф. 218. Оп. 4. Д. 898. Л. 8-11; Ф. 835. Оп.1. Д. 67. Л. 1). Утраченное ныне, оно располагалось на площади перед Митрофановским монастырем.

⁴ ПСЗРИ. 2-е собр. – Т. 1, № 186. С. 278.

⁵ Документы о строительстве и ремонте церквей с 1827 г. поступали и в хозяйственное управление Синода (РГИА. Ф. 779).

типовым проектам. Эта практика была узаконена приказом главноуправляющего ПСиПЗ от 2 января 1854 г.¹ Этим же годом датируется и распоряжение о том, чтобы копии всех высочайше утвержденных планов и чертежей оставались в обязательном порядке в департаменте искусственных дел «на прочной бумаге»².

Вне зависимости от источников финансирования непосредственный надзор за проектно-строительной деятельностью при возведении объектов культового строительства возлагался на местное начальство в лице губернатора или военного ведомство, и под их руководством на ГСДК. На практике это происходило следующим образом: ходатайство о строительстве нового храма от прихожан поступало в местное епархиальное управление, которое далее отправляло прошение с указанием основных характеристик предполагаемой постройки (местоположение, теплая или холодная, количество приделов, соборная или приходская и т.п.)³ губернатору (или в губернское правление), откуда перенаправлялось в губернскую строительную комиссию. Если признавалась целесообразность строительства нового храма, командировался от комиссии архитектор для освидетельствования «под новую церковь местоположения и грунта» и составлялись чертежи. Готовый проект (со всеми обоснованиями и приложением планов и фасадов) епархией отправлялся в столицу на экспертизу, где оценивались его художественные достоинства. В случае если не было замечаний, то проект, одобренный СК МВД и Святейшим правительствующим синодом⁴, поступал на утверждение императору.

Однако, учитывая массовость строительства храмов, в 1828 г. в очередной раз был обновлен порядок утверждения «планов и фасадов церквам»⁵. Прежний сохранялся только для тех церквей, которые «создаются казенным иждивением». В случае, если строительство и ремонт осуществлялся за счет средств прихожан, строительство разрешалось проводить по планам, рассмотренным местными атте-

¹ ПСЗРИ. 2-е собр. – Т. 28, № 27831.

² РГИА. Ф. 218. Оп. 1, ч. 5. Д. 6579.

³ Эти характеристики были обязательными для церквей, строительство которых предполагалось осуществить за казенный счет.

⁴ С 1770 г. разрешение Синода на строительство храмов стало обязательным (ПСЗРИ. 1-е собр. – Т. 9, № 13541).

⁵ ПСЗРИ. 2-е собр. – Т. 3, № 1804.

стованными архитекторами с целью сокращения времени, связанного с согласованием планов, фасадов и смет в СК МВД. Такое решение, учитывая объем документации доставлявшийся в столицу из губернских присутственных мест, позволяло оперативно решать вопросы «починки обветшавших церквей» и тем самым не допускать возможного обрушения здания. Если, «по неимению архитекторов», проекты не могли быть составлены на местах, то епархиальное начальство направляло прошение в СК МВД с приложением «описания грунта земли», что было чрезвычайно важно для расчета устойчивости предполагаемой постройки. В Комитете составлялись чертежи и сметы, которые возвращались в духовное ведомство для дальнейших распоряжений.

Гражданским губернаторам предписывалось, что сама постройка церквей независимо от источников финансирования должна была производиться под непосредственным наблюдением архитекторов, а при невозможности этого – опытных в строительном деле лиц, в точном соответствии с утвержденными планами и фасадами¹.

Это требование необходимо было неукоснительно соблюдать, т.к. среди всех видов зданий и сооружений, возводимых в первой половине XIX в., храмы были наиболее сложными в конструктивном отношении объектами. Сумма, необходимая на наём таких людей, включалась в смету на строительство. При весьма несовершенных расчетах авторы проектов в основном опирались на эмпирические знания, полученные собственным опытным путем или в результате осмысления строительной практики предшественников.

Для того, чтобы не допустить возможного обрушения храмов в процессе строительства и дальнейшей эксплуатации, а также повышения качества культовой архитектуры, в указе было предписано «издать и разослать по епархиям для руководства собрание планов и фасадов церквей, составленных по наилучшим и преимущественно древним образцам церковной архитектуры». Их использование значительно упрощало и ускоряло процесс утверждения новой постройки, по-

¹ К сказанному следует добавить, что аналогичные требования выдвигались в это время и к строительству крупных казенных зданий (ПСЗРИ. 2-е собр. – Т. 3, № 2431).

скольку в случае использования образцового проекта было достаточно получить разрешение на строительство на уровне местного епархиального начальства. Поскольку культовое строительство велось в больших масштабах, такое решение властей было закономерной реакцией на отсутствие в первой половине XIX в. достаточного количества опытных архитекторов в большинстве губерний страны.

Первое «Собрание планов, фасадов и профилей для строения каменных церквей», выполненных в классическом стиле, было утверждено и издано в 1824 г.¹ В 1826 г. оно было дополнено фасадами в русском стиле. Серии фасадов, регламентирующие внешний облик культовых строений, выходили также в 1838, 1841, 1844 гг. Все они дополнялись образцовыми сметами и чертежами, выявляющими конструктивные особенности сооружения (разрезы, отдельные узлы), было чрезвычайно важно, т.к. храмы долгие годы были самыми сложными строительными объектами. В 1850–1870-е гг., когда в гражданском строительстве от образцового строительства уже практически отказались полностью, серии проектов церквей продолжали издаваться². На комплекты таких чертежей существовал спрос. В качестве примера можно привести прошение Костромского губернатора, направленное в МВД о высылке образцовых чертежей на постройку православных церквей, датированное 1863 г.³ Что касается строительства храмов по типовым проектам в Воронежской губернии, то только в 1860–1870-е гг. было сооружено свыше сотни сельских кирпичных храмов по единому образцу⁴.

С целью повышения безопасности эксплуатации культовых сооружений 12 октября 1837 г. было утверждено положение комитета министров «О распространении на духовное ведомство правила о мелочных постройках и починках зданий,

¹ Собрание планов, фасадов и профилей для строения каменных церквей с кратким наставлением, как о самом производстве строения, так и о вычислении потребных к тому материалов. Спб., 1824. – 60 грав. л.

² Пирожкова И.Г. Нормативное регулирование культового строительства в российской империи (статья) // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. - Тамбов, 2010. Вып. 1. С. 300.

³ РГИА. Ф. 1293. Оп. 76, ч.1. Д. 48.

⁴ Кригер Л., Дьяков М. Эволюция архитектурных форм в храмовом строительстве Воронежской области. Воронеж, 2011. С. 7.

не превышающих 5000 рублей»¹. Оно позволяло достаточно оперативно решать проблемы поддержания церквей в надлежащем состоянии. В пределах этой суммы работы должны были осуществляться под наблюдением представителей местного духовного ведомства, которое отчитывалось за рациональное использование этих средств. Ответственность при этом «за прочностью построек и за умеренностью цен на материалы и работы» по-прежнему возлагалась на архитекторов и производителей работ.

Усилиями Синода, который своими распоряжениями регулировал все строительные процессы в многоконфессиональной стране в области храмового строительства, в 1830 г. было утверждено положение «О распространении правил, установленных для построения Греко-Российских церквей...на церкви иностранных исповеданий...во всей империи»². Его требования, наряду с правилами «О построении церквей православных, молитвенных домов, часовен» вошли в третий раздел «О зданиях церковных» Строительного устава, изданного в 1832 г.³

Данный документ касался не только разработки планов и фасадов, которые должны были доставляться на рассмотрение в СК МВД, но и закреплял порядок прохождения и согласования разрешительных документов, касающихся строительства культовых зданий всех не православных конфессий. Верующим христианских церквей иностранных исповеданий, желающим на свои средства построить церковь, требовалось разрешение не только местных властей, но и Синода. Данное требование сохранялось вплоть до начала XX в.

Именно по этим новым правилам в мае 1854 г. в столице был рассмотрен и одобрен проект «распространения» на сумму 1200 рублей лютеранской кирхи в Воронеже, построенной в 1811-1819 гг. Предположительно автором первоначального здания был губернский архитектор Ф.К. Древиц, который, вероятно, взял за основу один из существовавших на тот период образцовых проектов. К сожале-

¹ ПСЗРИ. 2-е собр. – Т. 12, № 10580.

² Там же. Т. 2. № 4165.

³ Свод законов Российской империи. Т. XII. Уставы государственного благоустройства. Строительный устав. СПб., 1832. С. 132 – 140.

нию, в деле о перестройке кирхи, сохранившемся в РГИА, не удалось обнаружить самого проекта и сведений о его составителе¹.

Усиление государственного надзора в области культового строительства было обусловлено и стремительным ростом количества возводимых храмов в стране. Так, например, если за весь XVIII в. на территории Воронежской епархии было построено немногим более 500 церквей, то только за первые три десятилетия XIX в. в губернии было возведено около 200 храмов, разместившихся в уездных городах, селах и слободах, помещичьих усадьбах и монастырях. Тенденция роста объемов культового строительства в губернии сохранялась и в дальнейшем, достигнув максимума в период 1860-1870 гг., когда было выстроено более 500 храмов².

В 1835 г. были сняты все ограничения на строительство деревянных церквей³. Это было очень существенным облегчением для прихожан-застройщиков, у которых не было достаточно средств на кирпичное строительство. Тем не менее, несмотря на это, сооружение деревянных храмов в крае не приобрело в последующие годы доминирующего характера. В качестве доказательства приведем данные на 1833 г.⁴ и 1865 г.⁵ по Воронежской губернии, в которой располагалось: в городах каменных церквей – 45 (71 – на 1865 г.), в уездах – 301 (438); деревянных в городах – 7 (3), в уездах – 238 (297). И это при том, что планы и фасады деревянных церквей не нужно было согласовывать в СК МВД, а достаточно было получить их освидетельствование губернским архитектором. Данный факт объясняется тем обстоятельством, что для Воронежской губернии в силу её географического положения качественный строевой лес был также достаточно дорогим материалом. В нашем лесодефицитном регионе древесину для строительства храмов приходилось во многие степные уезды привозить издалека. В основном это была недолговечная сосна, которую заготавливали в Усманском и Хреновском борах и Теллермановской роще. Не только из-за варварского отношения к культовой ар-

¹ РГИА. Ф. 218. Оп. 4. Д. 639. Л. 1–5.

² Кригер Л., Дьяков М. Указ. соч. С. 6, 7.

³ ПСЗРИ, 2-е собр. – Т. 10, № 8517.

⁴ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 18677. Л. 60.

⁵ Памятная книжка Воронежской губернии на 1865-1866 г, Воронеж, 1867. С. 387.

хитектуре в советское время, но и по этой причине в настоящее время на территории Воронежского края сохранилось всего 14 деревянных храмов¹. Использование более устойчивых к гниению пород приводило к удорожанию строительства, которое могли себе позволить лишь немногие приходы. В качестве примера можно привести церковь Покрова Пресвятой Богородицы (1868 г.), сохранившуюся до наших дней в селе Горенские выселки. Для её возведения была использована долговечная лиственница. Дуб из Шипова леса, принадлежавшего по большей части казне, при строительстве храмов использовался также достаточно редко из-за малых объемов производимых в нём вырубков.

Наряду с повсеместным разрешением строительства деревянных храмов в редакцию Строительного устава 1842 г. впервые вошли и отдельные положения императорского указа, озаглавленного «Общий наказ гражданским губернаторам» от 3 июня 1837 г.², касающиеся строительства православных храмов. Губернаторам было предписано стараться для строительства новых церквей назначать места «самые приличные и удобные» по преимуществу на городских и сельских площадях, а при отсутствии такой возможности на больших проезжих улицах.

В всех случаях, когда храм предполагалось построить на месте, не предусмотренном подтвержденным планом, губернатор должен был направить ходатайство с обоснованием и чертежом той части города, где предполагается соорудить новую церковь, в ГУПСИПЗ (до 1832 г. в МВД) для получения на это царского разрешения. Построившие или перестроившие культовые сооружения без соответствующего разрешения в соответствии со ст. 60 «Устава Духовных консисторий», утвержденного 27 марта 1841 г. подлежали суду, а само здание – уничтожению³. Столь высокая степень ответственности нашла отражение даже в самой последней редакции Строительного устава 1900 г.⁴

¹ Кригер Л., Дьяков М. Указ. соч. С. 8.

² ПСЗРИ. 2-е собр. – Т. 12, № 10303.

³ Там же. Т. 16. – № 14409.

⁴ Устав строительный : Св. зак. т. 12, ч. 1, изд. 1900 г. с разъяснениями по решениям Правительствующего Сената и циркулярам МВД, и извлечениями из других частей Свода законов и с приложением алфавитного указателя. СПб., 1902. Ст. 134, 153, 160).

В частности, в Воронеже такое разрешение не было получено на строительство церкви во имя Св. Александра Невского. Она должна была разместиться напротив главного здания Михайловского кадетского корпуса рядом с домом дворянского собрания. На пожертвования, уже после начала строительства корпуса, в 1843 г. его основатель генерал-лейтенант Н.Д. Чертков предложил построить ещё и отдельно стоящий храм «по образцу фасада и плана церкви Св. Екатерины в Петербурге», автором которой является знаменитый К.А. Тон. Предложение было отклонено с формулировкой: «недостатка в храмах в этом месте нет, место предназначено для другого строения»¹. Кстати для Воронежа К.А. Тон в 1832 г. выполнил нереализованный проект церкви в древнерусском стиле новоявленного чудотворца Митрофания, а в Задонском Богородицком монастыре по его проекту в 1845-1853 гг. был выстроен пятиглавый храм в честь Владимирской иконы Божией матери².

Очень подробно процедура получения разрешения на строительство и перестройку православных храмов была прописана в уже упоминавшемся «Уставе духовных консисторий». В этом документе, который относился ко всем храмам независимо от источников финансирования, по-прежнему подчеркивалось, что проекты должны быть предварительно рассмотрены местными строительными комиссиями, создаваться на основании строительных правил и при участии архитектора.

На примере перестройки некоторых воронежских храмов рассмотрим, как на практике проходила работа над их проектами до получения разрешения на строительство.

В Воронеже до наших дней сохранилась Богоявленская церковь. Она была перестроена по заказу епархии в 1854-1855 гг. по проекту воронежского архитектора М.И. Клейнера. В пояснении к чертежам он предлагал: существующую церковь сломать, поскольку в сводах и стенах обнаружались трещины, «распространить её на 5 аршин противу нынешних размеров, с левой стороны колокольни

¹РГИА. Ф. 218. Оп. 4. Д. 35. Л. 9-12.

²Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 66. СПб., 1901. С. 512 – 514.

сделать пристройку». В марте 1854 г. Воронежская ГСДК за подписью неременного члена, поручика Е.Х. Гиацинтова и помощника столоначальника Г.Г. Поливанова представила материалы по перестройке храма в департамент искусственных дел ГУПСИПЗ. В июне 1854 г. проект Клейнера был рассмотрен и утвержден с незначительными поправками¹.

В мае 1854 г. от Воронежской ГСДК в департамент поступил проект на перестройку Спасской церкви, с обоснованием необходимости проведения работ (трещины в колокольне, угрожающие обвалом). Его подписали инженер-полковник А.П. Нордштейн и начальник искусственного стола поручик Е.Х. Гиацинтов, который составил проект, предполагающий строительство четырехъярусной колокольни и двух приделов (см. иллюстративные материалы, рисунок № 32), и пояснительную записку к нему. В деле «О перестройке Спасской церкви в Воронеже»² содержится и план части Воронежа, на котором показана Спасская церковь. Его в 1854 г. «снял с натуры архитекторский помощник Поливанов».

В материалах дела находится ещё один проект «распространения» церкви, который был прислан из Воронежской ГСДК в 1848 г. и предусматривал лишь пристройку апсиды. Его подписали инженер-полковник Сентянин, ассессор Ивашкин, губернский архитектор В.Н. Шебалин и его помощник М.Ф. Петерсон.

Оба эти проекта были рассмотрены в департаменте в 1854 г. и не получили одобрения. При этом проект, предусматривающий перестройку колокольни, получил резолюцию: «для большей устойчивости церкви и для благовидности фасада необходимо переделать оный». Проект был переработан во II отделении ГУПСИПЗ, согласован с местным епархиальным начальством и утвержден 29 января 1857 г. императором, после чего его переслали в ГСДК для дальнейшей реализации.

Облагороженные фасады приобрели ещё больше черты русско-византийского стиля, доминировавшего в культовой архитектуре России во второй половине XIX в. Данное обстоятельство вполне объяснимо, поскольку имен-

¹ РГИА. Ф. 218. Оп. 4. Д. 638. Л. 1 – 5.

² Там же. Д. 649. Л. 1–27.

ной указ от 25 марта 1841 г. рекомендовал при составлении проектов на построение православных церквей ориентироваться преимущественно на чертежи основоположника этого направления в архитектуре К. Тона¹.

Строительные работы были проведены в 1857-1859 гг., однако при этом запроектированная четырехъярусная колокольня в натуре оказалась двухъярусной. Почему так произошло – неизвестно. Возможно, эта частичная переработка проекта была осуществлена местными специалистами из-за банальной нехватки средств, или же из-за того, что они хорошо знали специфику грунтов на этой очень сложной в геологическом отношении склоновой части Воронежа. Храм сохранился до наших дней и до сих пор является украшением панорамы города, несмотря на многочисленные рядом расположенные новостройки.

Аналогичная история произошла и с проектом церкви Взыскания Погибших, который был переделан в ГУПСИПЗ в 1862 г. Первоначальный проект был выполнен в 1861 г. в модном тогда в русско-византийском стиле. Его автором стал выпускник Академии художеств, ученик К. Тона архитектор Г.Г. Поливанов, который в это время служил помощником начальника искусственного стола Воронежской ГСДК. Проект церкви, которую собирались построить на Стрелецком рынке, в столице в целом был одобрен, однако при этом было сделано предложение – сделать ещё один вариант и «представить оба проекта на выбор местного епархиального начальства». Предпочтение было отдано столичному проекту, по которому строительство было завершено в 1869 г. Несмотря на то, что храм должен был возводиться на средства прихожан (купца А.И. Смирнова), выбранный проект прошел процедуру утверждения царем 7 марта 1863 г.² (см. иллюстративные материалы, рисунок № 33) Предположительно автором «в другом стиле замещающего» проекта церкви является К.Я. Маевский или А.Н. Пешков, поскольку именно они в это время работали архитекторами во II отделении департамента³.

¹ ПСЗРИ. 2-е собр. – Т. 16, № 14392.

² РГИА. Ф. 218. Оп. 4. Д. 997. Л. 12.

³ Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Империи, и по главным направлениям в Царстве Польском и Великом княжестве Финляндском. На 1862-1863 год. Часть I. Власти и места Центрального управления и ведомства их. СПб., 1863. Стб. 491.

Здесь следует заметить, что на 1860-е гг. приходится последние проекты храмов, разработанные в столице для Воронежской губернии. По мнению Л.В. Кригер, одним из таковых является церковь Рождества Пресвятой Богородицы в Богучаре, построенная по проекту петербургского профессора архитектуры Э.И. Жибера в 1862 г.¹ В дальнейшем строительство храмов осуществлялось в основном по чертежам местных зодчих.

Учитывая масштабы строительных работ, осуществляемых по духовному ведомству в губернии, непосредственно осуществлять надзор за возведением храмов на её территории, наряду с другими служебными обязанностями, было поручено гражданскому инженеру Воронежской губернской палаты государственных имуществ Василию Ивановичу Егорову.

Эти его обязанности были уточнены в ответ на представление Воронежской ГСДК полученном в Департаменте искусственных дел МВД 2 сентября 1851 г.² В обращении содержался вопрос: «следует ли удовлетворять требования Епархиального начальства о наблюдении со стороны Комиссии за постройкой церквей?». Предметом спора о том, кто должен осуществлять такой контроль, стала строящаяся церковь в хуторе Грушевом Богучарского уезда. В разъяснении было сказано, что в казенных селениях государственных крестьян эта обязанность лежит на инженерах палат государственных имуществ. Таким образом, теперь В. И. Егоров и два его помощника, помимо проектирования и контроля над возведением казенных и общественных зданий в крупных селах и слободах, в обязательном порядке должны были курировать и все вопросы культового строительства.

Поскольку объём такого строительства в Воронежской губернии был достаточно большим, по результатам рассмотрения этого дела принимается решение о назначении в случае необходимости временных специальных строительных комиссий. Эти вопросы нашли отражение в делах: «О наблюдении за постройкой церквей в Воронежской губернии» (1851) и «О рассмотрении проектов постройки

¹ Кригер Л., Дьяков М. Указ. соч. С. 8.

² РГИА. Ф. 218. Оп.4. Д. 447. Л. 20.

церквей, молитвенных домов и часовен в Воронежской губернии» (1852), сохранившихся в фонде «Департамента искусственных дел ГУПСИПЗ» РГИА¹.

Инженеры палат государственных имуществ были ответственны в целом за улучшение планировки и внешнего облика сельских построек в казенных селениях. С этой целью для руководства на местах по инициативе департамента сельского хозяйства в 1853 г. был издан атлас типовых проектов, состоящий из пяти разделов: 1. Часовни и церкви; 2. Крестьянские дома; 3. Базарные лавки, гостиные и постоянные двory, трактиры и гостиницы; 4. Бани, овины, кузницы, колодцы, ворота и заборы; 5. Мосты, дороги и переправы. Благодаря разнообразию типов рассмотренных зданий, подробным чертежам и поясняющим их текстам атлас оказался весьма востребован в работе губернских палат государственных имуществ. Экземпляры этого атласа рассылались в обязательном порядке по губерниям, а оставшиеся были предназначены для продажи «по цене доступной для помещика и сельского хозяина»². В 1856 г. один из этих экземпляров атласа был прислан из столицы в адрес Воронежского губернского дворянского собрания³.

Вероятно, из-за того, что Воронежская ГСДК была полностью укомплектована необходимыми специалистами, а в губернии периодически действовали специальные строительные комиссии для наблюдения за постройкой церковей и был опытный куратор⁴ по вопросам культового строительства в селениях государственных крестьян, в эти годы в Воронежской епархии не была введена должность «особого архитектора для производства построек по духовному ведомству». Там, где эта потребность была в соседних, например, Орловской и Курской епархиях, такие архитекторы, имеющие «законные аттестаты о своих познаниях в

¹ Там же. Д. 447, 485.

² Атлас проектов и чертежей сельских построек, изданный от Департамента сельского хозяйства М.Г.И. СПб., 1853. 36 с., 39 л. ил.

³ ГАВО. Ф. И-30. Оп. 1. Д.2121.

⁴ В.И. Егоров имел большой опыт в области культового строительства. В частности, по его проектам было осуществлено расширение Преображенского собора в Павловске (1849-1855), построена Воскресенская церковь (1852-1869) в слободе Бутурлиновка. Для этой же слободы в 1862 г. им был выполнен проект церкви во имя свв. Козьмы и Демьяна, который остался нереализованным. По проекту В.И. Егорова (при участии А.А. Кюи) были осуществлены в 1868-1875 гг. работы по расширению Благовещенского собора Митрофановского монастыря в Воронеже. (Акинъшин А.Н. Материалы к биографическому словарю // Из истории Воронежского края. Воронеж, 2002. Вып. 10. С. 86).

строительном искусстве» были назначены в 1857 г.¹ В Харьковской губернии такая должность была учреждена ещё раньше, в 1855 г.²

Впервые о епархиальных архитекторах и предполагаемом годовом для них жаловании в двести двадцать четыре рубля 10 копеек и квартирных до пятидесяти семи рублей 15 копеек серебром было сказано в определении Святейшего Синода от 2 февраля 1835 г.³ Вскоре первые архитекторы духовного ведомства появились в западных губерниях. В 1836 г. «особые архитекторы» были определены в Могилевскую, Волынскую, Полоцкую, Подольскую и Минскую епархии⁴, в 1840 г. – в Литовскую епархию⁵. Только 6 марта 1844 г. императорским указом должности епархиального архитектора и его помощника были официально внесены в расписание по классам, мундирам и пенсиям Российской империи⁶. Архитектор был причислен по должности к IX классу, а его помощник к X классу, т.е. наравне со старшим и соответственно младшим городскими архитекторами.

От епархиальных архитекторов требовалось не только знание профессиональных основ проектирования и технологических составляющих процесса строительства культовых зданий, но и церковных канонов и должная их стилистическая интерпретация. Епархии давно нуждались в таких специалистах, которые занимались бы на местах только вопросами культового строительства. Однако лишь 9 января 1853 г. был подписан именной указ «О приготовлении в Московском Дворцовом Архитектурном Училище Архитекторов для духовного ведомства»⁷. По предложению Святейшего Синода было решено готовить по «несколько духовных воспитанников из священнослужительских детей». После окончания полного курса училища они должны были выпускаться на службу по духовному ведомству с обязательством прослужить в нём не менее десяти лет. Соблази слу-

¹ ПСЗРИ. 2-е собр. – Т. 32, № 31950.

² Там же. – Т. 30, № 29384.

³ Реброва Р.В. Архитекторы духовного ведомства, виды должностей. Архитекторы Санкт-Петербургской епархии. // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. № 1. С. 84.

⁴ ПСЗРИ. 2-е собр. – Т. 11, № 8608, № 8914.

⁵ Там же. – Т. 15, № 13681.

⁶ Там же. – Т. 19, № 17698.

⁷ Там же. – Т. 28, № 26919.

жить по светской части, где вознаграждение за труды было значительно больше, вполне объясняет данное обязательство. Таким способом институт епархиальных архитекторов постепенно расширялся, и во второй половине XIX в. они появляются в большинстве епархий.

Инициатива о введении такой должности шла, прежде всего, от местного церковного начальства. Очевидно, что сложившееся положение дел в области культового строительства руководство Воронежской епархии вполне устраивало, поскольку епархиальный архитектор был назначен только в 1899 г.¹ Этим же указом были учреждена должность архитектора в Архангельской и для семи северо-западных уездов Курской епархии. В этом же году был определен архитектор и в Вологодскую епархию².

В январе 1900 г. должность архитектора Воронежской епархии занял гражданский инженер Иван Николаевич Афанасьев, служивший прежде младшим инженером в строительном отделении губернского правления. Он проработал на этой должности вплоть до её упразднения в 1917 г. Известно, что по его проектам в период с 1886-1892 гг. были перестроены две церкви в слободах Ольховатка Острогожского уезда и Уразовка Валуйского уезда, в сёлах этих же уездов построено 6 деревянных храмов, общежитие духовного училища в Бирюче. Он же является автором проекта храма Ильи Пророка в слободе Россошь Острогожского уезда (1897-1916), а в Воронеже проектов паровой мукомольной мельницы (1889), жилого дома Н.А. Глущенко на Нееловской улице (1903, ныне ул. Пятницкого) и собственного жилого дома нынешней улице Батуринская (нач. XX в.)³. Однако И.Н. Афанасьев вошел в историю архитектуры воронежского края, прежде всего, как первый и единственный архитектор, официально приписанный к духовному ведомству.

¹ ПСЗРИ. 3-е собр. – Т. 19, № 17692.

² Там же. – Т. 19, № 16897.

³ Акинъшин А.Н. Материалы к биографическому Словарю воронежских архитекторов (конец XVIII - начало XX вв.). [А-В]. // Труды областного краеведческого музея. Вып. 2. Воронеж, 1994. С. 73–74.

Из 64 епархий, которые находились по данным на 1898 г.¹ в пределах Российской империи, Воронежская была одной из последних на территории центральных районов России, где была введена такая должность. Позже должность архитектора появилась только в штате Смоленской епархии (1900 г.),² что также труднообъяснимо, учитывая большой объем культового строительства, осуществляемого в районах традиционного расселения.

Данное обстоятельство представляется ещё более удивительным на фоне близких по времени назначений архитекторов в окраинные епархии: Иркутскую (1900 г.), Томскую, Владивостокскую (1901 г.), Забайкальскую (1903 г.), Владикавказскую (1904 г.), Пермскую (1910 г.)³. Введение в них должностей епархиальных архитекторов в последнюю очередь вполне естественно, поскольку из-за меньшего количества прихожан строительство храмов и зданий духовного ведомства на этих землях велось в значительно меньших объемах.

Там, где не было епархиальных архитекторов, духовное ведомство при постройке зданий за счёт казны или за счёт его собственных сумм, производимых техниками строительных отделений губернских правлений, платило 4% от стоимости сооружения, но при этом абсолютно не тратилось на содержание техников и собственных архитекторов. Заметим, что при таком положении дел архитекторы местных архитектурно-строительных служб при стабильно больших объемах культового строительства оказывались в более выгодном положении, поскольку их доходы многократно превышали годовой заработок епархиального архитектора.

Только в 1872 г. решили навести больший порядок в культовом строительстве и в оплате труда ответственных за его реализацию⁴. Именным указом было определено, что 4% за составление планов и смет и за наблюдение за постройками должны поступать не конкретным лицам, а в строительное отделение губернского правления, где по истечении года по распоряжению губернатора поступившая

¹ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 54. СПб., 1899. С. 167.

² ПСЗРИ. 3-е собр. – Т. 20, № 18355.

³ Там же. То же. № 18011.

⁴ Там же. 2-е собр. – Т. 47, № 51031.

сумма распределялась между сотрудниками отделения. Епархиальному архитектору определено было личное вознаграждение в размере 1% из сумм, отпускаемых на постройку здания, которое должно было закладываться в смету¹. При этом за ним сохранялись права государственных служащих. Траты на предполагаемые разъезды должны были компенсироваться из денег, отчисленных на постройку. Размер этого вознаграждения определялся личным соглашением между архитектором и теми лицами, для «коих здания строятся или починиваются».

В рассматриваемый период помимо храмов по духовному ведомству было построено одно из крупнейших зданий Воронежа – духовная семинария. Основанная в первой половине XVIII в., Воронежская семинария немало лет помещалась в разных зданиях, разбросанных по городу. В конце XVIII в. под неё отдали двухэтажный певческий корпус, располагавшийся на территории архиерейского подворья, вошедшего в структуру Митрофановского монастыря. Однако оно было малоприспособлено для учебного процесса.

Специализированное трехэтажное здание начали возводить в 1813 г. напротив дома Тулинова на Большой Дворянской. Строительство этого крупного и весьма престижного для города объекта затянулось и было закончено лишь в 1822 г. Центр главного фасада семинарского здания, оформленного в классическом стиле, был акцентирован величественным восьмиколонным портиком. После дома бывшего губернатора И.А. Потапова, это было второе, по времени возникновения, трехэтажное сооружение на Большой Дворянской (ныне пр. Революции, 29). Несмотря на то, что проект утверждался в столице Синодом, его автора установить не удалось.

В 1832 г. император Николай I во время пребывания в Воронеже, по случаю открытия мощей угодника Митрофана, сделал замечание о том, что семинария стоит на совершенно неудобном месте. Им было приказано использовать семинарское здание для размещения батальона военных кантонистов, а для новострой-

¹ Указом от 16 декабря 18540 г. епархиальные архитекторы были лишены окладного жалования от казны (ПСЗРИ. 2-е собр. – Т. 25, № 24729).

ки найти другое место¹. Под строительство рассматривались два участка: 1. На нынешней Кольцовской улице, примерно посередине расстояния от ул. Комиссаржевской до ул. Чайковского; 2. На земле слободы Беломестной и Троицкой «на расстоянии 366 сажень от земли архиерейского загородного дома»².

В 1838 г. в столице архитектором А.Ф. Щедриным, который работал в духовно-учебном управлении Синода³, был выполнен проект нового здания семинарии, который после рассмотрения Советом ГУПСИПЗ был утвержден императором 10 января 1838 г.⁴ (см. иллюстративные материалы, рисунок № 34). Тем не менее, этот проект до реализации так и не дошел. Вероятно, местные власти не были заинтересованы в строительстве нового дорогостоящего объекта, поскольку существующее здание семинарии полностью отвечало потребностям епархии, как по вместимости, так и по внешнему парадному облику.

Подводя промежуточный итог анализу опыта культового строительства в крае, ещё раз подчеркнём, что здания, проходившие по духовному ведомству, традиционно доминировали над рядовой застройкой (по своим физическим размерам и качеству архитектуры) и в силу этого в значительной степени определяли индивидуальность облика того или иного населенного места. Немногочисленность законов о культовом зодчестве до 1820-х гг. объясняется тем, что исторически сложившийся опыт культового строительства до определенного времени государство устраивал. Массовость строительства этих объектов наряду со сложностью их проектирования и возведения привело к тому, что в первой половине XIX в. постепенно сформировалось отдельное направление в архитектурно-строительной деятельности требующее специальных знаний и особого контроля, как со стороны центральных властей, так и на местах. Вне зависимости от источников финансирования контроль за проектно-строительной деятельностью при возведении объектов культового зодчества теперь возлагался на местное начальство в лице губернатора или военное ведомство. Под их руководством непосред-

¹ Никольский П.В. История Воронежской духовной семинарии. В 2 ч. Ч.2. Воронеж, 1899. С. 182, 183.

² РГИА. Ф. 835. Оп.1. Д. 67. Л. 17.

³ Реброва Р.В. Указ. соч. С. 84.

⁴ РГИА. Ф. 1488. Оп. 1. Д. 734. Л. 1-5.

ственный надзор осуществляли ГСДК. С их упразднением в 1865 г. эти функции были делегированы строительным отделениям губернских правлений и архитекторам духовного ведомства по мере их появления в штатах епархий¹. Такой порядок сохранялся вплоть до 1917 г., когда в результате изменения политического строя в стране культовое строительство оказалось под запретом.

¹ Устав строительный : Св. зак. т. 12, ч. 1, изд. 1900 г. с разъяснениями по решениям Правительствующего Сената и циркулярам МВД, и извлечениями из других частей Свода законов и с приложением алфавитного указателя. СПб., 1902. Ст. 99, 100, 113, 122, 126).

Глава 3. ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОЕКТИРОВАНИЯ И СТРОИТЕЛЬСТВА В ВОРОНЕЖСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

§ 1. Законодательные основы формирования учреждений управления строительством в России во второй половине XIX – начале XX вв.

Период второй половины XIX — начала XX вв. вошел в историю России как время крупномасштабных преобразований, результатом которых стали коренные реформы государственных институтов и общественных отношений.

Прежде всего, благодаря Крестьянской реформе 1861 г. был сделан важный шаг к равенству всех сословий, к становлению гражданского общества и правового государства. Кроме того, появилась возможность для активного формирования рыночных отношений, поставивших страну на путь капиталистического развития. Капитализация экономики способствовала активному промышленному и транспортному строительству, появлению новых типов зданий и инженерных сооружений, росту населения городов и активизации строительства в них.

Чтобы приспособить политический строй России к новым экономическим условиям, вслед за аграрной реформой были осуществлены и преобразования в области местного самоуправления. 1 января 1864 г. были утверждены «Положение о губернских и уездных земских учреждениях»¹ и «Временные правила для земских учреждений по делам о земских повинностях, народном продовольствии, общественном призрении»². В соответствии с этими документами в стране началось формирование бессословных выборных органов местного управления: земских собраний и земских управ, избираемых всеми сословиями на три года.

Все эти выборные органы учреждались для руководства хозяйственными делами: строительством и эксплуатацией местных путей сообщения; устройством и содержанием принадлежащих земству зданий (школ, больниц, богаделен и других); благоустройством населенных мест; обеспечением местного населения про-

¹ ПСЗРИ. 2-е собр. – Т. 39, № 40457.

² Там же. № 40458.

довольствием; сбором статистических сведений; распространением начального народного образования и так далее. В связи с этими задачами земства имели право нанимать земских врачей, учителей, землеустроителей, городских архитекторов, инженеров и прочих служащих.

В пакет либеральных реформ 60–70 гг. XIX в. вошла и разработка правительством новых подходов к функционированию органов городского самоуправления, которые нашли отражение в новом «Городовом Положении» принятом 16 июня 1870 г.¹ Оно подтвердило права города на его земли в границах, определенных планом, и закрепило систему главных органов общественного управления: городское избирательное собрание, городская дума с распорядительными функциями (законодательный орган) и городская управа (исполнительный орган).

В соответствии с этим новым внесословным «Городовым Положением» в 509 городах из 1130, в том числе и в Воронеже, было введено выборное самоуправление. В законе для определения избирательного права был взят за основу имущественный принцип. Взамен существовавших ранее сословных городских управлений в городах стала выбираться на четыре года городская дума, возглавляемая городской управой.

Выборы в Воронежскую городскую думу состоялись 6 декабря 1870 г. На первом её заседании 12 января 1871 г. на должность городского головы был избран Степан Лукьянович Кряжов, а городская управа приступила к работе после официального открытия думы, которое состоялось 29 апреля этого же года.

Реформы не только существенно расширяли права и возможности городов, но в тоже время значительно увеличивали круг обязанностей, возложенных на их общественное управление. Так, например, наряду с прочими задачами на городское общественное управление были возложены дела о городском хозяйстве и благоустройстве города, «а именно: попечение об устройении города, согласно утвержденному плану». Сферой его заботы было также определено: устройство и содержание площадей и улиц (мостовых, тротуаров и их освещение), городских

¹ ПСЗРИ. 2-е собр. – Т. 45, № 48498.

общественных садов, бульваров, водопроводов, сточных труб, мостов и др. объектов, расположенных в городской черте. Городской думе давалось право ходатайствовать «об утверждении изменений в плане города» и «местных пользах и нуждах ... пред высшим Правительством»¹. В Положении было сказано, что эти изменения, а также новые планы для городов утверждаются по представлениям городских дум: для губернских городов министром МВД, а для прочих – губернатором.

В компетенцию управы теперь входило утверждение планов и фасадов, выдача разрешений на постройку и перестройку частных зданий в городе. Интересно, что частично такое предложение было высказано ещё в 1862 г. созданной в Воронеже особой комиссией, которая должна была представить свои соображения по предстоящей реформе². Воронежцы предложили добавить законодательство статью, в соответствии с которой распорядительная дума при участии городского архитектора получала бы право утверждать проекты на постройку всех зданий, как частных, так и общественных, руководствуясь правилами, изложенными в строительном уставе. При этом было сказано, что «ревизия отчетов сооружаемых на суммы общества зданий подлежит единственно контролю общества»³. Сравнивая формулировку, вошедшую в текст Положения, с предложением воронежской комиссии, можно сказать, что оно было прогрессивнее, поскольку предлагало значительно большую свободу самоуправления в архитектурно-строительных вопросах и расходовании на их решение средств.

В связи с темой нашего исследования представляет интерес то обстоятельство, что на одном из первых своих заседаний Воронежской городской думой (13 ноября 1871 г.) среди 13 дел, подлежащих коллегиальному рассмотрению членов управы, был выделен как один из важнейших вопрос о разрешении строительства

¹ ПСЗРИ. 2-е собр. – Т. 45, № 48498. С. 829. «Городовое Положение» 1892 г., не внесло принципиальных изменений в сферу земельного законодательства городов, а также в область городского имущества и хозяйства, находящуюся в ведении органов самоуправления. Вместе с тем переименование губернского по земским делам присутствия в губернское по земским и городским делам присутствие означало усиление зависимости города от местной администрации.

² Попов П.А. Городское самоуправление Воронежа. 1870 – 1918. Воронеж, 2006. С. 25.

³ Соображения воронежской комиссии по вопросам, предложенным Министерством внутренних дел относительно преобразования городского управления // Воронежские губернские ведомости. 1863. 12 янв.

частных зданий и утверждении архитектурных проектов¹. Данный факт ещё раз подчеркивает, насколько важна для Воронежа была возможность оперативного решения на местном уровне вопросов связанных со строительством, активизация которого пришлась как раз на эти годы.

В примечании к статье № 114 Положения было сказано, что «существующие в некоторых городах должности Городовых Архитекторов (как это было в Воронеже – В.Ч.) причисляются к составу городских общественных управлений», т.е. относятся к числу должностных лиц, состоящих на общественной службе в городской управе. Однако для них в качестве исключения оговаривались права государственной службы.

Теперь эти должности замещались в результате избрания из числа претендентов городской управой, которая платила городскому архитектору жалование. В силу этого он не подчинялся строительному отделению губернского правления². Тем не менее, утверждение его на службу и увольнение от нее осуществлялось по представлению городских управ МВД в соответствии с циркуляром от 27 ноября 1871 г.³

Претендовать на место городского архитектора по найму могли только лица, имеющие аттестат на производство работ и занятие должностей по строительно-технической части. Городским думам предоставлялось право учреждать вновь такие должности, где их прежде не было, «с присвоением на оные всех прав службы, городским архитекторам присвоенных». Такой возможностью, как было установлено А.Н. Акиньшиным, в Воронежской губернии воспользовались только в Острогожске и значительно позже⁴.

Появление архитектора в этом, втором по численности населения городе губернии, вполне объяснимо, т. к. с 1870-х гг. с ростом благосостояния местных купцов и развитием промышленности здесь начинается активное строительство,

¹ Попов П.А. Указ. соч. С. 85.

² В таком же положении находились архитекторы и инженеры, относящиеся по роду служебных обязанностей к другим ведомствам.

³ Шмеллинг Л. В. О служебном положении городских архитекторов. СПб., 1894. С. 69–72.

⁴ Акиньшин А.Н. Материалы к биографическому словарю // Из истории воронежского края: сб. ст. Вып. 11. Воронеж, 2003. С. 160.

требующее постоянного надзора со стороны специалиста. О нём практически ничего неизвестно, кроме того, что это был некий Кульгут, уволенный в 1890 г. с должности городского архитектора постановлением Острогожской городской думы. Сам по себе, этот факт в масштабе страны во многом уникален по отношению к уездным городам. Как правило, из-за отсутствия аттестованных специалистов и из соображений экономии городских средств обходились, как и прежде услугами губернского архитектора и служащих строительного отделения губернского правления, периодически приезжавшими по делам службы в город и уезд.

Крупные общественно-политические преобразования и административные реформы потребовали широкого переосмысления законодательных основ, в русле которого происходило и дальнейшее совершенствование архитектурно-строительного законодательства. Перечислим в хронологической последовательности основные из принятых в эти годы документов, в той или иной степени направленных на формирование новых подходов к строительной и проектной деятельности в стране, и дадим им краткую характеристику в привязке к исследуемому региону.

Начало коренных изменений в деятельности архитектурно-строительных служб в масштабе государства положило постановление от 29 октября 1864 г. «О преобразовании гражданской строительной и дорожной части». В нём было сказано: «Управление по частям строительной и дорожной, заведываемым ныне в губерниях Строительными и Дорожными Комиссиями... передать из ведомства Главного Управления Путей Сообщения и Публичных Зданий¹ в ведение Министерства Внутренних Дел... вместо Строительных и Дорожных Комиссий учредить при Губернских и Областных Правлениях Строительные Отделения»². Это решение стало началом новой эпохи в деле управления строительной частью в России на местах.

¹ Указом от 15 июня 1865 г. ГУПСИПЗ было преобразовано в Министерство путей сообщения (МПС). Что касается руководства дорожным хозяйством на местах, то этими вопросами должны были заниматься в губерниях и уездах земские управы.

²ПСЗРИ. 2-е собр. – Т. 39, № 41394.

В функциональном плане эти структурные подразделения осуществляли: разработку проектов и смет казенных зданий и сооружений с последующим их освидетельствованием и проверкой технических и финансовых отчетов; сбор сведений о справочных ценах на строительные материалы и рабочую силу; надзор за проведением строительных работ, в том числе и ремонтных, на территории губернии. Они же утверждали изменения, вносимые в планы уездных городов, выдавали разрешения на устройство промышленных предприятий, контролировали работы по благоустройству и обеспечению соблюдения требований пожарной безопасности. Строительным отделениям было дано право, рассматривать проекты и сметы казенных зданий на любую сумму и предоставлять на утверждение губернатором только те, какие считают нужными.

Управлять вновь учрежденной структурой должен был губернский инженер. В помощь ему в строительное отделение включался губернский архитектор. При необходимости он имел право замещать губернского инженера, однако в результате этих преобразований круг его функциональных обязанностей сузился до рассмотрения архитектурной части проектов и участия в согласовании и надзоре за постройками. В губернские строительные отделения в обязательном порядке входили младшие инженер и архитектор, а в случае необходимости назначались техники.

Непосредственно перед реорганизацией Воронежской ГСДК, по данным на 1 января 1864 г., в её состав в качестве непременных членов входили: инженер, штаб-офицер (вакансия); губернский архитектор, коллежский советник В.Н. Шебалин; гражданский чиновник, надворный советник С.А. Хрущов; депутат от дворянства (вакансия); исполняющий должность правителя канцелярии, титулярный советник Н.К. Журдан; помощник его (вакансия); бухгалтер, коллежский секретарь В.Е. Лофицкий. Губернской чертежной в это же время руководил губернский землемер, надворный советник А.Д. Васильев¹.

Начальником вновь образованного строительного отделения Воронежского губернского правления был назначен подполковник Лев Николаевич Жеденов, за-

¹ Памятная книжка Воронежской губернии на 1863-1864 г. Воронеж, 1864. С. 172, 185.

нявший в январе 1865 г. должность губернского инженера (полный список губернских инженеров см. приложение № 2). В этом качестве он проработал до июля 1868 г.¹ Как губернский инженер, Жеденов должен был принимать участие в обсуждении проектов жилых и общественных зданий, а также в согласовании проектов жилых домов. По данным на 1866 г. под его началом в отделении трудились: младший архитектор, коллежский секретарь Д.С. Максимов; делопроизводитель, титулярный советник В.Е. Лофицкий и два чертежника: Х.З. Крутенков и Е.Н. Орлов².

Поскольку строительные отделения относились к системе учреждений полицейского ведомства, то денежное содержание сотрудников, как и других полицейских чинов, осуществлялось из городских доходов. Кроме того, от всех работ, выполняемых отделениями, четыре процента от «торговой цены» должны были поступать в их распоряжение и по истечении года распределяться между «техническими чинами отделения».

Губернский инженер и младший инженер получали содержание из особых сумм. При этом оклад губернского архитектора составлял 1400 рублей, а младшего архитектора 900 рублей³. Если содержание губернского инженера оказывалось по факту менее 1400 рублей, то недостающая сумма должна была дополняться из указанных выше четырех процентов⁴.

К строительному отделению были приписаны и сверхштатные техники. В частности, при отделении именно в таком качестве числился вплоть до своей смерти в ноябре 1868 г. коллежский асессор, бывший инженер палаты государственных имуществ В.И. Егоров⁵. В июле 1866 г. он подавал прошение о переводе на должность младшего архитектора строительного отделения, но поскольку оно

¹ Акнышин А.Н. Материалы к биографическому словарю // Из истории Воронежского края: сб. статей. Воронеж, 2002. Вып. 10. С. 87.

² Памятная книжка Воронежской губернии на 1865-1866 г. Воронеж, 1867. С. 442; ГАВО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 8939. Л.13.

³ ПСЗРИ. 2-е собр. – Т. 40, ч.2: Штаты и таблицы, № 42180.

⁴ Там же. Т.41, № 43726.

⁵ РГИА. Ф. 1293. Оп.76, ч. 2. Д. 347.

было отклонено, то ему пришлось выполнять поручения Воронежского губернского правления, находясь за штатом.

После реорганизации ГСДК остался за штатом и А.С. Голубцов, работавший в ней архитектурным помощником с 1862 г. В июле 1866 г. он также подавал прошение с просьбой принять его на должность младшего архитектора строительного отделения, но получил отказ¹. 28 декабря 1867 г. Голубцов предпринимает ещё одну попытку работать по специальности в Воронеже². Он обращается в губернскую земскую управу с просьбой принять его техником по взаимному земскому страхованию. Получив и на этот раз отказ, Голубцов покидает Воронеж.

Несмотря на солидный послужной список, в марте 1866 г. получает отказ на просьбу занять должность техника губернской земской управы и отставной инженер-подполковник Р.П. Кулаковский. Он более 20 лет служил инженером путей сообщения, а в 1862-1863 гг. в Воронежской ГСДК исполнял обязанности её неперменного члена³.

Сразу после передачи гражданской строительной части в ведение МВД в особой комиссии министерства был начат процесс пересмотра всех постановлений касающихся этого вида деятельности. Уже 6 апреля 1865 г. было принято решение «Об учреждении Техническо-Строительного Комитета при Министерстве Внутренних Дел»⁴, на который были возложены функции главного надзорного органа за гражданскими зданиями и сооружениями и управления строительной частью в масштабе государства.

Непосредственно в сферу деятельности ТСК входили: составление планов и проектов, подведомственных МВД «сооружений, которые сопряжены с особенною сложностию в техническом отношении... рассмотрение проектов и планов, представляемых ... из Губернских Правлений; рассмотрение представляемых на Высочайшее утверждение планов городов...так и возникающих на месте недора-

¹ Акинъшин А. Н. Материалы к биографическому словарю // Из истории Воронежского края: сб. статей. Воронеж, 2003. Вып. 11. С. 160.

² ГАВО. Ф. И-20. Оп.7. Д. 27. Л.15.

³ Акинъшин А. Н. Материалы к биографическому словарю // Из истории Воронежского края: сб. статей. Воронеж, 2002. Вып. 10. С. 80.

⁴ ПСЗРИ. 2-е собр. – Т. 40, № 41991.

зумений по части строительной...»; подготовка специальных указов и постановлений, разъясняющих обязанности и права строительных отделений; пересмотр устаревших положений строительного устава, которым должны были руководствоваться в своей практической работе строительные отделения; выдача разрешений лицам, подающим прошение на ведение самостоятельной деятельности в качестве инженеров и архитекторов.

Теперь проекты рядовых гражданских и общественных сооружений не нужно было согласовывать в Петербурге — достаточно было визы губернского строительного отделения. В то же время объекты, относящиеся к министерствам и ведомствам, в структуре которых имелись свои строительные комитеты¹, не подлежали контролю со стороны ТСК и местных структур МВД.

Для консультаций ТСК мог привлекать специалистов из МПС, в которое в свою очередь отправлял на заключение проекты, связанные с деятельностью этого ведомства. О художественных достоинствах проектов памятников, церквей, монументальных зданий и других сооружений в тех случаях, если они строились за счет государства или каких-либо обществ, Комитет запрашивал заключение у Академии художеств.

В июле 1865 г. по представлению ТСК МВД было дано разъяснение «О порядке выдачи разрешений на постройку надворных строений в уездных городах»², которое меняло статью № 350 строительного устава. В новой редакции городским архитекторам, а там где их нет — городским или уездным полицейским управлениям, давалось право разрешать постройку деревянных домов «по Высочайше утвержденным нормальным чертежам без ограничения числа окон... надворных строений и производство мелочных починок и поправок». Напомним, что прежде такое право было предоставлено городничим и распространялось только на дома до 5 окон включительно.

¹ Такие комитеты имелись в министерствах: императорского двора, народного просвещения, путей сообщения, военном, морском, духовном (Святейшем синоде), финансов, торговли, промышленности и главном управлении государственного коннозаводства. Они, как правило, имели небольшой штат служащих, осуществлявших работы проектного характера и технической отчетности.

² ПСЗРИ. 2-е собр. — Т. 40, № 42288. С. 778.

В декабре 1865 г. этим же комитетом был принят документ «Об обязанностях городских архитекторов и отношениях их по службе к Строительным отделениям Губернских правлений»¹. Применительно к Воронежу действие этого постановления выглядело следующим образом. Городской архитектор – надворный советник А.А. Кюи, возглавлял технико-архитектурный отдел, входивший в состав Воронежской управы, но в тоже время подчинялся начальнику строительного отделения. В отделе трудились землемер, чертежник и сверхштатные сотрудники, привлекаемые для выполнения работ по Воронежу.

27 апреля 1867 г. издается циркуляр МВД «Об обязанностях техников принимающих поручения от земства доводить о том до сведения Губернских правлений»². Этот документ был необходим для того, чтобы строительные отделения губернских правлений имели полное представление об объёмах проектных и строительных работ, производимых в губернии и могли их своевременно контролировать.

12 июля 1868 г. выходит постановление о том, что планы промышленных зданий должны рассматриваться в строительных отделениях губернских правлений³. Следствием этого решения стало включение в их состав губернских механиков (при наличии) или техников-строителей, которые должны были обеспечить безопасность возведения, перестройки и дальнейшего функционирования фабричных и заводских зданий «на стенах коих предполагается расположить значительные тяжести, или которые устраиваются со сводами и притом имеют свыше двух этажей». Очевидно, что только оговоркой «при наличии» можно объяснить тот факт, что впервые в состав строительного отделения Воронежского губернского правления механик был включен лишь в 1886 г. Вероятно, это было связано с тем, что объём промышленного строительства в губернии к этому времени стал весьма значительным, а сами заводские и фабричные здания более грандиозными по физическим размерам и техническому оснащению. Эту должность занял титулярный советник Фридрих Яковлевич Бари, однако в Воронеже он проработал не

¹ РГИА. Ф.1293. Оп.76, ч. 1, Д. 68. Л. 1 – 4.

² Там же. Д. 92. Л. 1 – 5.

³ ПСЗРИ. 2-е собр. – Т. 43, № 46113.

более года¹. Постоянным членом строительного отделения губернский механик становится с 1891 г. и до 1894 г., когда эту должность занимал инженер-технолог Николай Николаевич Веретенников².

Одним из основополагающих документов в работе реформируемых архитектурно-строительных служб стали «Урочные положения для строительных работ», утверждённые именным указом от 17 апреля 1869 г.³ В них были включены разнообразные справочные материалы: нормы расхода рабочей силы и строительных материалов, расценки на строительные работы, расчеты, практические указания и поясняющие их рисунки. В соответствии с этим документом определялась сметная сумма затрат на объект проектирования.

Предыдущее Урочное положение «на все вообще работы», составленное в 1843 г.⁴ «оказалось по опыту требующим некоторых дополнений и изменений соответственно потребностям работ настоящего времени». В этом тексте, предваряющем собственно новый документ, императором Александром II по существу было отмечено, что требования закона сильно отстали от жизни. В результате новое «Урочное положение...», рекомендованное для применения ТСК МВД, стало важнейшим дополнением к строительному уставу и своего рода пособием по изучению строительного искусства.

Однако темпы развития науки и техники были столь высоки, что многие главы этого документа вскоре могли потребовать замены. Именно по этой причине из-за «постоянно продолжающихся усовершенствований в способах исполнения работ...» 17 апреля 1870 г. был подписан именной указ «Об обязанностях производителей строительных работ, по всем ведомствам, сообщать свои замеча-

¹ Памятная книжка Воронежской губернии на 1887 год. Воронеж, 1886. Адрес-календарь лиц, служащих в Воронежской губернии. С. 2.

² Памятная книжка Воронежской губернии на 1891 год. Воронеж, 1891. Адрес-календарь лиц, служащих в Воронежской губернии». С. 4.

³ ПСЗРИ. 2-е собр. – Т. 44, № 46978.

⁴ Там же. Т. 18, № 16503.

ния на Урочное Положение, о собрании и рассмотрении оных в Министерстве Путей Сообщения и об издании дополнений Урочному Положению»¹.

В августе 1870 г. очередным циркуляром МВД строительным отделениям было предписано иметь в своем составе техников для наблюдения за сельскими постройками². Необходимость появления данного документа была обусловлена тем обстоятельством, что в предыдущие годы государство очень мало уделяло внимания безопасности гражданского строительства в сельской местности.

С сентября 1870 г. рассмотрение проектов частных лиц было передано из общих присутствий губернских правлений непосредственно строительным комиссиям³, которые создавались при городских, губернских и уездных земских управах. Они ведали вопросами гражданского строительства, но функции строительных отделений губернских правлений в пределах своей территории перешли к ним лишь частично. На пример, при сохранении прежней процедуры получения разрешения на возведение построек общественных зданий, городским управам было предоставлено право, непосредственно утверждать планы и фасады только частных зданий.

В городах контроль за выполнением действующих законов, касающихся проведения работ по благоустройству в городах и уездах, а также за реализацией постановлений местных властей, связанных с освоением городских территорий осуществляли полицмейстеры. Полицейское управление надзидало за соблюдением требований по обеспечению безопасности от пожаров, охране путей сообщения, производило по окончанию строительства освидетельствование зданий и сооружений, следило за их дальнейшим содержанием в надлежащем порядке. Частные приставы с помощью квартальных надзирателей выявляли нарушения и давали распоряжения по их устранению⁴. Здесь следует подчеркнуть, что виновные в

¹ ПСЗРИ. 2-е собр. – Т. 45, № 46978а. Свод изменений и дополнений параграфов Урочного Положения для строительных работ был утвержден 20 марта 1914 г. императорским указом. Тем не менее, окончательная трактовка документа в дореволюционное время так и не была принята.

² РГИА. Ф. 1293. Оп. 76, ч. 1. Д. 244.

³ Там же. Д. 242. Л. 1–3.

⁴ В штате Воронежской городской полиции, утвержденном в 1857 г., имелось 3 частных пристава (по числу административных частей в городе) и 9 квартальных надзирателей (ПСЗРИ. 2-е собр. – Т. 32, № 31351).

нарушении строительного устава не освобождались от ответственности за давностью времени. Уточнению этого обстоятельства был посвящён сенатский указ от 10 апреля 1874 г.¹

В уездах контрольные функции при осуществлении строительных работ, наряду с земскими управами, возлагались на уездных приставов и исправников, которым в 1870 г. специальным распоряжением по земскому отделу МВД было поручено и наблюдение за приведением селений в соответствие с утверждёнными планами². На эти же структуры возлагался контроль за исполнением правил о постройках в сельских населенных пунктах, которые определялись обязательными постановлениями³ губернских земских собраний. Право разработки таких постановлений, касающихся как всей губернии или отдельных населенных мест, было предоставлено им в соответствии с «Положением о губернских и уездных земских учреждениях»⁴. Эти обязательные постановления служили своего рода законодательной базой в решении вопросов, связанных с проектированием и строительством в провинции, поскольку учитывали статус поселения и местные особенности.

Принятие вышеперечисленных законодательных актов привело к тому, что к началу 1870-х гг. по существу была поставлена точка в длительном процессе децентрализации системы управления строительством в Российской империи. С этого времени архитектура городов в большей степени определялась деятельностью местных органов самоуправления и их строительных комиссий. В результате заметно упростился процесс делопроизводства на местах, т.к. проекты быстрее согласовывались, а их реализация осуществлялась под контролем авторов или других специалистов местных архитектурно-строительных служб.

¹ ПСЗРИ. 2-е собр. – Т. 49, № 53355.

² Сборник циркуляров и инструкций Министерства Внутренних Дел за 1870 – 1871 годы. СПб., 1872.

³ Право издавать обязательные постановления, было дано и городским думам, но не иначе как с утверждения губернатора, который также имел право издавать обязательные постановления. Тематика этих постановлений перечислялась в ст. 103 «Городового положения» 1870 г.

⁴ ПСЗРИ. 2-е собр. – Т. 39, № 40457.

Для зданий и сооружений гражданского характера проекты и сметы предварительно рассматривались и утверждались в строительных отделениях губернских правлений, где зачастую они и разрабатывались по поручению губернатора¹. Затем эти документы передавались губернатору, который либо утверждал проект, либо передавал его в ТСК МВД. Причем сметы, утверждаемые губернатором на производство работ, проходили процедуру их представления губернскому правлению, где заранее обсуждалась необходимость в возведении того или иного сооружения. Этот порядок рассмотрения и прохождения проектно-сметной документации был определен специальным циркуляром ТСК². Только после утверждения проекта, сметы и выделения нужных сумм можно было приступить к его исполнению, т.е. составлялась кондиция и определялись подрядчики на работы и поставки материалов на основании публичных торгов. Контроль за производством работ осуществлялся архитектором или инженером назначенным распоряжением строительного отделения.

Всем проектам (казенных и частных зданий) должно было предшествовать составление программы, содержащей сведения о функциональном назначении будущего здания и его отдельных помещений. Она составлялась в письменном виде и визировалась начальником соответствующего ведомства или индивидуальным заказчиком.

Готовый проект сопровождался в обязательном порядке пояснительной запиской, которая рассматривалась как неременное дополнение проектных чертежей. В ней подробно описывались: место постройки, проектируемый объект и все виды работ, необходимые при его строительстве.

В конце строительства составлялся полный отчет с результатами окончательного освидетельствования готовой постройки, которое проводилось «лицами,

¹ Для зданий других ведомств такую предварительную экспертизу проводили соответствующие местные отделы, наделенные технико-строительными функциями.

² Золотарева М.В. Регулирование архитектурно-строительного процесса в России XVIII – начала XX века: дисс. доктора архитектуры СПб, 2010. С. 276.

в самих работах не участвующих»¹. В случае, если объект возводился нескольких лет, то в конце каждого года строительства составлялся ещё и годовой отчет.

Такая документация составлялась не только к объектам нового строительства, но и к проектам реконструкции и ремонта зданий. В случае выявления нарушений при проверке технической отчетности, на чиновников виновных в этом налагались денежные штрафы.

Внедрение новых способов работ в строительном производстве, усовершенствование используемых при этом технических средств требовали повышения компетентности занятых в нём не только инженерных, но и среднетехнических служащих, прослойка которых с середины XIX в. и до начала XX в. слой находилась в процессе активного формирования.

Весь технический персонал, обеспечивающий функционирование архитектурно-строительной отрасли можно подразделить, по классификации предложенной Л.Б. Щавинской², на три уровня: высший, средний и низший. К первому относились архитекторы и инженеры, которые, как правило, состояли на службе в строительных комиссиях, губернских и городских управлениях и других организациях. Техники различных квалификаций среднего уровня (чертежники, топографы, землемеры и гидротехники) были помощниками инженеров и делились в свою очередь на канцелярских служащих и полевых работников, занятых непосредственно на строительных площадках. Однако официально звание строительного техника было учреждено только в 1904 г.³ С этого времени так уже нельзя было называть инженеров и архитекторов, поскольку техники по своему статусу

¹ Устав строительный : (Св. зак. т. 12, ч. 1, изд. 1900 г.) : с разъяснениями по решениям Правительствующего Сената и циркулярам Министерства внутренних дел, и извлечениями из других частей Свода законов и с приложением алфавитного указателя : издание неофициальное. Санкт-Петербург, 1902. Ст. № 55.

² Щавинская Л.Б. История формирования строительных и инженерно-технических кадров Томской губернии во второй половине XIX – начале XX в.: автореф. дис. ... к. и. н. Томск, 2015. С. 17

³ Устав строительный: (Св. зак. т. 12, ч. 1, изд. 1900 г. и по Прод. 1912 и 1913 г.). : измененный и дополненный узаконениями, обнародованными по 1 дек. 1914 г. С разъяснениями Правительствующего Сената и циркулярами Министерства Внутренних Дел и с приложениями правил строительной полиции для губерний царства Польского. Пг., 1915. С. 260.

были поставлены на ступень ниже, т.е. не могли заниматься проектной деятельностью и имели право только на производство работ.

Низший разряд технических кадров составляли мастера и десятники, чьи умения были основаны на практическом освоении строительного мастерства. Целесообразность официального введения должностей казенных десятников была признана МВД в 1867 г.¹ Их назначал производитель работ по согласованию со строительным отделением «для непрерывного наблюдения за правильным производством работ». При этом основную часть строительных рабочих составляли разорившиеся крестьяне, которые после отмены крепостного права массово отправлялись на заработки в города. В это пореформенное время хозяйственный способ строительства постепенно теряет ведущую роль при сооружении объектов финансируемых из центра, в то время как подрядный способ приобретает массовый характер². В целом же организация строительных процессов связанных с реализацией архитектурных замыслов на протяжении всего XIX в. оставалась во многом неизменной.

Во второй половине XIX в. происходило постоянное обновление и дополнение строительного устава, утвержденного в 1857 г., с тем чтобы этот документ стал полноценной базой деятельности архитектурно-строительных служб в новых условиях. Итогом этой продолжительной работы, активизировавшейся в последней четверти века, стала новая редакция устава, принятого в 1892 г. В этом документе наибольшее развитие получил технический раздел, названный «Общие правила для возведения в городах казенных, общественных и частных построек, проведения улиц, устройства площадей, железных путей, водоснабжения, канализации и освещения городов», что полностью отвечало всему спектру вопросов, решение которых стало возможным благодаря техническому прогрессу.

В 1900 г. вышла последняя редакция устава, в которой была проведена систематизация всех действующих строительных норм и правил и связанных с ними законодательных актов, принятых более чем за 40 лет. Анализ этого документа,

¹ Там же. С. 67, 68.

² Пирожкова И. Г. Жилищный вопрос и градостроительство Тамбова в XIX – начале XX вв. СПб., 2004. С. 56 – 57.

ставшего основным законом строительной практики, убедительно показывает, что в пореформенные годы в масштабе страны выстроилась достаточно стройная система отношений между городским управлением, полицией, губернскими строительными отделениями и высшей инстанцией в лице ТСК МВД. Низшим звеном этой иерархической цепочки был городской архитектор, роль которого в условиях активно развивающихся городов становилась чрезвычайно важной.

При этом многие полномочия в руководстве архитектурно-строительной отраслью были делегированы из центра в провинции. В результате жёсткая вертикаль, существовавшая в этом процессе, стала постепенно приближаться к горизонтали, что привело со временем к существенному повышению эффективности работы архитектурно-строительных служб на местах.

§ 2. Процесс организации и практика реализации проектно-строительных работ в Воронежской губернии с середины 1860-х гг. и до 1918 г.

Реформы 60–70-х гг. XIX в. повернули Россию на путь капиталистического развития и тем самым способствовали реформированию и сферы деятельности архитектурно-строительных служб. Основные тенденции, характерные для всей России: ослабление государственного регулирования в градостроительстве и, соответственно, уменьшение в этом отношении роли губернской службы; перенесение основной тяжести контроля над городским строительством на исполнительные органы городского самоуправления и, наконец, появление архитектурно-строительных служб в новых земских органах – ярко проявились в реализации строительных процессов в Воронеже и губернии, которые происходили в рамках издаваемых законов и поправок, появлявшихся в рассматриваемый период. При этом, исходя из местных условий и опыта строительства, в деятельности губернских и уездных земских учреждений нередко наблюдалась своя региональная специфика.

Так, например, одним из следствий реформ стала передача в ведение земств так называемого «дорожного дела» – содержание основных почтовых трактов, мостов¹, переправ и их ремонт. Дороги должны были строиться и содержаться за счет земских повинностей, т.е. на деньги земских учреждений². «Дорожное дело представляет самую сложную земскую повинность», – подчеркивал Ф.А. Щербина, известный статистик и краевед, составитель исторического обзора деятельности Воронежского земства³. Лишь на содержание участка шоссейной дороги Москва-Воронеж (свыше 80 верст от Воронежа до Задонска)⁴, переданного в заведывание земству сроком на 25 лет, по закону от 5 апреля 1883 г. было выделено пособие от казны из расчета 383 руб. 66 коп. на версту в год⁵. Централизованно «от казны» велось и строительство вдоль шоссе почтовых дворов, представлявших собой целый комплекс сооружений предназначенных для обслуживания проезжающих. При этом их фасады, так же, как и фасады других зданий, строящихся вдоль губернских шоссе, должны были согласовываться в окружных правлениях путей сообщения.

Земство также осуществляло соответствующее дорожное строительство на городских и околгородских объектах, не подведомственных городским самоуправлениям. В связи с этим при Воронежской губернской земской управе постепенно формируется технический отдел, занимавшийся дорожным строительством. Процесс его становления фрагментарно нашел отражение в монографии С.В. Фи-

¹ В частности, стараниями губернского земства старый Чернавский мост Воронежа в 1886 г. был заменён новым. По его же заказу в первые годы XX в. было начато сооружение одноименного бетонного моста, который был достроен в 1909 г. и эксплуатировался до 1942 г.

² Только после принятия закона от 1 июня 1895 г. о создании дорожного капитала финансовая нагрузка на земства при строительстве дорог была существенно снижена, т.к. казна стала централизованно выделять дополнительные средства на строительство и содержание дорог в губернии в целом.

³ Щербина Ф. А. Воронежское земство. 1865 – 1889 гг.: историко-статистич. обзор. Воронеж, 1891. С. 387.

⁴ Воронежский участок строился с 1838 г. по 1857 г. После завершения всей дороги в 1861 г. и до 1900 г. это было второе по протяженности шоссе в России после Киево-Брестского. Нам удалось установить, что начальником работ по Воронежскому участку шоссе в 1870-е гг. состоял статский советник инженер И. Гальяр (ГАВО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 109. Л. 4).

⁵ Лихорадова И.Н. Развитие дорожной сети на территории воронежского края в XVI – начале XX вв. // Из истории Воронежского края: сб. статей. Воронеж, 2003. Вып. 11. С. 61.

лищевой¹. Опираясь на содержащуюся в ней информацию и проведенные нами исследования, удалось установить, что отдел берет своё начало от больничного стола, образованного после упразднения конторы больницы. Его в 1867 г. возглавил техник по строительной части, коллежский асессор, инженер-топограф по образованию И.М. Тихомиров². Прежде в течение более 12 лет он состоял на службе в палате государственных имуществ в должности помощника инженера, занимаясь постройкой мостов, «хлебозапасных» магазинов, церковей и других казенных и общественных зданий в уездах Воронежской губернии. В связи с реорганизацией строительных ведомств, находясь уже на службе в строительном отделении губернского правления, в декабре 1866 г. он подал прошение с просьбой принять его на должность техника губернской земской управы. Утверждение на должность состоялось 7 января 1867 г.³ Одновременно с апреля 1867 г. по июль 1870 г. он числился сверхштатным техником строительного отделения губернского правления⁴.

13 мая 1869 г. на службу в губернскую земскую управу был принят техником штабс-капитан И.А. Попов⁵. Однако, учитывая объем работы, на заседании губернского земского собрания, состоявшемся в 1871 г., штат техников решено было увеличить до трех. Начиная с 1872 г. в Воронежской губернской земской управе служили: упомянутый нами И.М. Тихомиров с жалованием 1200 рублей в год, Ф.П. Ухтомский, коллежский асессор, инженер по образованию, с жалованием 1500 рублей в год; И.Е. Вьюнников, губернский секретарь, с жалованием 1500 рублей в год.

В 1873 г. вместо ушедшего по болезни Ф.П. Ухтомского на службу был принят надворный советник, архитектор по образованию В.Е. Переверзев, с жало-

¹ Филиппова С.В. Организация деятельности земских учреждений в Воронежской губернии (1865-1918 гг.). Воронеж, 2010. 332 с.

² Воронежские губернские ведомости. 1868. № 2, 10 янв.

³ ГАВО. Ф. И-20. Оп. 1. Д. 192. Л. 1, 2, 6, 10.

⁴ Акинъшин А.Н. Материалы к биографическому словарю // Из истории Воронежского края. Воронеж, 2005. Вып. 13. С.122.

⁵ ГАВО. Ф. И-20. Оп. 1. Д. 192. Л.26 – 33, 37, 38, 46 – 47, 53 – 56.

ванием 1500 рублей в год. 18 июня 1874 г. в управу для выполнения графических работ был принят чертежник П.А. Иванов, с жалованием 500 рублей в год¹.

В 1882 г. количество техников в управе было сокращено до двух. В услугах было отказано И.М. Тихомирову что, по мнению С.В. Филипцевой, было связано с уменьшением объемов выполняемых отделом работ, вызванным упразднением ряда почтовых дорог и передачей расположенных на них сооружений под ответственность уездных земств. Однако И.М. Тихомиров недолго оставался не у дел. Уже 10 ноября 1883 г. он был назначен на должность городского архитектора².

В связи со смертью В.Е. Переверзева в июле 1884 г. на освободившееся место был принят гражданский инженер, действительный статский советник А.С. Купинский с жалованием 1500 рублей в год³. Эти свои обязанности он долгие годы совмещал с должностью начальника строительного отделения губернского правления, т.е. губернского инженера, которую занимал с января 1882 по сентябрь 1906 г., где за свои труды как государственный служащий получал 1400 рублей. В губернской земской управе он проработал вплоть до своей смерти в 1908 г.⁴

Обязанности техников были весьма разнообразными: изыскание направлений проектировавшихся дорог, составление проектов на расширение существующих до узаконенного размера; осмотр мостов и переправ, расположенных на территории губернии с представлением технических отчетов об их состоянии, смет на ремонт уже существующих и строительство новых; составление страховых ведомостей на здания и сооружения; осуществление технических работ в земских благотворительных заведениях. Они занимались также строительством специальных зданий земских школ и больниц, потребность в которых была очень велика.

Впечатляющие масштабы земской работы в Воронежской губернии нашли отражение в цифровых показателях, приведенных в докладе председателя Воро-

¹ Филипцева С.В. Указ. соч. С. 99.

² Акиншин А.Н. Материалы к биографическому словарю // Из истории Воронежского края. Воронеж, 2005. Вып. 13. С. 122.

³ Филипцева С.В. Указ. соч. С. 100.

⁴ Акиншин А. Н. Материалы к биографическому словарю // Из истории Воронежского края. Воронеж, 2003. Вып. 11. С. 160.

нежской губернской земской управы В.Н. Томановского, посвященном 50-летней деятельности земства. В нём, в частности, сказано, что, если по данным на 1865 г. в губернии числилось 333 народных училища, то к 1914 г. земство располагало 1155 начальными народными училищами¹. В большинстве случаев для них были построены специальные здания. Приведенный нами только один пример весьма наглядно показывает объем проектно-строительных работ, осуществленных земством за весьма небольшой по историческим меркам период.

Тем не менее, до 1892 г. в управе не выделялся дорожный или технический стол. Дорожно-строительное отделение сформировалось лишь после передачи в заведывание губернскому земству в 1893 г. Воронежско-Задонского шоссе, в состав которого вошли и обслуживавшие его инженер, техник, два дорожных мастера и письмоводитель. Однако по-прежнему в памятных книжках Воронежской губернии за последующие годы при указании состава Воронежской губернской земской управы такое отделение не упоминается, а указываются фамилии «техников, состоящих при управе». Термины «технический отдел» или «техническое бюро» входят в документооборот и используются по отношению к нему с марта 1897 г. Официально название «дорожный» было за ним закреплено в положении и инструкции принятым по данному отделу на очередном Воронежском губернском земском собрании 1899 г.²

В научной литературе по существу не отражен факт реорганизации архитектурно-строительной службы в губернском земстве в 1910-е гг., который нам удалось выявить по сохранившимся архивным документам. Это организация в 1913-1914 гг. особого отдела – отдела огнестойкого строительства. До 1913 г. «огнестойкое дело», то есть внедрение в губернии строительства из огнеупорных материалов – кирпича, железа, черепицы, – уже было заботой губернской земской управы, но делопроизводство велось по документам других отделов. В 1914 г. был укомплектован и обеспечен рабочими местами штат отдела, включавший заведующего, его помощника (заместителя), сотрудников канцелярии, а также ин-

¹ Филиппова С.В. Указ. соч. С. 194–196.

² Филиппова С. В. Указ. соч. С. 100, 159.

структора и мастеров в каждом уезде губернии. В сумме, по данным на 1915 г., в отделе трудилось 40 человек. Этими силами была развернута большая работа по устройству заводов и мастерских для выработки цементно-песчаных изделий, по обучению специалистов и распространению показательного опыта строительства. В связи с этими задачами земством были выданы ссуды владельцам частных кирпичных заводов на расширение старого производства и открытие новых предприятий¹.

Этому нужному начинанию помешало начало первой мировой войны. Если бы работа отдела продолжалась по намеченному пути, он, безусловно, мог бы сыграть свою роль в изменении облика запущенных окраинных районов Воронежа, каковыми являлись его пригороды (Чижовка, Троицкая и Ямская слободы), формально не входившие в городскую черту и поэтому являвшиеся объектами заботы земства.

В связи с высокой пожароопасностью основной массы строений, расположенных в селениях Воронежской губернии, по инициативе земства была создана страховая организация с отделами огнестойкого строительства и сельского водоснабжения. Все селения, на основании постановления губернского земского собрания от 17 января 1912 г., были разделены по степени «горимости» на четыре группы, чему предшествовала большая работа по определению огнестойкости расположенных в них строений². Такой подход позволял дифференцировать размеры взимаемых с селений страховых платежей и тем самым, с нашей точки зрения, стимулировал не только повышение капитальности застройки, но и приведение их в планировочном отношении в регулярное состояние. Техники по сельскому строительству, инструкторы и мастера по огнестойкому строительству числились в штате губернской земской управы вплоть до середины августа 1918 г., когда новой властью было принято решение об упразднении всех структурных подразделений губернского земства.

¹ ГАВО. Ф. И-20. Оп. 1. Д. 9719. Л. 1–44; Д. 9721. Л. 1–4.

² Филищева С.В. Указ. соч. С. 185.

С развитием местного самоуправления в 1860–1870-х гг. для размещения новых органов власти в городах губернии строятся здания городских и земских управ, пришедших на смену зданиям присутственных мест. На предоставленных местными думами местах под руководством специалистов строительного отделения Воронежского губернского правления центры уездных городов начинают более активно застраиваться кирпичными зданиями, среди которых были жилые дома, магазины, банки, здания страховых обществ, торговые лавки, учебные заведения и больницы. В этом плане наиболее преуспели города Острогожск Павловск и Богучар¹. Рост их экономического благосостояния отразился, прежде всего на их архитектурном облике. Тем не менее, целый ряд городов даже в начале XX в. (Землянск, Нижнедевицк, Коротояк и др.) по-прежнему имели облик, мало отличающийся от сельских поселений, что весьма красноречиво говорило о благосостоянии их жителей и наполненности городской казны. Тем не менее, даже в этих условиях общественное самоуправление старалось заботиться об их благоустройстве. Однако из-за недостатка городских средств этот вопрос решался в большинстве случаев однотипно и заключался в расширении базарной или ярмарочной площади за счет строительства новых торговых лавок, придании им благообразного вида и ремонте мостовых². В этих работах также было задействовано строительное отделение Воронежского губернского правления. Так, например, в июне 1883 г. оно представило на рассмотрение Новохоперской думы разработанный им новый план устройства городской площади, который предполагал снос ряда торговых лавок и устройство новых торговых мест³.

Нами было установлено, что постановления уездных городских дум нередко включали в себя требования строительного характера и противопожарной безопасности, которые дополняли и расширяли требования строительного устава применительно к местным условиям. Иллюстрацией данного утверждения может

¹ В качестве примера можно привести комплекс земских сооружений, возникший в Богучаре в 1870-1880 гг. В его состав вошли здания земской управы, больницы, богадельни, арестного дома, лавки и нескольких флигелей.

² Кузнецов В.В. Формирование и деятельность всеобщего самоуправления в уездных городах Воронежской губернии (1870-1918 гг.). Воронеж, 2020. С. 19.

³ ГАВО. Ф. И-21. Оп. 1. Д. 152. Л. 60.

служить решение Валуйской думы, принятое в марте 1905 г. В нем, в частности, говорилось, что на маломерных дворовых местах, имеющих по фронту застройки улицы менее 10 саженей, все строения должны иметь железную или покрытую черепицей крышу. Аналогичное требование распространялось и на все жилые дома и нежилые постройки, расположенные в центре города и на главных его улицах¹. От себя же добавим, что данное требование было наверняка продиктовано не только соображениями пожарной безопасности, но и соображениями по облагораживанию облика города.

В 1860-1870-е гг. в Воронежской губернии произошло расширение многих промышленных предприятий и возник целый ряд новых, капиталистического типа. Одним из наиболее важных факторов, оказавших влияние на этот процесс, стало строительство в крае железных дорог. Соединение Воронежа «с какою бы то ни было линией железных дорог», как отмечал ещё в 1865 г. Г.М. Веселовский, ликвидирует его отрезанность от торговых и промышленных центров, поднимет производительность и цены на местные товары².

В Воронеже учредителем Воронежско-Козловской железной дороги выступило Воронежское губернское земство, которое взяло на себя основную тяжесть её «пробивания» и строительства. Большую инициативу проявил первый председатель губернского земского собрания, он же губернский предводитель дворянства А.Н. Сомов (впоследствии Тверской губернатор), что дало основание увековечить его фамилию в названии пригородной станции.

Строительные работы по созданию железной дороги к Воронежу были начаты 6 мая 1867 г. Тогда же было заложено и здание вокзала. Обширному строительству предшествовали тщательные планировочные работы. В самом начале нынешнего проспекта Революции была прорыта огромная железнодорожная выемка, перерезавшая традиционное место проведения скачек в городе («Рысистый бег»). Через неё перекинули деревянный мост, соединивший городскую территорию с Троицкой слободой. В приречной части правого берега были сооружены

¹ Там же. Д. 1389. Л. 30 – 33.

² Историко-Статистический очерк торговли и промышленности г. Воронежа Г. М. Веселовского // Памятная книжка Воронежской губернии на 1865-1866 г. Воронеж, 1867. С. 30.

высокие насыпи для прокладки путей. Реку Воронеж и один из её рукавов пересекли два железнодорожных металлических моста.

К сожалению, пока из-за отсутствия необходимых архивных данных не удалось детально проследить в этом грандиозном строительстве функции губернской и городской архитектурных служб, которые не могли не быть задействованы при определении направления трассы железнодорожных путей и выборе места для размещения станции, вокзала и железнодорожных мастерских на северо-западной окраине Воронежа. Косвенным свидетельством, подтверждающим это предположение, является указание СТК МВД о том, что «техники строительных отделений обязаны принимать безвозмездно участие в оценке имущества, отходящих под железные дороги»¹.

Участие техников в возведении построек и выполнении работ для посторонних ведомств было разрешено в свободное от прямых обязанностей время, но с условием обязательного отчисления 4% от подрядной или договорной цены постройки в пользу технических чинов строительного отделения. В данном же случае государство, заинтересованное в скорейшем строительстве железных дорог, шло на то, чтобы работы, выполнявшиеся для МПС, хотя бы частично делались безвозмездно и силами строительных отделений губернских правлений, обязанности которых изначально не предполагали такой работы.

Темпы работ на этой грандиозной стройке были столь велики, что прокладка магистрали была полностью завершена уже в январе 1868 г. Число наемных рабочих, занятых на её сооружении, исчислялось тысячами. В результате Воронеж получил кратчайшую связь с Москвой и целым рядом городов соседних губерний, превратившись в достаточно крупный транспортный узел. Работы велись за счет образованного в 1867 г. железнодорожного фонда, предназначенного для финансирования строительства дороги, и средств концессионеров. Успеху работ в

¹ Устав строительный: (Св. зак. т. 12, ч. 1, изд. 1900 г. и по Прод. 1912 и 1913 г.). : измененный и дополненный узаконениями, обнародованными по 1 дек. 1914 г. С разъяснениями Правительствующего Сената и циркулярами Министерства Внутренних Дел и с приложениями правил строительной полиции для губерний царства Польского. Пг., 1915. С. 30.

немалой степени способствовало и то обстоятельство, что в этом же году в МПС было создано управление строительства.

Подрядчиком по строительству дороги стал предприниматель С.С. Поляков. В настоящее время известно, что одним из технических руководителей строительства дороги в 1866-1868 гг. был архитектор Г.А. Артемовский¹. Начиная с 1868 г. в железнодорожном ведомстве существовала самостоятельная служба ремонта пути и сооружений, где работали 3-4 архитектора и инженер. В их ведении находилось проектирование, строительство и ремонт вокзалов, пристанционных зданий и сооружений на линии Козлов–Воронеж. При этом следует подчеркнуть, что поскольку строительство дороги велось очень быстро, то на начальном этапе для скорейшего ввода её в эксплуатацию при обустройстве многочисленных станций зачастую использовались типовые, или, как тогда говорили, «повторные» проекты². Непосредственно разрешения на строительство вдоль железной дороги выдавались её начальником, который должен был засвидетельствовать, что предполагаемые постройки не противоречат соответствующим нормативам по обеспечению пожарной безопасности изложенным в уставе Российских железных дорог.

Торжественное открытие комплекса железнодорожной станции, расположившегося на участке за территорией Михайловского кадетского корпуса, состоялось 30 декабря 1868 г. Сданный в эксплуатацию вокзал относился к станциям высшего – I класса, которые имели развитый обслуживающий блок для пассажиров, паровозное хозяйство и место для ремонта подвижного состава. Автором проекта двухэтажного здания вокзала, выполненного в 1867 г., стал инженер путей сообщения, подполковник Д. Кислаковский. Судя по подписи на чертеже, он работал в управлении дорогой в должности главного инженера. Он же выполнил и проект одноэтажной пристройки, утвержденного в МПС в 1877 г. для зала ожидания пассажиров III класса. При этом следует заметить, что на проект самого

¹ Гурьев Г. С. Архитектурно-градостроительная деятельность в Воронеже середины XIX - начала XX вв.// Архитектурные исследования. 2019. № 2. С. 131.

² Чесноков Г.А. Воронеж. Каменная летопись. Архитектура и строительство: в 2 т. Т. 1. Воронеж, 2011. С. 140.

здания вокзала требовалось утверждение императора, которое было получено 8 июня 1867 г.¹

Поблизости от станции расположились железнодорожные мастерские, ставшие на тот период самым крупным промышленным предприятием Воронежа. Непосредственно процессом их строительства в 1867-1868 гг. руководили прибывший в город инженер-капитан М.А. Данилов и один из руководителей строительства Козлово-Воронежской железной дороги военный инженер, подполковник В.И. Кисловский². Ныне 14 разновременных построек бывших мастерских входят в комплекс созданного на их базе тепловозоремонтного завода им. Ф.Э. Дзержинского. Среди них сохранилось и здание первой в истории города электростанции, построенной в 1891 г. для освещения производственных зданий и вокзала.

Появление в Воронеже железнодорожной станции привело к формированию вокруг неё нового городского ансамбля, получившего связь с Большой Дворянской посредством специально проложенной дороги. На её строительство в 1871 г. купец С.С. Поляков пожертвовал 5000 рублей³. Симметрия здания вокзала со временем была подчеркнута служебными сооружениями, ограничивающими при вокзальную площадь с двух сторон. Её центр украсила часовня, сооруженная «в память избавления государя (*Александра II – В.Ч.*) от рук злодея» по проекту архитектора А.М. Баранова, который с декабря 1871 г. и до февраля 1886 г. руководил технической частью ремонта пути и сооружений железной дороги⁴. Проект часовни был утвержден царем 24 сентября 1879 г.⁵, а само строительство было осуществлено и 1880-1883 гг. Несмотря на разное авторство, облик часовни, выполненной в русско-византийском стиле оказался созвучен архитектуре вокзала.

¹ РГИА. Ф. 350. Оп. 56. Д. 780. Л. 1, 2.

² Молодость столетней магистрали. Воронеж, 1966. С. 15; Этапы большого пути: Очерк истории Воронежского ордена Трудового Красного Знамени тепловозоремонтного завода имени Ф.Э. Дзержинского (1868-1968). Воронеж, 1969. С. 8.

³ ГАВО. Ф. И-19. Оп.1. Д. 109.

⁴ Акинъшин А. Н. Материалы к биографическому словарю // Труды областного краеведческого музея. Воронеж, 1994. Вып. 2. С. 75.

⁵ РГИА. Ф. 350. Оп. 56. Д. 780. Л. 3.

Из сооружений того времени в перестроенном виде сохранилось административное здание дороги, сооруженное по типовому проекту в начале 1870-х гг. Ныне это трехэтажное здание, выходящее главным фасадом на пассажирскую платформу. Третьим этажом оно было надстроено в ходе послевоенного восстановления.

Недалеко от привокзальной площади 3 октября 1878 г. при управлении Козлово-Воронежско-Ростовской железной дороги было открыто Техническое железнодорожное училище. Вероятно, утверждение его проекта, несмотря на ведомственную принадлежность здания, проходило на уровне городской управы. Основанием для такого предположения является установленный нами факт, что проект расширения мастерских училища, подписанный управляющим дорогой Стойковым и главным инженером К. Лазаревым-Станищевым, проходил обычную процедуру утверждения в управе в 1881 г.¹

Выпускники этого учебного заведения в основном трудились в ведомстве путей сообщения при железной дороге, однако, как минимум двое из них связали свою жизнь с проектно-строительной деятельностью. Так, например, по окончании полного курса в 1905 г. Сергей Андреевич Зотов поступил на службу техником-строителем в технический отдел губернской земской управы. Параллельно со служебными обязанностями он занимался частной практикой по составлению проектов и смет. В 1914 г. Зотов перешел в службу у воронежского городского архитектора, где до 1917 г. исполнял обязанности его помощника². Известно также, что сразу после окончания училища в 1912 г. и до 1914 г. в должности техника-строителя в Воронежской губернской земской управе служил Николай Лукьянович Мызников³. В перестроенном виде здание училища дожило до наших дней (ул. Студенческая, 18). На соседнем участке сохранился и корпус дорожной больницы (ул. Кольцовская, 11), построенный в 1907-1908 гг. По мнению П.А. Попова

¹ ГАВО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 1184, л. 78.

² Там же. Ф. Р-41. Оп. 2. Д. 65. Л. 133, 252.

³ Там же. Л. 138.

и Е.Н. Чернявской, автором проекта мог быть губернский архитектор С.Л. Мысловский¹.

С вокзальной площади начинался маршрут первого городского рельсового транспорта – конно-железной дороги, открытие которой состоялось 23 августа 1891 г. Линия «конки» прошла от вокзала по Большой Дворянской, ответвлялась на Конной площади (ныне пл. Ленина) в сторону Митрофановского монастыря, и доходила до границы города и слободы Чижовки у площади около Новостроящегося кладбища. Таким образом, выбор вокзала в качестве начальной точки маршрута первого общественного транспорта Воронежа стало своего рода признанием его не только как центра нового активно развивающегося района, но и его градобразующей роли в целом.

В связи с резким снижением транспортного значения реки, Воронеж в результате навсегда теряет планировочный характер приречного поселения. Этому в значительной степени способствовало и устройство железной дороги из Воронежа на Ростов. В фондах ГАВО сохранилось ходатайство воронежского земства в МПС, датированное 1870 г., «о проведении дороги правым берегом реки Воронеж»².

Однако в 1871 г. эта дорога прошла по левому берегу и здесь, в месте слияния двух магистралей, в 1897 г. возникает станция Раздельная (прежнее название современной станции Отрожка), вокруг которой начинает формироваться железнодорожный комплекс³. В его состав вошли цеха вагонных мастерских (открыты в 1912 г.), служебные здания и дома для проживания инженерно-технических служащих станции. Все эти объекты, сохранившиеся до наших дней, отличаются функциональностью и высоким качеством архитектуры. По этому поводу следует

¹ Историко-культурное наследие Воронежа. Воронеж, 2009. С. 249, 250.

² ГАВО. Ф. И-19. Оп. 12. Д. 74. Л. 22.

³ С приходом железных дорог на территорию губернии пристанционное строительство начинается во всех населенных пунктах, через которые они прошли. Его размеры зависели от роли станции в сложившейся железнодорожной сети. Многие из этих краснокирпичных зданий, компактно расположенных в районе вокзалов, до сих пор используются по первоначальному назначению и воспринимаются как небольшие архитектурные ансамбли. Важнейшим транспортным узлом в губернии, помимо Воронежа, стала железнодорожная станция Лиски, устроенная в 1870 г., что и обусловило быстрый рост одноименного пристанционного поселка, получившего статус города в 1937 г.

заметить, что все проекты «околорельсовых» зданий и сооружений, обслуживающих ту или иную дорогу, должны были, начиная с сентября 1904 г., в полном объеме предоставляться на утверждение в МВД¹. Данное обстоятельство в очередной раз подчеркивает его ведущую роль в контроле качества проектных работ независимо от ведомственной разобщенности объектов строительства.

В 1894 г. от станции Воронеж была построена ещё одна железная дорога на Курск, прошедшая по западной окраине города. В результате город Воронеж оказался на пересечении важнейших грузовых потоков, осуществляемых посредством рельсового транспорта не только в направлении север – юг, но и запад – восток. Вдоль железнодорожных линий начинают формироваться промышленно-складские зоны, а затем возникают и жилые кварталы. При этом наиболее значимые промышленные объекты возникают в районе улицы Лесных дворов (ныне ул. Кольцовская), оказавшейся вблизи железной дороги. Здесь на городской окраине, вплоть до 1917 г., продолжают возводиться целые производственные комплексы машиностроительного и перерабатывающего профиля. Назовём некоторые из них: завод фабриканта В.Г. Столя (1869 г.), специализировавшийся на изготовлении и ремонте сельхозмашин; комплекс сооружений казенного винного склада (1900 г.); чугунолитейный и колокольный завод Самофаловых (1-я пол. XIX в., 1904 г.); паровая мельница «Первого товарищества» (1899 г.); мельница «Третьего товарищества паровых мукомольных мельниц»; маслобойный завод Донского товарищества (1900-е гг.); механический и чугунолитейный завод Иванова и Веретенникова (1898 г.), расположившийся на 2-й Девицкой улице (ныне улица Свободы). За железной дорогой, в самом конце Большой Московской улицы возводятся постройки предприятия «Холодильник» и нефтяной компании братьев Нобель. Здесь же, на северной окраине, в течение нескольких месяцев 1916 г. были построены основные корпуса машиностроительного завода акционерного общества «Рихард Поле».

¹ Устав Строительный. С разъяснениями Правительствующего Сената и циркулярами Министерства Внутренних Дел и с приложениями правил строительной полиции для губерний царства Польского. Пг., 1915. С. 33.

Новые промышленные предприятия, заинтересованные в близости к железной дороге, в то же время не могли располагаться по требованиям строительного устава ближе 440 саженей от неё, что ограничивало выбор мест для их размещения городской управой. Таким образом, в городе началась формироваться полоса отчуждения железной дороги, которая вскоре разрезала город на отдельные части, транспортное сообщение между которыми стало затруднено, а в случае с Троицкой слободой невозможно без мостового перехода.

Именно здесь за железной дорогой, одновременно с промышленным строительством на северо-западной окраине Воронежа, начинает появляться и жилая застройка. Городским самоуправлением эти земли признаются перспективными для дальнейшего развития. В связи с их активным освоением возникает вопрос о более точном определении черты городской земли, отделяющей землю крестьян Троицкой слободы. С этой целью в мае 1870 г. городским архитектором А. Кюи был составлен акт о размежевании земель, в котором было сказано, что границей служит лог, проходящий по Граничной улице (ныне ул. Кавалерийская). В качестве обоснования он предоставил выкопировку из плана Воронежа 1847 г., снятого городским архитектором М.О. Мирским¹.

На рубеже XIX – XX вв. Троицкая слобода «шагнула» от реки за железную дорогу. Первой здесь сформировалась улица Большая Троицкая (нынешняя ул. Ленина), к западу от которой несколько позже стали появляться новые кварталы. В непосредственной близости от железнодорожной станции возник посёлок «Привокзальный». Он застраивался на регулярной основе одно и двухэтажными домами, жильцами которых становились преимущественно железнодорожники.

В целом же сохранялся резкий контраст между центральными, «старыми» районами города и его окраинами. Вот как писал о Воронеже последней четверти XIX в. известный воронежский краевед, издатель и общественный деятель Г.М. Веселовский: «В общем городском внешнем виде бросается в глаза следующая характерность: центр города состоит по преимуществу из каменных построек, большей частью в два этажа, и от центра по радиусам идет постепенное измене-

¹ ГАВО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 117. Л. 2.

ние построек, начиная от смешанного каменного и деревянного характера и оканчивая сплошным деревом. Все почти окраины города носят характер бедности: постройки здесь скорее напоминают богатое село, чем богатый город»¹.

Изменение жизненного уклада жителей этих районов города происходило очень медленно. Несколько более «городским» он становится в результате деятельности новой городской думы Воронежа, которая с самого начала была весьма озабочена вопросами благоустройства. Здесь следует заметить, что упомянутый нами Веселовский хорошо знал проблемы городского хозяйства, поскольку был членом городской думы, входил в состав ее многочисленных комиссий, а в 1873-1875 гг. как избранный член городской управы непосредственно курировал реконструкцию уличного освещения в городе. Этому процессу предшествовал активный поиск в думе нового способа освещения города Воронежа². В результате было принято решение о замене старых уличных спиртово-скипидарных фонарей более экономичными керосиновыми, что дало возможность увеличить их количество. Это обстоятельство позволило разместить новые светильники не только на основных, но и на отдаленных от центра улицах.

В плане благоустройства практические работы по «перемещению» городских мостовых начинают приобретать более планомерный характер только после появления нового органа самоуправления – городской управы, которая провозгласила вопрос об их улучшении как один из главнейших в своей деятельности. Так, уже в апреле 1871 г., практически одновременно с началом работы управы М.В. Богдановичем был составлен акт о необходимости ремонта мостовых по двум центральным улицам³. Проведение работ, по его заключению, требовалось практически на всем протяжении Большой Дворянской (от Кольцовского сквера до городского сада и вокруг него, а также с двух сторон от Петровского сквера) и на

¹ Веселовский Г.М. Исторический очерк города Воронежа. 1586–1886. Воронеж, 1886. С. 225, 226.

² ГАВО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 91, 111.

³ Там же. Д. 41. Л. 22.

значительном участке Новой Московской (от здания, занимаемого в то время городской думой¹ и до современной площади Ленина).

С появлением городской управы стали больше уделять внимания и некоторым периферийным районам города. Это было чрезвычайно важно в первую очередь для улиц, идущих по склонам к реке, которые из-за сложного рельефа в предыдущие годы не удалось не только «разрегулировать», но и как-то благоустроить. На них начинают устраивать лестничные спуски и каменные водосточные лотки. Так, например, в 1872 г. улица Ильинский съезд (ныне ул. Севастьяновский съезд) была замощена булыжником, а вдоль неё на отдельных участках были устроены кирпичные подпорные стены, удерживающие земляные откосы. В соответствии с проектом городского архитектора М.В. Богдановича её заглубленную проезжую часть предполагалось использовать и для отвода талых и ливневых вод с окрестных улиц, что позволяло избежать размыва склонов². Тогда же был устроен сток воды по улице, идущей от церкви Иоанна Предтечи, располагавшейся на Чижовке, по Предтеченской улице (ул. Веры Фигнер) и отходящему от неё переулку³.

В связи с приведенными примерами следует подчеркнуть, что подобного рода работы в виду недостатка средств проводились только на самых проблемных участках городских улиц. В архивных документах сохранилось немало сведений, подтверждающих это. Вот некоторые из них. В ответ на прошение жителей «о вымощении непроезжего спуска» от Девичьего монастыря к реке, Богданович осматривал его в ноябре 1870 г., в июле 1872 г., однако каких-либо практических действий со стороны городской управы так и не последовало⁴. В декабре 1870 г. архитектор по жалобе владельцев усадеб, расположенных рядом с Вознесенским логом, обследовал его на предмет укрепления от обвалов, но средств на проведение противооползневых мероприятий также не было найдено⁵.

¹ Воронежская городская дума располагалась в бывшем доме фабриканта С.А. Савостьянова (ул. Плехановская, 3).

² ГАВО. Ф. И-19. Оп.1. Д. 39. Л. 1, 2, 5; Д. 40. Л. 14.

³ ГАВО. Ф. И-19. Оп.1. Д.112. Л. 1 – 18.

⁴ Там же. Д.40. Л. 5, 12.

⁵ Там же. Д.39. Л. 5.

Ситуация с финансированием работ по содержанию проезжих дорог и тротуаров значительно улучшилась после решения городской думы, принятого в 1874 г., о том чтобы деньги на работы по благоустройству собирались в виде налога с домовладельцев. Для каждого из них мостовая повинность рассчитывалась по ставке 0,25% с каждого рубля оценочной стоимости недвижимости¹.

После введения налога на благоустройство Воронеж стал одним из первых в стране, где было принято такое решение – мостить дороги за счет городских средств². С появлением в городской казне этих дополнительных денег впервые за всю историю Воронежа на мощение улиц в 1874 г. была затрачена весьма внушительная сумма – 49,5 тыс. руб. (в 1872 г. на все благоустроительные работы по городу пошло 11,9 тыс. руб.)³. Для наглядности, чтобы оценить, что представляла для того времени израсходованная сумма и из чего она складывалась, приведем пример. Так, на домовладение вольнопрактикующего врача, коллежского асессора Г.Ф. Столя (каменный двухэтажный дом с мезонином, 18 жилых комнат, 3 каменных двухэтажных флигеля, флигель деревянный, обложен кирпичом), мостовая повинность в 1874 г. составила. 45 руб. 87 ½ коп. При этом общая оценка недвижимого имущества для залога была определена по городской оценочной таблице в 20 тыс. 644 руб.⁴ Дом Столя, сохранившийся в несколько перестроенном виде до наших дней (пр. Революции, 39), до сих пор не потерялся в масштабе современного центра, а для того времени он был по настоящему шикарным и очень дорогостоящим объектом.

Благодаря деньгам, полученным от мостовой повинности, которая с 1876 г. была увеличена до 0,5% от оценки имущества, в Воронеже развернулись ещё более масштабные работы, по благоустройству городских улиц осуществляемые под контролем службы городского архитектора. Теперь они зачастую касались не

¹ Здесь представляется целесообразным заметить, что в данном случае речь шла не о рыночной стоимости городских объектов недвижимости, которая определялась исходя из затрат владельцев на возведение построек. Для взимания налогов, которые шли на пополнение городской казны, существовала параллельно городская оценка. Она была значительно ниже, поскольку учитывала лишь доходы, получаемые собственниками, например, от сдачи квартир в аренду для проживания, под общественные или торгово-промышленные заведения.

² Календарь-справочник городского деятеля на 1915 г. / сост. Б.Б. Веселовский. П., 1915. С. 217 – 218.

³ Попов П.А. Указ. соч. С. 177.

⁴ ГАВО. Ф. И-19. Оп.1. Д. 596. Л. 1 – 14.

только перемощения дорожного полотна, но и устройства или расширения тротуаров с посадкой вдоль них деревьев¹. В работы по благоустройству вошли и мероприятия по сооружению в 1877-1879 гг. первой в городе набережной. Она располагалась у реки «по над Острожным бугром» и представляла собой невысокую насыпь, укрепленную плетнём, по которой можно было проехать или пройти от водокачки к Митрофановскому (Чернавскому) мосту². Эти работы велись под руководством члена городской управы В.Е. Лофицкого и городского архитектора Д.С. Максимова. С избранием на эту должность в мае 1879 г. гражданского инженера А.П. Багалдин-Таншева, который в 1858-1863 гг. служил начальником искусственного стола Воронежской ГСДК и поэтому имел большой опыт в строительстве дорог, вопросам улучшения качества мостовых работ стали уделять в городе большее внимание.

Делопроизводство по постройке, ремонту и текущему содержанию всех сооружений, подведомственных самоуправлению Воронежа, а также по устройству и содержанию городских улиц, велось в хозяйственном столе городской управы. Дела по рассмотрению и утверждению проектов построек рассматривались в распорядительном столе, однако в конце 1870-х гг. эти вопросы были переданы в квартирный стол, который изначально занимался только делами, связанными с воинским постоем в городе. В 1915 г. все дела по мощению улиц и весь комплекс работ, связанных с благоустройством были переданы в созданный при управе мостовой отдел.

Земли в Воронеже по их доходности Воронежское уездное земство обложило 2% сбором³, что привело к тому, что рынок свободных от застройки участков сохранялся в Воронеже достаточно долго. Так, например, по данным на 1 января 1883 г. в городе всё ещё имелось 43 незастроенных усадьбы⁴. Вероятно, именно по этой причине длительное время строительство усадебных домов в Во-

¹ Там же. Д. 1199. Л. 1, 5; Д. 1262. Л. 6 – 8).

² Там же. Д. 976. Л. 1.

³ Филищева С.В. Указ. соч. С. 67.

⁴ Воронов И.К. Город Воронеж. Население и недвижимые имущества: материалы для оценки городских недвижимых имуществ : с планами и диаграммами на отдельных листах и в тексте. Воронеж, 1903. С. 28.

ронеже на маломерных местах¹ встречалось достаточно редко и воспринималось как нечто неординарное. Первое дело, обнаруженное нами, связанное с получением разрешения на строительство дома на маломерном месте, датируется 1873 г. В нём идет речь об утверждении проекта на постройку дома мещанки Е.В. Алексеевой. Самого проекта в деле нет, но из бумаг следует, что строительство было утверждено самим губернатором², что, на наш взгляд, дополнительно подчеркивает нераспространённость появления усадеб на таких местах в Воронеже. Только начиная с 1877 г., если судить по архивным делам, рассмотрение проектов строительства на маломерных местах в городской думе становится обычным делом и проходит на общих основаниях³, поскольку с появлением большого количества жилых и общественных зданий из кирпича необходимость в больших противопожарных разрывах между ними отпала. В результате на Большой Дворянской и примыкающих к ней улицах уже к концу XIX в. можно было встретить участки и без разрывов между домами, но с брандмауэрными стенами, возведенными опять же в соответствии с требованиями пожарной безопасности. Тем не менее, дело-производство, связанное с процедурой утверждения проектов на маломерных местах, по-прежнему вычленилось из общего потока и группировалось по годам в отдельные блоки документов. Лишь в 1904 г. владельцам дворовых мест было дано право делить свой участок вообще без предварительного согласования плана с городской управой⁴.

Достаточно наглядное представление о динамике в застройке Воронежа за последнее двадцатилетие XIX в. дает книга статистика И.К. Воронова. Для сравнительного анализа он приводит данные по жилым строениям, которые были получены в результате проведения переписей недвижимых имуществ г. Воронежа

¹ Маломерные места, как правило, образовывались при продаже усадебных мест по частям, минимальные размеры которых были обусловлены лишь требованиями пожарной безопасности. Это право было даровано городским обывателям указом от 11 июля 1827 г. (ПСЗРИ. 2-е собр. – Т. 2, № 1235).

² ГАВО. Ф. И-19. Оп.1. Д. 453. 12 л.

³ Там же. Д. 1033. Л. 1, 5, 8, 12.

⁴ Устав Строительный. С разъяснениями Правительствующего Сената и циркулярами Министерства Внутренних Дел и с приложениями правил строительной полиции для губерний царства Польского. Пг., 1915. С. 146.

соответственно в 1882 и 1899 гг. Частная застройка города представлена по капитальности и этажности в следующих цифрах: каменные дома – 795/1389 (прирост – 74,7%), смешанные (каменно-деревянные) – 397/1023 (+157,7%), деревянные – 3165/3052 (- 3,7%), одноэтажные дома – 3890/4490 (+15,4%), двухэтажные – 495/933 (+88,5%), трехэтажные – 9/41 (+355,5%)¹. Анализ этих статистических данных показал, что деревянные дома за 17 лет в количественном отношении уменьшились на 3,7%, но при этом в 1,5 раза увеличилось количество смешанных, в 1,9 раза выросло количество двухэтажных и в 3,5 раза трехэтажных. При этом следует добавить, что общее количество жилых строений увеличилось с 4394 до 5464, т.е. прирост по городу составил 24,4%, в то время как по Московской части он составил 44,3%.

Проведённый анализ позволил Воронову сделать вывод о том, что Воронеж растёт и будет расти главным образом за счет более новой и потому менее освоенной Московской части, где усадьбы и жилые строения отличаются относительной обширностью, все виды недвижимых имуществ наибольшей ценностью». При этом Дворянская и Мещанская части города, как отмечал он, характеризуются «неправильностью и мелкотой кварталов, узкостью улиц и переулков, в особенности в Мещанской части, наименьшим размером домов и усадеб, значительно меньшей стоимостью построек и скученностью населения»². В зависимости от особенностей рельефа участки домовладений, расположенных в этих районах города, по сравнению с усадьбами на плато могли отличаться размерами в два и более раз.

В какой-то степени иллюстрацией сказанного могут служить материалы описей и оценки домов за 1873-1874 гг., хранящиеся в фонде городской управы ГАВО. Так, например, усадебное место купца И.К. Федорова, располагавшееся у Чернавского моста в 25 квартале Дворянской части, имело размеры всего лишь 19 саж. на 8 и 2/3 саж.³ В тоже время дворовое место вдовы штабс-капитана С. И. Алексеевой, располагавшееся в Московской части на Большой Дворянской, зани-

¹ Воронов И.К. Указ. соч. С. 28–29.

² Воронов И.К. Указ. соч. С. 12, 13, 30.

³ ГАВО. Ф. И-19. Оп.1. Д. 758. Л. 3.

мало участок: по улице – 24,5 саж (52,2 м) и в глубину – 39,5 саж (84,2 м). При этом размеры самого каменного одноэтажного дома «с антресолями» (с антресольным этажом – *В. Ч.*) также были весьма внушительными: длина по улице – 10 саж. 2 арш. (22 м), ширина – 8,5 саж. (18,1 м), высота – 4 саж (9,2 м)¹.

Именно в этой части города этажность со временем постепенно увеличилась до двух и даже до трех этажей, что в свою очередь способствовало формированию представления о новых границах городского центра. Теперь его территория значительно расширилась и помимо улиц Большой Дворянской и Малой Дворянской, включала значительные части улиц Ново-Московской (сейчас ул. Плехановская), Большой Садовой и Старо-Московской (сейчас ул. К. Маркса).

Здесь же в пореформенные годы стали появляться новые типы зданий, вызванные к жизни капиталистической эпохой: доходные дома, разнообразные учебные, торговые, административно-конторские, зрелищные, больничные, казарменные и банковские. Все блага цивилизации, которые привнес в крупные города Российской империи научно-технический прогресс (электрическое освещение², сплошное мощение улиц и тротуаров, асфальтовое покрытие³, водопровод и канализация), долгое время в Воронеже были также доступны в основном только для жителей центральных кварталов.

Тем не менее, сооружение водопровода стало настоящим подарком всем горожанам: в общественных пространствах города появились первые фонтаны, из которых воду разбирали водовозы и водоносы. Прежде большинство горожан довольствовались услугами возчиков, наполнявших бочки водою из реки, т.к. рытье колодцев в нагорной части Воронежа было мероприятием чрезвычайно сложным, а поэтому и затратным.

¹ Там же. Д. 593. Л. 9.

² Электрическое освещение на улицах города появилось в 1898 г. после открытия первой электростанции общегородского назначения, разместившейся на Большой Богоявленской улице (ныне на её месте построен дом № 39 по ул. 25 Октября).

³ Асфальтирование в Воронеже началось с тротуаров на Большой Дворянской в 1894 г.

Торжественное открытие первого воронежского водопровода, созданного на деньги городского головы, купца С.Л. Кряжова, состоялось 30 октября 1869 г.¹ Он включал в себя водонапорную башню, построенную на Конной площади (ныне пл. Ленина), в которую речная вода поднималась с помощью водокачки, устроенной на берегу, и подземные магистральные трубы, протянувшиеся по Большой Дворянской и по Новой Московской улице (нынешней Плехановской) до Митрофановского монастыря. В честь купца-благотворителя первая водонапорная башня, была названа народом «Кряжовский бак».

В 1872 г. были начаты работы по дальнейшему расширению водопровода за счет личных средств купца и «запасного городского капитала»². В результате к 1874 г. вода дошла до Девичьего монастыря и Большой Девиченской улицы (ныне ул. Сакко и Ванцетти), к площади у Новостроящейся церкви, на Сенную площадь³ (на её месте теперь – Центральный стадион профсоюзов) и в Стрелецкий лог. К концу 1870-х гг. трубы были проложены по всем наиболее значимым улицам города, а на площадях и крупных перекрестках сооружены водоразборные будки⁴. Тем не менее, расчеты, сделанные на основании данных, приведенных в монографии В.И. Щербакова, свидетельствуют, что из-за скудности городского бюджета перед революцией только четверть всех домов в Воронеже была подсоединена к водопроводу и лишь пятая часть к канализации⁵.

Желая простимулировать появление водопровода путем снижения затрат на разработку их проектов, государством было определено: за рассмотрение строительными отделениями проектов и смет на их постройку взимать от их стоимости всего 1% в инструментальный капитал (на заготовление геодезических и математических инструментов). И это при том, что рассмотрение таких проектов строи-

¹ В уездных городах губернии Острогожске, Валуйках и Нижнедевицке усилиями Воронежского земства водопроводы были устроены лишь к 1916 г.

² Попов П.А. Купеческая фамилия Кряжовых в Воронеже // Из истории Воронежского края. Воронеж, 1998. Вып. 7. С. 96.

³ Здесь по проекту городского архитектора Д.С. Максимова в 1876 г. была устроена водонапорная башня, смету на которую было поручено «исправить» инженеру земской управы И.М. Тихомирову (ГАВО. Ф. И-19. Оп.16. Д. 544).

⁴ ГАВО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 920.

⁵ Щербаков В.И. Городской водопровод. Воронеж, 2000. 240 с.

тельными отделениями по строительному уставу признавалось необязательным и только от отделения зависело, принять их в работу или нет¹. Может быть, по этой причине до сих пор не удалось обнаружить в архивах полноценную документацию, относящуюся к первому воронежскому водопроводу. В настоящее время известно только то, что проект инженерной части водопровода выполнил Георг Бауер, а экспертами от строительного отделения были назначены губернский инженер Л.В. Жеденов и городской архитектор А.А. Кюи². Сохранился в полном объеме лишь проект канализации центральной части города, представленный в 1913 г. в ТСК МВД, но на нем следов пометок и каких-либо согласований со строительным отделением губернского правления не имеется³. Известно лишь, что при городской думе начиная с 1915 г. функционировала канализационная комиссия, возглавляемая губернским архитектором Д.Н. Васильевым, деятельность которой была направлена на расширение городской канализационной сети.

В размещении объектов, разработке проектов зданий и сооружений, необходимых для работы воронежского водопровода, строительное отделение губернского правления и служба городского архитектора городской управы принимали непосредственное участие. Документально известно, что этой работой занимался городской архитектор А.А. Кюи, который выполнил чертежи всех наземных сооружений. Так получилось, что в истории Воронежа он стал последним назначенным городским архитектором. В октябре 1870 г. его сменил гражданский инженер М.В. Богданович, которого городская управа в соответствии с новыми правилами коллегиально избрала на эту должность уже в 1871 г.⁴ После процедуры одобрения кандидатуры городской думой он был внесен в приказ министра внутренних дел по представлению губернатора о результатах выборов. Таким образом, Богданович стал первым избранным архитектором при городской управе Воронежа.

¹ Устав Строительный. С разъяснениями Правительствующего Сената и циркулярами Министерства Внутренних Дел и с приложениями правил строительной полиции для губерний царства Польского. Пг., 1915. С. 33, 49.

² ГАВО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 1301. Л. 89.

³ РГИА. Ф. 1293. Оп. 166. Д. 93.

⁴ Попов П.А. Указ. соч. С. 90.

Такое положение и процедура утверждения в должности городских архитекторов сохранялись в стране вплоть до революционных событий 1917 г.

Проектная деятельность в Воронеже и городах губернии в рассматриваемый период осуществлялась в первую очередь специалистами, находящимися на государственной службе. Однако многие из них большую часть своих построек создали в свободное от служебных обязанностей время, т. е. в результате частной проектной практики, для развития которой во второй половине XIX в., сложились чрезвычайно благоприятные условия. Снижение контроля государства над застройкой городов, сокращение сферы распространения действующих «проектно-образцов», а с 1858 г. отмена на законодательном уровне положения об их обязательном применении привели к повсеместному росту объемов проектных работ, справиться с которыми только силами государственных служащих было уже весьма проблематично. К этому следует добавить, что в соответствии со сложившимся законодательством для получения разрешения на строительство миновать этап проектирования при возведении даже самых простых и небольших объектов не представлялось возможным.

Развитию рынка частных проектных услуг способствовало и то обстоятельство, что с 1863 г. чиновникам было разрешено совмещать государственную службу с предпринимательской деятельностью. Были и такие, которые и после выхода в отставку продолжали работать частным образом. В качестве примера можно назвать губернского архитектора В.Н. Шебалина завершившего службу в 1869 г. По нашим подсчетам только за один 1871 г. им было выполнено не менее 5 проектов¹. При этом городским архитектором М.В. Богдановичем за этот же год, если судить по чертежам, подписанным им, было выполнено 12 проектов на постройку или перестройку жилых домов². Однако установить, сколько из них было выполнено по должности, а сколько в виде частного заказа, не представляется возможным в виду отсутствия сведений на этот счёт. Всего же в архивном

¹ ГАВО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 163; Оп.13. Д. 84, 162, 163, 182. Всего же за почти двадцатилетний период частной практики он выполнил более 100 проектов на постройку или перестройку жилых домов.

² ГАВО. Ф. И-19. Оп.1. Д. 143, 158, 159, 164, 169, 172, 173, 177, 178, 182, 187, 192, 194.

фонде городской управы ГАВО сохранилось более 40 проектов жилых домов, выполненных Богдановичем. Сменивший его на посту городского архитектора Д.С. Максимов также весьма активно занимался частной проектной практикой, разрабатывая многочисленные чертежи на строительство и ремонт обывательских жилых домов¹.

Частная практика была серьезным подспорьем, поскольку жалование чиновников в архитектурно-строительных службах, как губернского, так и городского уровня, как известно, было невелико. Косвенным свидетельством этого является оценка рыночной стоимости принадлежащих им домов. Так, например, по данным на 1873 г. дом предшественника Богдановича в должности городского архитектора Кюи был оценен всего в 3300 рублей, а дом в недавнем прошлом начальника строительного отделения губернского правления Л.Н. Жеденова – в 4860 рублей². Показателен и тот факт, что А.А. Кюи, будучи городским, а с 1870 г. губернным архитектором, чтобы содержать большую семью, до 1885 г. не оставлял работу в качестве архитектора кадетского корпуса. Конечно, официально такое совмещение служебной практики с какими-либо другими видами профессиональной деятельности не приветствовалось, но как мы знаем, и не запрещалось, поскольку поиск дополнительных возможностей для заработка был необходимостью. С появлением рынка частных услуг финансовое положение практикующих архитекторов постепенно становится лучше.

Благодаря совместной деятельности всех практикующих архитекторов к концу XIX в. в Воронежской губернии получили распространение практически все известные в то время в архитектуре направления: от эклектики до модерна и ретроспективных направлений. Естественно, что, всё это многообразие стилей и творческих подходов нашло отражение, прежде всего, в застройке Воронежа. Этому обстоятельству во многом способствовал и тот факт, что городская дума, начиная с 1878 г., на законодательном уровне не имела права требовать от желающих построить дом, чтобы для выполнения нужных чертежей они обращались

¹ ГАВО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 441, 460, 511, 541, 544, 610, 635, 639, 1126.

² Там же. Д. 529. Л. 15.

только к городскому архитектору, за которым, однако по-прежнему сохранялись обязанности по их рассмотрению. При этом специальным циркуляром хозяйственного департамента МВД разъяснялось, что частные лица за труды по надзору за правильностью построек городскому архитектору платить не должны, поскольку это его служебные обязанности¹.

Для усиления контроля за строительными работами, проводимыми в Воронеже, городская дума в 1878 г. решила не выбирать пятого члена управы взамен умершего, а вместо него пригласить по найму еще одного техника-архитектора и выплачивать ему высвободившийся оклад². Согласимся с мнением П. А. Попова, что такое решение было принято под влиянием «партии» интеллигенции в думе. От себя же добавим, что базой для него стали и практические соображения, поскольку кто-то из членов управы должен был отвечать за строительное дело и руководить деятельностью городского архитектора. При растущих объемах работ на объектах частного и общественного строительства, качество которых необходимо было контролировать во избежание возможных обрушений и других нарушений, связанных с реализацией утвержденных проектов, наличие такого специалиста в управе становилось необходимостью.

Архивные материалы убедительно свидетельствуют о том, что во времена строительного бума, наблюдавшегося в городе в 1870-е гг., загруженность службы городского архитектора была стабильно большой с тенденцией роста к концу десятилетия. В связи с этим приведем данные всего лишь за два года. Так, в 1875 г., по нашим подсчетам, было выдано 183 свидетельства об утверждении проектов, разрешающих проведение разного рода строительных работ (возведение новых зданий, капитальный ремонт³, частичную перестройку¹ или пристройку² к

¹ Устав Строительный. С разъяснениями Правительствующего Сената и циркулярами Министерства Внутренних Дел и с приложениями правил строительной полиции для губерний царства Польского. Пг., 1915. С. 33, 49.

² Попов П.А. Указ. соч. С. 90.

³ Капитальный ремонт выполнялся в соответствии с утвержденным проектом переделки в доме или флигеле. В разрешительных документах использовалась и такая формулировка как «проект на исправление дома».

дому). В 1877 г. в управе, по подсчетам П.А. Попова, было рассмотрено уже 419 проектов и ходатайств с целью получения разрешения на проведение аналогичных работ³.

Кроме того, по должности архитекторы управы должны были принимать участие в работе думских комиссий технического профиля. Их привлекали и к разбирательству жалоб владельцев усадебных мест, по мнению которых на смежных территориях соседями строительство было осуществлено с нарушениями. Здесь можно привести пример, связанный с пристройкой каменной лестницы к дому почетного гражданина Д.С. Семькина. В 1882 г. жена воронежского купца Ф.И. Адлера просит выяснить «по утвержденному ли плану перестроил г. Семькин свой дом на Большой Дворянской и утвержден ли парадный ход в прогале смежном с домом Адлера?»⁴. В процессе разбирательства выяснилось, что все было сделано в принадлежащем ему интервале между собственным домом и соседским флигелем по проекту, утвержденному в 1872 г.⁵ В 1884 г. архитектором В. Н. Шебалиным для этого же места (на участке Семькина) был выполнен проект двухэтажного каменного флигеля. Однако из-за возражений купца Ф.А. Адлера против застройки существующего промежутка между его домом и домом Семькина он был отклонён⁶.

Стабильно высокая загруженность службы городского архитектора сохранялась и в последующие годы, чему способствовал активный рост численности населения Воронежа. Начиная с 1865 г., количество жителей города выросло почти на 20 тысяч человек (с 40194) и к 1897 г. с учетом населения всех пригородных слобод составило 82 тысячи⁷. Опираясь на архивные документы, проследим, как в рассматриваемый период происходило утверждение проектов и получение

¹ В документах об утверждении проектов, связанных с перестройкой как жилых, так и нежилых объектов недвижимости в качестве синонимов нередко использовались термины «расширение» и «распространение», когда хотели подчеркнуть увеличение перестраиваемого дома в плане.

² Проекты пристроек очень часто касались пристроек входов или галерей к дому, которые бывали каменными или деревянными на столбах.

³ Попов П.А. Указ. соч. С. 108, 109.

⁴ ГАВО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 1200. Л. 168.

⁵ Там же. Д. 364. Л. 1-4.

⁶ Там же. Д. 1249. Л. 61.

⁷ Воронов И.К. Указ. соч. С. 27, 31.

разрешений на производство строительных работ, т.е. как велось делопроизводство по этим вопросам в городской управе Воронежа, которое с 1877 г. осуществлялось строго по полицейским частям.

Все дела такой направленности можно разделить на два типа. К первому относятся работы, производимые на основании свидетельств, выдаваемых городской управой (с 1915 г. техниками управы). Они, как правило, были связаны со строительством и ремонтом общественных зданий и сооружений за счет городских средств или с участием государственного капитала на принадлежащих самоуправлению землях. В качестве примера можно привести принадлежащее городу здание цейхгауза. Его по распоряжению управы городской архитектор М.В. Богданович дважды осматривал в 1870 г. и составил смету на его ремонт¹. В августе 1875 г. очередной городской архитектор Д.С. Максимов вновь составил смету на ремонт цейхгауза, который 30 сентября этого же года был передан в пользование яхт-клубу. Из дела выяснилась интересная подробность, что в торгах, состоявшихся 8 октября 1875 г., на право проведения ремонтных работ принимал участие в качестве подрядчика уже упоминавшийся нами техник губернской земской управы губернский секретарь И.Е. Выюнников². По результатам торгов подрядчиком работ по восстановлению здания-памятника петровской эпохи стал купец И.К. Федоров, который был одним из учредителей яхт-клуба. Его дом, кстати, располагался у реки, недалеко от острова, а членами клуба были городской архитектор Д.С. Максимов и губернский инженер Ю.И. Волгатис. Ремонт «Цейхгауза» город брался осуществить за свой счет, а яхт-клуб должен был возратить через пять лет лишь половину истраченной на ремонт суммы.

Приведём ещё пример, связанный с деятельностью Максимова. В мае 1874 г. он по заданию воронежской управы осматривал пришедшую в ветхое состояние каланчу Мещанской полицейской части. По результатам осмотра в июле им были составлены проект и смета на строительство новой каменной четырехъярусной каланчи, которые спустя неделю прошли процедуру рассмотрения строительным

¹ ГАВО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 32.

² Там же. Д. 539. Л. 9, 10, 20

отделением губернского правления и утверждения губернатором. Работы по её сооружению велись хозяйственным способом и были окончены в октябре 1875 г.¹

Иллюстрацией работ, которые проводились на основании свидетельств городской управы, могут служить и дела по проектированию и строительству учебных заведений, содержавшихся в дальнейшем частично за счёт государственной казны, а также городского бюджета и частных лиц. Таким, например, было женское двухклассное бесплатное Александровское училище, открывшееся 26 февраля 1874 г. на Петропавловской улице в бывшем доме Викулова (ныне ул. Цюрупы, 11). В 1902 г. училище переехало на Петровский спуск (ныне ул. Степана Разина) в специально построенное по проекту городского архитектора А.М. Баранова здание².

Если же строительство объекта предполагалось осуществить на частные средства или пожертвования, то инициатор строительства, как правило, сам приобретал свободный участок, выставленный на продажу. В какой степени иллюстрацией этого положения может служить история, связанная с продажей в 1877 г. для городских целей «пустолежащего места», располагавшегося сзади присутственных мест. Продажа, однако, не состоялась, т.к. её отменил сенат. Выяснилось, что из-за отсутствия детально разработанного генерального плана Воронежа городская дума по ошибке выставила на продажу участок, который ей не принадлежал, а относился к губернским присутственным местам³. Случившийся казус в очередной раз обратил внимание городских властей на необходимость скорейшей разработки этого важнейшего градостроительного документа.

Примером удачного взаимодействия частной инициативы и городских интересов может служить опыт создания нового театрального здания. 15 января 1876 г. С.В. Олифер приобрела от прежних владельцев усадебное место, на котором находился каменный дом и театр с деревянными постройками. Она обратилась в городскую думу с просьбой об уступке городом места, т.е. о продаже земли

¹ ГАВО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 541. Л. 3, 6, 11. В ходе послевоенного ремонта в объеме современной каланчи от первоначальной сохранились только два нижних яруса (ул. К. Маркса, 32).

² Во время Великой Отечественной войны здание сильно пострадало и его разобрали в связи с расширением улицы.

³ ГАВО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 8. Л. 51, 52, 54.

для расширения старого театрального здания. Дума за участок земли площадью 57 ½ кв. саж. запросила 2000 рублей серебром. К делу был приложен план театрального места с прилегающими улицами. Названная сумма не устроила владелицу и в результате в марте 1877 г. театр купил историк и гласный городской думы Г.М. Веселовский, а вместе с ним недостающий для его расширения участок городской земли. Однако до реконструкции здания дело так и не дошло и в начале февраля 1882 г. городская администрация сочла здание неудобным и небезопасным для проведения представлений, т.е. в результате город фактически оказался без театра¹. По этой причине Веселовский просил уменьшить оценку принадлежащего ему здания².

Постановление о перестройке театра городская дума приняла только после того, как в октябре 1884 г. купила с публичных торгов театр у его владельца, и он стал городской собственностью. Первоначально проект было поручено составить Баранову. Однако учитывая важность данного объекта, проект реконструкции старого театра решено было выбрать в результате проведения внутригородского конкурса, что для Воронежа в рассматриваемый период было редкостью. Тем не менее, следует заметить, что проекты общественных зданий, возводившихся в Воронеже на городские средства, всегда прорабатывались достаточно тщательно.

В феврале 1885 г. свои проекты театрального здания представили ещё два ведущих архитектора Воронежа: городской архитектор И.М. Тихомиров и состоящий при городской управе архитектор С.Л. Мысловский. Однако ни один из трёх проектов не получил одобрения избранной думой театральной комиссии. Именно поэтому в августе 1885 г. член этой комиссии Г.М. Веселовский по поручению думы обратился с письмом к известному московскому архитектору М.Н. Чичагову с просьбой выполнить проект перестройки театрального здания. 25 сентября на предложение воронежцев он ответил согласием и уже 7 декабря 1885 г. дума заключила с архитектором контракт на перестройку театра на предложенных им условиях. Стоимость проекта была определена в 500 руб., а каждый проезд автора

¹ Попов П.А. Указ. соч. С. 196.

² ГАВО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 1199. Л. 142.

проекта в Воронеж оценивался в 150 руб. Уже 16 января 1886 г. городская дума одобрила смету и чертежи, представленные архитектором, который за 3000 руб. брал на себя руководство перестройкой театра. 26 января 1886 г. свои услуги по реализации проекта предложил воронежский подрядчик М.Е. Земсков, однако дума отдала предпочтение московскому купцу В.А. Александрову. Именно с ним 31 января 1886 г. был заключён договор, в соответствии с которым он брался за 48 тыс. руб. перестроить здание, а за 4 тыс. руб. обустроить помещение публичной библиотеки, расположенной в его верхнем этаже. В апреле 1886 г. проект Чичагова был согласован со строительным отделением губернского правления, а наблюдение за проводимыми подрядчиком строительными работами было поручено гласному городской думы инженер-технологу Р.А. Михайлову. Темпы не только проектных, но и строительных работ были столь велики, что уже в августе 1886 г. здание театра, созданное в ярко выраженном псевдорусском стиле, было сдано в эксплуатацию, а с 1 сентября сдано в аренду¹.

Ныне Городской зимний театр существует в сильно изменённом виде, полученном в результате капитальной перестройки 1937 г.² (пр. Революции, 55). Такое название за театром закрепилось после того как в Городском саду в 1887 г. был построен Летний театр на средства купца В.А. Косырева, которому городская дума сдала сад в аренду сроком на десять лет³.

Бывало и так, что город предоставлял участок под какое-то полезное учреждение с правом бесплатного пользования до тех пор, пока это учреждение выполняет свои функции. После рассмотрения в управе проекты таких зданий либо утверждались в управлении градоначальника или строительном отделе губернских правлений, либо передавались в МВД с последующим представлением на утверждение императором. После всех согласований разрешение и проект предъявлялся местному полицейскому начальству, которое должно было обеспечить контроль за соответствием строительства проекту. Именно по такой схеме было получено разрешение на строительство нового здания для Марининской гимназии,

¹ ГАВО. Ф-19. Оп. 1. Д. 1228. Л.41 – 47, 54 – 57, 60, 64, 66, 87, 88, 109, 119, 200.

² Чесноков Г.А. Указ. соч. С. 185.

³ Попов П.А. Указ. соч. С. 197.

под которое городская управа летом 1874 г. уступила место рядом с домом статского советника А.С. Мазараки. Смету на её постройку, впрочем, как и проект двухэтажного здания гимназии, открывшейся в конце 1875 г., выполнил архитектор губернской земской управы В.Е. Переверзев¹. Сейчас гимназическое здание – часть бывшего Дома офицеров (пр. Революции, 32).

Важным для города объектом стало и здание мужского духовного училища, проект которого также выполнил Переверзев. Решением городской управы от 11 сентября 1879 г. под строительство были отданы два незастроенных смежных усадебных места в 30 квартале Московской части². Сохранившаяся переписка об утверждении проекта училища, который также представлен в материалах дела³, свидетельствует о том, что в октябре этого же года его инспектировал городской архитектор А.П. Багалдин-Таишев. Им было сделано замечание о том, что сохраняемое здание аптеки будет закрывать фасад училища с Большой Дворянской улицы. В конечном итоге проект здания духовного училища был утверждён городской управой, но с условием соблюдения противопожарных мер, «предусмотренных Строительным уставом» – с сооружением брандмауэров, которые в проекте не были предусмотрены. Трёхэтажное краснокирпичное здание, построенное в 1879-1882 гг., обрело четвёртый этаж в 1930-е гг.

Из построек В.Е. Переверзева сохранился и двухэтажный дом со службами Троицкого кафедрального собора (1880 г., ныне – Областная детская библиотека, ул. Никитинская, 32)⁴. Он в полной мере даёт представление о незаурядном мастерстве этого архитектора, который, в отличие от многих других проектировщиков его уровня, не занимался активно частной практикой. Признанием его профессионализма можно считать и тот факт, что из всех воронежских архитекторов именно ему было поручено наблюдение за строительством здания реального училища, возводимого исключительно на средства города. Переверзев принял на себя эти обязанности 16 августа 1877 г., за которые ему решением городской управы

¹ ГАВО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 306. Л.22, 29, 36 – 47.

² Там же. Д. 1125. Л. 194.

³ Там же. Д. 1123. Л. 147–150.

⁴ Акиншин А. Н. Материалы к биографическому словарю // Из истории Воронежского края. Вып. 12. Воронеж, 2004. С. 98-99.

было выплачено 2400 рублей, что было почти в 2,5 раза больше годового жалования городского архитектора. Первоначально эта работа оценивалась в 1500 рублей, но очевидно названная сумма не устроила ни В.Е. Переверзева, ни городского архитектора Д.С. Максимова, которому также было сделано такое предложение. При этом автор проекта училищного здания архитектор К.А. Толкунов, состоявший на службе в Харьковском учебном округе, к которому относилась и Воронежская губерния, за свою работу получил от города всего 1000 рублей. Решение о том, чтобы поручить ему составление чертежей реального училища, было принято на заседании попечительского комитета, который был осведомлен, что по проектам Толкунова уже были построены здания реальных училищ в Сумах и Харькове. Представленный им проект здания, фасады которого были оформлены с использованием элементов, характерных для готической архитектуры, строительное отделение губернского правления утвердило в июне 1877 г., а уже к ноябрю этого же года постройка была вчерне закончена. Этого удалось достичь во многом благодаря бесперебойной доставке кирпича на строительную площадку, поскольку заранее, в феврале 1877 г., городская управа заключила договор на его поставку с инженер-технологом Э.Ф. Гаусманом.

В 1878 г. двухэтажное здание, расположившееся на специально выделенном управой свободном участке по Грузовой улице, было полностью построено и в нём начались занятия¹. Это было единственное учебное заведение в городе, дававшее не только общее образование, но и обеспечивающее подготовку к поступлению в высшие технические учебные заведения. В училище обучение было полностью бесплатным, а на его содержание деньги выделялись из городского бюджета. В 1896 г. по проекту архитектора А.М. Баранова к зданию со стороны двора был пристроен двухсветный объём домового храма, получившей имя в честь святого Алексия, митрополита Московского. Во время Великой Отечественной войны здание бывшего реального училища значительно пострадало. При восстановлении были надстроены два этажа и оштукатурены стены, имевшие прежде открытую кирпичную кладку (ул. Студенческая, 36).

¹ ГАВО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 975. Л. 10, 54, 57, 61, 63, 72, 108, 145.

Абсолютно уникальным опытом для Воронежа может служить пример проектирования и строительства сельскохозяйственного института (ВСХИ) имени Петра Великого. В связи с проведением в стране столыпинской аграрной реформы его создание в центре чернозёмной зоны считалось делом государственной важности, что предполагало полностью казенное финансирование. Вопрос о его открытии в Воронеже был решён по ходатайству городского самоуправления и губернского земства, которые сумели доказать право города на размещение в нём института, создав для этого наиболее предпочтительные условия по сравнению с городами конкурентами (Саратов, Курск, Самара и Полтава и др.). На основании постановлений думы от 10 июня 1910 г. и 3 июня 1912 г. институт кроме земли под строительство получил и прилегающую территорию в 580 гектаров, которая безвозмездно была отчуждена в пользу казны из загородных и лесных угодий, принадлежащих городу для размещения опытных полей¹.

Это было первое высшее учебное заведение Воронежа, указ о создании которого был подписан императором Николаем II 9 июня 1912 г.² На строительство была выделена сумма в размере 3744208 рублей с возмещением в доход казны в течение десяти лет, начиная с 1913 г., от Воронежского губернского земства – в размере 30000 рублей в год и от Воронежского уездного земства – в размере 10000 рублей в год.

6 июля 1913 г. в торжественной обстановке была произведена закладка первого камня в фундамент будущего главного корпуса института. На проект ВСХИ в 1912 г. был объявлен общероссийский закрытый конкурс, т.е. организатор в лице Главного управления землеустройства и земледелия сам определял состав участников. Автором победившего проекта является известный петербургский архитектор, директор Петербургского института гражданских инженеров А.И. Дитрих (см. иллюстративные материалы, рисунок № 35). Как члены строительной комиссии по возведению ВСХИ ему помогали в выполнении необходимых рабочих чертежей и контроле за работой подрядчиков постоянно проживавшие в Во-

¹ Попов П.А. Указ. соч. С. 274.

² ПСЗРИ. 3-е собр. – Т. 32, № 37242.

ронеже гражданские инженеры В.В. Соколовский (с 1912 г. по август 1914 г.)¹ и Д.Е. Клименченко (с 1912 г. по август 1916 г.)².

В условиях отсутствия в пределах городской черты свободной территории место для возведения институтского городка, ставшего крупнейшим архитектурным ансамблем дореволюционного Воронежа, было выбрано на северной окраине города, за Троицкой слободой, на так называемом Козарском поле. Главный учебный корпус разместился в центре большого сада с регулярной планировкой, вокруг которого возник целый комплекс институтских зданий самого различного назначения: жилые дома для профессорско-преподавательского состава, общежития для студентов, столовая, здание электростанция, биологическая лаборатория и т.п. Часть из них была построена одновременно с главным корпусом, а другие - в тридцатые и даже в пятидесятые годы XX в. Запроектированные в одном архитектурном стиле, подражающем формам петровского барокко и в соответствии с общим замыслом, они составляют архитектурно-планировочный ансамбль, уникальный по своей цельности не только для города, но и в масштабе страны.

Ко второму типу дел по строительной части можно отнести работы, которые разрешались только после утверждения городской управой. К ним относилось всё частное строительство. Для частных застройщиков во второй половине XIX в. действовала четко установленная система оформления отвода земельного участка и согласования проекта постройки.

Новый земельный участок на усадебное место оформлялся, по заявлению застройщика только после внесения платы за него. Затем нужно было получить разрешение на строительство нового дома, перестройку или капитальный ремонт старого в виде свидетельства, которое выдавалось городской управой. Прошения о выдаче разрешения принимались только от лиц, являющихся по городским книгам фактическими владельцами земли. Они подавались в городскую управу на простой (не гербовой) бумаге с приложением чертежей проектируемого здания

¹ Акиншин А. Н. Материалы к биографическому словарю // Из истории Воронежского края. Воронеж, 2005. Вып. 13. С. 118.

² То же. // Там же. Воронеж, 2004. Вып. 12 С. 156.

(фасад, планы этажей, разрезы) для их утверждения. Для сверки представленных документов с отведенным земельным участком и планом города в комплект необходимых чертежей часто включалась «выкопировка» из плана города. На ней показывался проектируемый дом в окружении построек, расположенных на соседних владельческих участках.

Разрешение на производство работ действовало для каменных строений в течение 5 лет, а для деревянных — в течение 3 лет. Такая временная регламентация давала возможность городской думе контролировать планомерность застройки селитебных территорий, а капитальность и этажность строительных объектов позволяли сохранять некоторую её однородность в местах их возведения.

Незначительные переделки можно было осуществить без подачи проектной документации, но опять же только с разрешения городского архитектора и городской управы. Городской архитектор начиная с 1863 г. мог единолично дать разрешение на строительные работы, но только в том случае, если они не влекли за собой изменений в планах и фасадах, т.е. не носили характер капитального ремонта.

Все дела, связанные со строительством в городе, с начала 1770-х гг. были отнесены к сфере деятельности распорядительного стола управы Воронежа, а в конце десятилетия – квартирному столу. Как и городской архитектор, в случае «мелочных поправок» столоначальник, если судить по делу об изменении фасада дома и флигеля мещанина И.Ф. Русинова на Большой Дворянской улице, имел право единоличного утверждения проекта. Перед его подписью на чертеже имеется приписка: «На переустройство из окна двери, как показано здесь красными чернилами, утвержден проект 16 сентября 1892 г.»¹.

Производство строительных работ без разрешения наказывалось штрафом (до 50 руб.), а виновный должен был добровольно провести все исправления за свой счет. В случае отказа работы осуществлялись за счёт казны с взысканием понесённых затрат с владельца постройки. В частности, одной из должностных функций городского архитектора было составление от своего имени актов о воз-

¹ ГАВО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 1238. Л. 99.

буждении судебного преследования частных застройщиков за нарушение ими требований строительного устава (циркуляр МВД от 22. 10. 1875).

До начала работы городского самоуправления на новых принципах, изложенных в «Городовом положении» 1870 г., получение разрешений на осуществление строительных работ в Воронеже осуществлялось какое-то время по старому, т.е. – через процедуру утверждения проектов в строительном отделении губернского правления. Вот одни из последних дел по Воронежу, на которых стоит подпись управляющего строительным отделением Ю.И. Волтатиса: 28 мая 1870 г. был утвержден проект постройки флигеля купца П.И. Капканщикова; 26 июня проект на постройку дома потомственного почетного гражданина П.П. Капканщикова, проект пристройки «каменных служб в доме жены инженера статского советника Жеденова», пробивка двери в доме коллежского асессора Г.Ф. Столя; 3 июля проект на постройку деревянного здания для гостиницы, кухни и навеса при Алексеевском монастыре¹. Среди перечисленных дел представлен, как мы видим, весь спектр строительных работ, разрешение на проведение которых по новому закону уже должна была выдавать другая структура или городской архитектор.

В связи с этим напомним, что практические действия по внедрению в жизнь столичных указаний в Воронеже начались лишь после того как на заседании Воронежской городской думы, состоявшемся 13 ноября 1871 г., вопрос об утверждении архитектурных проектов и разрешении строительства частных зданий был выделен как один из важнейших в деятельности управы.

Чертежи жилых домов в цвете (на бумаге или на кальке, наклеенной на бумагу) достаточно широко представлены в фондах ГАВО, поскольку они выполнялись в двух экземплярах – один экземпляр возвращался застройщику, а второй оставался в городской управе. Вторые экземпляры достаточно часто выполняли чертежники-копиисты, которые занимались этим по роду службы в городской управе или в порядке частной практики.

¹ ГАВО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 84. Л. 30, 37, 46, 48, 52.

Как правило, все чертежи тщательно подписаны. На них указаны: сословная принадлежность или звание, фамилия имя и отчество владельца усадебного места, его адрес, фамилия исполнителя чертежа, материал из которого предполагается строительство. Например, читаем: «Купец Николай Андреевич Замошников, Московской части, 30 кв., № 371. Пристройка к каменному 1 этажному дому. Архитектор Шебалин»¹. Из текста следует, что усадьба располагалась в самом центре Воронежа, на Большой Дворянской, рядом с нынешним кинотеатром «Пролетарий». Сохранились проекты перестройки двух флигелей, располагавшихся на территории этой же усадьбы слева (1872 г., архитектор П.В. Швейкин) и справа от дома (1882 г., архитектор А.П. Багалдин-Таишев)². Здания были увеличены в размерах и в результате практически вся фронтальная часть усадьбы по линии Большой Дворянской длиной в 17 саженей оказалась застроенной.

В связи с приведенным примером следует заметить, что строительство новых жилых домов в процентном отношении значительно уступало в 1870-е гг. строительству флигелей³. Эти объекты недвижимости позволяли повысить коммерческую составляющую усадебного места, т.к. появлялись дополнительные площади, которые можно было сдавать внаем под разные цели, но прежде всего под жильё. Именно таким образом в городе появлялись первые доходные дома⁴. На втором месте по числу полученных разрешений на строительство – это возведение на территории усадеб всевозможных служб⁵. За счет активного строительства этих двух видов объектов и происходило уплотнение городской застройки без массового дробления исторически сложившихся участков домовладений.

¹ ГАВО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 163.

² Там же. Д. 321, 1200. Л. 147.

³ В архитектурной терминологии - это небольшая боковая пристройка под собственной кровлей при главном доме, которая также может располагаться и отдельно рядом с основным зданием. В воронежской практике флигели чаще всего представляли собой отдельно стоящие сооружения.

⁴ В качестве примера можно привести уже упоминавшийся каменный двухэтажный дом Г.Ф. Столя на Большой Дворянской, в котором 18 жилых комнат сдавалось в наём. При этом на территории усадьбы располагалось ещё два двухэтажных каменных жилых флигеля, соединённых между собой открытой деревянной галереей в уровне верхнего этажа. (ГАВО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 755. Л. 8).

⁵ Под службами традиционно понимались размещённые на территории усадьбы конюшни, сараи или помещения, в которых могла располагаться прислуга.

Разрешение выдавалось коллегиальным решением управы и оформлялось в виде протокола, но перед этим проект на любое частное строительство должен был пройти экспертизу у городского архитектора. Проект мог быть отклонен, если представляемые материалы не соответствовали одному из пунктов нормативных правил, оговоренных в Строительном уставе или обязательным постановлениям изданным думою по строительной части. Стилиевые характеристики архитектуры жилых домов, в отличие от общественных зданий, при этом не оценивались. Архитектор, подписавший чертёж, как правило, осуществлял в дальнейшем надзор за возведением постройки и в силу этого нёс ответственность за её прочность и соответствие утверждённому проекту даже в деталях. К этим обязанностям они, как руководители строительства относились с большим тщанием, поскольку архитектор мог получить запрет на производство строительных работ сроком от 1 года до 2 лет, если нарушения в его практике были выявлены трижды¹.

В случае отказа в разрешении на новое строительство или перестройку на документе городским архитектором должна была делаться соответствующая запись с указанием причины отклонения. Однако на документах, связанных со строительством частных зданий, таких замечаний практически нет, что говорит о высоком профессионализме воронежских специалистов, составлявших проектную документацию. Единственный проект, не прошедший процедуру утверждения, который был обнаружен нами – проект на постройку торговой бани при доме тайного советника адвоката М.Н. Нечаева². План, фасады и разрезы этой несостоявшейся постройки вычертил в 1871 г. Э.И. Шмидт, который в Воронеже работал только по частным заказам. Его фамилия достаточно часто упоминается в делах об утверждении проектов, выполненных в период с 1871 по 1875 гг. в следующей формулировке: «Чертеж выполнил прусский подданный, техник Э. Шмидт».

¹ Трахтерев О.С. Строительное законоведение: пособие к лекциям, чит. на СПб. высш. жен. политехн. курсах. СПб., 1913. С. 82.

² ГАВО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 176. Л. 1 – 5. Этот дом сохранился до наших дней (ул. К. Маркса, 55) и вошел в краеведческую литературу под именем его последнего владельца врача С.В. Мартынова.

Заказные проекты небольших домов рядовых обывателей и других объектов массовой застройки (флигели, бани, навесы, заборы и т.п.), а также всевозможных перестроек, выполняли, как правило, специалисты «не первой руки», создававшие зачастую фасады проектируемых зданий на основе исторически сложившихся прототипов и региональных стереотипов: помощники архитекторов, младшие инженеры и техники. Так, например, техник В.А. Иссов, работавший с 1874 г. по 1879 г.¹ при городском архитекторе, в свободное от служебных обязанностей время составил не менее семи проектов. Приведем их список, который весьма наглядно представляет весь спектр проектных работ, которыми занимались специалисты такого уровня: перестройка каменных бань купца А.Г. Самофалова под службы и частично под жилой дом (1874, 1875), пристройка к дворовому фасаду дома купчихи В.Г. Болдыревой (1875), постройка каменной лавки крестьянина П.Ф. Черникова (1874), расширение трехэтажного дома (пристройки со стороны двора) и двух флигелей губернского секретаря А.И. Хрущева (1874), постройка двухэтажных домов купца Фролова (1875) и купца В.К. Попова (1877)².

Известно также, что младший инженер строительного отделения губернского правления П.В. Швейкин по заказам воронежцев составил несколько проектов в период 1872-1873 гг.³ Выполненные им проекты по степени сложности и тематике весьма близки тем, автором которых был В.А. Иссов. Однако, если его внеслужебное творчество ничем особенным не примечательно, то благодаря служебному положению Швейкину пришлось принять участие в столь редкой для провинции работе как составление проекта планировки уездного города⁴. Таким городом стал Богучар, над проектом которого он трудился с 1867 г. по 1871 г., после того, как план, составленный в 1865 г. архитектором ГСДК М.П. Жукевич-Стошем, был возвращен из Санкт-Петербурга с замечаниями⁵.

¹ Акинъшин А.Н. Материалы к биографическому словарю // Из истории Воронежского края. Воронеж, 2002. Вып. 10. С.100.

² ГАВО. Ф. И-19. Оп.1. Д. 656, 672, 673, 675, 860, 778.

³ Там же. Д. 319, 333, 360, 505.

⁴ РГИА. Ф. 1287. Оп. 16. Д. 2144. Л. 1–44.

⁵ Акинъшин А.Н. Материалы к биографическому словарю // Из истории Воронежского края. Воронеж, 2005. Вып. 13. С. 129.

Возможно, техником или чертежником при службе городского архитектора, по предположению А.Н. Акиньшина, числился и И.Ф. Жаминов¹. В 1883-1884 гг. он выполнил несколько проектов на перестройку обывательских домов, где именовал себя «исправляющий должность архитектора»². Эти проекты, при всей их заурядности, благодаря столь необычной подписи привлекли наше внимание.

Не всегда, конечно, занимаемая должность говорила о таланте и мастерстве архитектора. В этом плане весьма примечательно творчество В.В. Стайновского, служившего всего лишь младшим инженером губернского строительного отделения с 1874 г. по 1885 г. За этот период по его проектам были перестроены в Воронеже дома купцов Безрукова, Семькина, Кряжова, полицмейстера Турчанинова, помещика Шуринова, построен дом ремесленника Лазаренкова. Однако наибольших успехов он добился в области культового строительства. По его чертежам в сёлах, слободах и уездных городах губернии были возведены 16 храмов³. Среди них грандиозный Преображенский собор в Бутурлиновке, запроектированный архитектором в 1885 г. Именно он по своим художественным достоинствам стал вершиной творческих достижений архитектора за весь воронежский период профессиональной деятельности, т.к. в конце 1885 г. он переехал в Петербург.

Впечатляющих успехов в области культового строительства достиг и инженер-архитектор Д.В. Знобишин, служивший с апреля 1880 г. по март 1884 г. младшим архитектором строительного отделения губернского правления. Из 50 построек, возведенных по его проектам в городах и сёлах Воронежской губернии, 45 приходилось на храмы⁴.

Конечно, бывали случаи, когда за небольшую и несложную работу брались архитекторы с именем. В качестве примера приведем проект 1872 г. каменной пристройки для входа к двухэтажному дому чиновницы С.Н. Перелёшиной⁵. Ве-

¹ То же // Там же. Воронеж, 2002. Вып. 10. С. 87.

² ГАВО. Ф. И-19. Оп.1. Д. 1238. Л. 96; Д.1239. Л. 55; Д. 1249. Л. 39.

³ Юбилейный сборник сведений о деятельности бывших воспитанников Института гражданских инженеров (Строительного Училища). 1842 – 1892 /сост. Г.В Барановский. СПб., 1893. С. 325; ГАВО. Ф. И-19. Оп.1. Д. 1163, 1164.

⁴ Юбилейный сборник сведений о деятельности бывших воспитанников... С. 126–127.

⁵ ГАВО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 347.

роятно, она в силу своего положения и расположения дома, на углу улиц Аникеевской (ныне ул. Ольминского) и Поповорыночной (ул. Ст. Разина), была заинтересована в том, чтобы решение входа выполнил известный архитектор В.Н. Шебалин. Так сложилось, что в Воронеже угловым домам в престижных местах города всегда уделялось в архитектурном плане повышенное внимание, поскольку они формировали благоприятное восприятие перспективы кварталов.

Достаточно часто из-за высокой конкуренции на рынке проектных услуг и относительно невысокой платежеспособности основной массы населения Шебалину приходилось браться за любую проектную работу. Например, это могла быть перестройка в 1875 г. стены деревянного флигеля мещанки В.К. Зубовой и постройка у принадлежащего ей дома деревянной лавочки на Мало-Чернавской улице¹, поскольку ежегодной установленной ему после выхода в отставку (в 1869 г.) пенсии в 420 руб. 20 коп. не хватало на содержание семьи, в которой в это время было четверо малолетних детей. Финансовое положение архитектора было столь плачевно, что 16 июня 1875 г. он вынужден был обратиться с прошением к воронежскому губернатору об оказании материальной помощи его семье, к которому была приложена полицейская справка о бедности просителя².

Несмотря на строительный бум жилых и общественных зданий, наблюдавшийся в городе в рассматриваемый период, культовые сооружения по-прежнему оставались главными визуальными доминантами Воронежа, поскольку они по-прежнему были значительно выше основной массы рядовой застройки. Наряду с четырёхъярусной сорокадевятиметровой колокольней Алексеевского Акатова монастыря, построенной в 1879-1880 гг., важную роль в формировании архитектурного облика города стал играть и храм святого Владимира (1896-1909), построенный по проекту архитектора А.А. Кюи. Эта церковь стала крупнейшей в Воронеже из-за чего горожане стали именовать её Владимирским собором³.

¹ ГАВО. Ф. И-19. Оп.1. Д. 803.

² Кожемякин А. В. Новые историко-краеведческие находки // Записки воронежских краеведов. Вып. 2. Воронеж, 1983. С. 127.

³ Его размеры в плане составили 36 на 32 метра, что позволяло одновременно находиться в храме во время богослужений до 4 тысяч верующих. Он был взорван в 1931 г.

В архитектуре храма отчётливо прослеживались черты древнерусской архитектуры в интерпретации К.А. Тона, что полностью отвечало рекомендациям, содержащимся в указе «О введении в действие Устава Духовных Консistorий в исправленном виде» от 9 апреля 1883 г.¹ Проект был выполнен в 1889 г., однако место для строительства городская дума определила лишь в 1894 г. Им стала Новоконная площадь (ныне территория Комсомольского сквера). Строительные работы, начавшиеся летом 1896 г., в основном были завершены в 1909 г. (работами руководил городской архитектор А.М. Баранов). Из-за нехватки средств, поскольку они собирались за счёт добровольных пожертвований граждан, внутренняя отделка была полностью завершена только в 1918 г. Тогда же состоялось освящение храма, ставшего, таким образом, последним в досоветской истории Воронежа².

К 1917 г. в городе имелось 25 православных храмов, из которых 18 были приходскими, два кладбищенскими и пять монастырскими. Еще 5 храмов находились в пригородных слободах: две в Чижовке и по одному в Монастырщентке, Придаче и селе Отрожка³.

Порядок прохождения согласования проектной документации на достройку, перестройку уже существовавших храмов и строительство новых не претерпел во второй половине XIX в. каких-либо принципиальных изменений. Проекты культовых зданий передавались из местных духовных консисторий в строительные отделения губернских правлений для определения уровня согласования проектной документации. Если достаточно было местного уровня согласования, то из строительного отделения они возвращались в управление епархии для исполнения. Если же требовалось согласование проекта и сметы в вышестоящих инстанциях (разрешение Синода или высочайшее соизволение) местное епархиальное

¹ ПСЗРИ. 3-е собр. – Т. 3, № 1495. С. 118.

² Революционные события помешали реализовать проект профессора академии художеств А.Н. Померанцева по перестройке здания семинарии, который в июне 1917 г. был рассмотрен Синодом и рекомендован к использованию. Архитектор украсил протяженный фасад семинарского здания ещё двумя четырехколонными портиками, расположенными симметрично по отношению к центральному. Сам центр дополнительно акцентировался объемом предлагаемой к строительству церкви (РГИА. Ф. 835. Оп. 1. Д. 68. Л. 1 – 9).

³ Отроженская церковь, освящённая в честь Казанской иконы Божией Матери (1903-1911) стала последней по времени начала строительства на территории современного Воронежа (ул. Суворова, 7).

начальство направляло рассмотренную в губернских строительных отделениях документацию в Святейший Синод¹.

Синод, подчеркивая особый государственный статус православия, контролировал строительство культовых построек и других вероисповеданий, решение о появлении которых принималось на губернском уровне. Так, например, в Воронеже на основании прошения католической общины городская дума в 1889 г. выделила на улице Лесных дворов участок под строительство костела. Строительство здания, проект которого выполнил С.Л. Мысловский (см. иллюстративные материалы, рисунок № 36), служивший в то время младшим архитектором строительного отделения, завершилось в 1893 г.²

По проекту Мысловского в 1903 г. в самом конце Большой Дворянской улицы (ныне ул. Станкевича, 4), в отдалении от православных храмов было завершено строительство двухэтажного здания синагоги³. По своей площади (около 600 кв. м) оно соперничало с хоральными синагогами Москвы и Санкт-Петербурга.

Активизация строительства в городе привела к тому, что в 1880-е гг. в практике возведения зданий наблюдалось изменение масштаба подрядной деятельности. Подрядчиков дореформенного времени, оперировавших сравнительно небольшими суммами, постепенно заменили более крупные строители-предприниматели, имевшие по несколько бригад – специализированных подрядных артелей (каменщиков, плотников, маляров и т.д.). Например, в конце XIX – начале XX вв. известность приобрели подрядчики: крестьянин А.Н. Калинин, специализировавшийся на высококачественной кладке из лицевого кирпича; техник путей сообщения с правами архитектора П.И. Медведев, который неоднократно бывал компаньоном Калинина; купец, инженер-технолог Н.И. Баркан, бравшийся, в том числе и за возведение объектов с большим количеством лепных

¹ ПСЗРИ. 3-е собр. – Т. 3, № 1495.

² Столь необычное для Воронежа здание в готическом стиле было уничтожено по решению городских властей в 1962 г. Сейчас его место занимает левая часть дома № 15 по улице Кольцовской.

³ Однако на их размещение по отношению к церквям в населённых пунктах был установлен строгий регламент (если на одной улице на расстоянии не менее 100 саж., на другой – 50 саж.)

деталей на фасадах¹; С.И. Попов и А.П. Баранников, построившие первые канализационные магистрали; И.Г. Карпов, который первым начал асфальтирование тротуаров на Большой Дворянской и благодаря которому в домах воронежцев появлялись первые бетонные перекрытия и цементные полы.

Кроме того, в начале XX в. в Воронеже возникают частные строительные, проектно-строительные фирмы, товарищества и конторы бравшие подряды на строительство, как от частных лиц, так и от городских управ. Достаточно посмотреть периодические издания рассматриваемого периода: адрес-календари и памятные книжки по Воронежской губернии, газеты. Вот некоторые объявления из газеты «Воронежский телеграф» за 1911 г.: «инженер Г.К. Хрщонович – в доме Земскова, кв. 12. Сметы, проекты» (№ 73); а инженерная контора Ивана Михайловича Мириманова предлагала «построение домов», т.е. все работы – от выполнения проекта и до завершения строительства «под ключ» (№ 80). Такой же спектр услуг предлагала строительно-техническая контора техника и крупного предпринимателя М.Н. Литвинова, осуществлявшего, в том числе и функции подрядчика. Один из лучших примеров его деятельности – гостиница «Бристоль», построенная на Большой Дворянской улице по проекту заведующего «литвиновской» конторы инженера М.Е. Фурманова (1909–1910 гг., пр. Революции, 43). При её возведении он впервые в воронежской практике использовал такой редкий для провинции того времени материал как железобетон.

Некоторые фирмы специализировались только на продаже строительных материалов. В качестве примера можно привести фирму инженера А.У. Юхневича, который был совладельцем и управляющим товарищества по выпуску кирпича². Основанный в 1873 г. кафельный завод предпринимателя Дорохина, располагавшийся «на Стрелецком лоску» (район современной ул. Большая Стрелецкая), поставлял на строительный рынок губернии кафель, огнеупорный кирпич и алебастр.

¹ Попов П.А. Модерн в архитектуре Воронежа // Из истории Воронежского края. Воронеж, 2002. Вып 10. С. 168, 172.

² Попов П.А. Городское самоуправление Воронежа. С. 57.

Для решения конкретных городских проблем при думе создавались технические комиссии, в которые почти четверть века входил городской архитектор А.М. Баранов. С 1910 г. для работы в городских комиссиях при думе по техническо-строительным вопросам приглашались: губернский архитектор Д.Н. Васильев, губернский инженер С.Л. Мысловский, городской архитектор М.Н. Замятнин. Например, их мнение как специалистов сыграло немаловажную роль в сносе ка lanчи над зданием Дворянской полицейской части на Большой Дворянской улице и Круглых рядов на одноименной торговой площади Воронежа. При этом следует отметить, что они оценивали только техническое состояние этих объектов, т.к. их историческая и архитектурная ценность не осознавалась в городе не только на уровне городской интеллигенции, но и даже представителями профессионального сообщества.

После года работы в должности городского архитектора именно М.Н. Замятнин впервые поднял вопрос о необходимости создания при управе строительной части или технического отдела, который позволил бы разгрузить городского архитектора и более оперативно реагировать на все вопросы, связанные не только с застройкой, но и благоустройством Воронежа. В развернутой докладной записке (её полный текст представлен в приложении № 4), поданной в управу 29 марта 1912 г.¹, он в качестве обоснования перечислил все свои обширные служебные обязанности (13 пунктов!) и просил «в помощь городскому архитектору в настоящее время пока организовать технический отдел». По его мнению, он должен был состоять из заведующего, назначаемого из числа членов управы, городского архитектора, четырех техников (с низшим техническим образованием) и 1-2 чертежников. При этом он объяснил необходимость введения в штат техников-десятников и детально расписал их обязанности. В дальнейшем с развитием города и увеличением объема работы Замятнин предлагал ввести должность помощника городского архитектора и передать в его ведение контроль над частным строительством и городским благоустройством.

¹ Постановления Воронежской городской думы за первую треть 1912 г. Воронеж, 1913. С. 353-357.

Обосновывая расходы на содержание отдела (городского архитектора – 2400 руб. в год, четырех техников – 4000 руб., двух чертежников – 1200 руб., на первоначальное оборудование чертежными принадлежностями и инструментами – 800 руб. и по 300–400 руб. на их ежегодное пополнение), Замятнин писал: «такой расход вполне окупится урегулированием технической стороны городского управления, экономичностью в расходовании строительных сумм по постройкам и ремонту, правильностью и прочностью зданий и даже неоспоримостью отчетности на строительные потребности города и, наконец, предотвращением катастроф на постройках и ремонтах». В завершении этого пространного документа, который можно сравнить со своеобразным манифестом по перестройке строительной части в городе, Замятнин решительно заявлял управе о том, что если он по-прежнему будет продолжать службу один, то окажется «совершенно не в состоянии своевременно исполнять и нести перед городским управлением полную ответственность за постройки, ремонт, технический надзор и отчетность».

Реакцией на обращение М.Н. Замятнина стало сообщение на очередном собрании думы городского головы Н.В. Чмыхова о том, что вопрос об организации технического отдела разрабатывается управой¹. Однако лишь после повторного заявления архитектора в управу, написанного в ультимативной форме в 1914 г., дело сдвинулось с мертвой точки. В нём, наряду с прежними требованиями, архитектор выдвигал новые условия по оплате своего труда (не менее 3,6 тыс. руб. в год при сохранении практики отчисления ему 2% со стоимости проектов новых построек городского самоуправления). В случае отклонения высказанных требований, как писал Замятнин, он «вынужден будет оставить городскую службу»². Это был своего рода ответ на решение думы, принятое в июне 1914 г., чтобы ему или другому архитектору было запрещено заниматься частной практикой, т.е. чтобы он себя полностью посвящал только городской службе и при этом отказался и от двухпроцентного вознаграждения за проекты, выполняемые для нужд города. За такое решение активно выступал гласный думы, губернский

¹ Постановления Воронежской городской думы за первую треть 1912 г. Воронеж, 1913. С.161.

² То же, за вторую треть 1914 г. Воронеж. С. 419, 420.

архитектор Д.Н. Васильев, но при этом он же отмечал необходимость достойного оклада для городского архитектора¹.

В январе 1915 г. в думе вновь обсуждался вопрос о городском архитекторе, в результате рассмотрения которого было принято решение об отмене прежнего постановления. Дума приняла условия М.Н. Замятнина, поскольку новые, выдвинутые им в ответ на июньское решение, были ещё менее выгодными для её бюджета. Он соглашался на требования думы только при условии оплаты его труда в управе в 6 тыс. руб. и при сохранении права заниматься частной проектной практикой². Единственная небольшая уступка с его стороны заключалась в том, что он при такой оплате его труда обещал оставить службу в губернском правлении³. По нашему мнению, авторитет архитектора, профессионализм и относительная финансовая независимость от службы в управе, подкреплённая многочисленными частными заказами, во многом объясняют столь резкую форму общения Замятнина с управой и думой.

Наряду с условиями, которые он отстаивал не только для себя, но и для любого другого должностного лица на посту городского архитектора, важнейшей заслугой М.Н. Замятнина является создание службы при управе, ответственной за все строительные процессы в Воронеже. В октябре 1915 г. при управе и под его руководством был учреждён технический отдел, необходимость создания которого архитектор отстаивал в течение четырех лет. Позднее при отделе был организован склад строительных материалов. Данное обстоятельство способствовало тому, что отдел стали называть строительным или строительско-техническим. К 1917 г. в отделе было уже 26 штатных сотрудников, обеспечивающих деятельность его трех структурных подразделений: технической части, делопроизводства и бухгалтерии. В частности, в технической части здесь работали помощник архитектора, техник, два чертежника, два участковых техника, три приказчика⁴.

¹ То же. С. 390–392.

² Доход от частного проектирования был столь значителен, что архитектор мог себе позволить построить в 1912 г. в центре города собственный трехэтажный жилой дом (ул. Алексеевского, 12) и поэтому отказываться от этого вида деятельности он был не намерен.

³ Постановления Воронежской городской думы за первую треть 1915 г. Воронеж, 1917. С. 27.

⁴ ГАВО.Ф. И-19.Оп.1. Д. 3351. Л. 86, 87.

О размере жалования этих служащих среднего состава самоуправления можно судить по месячным окладам на 1917 г. приведенным в монографии П.А. Попова: чертежник – 225 руб., приказчик – 304 руб.¹

После роспуска городской думы и управы Воронежа, состоявшегося 11 мая 1918 г., и упразднения прежней системы городские и губернские органы управления строительной частью со всем составом служащих и делопроизводством были переданы в подчинение технических отделов городских и губернских Советов народного хозяйства. Со сломом старой власти в первые послереволюционные годы в строительстве не только уездных городов и сёл, но и в самом губернском центре наступила долгая пауза.

¹ Попов П. А. Городское самоуправление Воронежа. С. 113.

Глава 4. РОЛЬ ГОРОДСКОЙ АРХИТЕКТУРНО-СТРОИТЕЛЬНОЙ СЛУЖБЫ В ФОРМИРОВАНИИ ОБЛИКА ВОРОНЕЖА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

§ 1. Профессиональная деятельность городских архитекторов Воронежа в пореформенный период

Реформы и широкие экономические возможности, открытые железными дорогами, проложенными через территорию губернии, резко изменили темп жизни Воронежа в целом. Строительная горячка охватила город. Государственные органы, еще совсем недавно занимавшиеся строгой регламентацией строительства, постепенно ослабляли контроль за его застройкой, предоставляя большую свободу местному самоуправлению и частным застройщикам.

Данные обстоятельства привели к резкому возрастанию объемов проектных работ, в выполнении которых, как правило, ведущую роль играли городские архитекторы. Применительно к Воронежу именно они запроектировали наиболее интересные и значимые постройки (городские и частные), позволившие уже к началу XX в. сформировать новый образ губернского центра.

Тем не менее, служебная деятельность городских архитекторов пореформенного времени носила по-прежнему, в основном, административно-контролирующий характер и заключалась в выдаче разрешений на строительство, привязке проектов, рекомендованных для строительства, согласовании проектов и смет, а также руководстве процессами, связанными с проектированием построек, возводимых для городских нужд. Она не давала архитекторам широких возможностей в творческом плане, а жалование коронных служащих как мы уже знаем было невелико. Поле творческой деятельности архитекторов в основном определялось всем спектром частных заказов, дававших к тому же дополнительные заработки. Сведения об архитекторах, содержащиеся в выявленных нами архивных источниках и опубликованных ранее материалах, позволяют охарактеризовать и эту сторону их профессионального служения искусству архитектуры, которому они посвящали своё внеслужебное время. Заметим, что так комплексно деятель-

ность городских архитекторов Воронежа пореформенного периода в его истории прежде не рассматривалась.

Как правило, и воронежский опыт убедительно свидетельствует об этом, на должность городского архитектора назначались специалисты, положение которых в профессиональной среде уже утвердилось. В рассматриваемый период первым пост городского архитектора Воронежа занял выпускник Академии художеств Александр Антонович Кюи (1824–1909), получивший в 1857 г. редкое для провинции звание академика архитектуры за конкурсный проект губернского дворянского собрания¹. Этот успех был вполне закономерен, поскольку до переезда в Воронеж в 1854 г., где Кюи занял должность архитектора Кадетского корпуса, он имел большой опыт практической работы в Санкт-Петербурге. Назначение на место городского архитектора он получил в мае 1859 г., сменив на этой должности архитектора М.И. Клейнера, переведенного в г. Митаву архитекторским помощником для производства работ².

Приоритетом в работе А.А. Кюи естественно были городские заказы, спектр которых был чрезвычайно разнообразен: от устройства иорданской сени и до проектирования, как было уже рассказано, всех наземных сооружений, входивших в первичную структуру инженерной сети городского водопровода. Созданная им первая городская водонапорная башня стала на тот период самым высоким сооружением гражданского назначения. Её внешний облик был решен с использованием мотивов древнерусской архитектуры, в стилистике, которую Кюи перенял у своего учителя К.А. Тона. Благодаря этому восьмигранная в плане башня, выложенная из красного кирпича, сразу же стала достопримечательностью города.

В Митрофановском монастыре Александр Антонович занимался перестройкой и расширением Благовещенского собора (1868–1875). Храм был увеличен в западном направлении на 11 саженей (23,4 м.), что позволило создать обширную трапезную, подводящую к основному объёму, который по проекту Кюи увенчали ещё 4 деревянные главы, расположившиеся вокруг главного купола. В процессе

¹ Акинъшин А.Н. Материалы к биографическому словарю // Из истории Воронежского края. Воронеж, 2003. Вып. 11. С. 161–164.

² РГИА. Ф. 200. Оп. 2. Д. 541. Л. 2.

перестройки архитектором были изменены многие интерьеры и устроено водяное отопление¹.

Кюн активно участвовал в создании первого памятника в истории Воронежа – памятника Петру I (скульптор А.Е. Шварц), торжественно открытого 30 августа 1860 г. Он создал проект гранитного пьедестала, сохранившегося до наших дней, и планировку сквера на Большой Дворянской улице, первоначально называемого Петровской площадью. В связи с её созданием в 1858 г. он, как городской архитектор, занимался формированием участка городской земли, отданного под домовладение коллежского асессора Грудинского, взамен изъятого при создании сквера². По мнению краеведа В.И. Кононова, А.А. Кюн можно считать и одним из авторов памятника поэту А.В. Кольцову (скульптор А. Трискорни), открытого в 1868 г., поскольку он выполнил эскизный рисунок бюста, а затем руководил установкой памятника и распланировал сквер³.

В связи с увольнением с должности губернского инженера Л.В. Жененова, в июле 1868 г. Кюн обращается в ТСК МВД с просьбой о назначении на освободившееся место⁴. Предпочтение было отдано военному инженеру Ю.И. Волтатису, который по своему образованию больше подходил для этой должности. В июле 1870 г. А.А. Кюн всё же «ушел на повышение», став губернским архитектором и занимал эту должность до сентября 1906 г. Так совпало, что в дореволюционной истории Воронежа именно он стал последним назначенным городским архитектором. В общей сложности А.А. Кюн был руководителем строительных процессов, имевших место в городе и губернии, на протяжении 47 лет. Принимая во внимание частые перемещения специалистов в соответствии с их служебными назначениями, столь длительный срок работы в должности городского и губернского архитектора свидетельствует о признании администрацией выдающихся организаторских и творческих способностей А.А. Кюн.

¹ Поликарпов Н. Воронежский Благовещенский Митрофанов монастырь // Воронежская старина. Вып. 5. Воронеж, 1904. С. 38.

² РГИА. Ф. 1287. Оп. 39. Д. 915.

³ Кононов В.И. Воронеж: история города в памятниках и мемориальных досках. Воронеж, 2005. С. 100, 101.

⁴ РГИА. Ф. 1293. Оп. 76, ч. 2. Д. 158. Л. 1–7.

Будучи уже губернским архитектором, он выполнил целый ряд проектов крупных храмов, построенных в городах и селах губернии. Помимо храма святого Владимира в Воронеже, это Архангельская церковь в селе Голышевка Коротоякского уезда (1871-1873), церковь в Варваринском женском монастыре Нижнедевицкого уезда (1864-1866), двухэтажный Троицкий собор в Свято-Троицком женском монастыре в Задонске (завершён в 1887), собор в Николо-Тихвинском монастыре Бирюченского уезда (1899-1904). В Орловской губернии по проекту Кюи был построен двухэтажный пятиглавый собор Марии-Магдалининского женского монастыря (1884)¹.

Из многочисленных гражданских объектов в Воронеже, к созданию которых был причастен А.А. Кюи, назовём лишь два, ставших яркими достопримечательностями центра города. Так, в 1878-1879 гг. в связи с ростом числа воспитанников по проекту архитектора был надстроен второй этаж Александринского детского приюта, расположившегося у Каменного моста. Именно тогда архитектура здания приобрела черты, сохранившиеся в основном объёме современного здания, угловая часть которого была увенчана в 1900 г. шатром с главкой домово́й церкви (ул. К. Маркса, 45)².

В 1872 г. по просьбе епархии уже губернский архитектор А.А. Кюи выполнил проект расширения семинарского здания. Им было предложено продлить его в обе стороны, что и было сделано.³ Ныне габариты первоначального здания на современном фасаде отмечены тем, что старый объём немного выступает вперед.

Сквозная часовня в псевдорусском стиле перед главным входом семинарии, известная по дореволюционным фотографиям, была спроектирована в 1866 г., а построена летом 1869 г.⁴ Разрешение на её строительство было дано ТСК МВД 27

¹ Акинъшин А. Н. Материалы к биографическому словарю // Из истории Воронежского края. Воронеж, 2003. Вып. 11. С. 163.

² Современная башенка с шатровым покрытием над угловой частью здания была сооружена в процессе его восстановления после Великой Отечественной войны по проекту архитектора Б. Н. Зотова.

³ Чесноков Г.А. Воронеж. Каменная летопись. Архитектура и строительство: в 2 т. – Воронеж, 2011. – Т. 1. С.95.

⁴ РГИА. Ф. 1293. Оп. 166. Д. 82. Л. 1.

августа 1867 г. в ответ на представление воронежского губернатора¹. Авторство часовни документально установить не удалось, т.к. чертеж, представленный в комитет на рассмотрение, не подписан. Тем не менее, учитывая тягу Кюи к древнерусскому стилю, его служебное положение и авторитет, а также то обстоятельство, что епархия вскоре после завершения часовни обратилась к услугам архитектора по реконструкции здания семинарии, можно предположить, что именно он был её автором. Часовню разобрали в начале 1920-х гг., когда в здании располагался Дворец Труда².

С 1 октября 1870 г. должность городского архитектора занял гражданский инженер Марцелий Викентьевич Богданович (1817–1872), прежде работавший в Смоленске и Курске. Очевидно, он очень неплохо справлялся со своими служебными обязанностями, свидетельством чего является тот факт, что уже в 1871 г. городская управа в соответствии с новыми правилами, изложенными в «Городовом положении» 1870 г., коллегиально избрала его на эту должность³. Теперь он получал от управы жалование и был, как уже известно, причислен к её составу и напрямую не подчинялся строительному отделению губернского правления.

В этом новом качестве он исполнял обязанности городского архитектора до своей смерти, т.е. немногим более двух лет. Вероятно, в силу этого обстоятельства его личность для Воронежа в какой-то степени оказалась проходной. Каких-либо крупных построек, осуществлённых по его проектам, выявить не удалось. В архивных документах фонда городской управы ГАВО содержатся сведения лишь о проектах небольших частных домов (их более 40)⁴ и о выполненных им работах, связанных с благоустройством города. Некоторый общественный резонанс получили предложения архитектора по ремонту мраморной облицовки пьедестала памятника А.В. Кольцова⁵ и «обнесению» памятника Петру I железной решёткой,

¹ Там же. Оп. 76. Д. 273.

² Четвертым этажом здание бывшей семинарии было надстроено в 1936 г.

³ Попов П.А. Городское самоуправление Воронежа. 1870 – 1918. Воронеж, 2006. С. 90.

⁴ Акиншин А.Н. Материалы к биографическому словарю // Труды Воронежского областного краеведческого музея. Воронеж, 1994. Вып. 2. С. 81, 82.

⁵ ГАВО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 239. Л. 3.

которая не была предусмотрена первоначальным проектом¹. Работы по ограждению были выполнены в преддверии празднования 200-летнего юбилея со дня рождения императора осенью 1872 г. Тем не менее, ещё раз подчеркнём, что в историю Воронежа М.В. Богданович вошёл как его первый избранный городской архитектор.

После смерти М.В. Богдановича на должность городского архитектора 17 декабря 1872 г. был избран гражданский инженер Даниил Семенович Максимов (1840–1882). Выпускник Санкт-Петербургского Строительного училища, Максимов прошел длительный путь к этому ответственному назначению: получив место в Воронежской строительной и дорожной комиссии, работал архитектором-помощником (1862-1863), затем начальником искусственного стола (1863-1865), младшим инженером строительного отделения (1865-1872)².

Его деятельность на должности городского архитектора, продолжавшаяся до выхода в отставку 18 мая 1879 г., была весьма разнообразной. Так, например, 7 октября 1872 г. Воронежская духовная консистория направила по благочиниям указ об устройстве усыпальниц при церквях для выноса в них покойников до их погребения. По решению городской думы в январе 1874 г. Максимов разработал проект такой каменной усыпальницы при кладбищенских храмах. На сохранившихся цветных чертежах (два фасада, план, разрез) изображена небольшая часовня с тремя маленькими главками, которые почти не возвышались над кровлей³. Городская дума обсуждала вопрос о строительстве нескольких таких сооружений на городских погостах, однако это намерение реализовано не было ни на одном из них.

В 1875 г. по проекту Д.С. Максимова была сооружена каменная каланча на здании Мещанской полицейской части, в 1876 г. осуществлена надстройка водонапорной башни на Староконной площади. В 1877-1879 гг. он руководил обустройством набережной и прокладкой насыпной дороги вдоль правого берега ре-

¹ Там же. Д. 234. Л. 2.

² Акинъшин А.Н. Материалы к биографическому словарю // Из истории Воронежского края. Воронеж, 2003. Вып. 11. С. 170 – 171.

³ ГАВО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 454. Л. 7, 13.

ки Воронеж. Кроме того, по проектам Максимова были построены или перестроены многочисленные жилые дома¹.

По решению городской думы архитектору Максимова была поручена разработка нового плана Воронежа, так как считалось, что имевшийся устарел и в спорных случаях не может быть использован при определении границ земельных участков. Зодчий составил два проектных плана города. Первый план был представлен в городскую думу в 1873 г., второй в 1877 г., но оба они не получили её одобрения.

С мая 1879 г. по октябрь 1883 г. пост воронежского городского архитектора занимал гражданский инженер Алексей Петрович Багалдин-Таишев (1837 – после 1893), который после освобождения от должности в 1884 г. переехал в город Юзовку. Уроженец Богучарского уезда, он с отличием окончил в 1857 г. Строительное училище в Санкт-Петербурге. С августа 1858 г. по февраль 1863 г. Багалдин-Таишев был начальником искусственного стола ГСДК в Воронеже. Затем работал в Петрозаводске и Перми, а с 1878 г. – вольнонаемный техник при Воронежской городской управе².

Сохранилось много чертежей, выполненных им в период работы городским архитектором. В основном это проекты по строительству и перестройке жилых домов (преимущественно скромных одноэтажных)³. Но среди рядовых проектов есть и такие, которые свидетельствуют о разностороннем таланте архитектора. Так, в 1881 г. Алексей Петрович создал проект деревянного цирка с системой отопления, позволявшей не простаивать заведению в зимнее время. Цирк размещался на улице Мясницкой (нынешняя ул. Театральная, рядом с современным зданием гостиницы «Россия»).

В июле 1882 г. архитектор представил в думу отчёт и чертежи по перестройке двухэтажного дома художника М.И. Пономарёва, купленного городом вместе с усадьбой за 22 тыс. руб. в 1878 г. для размещения в нём главных город-

¹ ГАВО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 441, 460, 511, 541, 544, 610, 635, 639, 1126.

² Акиншин А.Н. Материалы к биографическому словарю // Труды Воронежского областного краеведческого музея. Воронеж, 1994. Вып. 2. С. 74, 75.

³ ГАВО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 1164, 1184, 1185, 1200.

ских учреждений. В соответствии с проектом в нём разместились: городская дума и управа, сиротский суд, городской банк, 2-е Александровское женское училище и типография¹.

В 1882 г. городской архитектор выполнил чертежи для восстановления построек пострадавшей от пожара усадьбы, ранее принадлежавшей поэту И.С. Никитину. В 1883 г. им было предложено сломать старые соляные амбары на Старо-конной (бывшей Конной) площади и выстроить на их месте «Гостиный ряд с пассажем». В центральной двухэтажной части этого здания предполагалось разместить магазины, а в одноэтажных крыльях торговые лавки. Несмотря на то, что к проекту приложены протоколы осмотра здания амбаров, подписанные городским архитектором и инженером губернской земской управы И. М. Тихомировым, он так и не был реализован². В отличие от этого проекта на другой площади – Щепной долгие годы успешно функционировало деревянное здание городской весовой галереи, для которой проект и смету на строительство составил Багалдин-Таишев в 1879 г.³

В период с ноября 1883 г. и до января 1886 г. должность городского архитектора в Воронеже занимал Иван Михайлович Тихомиров (1830–1886), выпускник инженерно-топографического отделения Санкт-Петербургского Лесного и межевого института. Его избрание на эту должность стало закономерным итогом длительной и плодотворной работы в архитектурно-строительных службах губернии. С февраля 1854 г. он помощник инженера палаты государственных имуществ, с апреля 1867 г. – сверхштатный техник строительного отделения губернского правления, с июля 1870 г. – инженер губернской земской управы. Свидетельством заслуг Тихомирова можно считать и тот факт, что в течение 1870 – начала 1880-х гг. он неоднократно избирался в Воронежскую городскую думу⁴.

¹ ГАВО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 918, Д. 1054. Л. 6, 9 об., 36.

² Там же. Д. 1210. Л. 55, 58 – 59.

³ Там же. Д. 1092.

⁴ Попов П. А. Указ. соч. С. 82.

Помимо своих служебных обязанностей в 1870–1880-е гг. Тихомиров активно занимался частной проектной практикой¹. Представление о его мастерстве дают не только архивные проектные чертежи, но и дошедший до наших дней дом потомственного почётного гражданина купца И.В. Титова (ул. Фридриха Энгельса, 25), построенный в 1883 г.² Сохранившееся здание первоначально было двухэтажным (третий этаж надстроен в середине XX в.) и имело мезонин, обращенный в сторону двора. Фасад, покрытый штукатуркой, отличает богатство архитектурного декора (подоконные доски, ниши, наличники, карнизы, межэтажные тяги, лепнина на пилястрах), что было весьма характерно для каменных домов состоятельных воронежцев, строившихся в эти годы.

Среди городских архитекторов рассматриваемого периода творческой плодотворностью и стилистическим разнообразием исполняемых проектов выделяется Александр Михайлович Баранов (1843–1911), который получил специальное образование в Московском дворцовом архитектурном училище. С 1871 г. в Воронеже он руководил технической частью ремонта пути и сооружений Козлово-Воронежско-Ростовской железной дороги.

С февраля 1886 г. и по март 1911 г. Баранов – городской архитектор в Воронеже, т.е. четверть века он отвечал за архитектурно-планировочное развитие города. При этом так же, как и его предшественники, он не отказывался от частной архитектурной практики. В значительной степени благодаря такому симбиозу Баранову удалось осуществить большое количество построек, которые дают обширный материал для анализа не только его творчества, но и архитектуры Воронежа этого периода в целом. Именно поэтому представляется целесообразным дать характеристику не только его деятельности в период работы на должности городского архитектора, но и привести список его всех наиболее крупных построек, чтобы оценить значение личности Баранова для формирования облика Воронежа.

Говоря про А.М. Баранова в качестве городского архитектора, нельзя не отметить, что по сроку работы на этой должности его можно считать абсолютным

¹ ГАВО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 46, 479, 770, 784, 1030, 1238, 1243.

² Там же. Д. 1238. Л. 40.

рекордсменом среди всех городских архитекторов Воронежа за весь период существования города. Он работал при нескольких составах городской думы и управы, что можно рассматривать как признание его профессионализма в служении на благо Воронежа. По должности Баранов рассматривал и выносил вердикт проектам частных построек, т.е. мог одобрить, отправить на доработку или отказать в прошении. Однако, в отличие от предшественников, его замечания по проектам отличаются большей детализацией. Так, например, в заключении, отправленном 1 апреля 1902 г. в управу, он пишет: «Возвращая при сем, присланный мне при отношении от 29 марта № 1299, проект построек на усадьбе купца Шуклина, имею честь уведомить Управу, что проект этот должен быть исправлен в следующем:

- 1) Пряжки перед окнами на тротуаре не допускаются, а по тому должны быть уничтожены.
- 2) Согласовать брандмауэр, показанный в разрезе, с показанным на фасаде.
- 3) Показать брандмауэр между новой постройкой и существующим трехэтажным зданием.
- 4) Лестницы и площадки должны быть из негорючего материала.
- 5) Разрезные линии согласовать с разрезами.

Все это мною намечено карандашом. В утвердительной же на проект надписи оговорить следующее:

- а) Чтобы при постройке были приняты технические меры предосторожности относительно прочности, так, например, над тонкими столбами или простенками были бы перекинута в стенах разгрузные арки, в безопасных местах или были бы, смотря по условиям, сделаны другие укрепления;
- б) Голландские печи II-го этажа, показанные навесу, были бы устроены на прочных, но не деревянных основаниях»¹.

А.М. Баранов не утвердил проект на постройку и крестьянину Бавыкину, сообщив 31 января 1899 г. в управу следующее: «Возвращая при сем, присланный мне при отношении от 26 января № 352, проект на постройку в Чечёрах (*досоветское название ул. Бестужева – В. Ч.*) дома крестьянина Бавыкина, имею честь со-

¹ ГАВО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 1982. Л. 25.

общить Управе следующее: усадьба Бавыкина, ныне видно, случайная, находится не в урегулированном квартале, вышла даже и из той черты, по которой расположены другие усадьбы и при постройке возможно, что усадьба эта еще больше выйдет из сказанной черты. Сам же проект составлен вполне безграмотно и неконструктивно: стропила неминуемо разопрут стены дома, пол запроектирован в уровень с землей и т. под., а потому в виду изложенного, проект этот не может быть мною подписан»¹.

Как показывает анализ рассмотренных нами дел, наиболее частыми были замечания Баранова по поводу выноса уличного фасада здания или крыльца за определенную генеральным планом границу застройки квартала.

Проекты собственного авторства А.М. Баранов утверждал таким образом: «Препровождая при сем проекты планов и фасада на предполагаемую постройку зданий при доме Дворянства Воронежской губернии, состоящем в г. Воронеж, Московской части, 33 квартала под № 458, для жилых помещений и служб при них, составленные Городским архитектором А. М. Барановым, и копии прилагаемых проектов, имею честь покорнейше просить разрешения Городской Управы на возведение упомянутой постройки и самые проекты возвратить под расписку Секретаря Дворянства Е.В. Русина»².

Для того, чтобы представить объем работы городского архитектора по выдаче разрешений на постройки, перестройки и ремонт сооружений, приведём статистику, содержащуюся в отчётах городской управы. Так, в 1877 г. было выдано 419 разрешений, в 1879 г. – 201, в 1908 г. – 255, в 1909 г. – 336³. Приведённые цифры впечатляющие, поскольку именно на период работы Баранова в должности городского архитектора пришелся пик строительной активности в Воронеже.

Наряду с этой повседневной рутинной работой Баранов как городской архитектор выполнял проекты большинства наиболее значимых общественных зданий и сооружений. Перечислим эти объекты в хронологическом порядке и дадим им краткую характеристику.

¹ Там же. Д. 1797. Л. 33 об.

² Там же. Д. 1899. Л. 67 об.

³ ГАВО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 1624. Л. 22.

Первой работой зодчего в этом ряду является проект по перестройке и расширению дома Халютиных по Большой Девиченской под общежитие Воронежской духовной семинарии, выполненный в 1887 г. Этим же годом датируется и одноэтажный флигель, построенный по его проекту во дворе общежития. Оба здания, фасады которых демонстрируют блестящее владение Барановым русским стилем, сохранились до наших дней (ул. Сакко и Ванцетти, д. 80, 80 б).

В 1893-1894 гг. зодчий выполнил работу по приспособлению бывшего дома купцов Веретенниковых под Николаевскую общину сестер милосердия. Согласно проекту, хранящемуся в РГВИА, основное здание было дополнено третьим этажом, а фасад, обращённый в сторону нынешней улицы 9 Января, венчал массивный (ныне утраченный) купол с крестом, сооружённый над домовою церковью. При этом главный вход размещался в двухэтажной пристройке слева¹. В послевоенные годы в процессе восстановительных работ эта пристройка была разобрана, а фасады были упрощены за счёт отказа от восстановления многих деталей архитектурного декора. На сегодняшний день основное здание используется как многоквартирный дом, а в сохранившемся деревянном флигеле размещены различные учреждения (ул. Фридриха Энгельса, 72, 72а).

В 1897-1898 гг. по проекту А.М. Баранова, одобренному думой в 1894 г., было осуществлено строительство здания для Николаевской женской прогимназии². Она разместилась на территории бывшей усадьбы купца А.И. Нечаева, выкупленной в муниципальную собственность. Величественное двухэтажное здание, спроектированное в классическом стиле, сохранилось и ныне используется для нужд здравоохранения (ул. Фридриха Энгельса, 31).

Великолепием классической архитектуры с элементами русского стиля отличается и двухэтажное здание женской Ольгинской гимназии в Павловске, построенное на средства городской казны в 1899 г. Оно сохранилось и до сих пор используется как общеобразовательная школа (пр. Революции, 15). В 1899 г. по

¹ Поликарпова И.В., Попов П.А., Танкеев А.С. Реставрация главного фасада дома объекта культурного наследия «Больница красного креста: дом, флигель» на основе историко-архивных и библиографических исследований (г. Воронеж, ул. Фридриха Энгельса, 72) // Архитектурные исследования. 2021. №1. С. 38–44.

² ГАВО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 1324.

проекту А.М. Баранова был построен пансионат-приют при Воронежском дворянском собрании. В отличие от главного здания, этот дом сохранился и используется как учебный корпус ВГМУ им. Н. Н. Бурденко.

В 1898-1900 гг. под руководством городского архитектора был построен комплекс зданий Казенного винного склада, который подчинялся Губернскому акцизному управлению. Склад был рассчитан на 500 тысяч ведер вина и включал в себя, помимо большого производственного здания, разместившегося по линии застройки улицы Кольцовская, небольшие двухэтажные корпуса на его территории. Традиционно в краеведческой литературе городской архитектор указывается как автор проекта всего комплекса, однако в этом же году в Саратове было возведено такое же здание главного производственного корпуса местного винного склада¹. Этот факт можно трактовать двояко: в обоих городах был реализован типовой проект или же в Самаре был повторён авторский проект Баранова. Обе высказанные нами версии требуют дальнейших исследований, но вероятнее всего, учитывая сложность организации технологии производства на складах такой мощности, мы имеем дело с типовым проектом, разработанным в столице. В советское время основной корпус в Воронеже был надстроен на этаж с сохранением прежней стилистики и силуэта.

В 1898 г. городская дума постановила разместить в бывшем доме Ляпиных, у Каменного моста, городской ломбард. Для нужд ломбарда здание в 1898–1900 гг. было реконструировано и расширено за счет новой пристройки по проекту А.М. Баранова (ул. К. Маркса, 43).

В 1900 г. по его же проекту на загородном, прежде дачном участке купца Н.В. Серпуховитинова, было завершено строительство комплекса зданий городской скотобойни. В его состав вошли 35 зданий и сооружений (производственные помещения для убоя скота и разделки мяса, салотопня, «микроскопическое отделение» (санитарно-эпидемиологическая служба), жилые дома рабочих и служа-

¹ Столин О.В., Чесноков Г.А., Кригер Л.В. Архитектура казённых винных складов конца XIX - начала XX веков: история создания, типология и способы их сохранения в современных условиях // Архитектурные исследования. 2020. № 1. С. 73 – 85.

щих, гостиница)¹. Ныне от этого комплекса осталось всего два здания, находящихся в руинированном состоянии (ул. Пирогова, 52, 58).

В течение 1901–1904 гг. велось строительство здания Александровского женского училища, спроектированного А.М. Барановым. Трёхэтажное здание, рассчитанное на 480 учениц, что весьма наглядно свидетельствует о его грандиозности, размещалось на Петровском съезде (ул. Степана Разина)². В 1905 г. по его же проекту ранее построенное двухэтажное здание Мариинской женской гимназии получило надстройку в виде третьего этажа (ныне это часть здания бывшего Дома офицеров, пр. Революции, 32).

В 1909 г. Баранов (вместе с губернским архитектором Д.Н. Васильевым, губернским инженером С.Л. Мысловским и техником городской управы В.И. Гайном) вошел в комиссию по постройке здания городского восьмиклассного среднего механико-технического училища им. императора Петра Великого³. Учреждённое по инициативе городской думы оно к окончанию строительства в 1913 г. стало одним из самых крупных учебных заведений Воронежа. Проектные чертежи этого здания, разместившегося на площади Старый бег, в делах думы не сохранились и поэтому говорить об авторстве Баранова, впрочем, как и других членов комиссии, можно только предположительно. В его архитектуре (пр. Революции, 8) можно найти элементы, которые достаточно часто использовались в творчестве каждого из них. Также только гипотетически можно говорить об авторстве городского архитектора и по отношению к зданию Народного дома, располагавшегося на соседнем участке. Построенное в 1904 г. оно стало первым на территории Старого бега после её разбивки в 1903 г. на кварталы для строительства.

В 1907 г. архитектор участвовал в модернизации городского водоснабжения, в связи, с чем для размещения нового более мощного оборудования по его проекту было реконструировано здание водокачки.

¹ Попов П.А. Указ. соч. С. 220.

² Во время Великой Отечественной войны здание сильно пострадало и было разобрано в связи с расширением улицы.

³ Попов П.А. Указ. соч. С. 273.

В 1908–1909 гг. по проекту А.М. Баранова была осуществлена крупная пристройка к зданию городской думы, которое после проведения реконструктивных мероприятий стало символом городского самоуправления в Воронеже. Обращённое на улицу двухэтажным фасадом оно имело трёхчастное деление: по центру располагались кабинеты городской управы, а в повышенных боковых частях располагались городской общественный банк (слева) и думская зала (справа)¹.

В 1911 г. в Воронеже был торжественно открыт памятник поэту И.С. Никитину, созданный скульптором И.А. Шуклиным. Несмотря на то, что его проект в открытом конкурсе по решению жюри занял второе место, думская комиссия по возведению памятника, в состав которой входил и Баранов, признала его проект лучшим. Традиционно крупные городские скульптуры создаются с участием архитекторов, которые выбирают место для памятника и в зависимости от градостроительной ситуации определяют его общие размеры, конфигурацию пьедестала и материалы для изготовления. Именно поэтому согласимся с мнением П.А. Попова, что городского архитектора можно считать полноправным соавтором данного памятника, поскольку именно Баранов выполнил эту часть работы, т.е. разработал техническое задание для проведения конкурса и контролировал ход выполнения работ² (см. иллюстративные материалы, рисунок № 37).

В начале XX в., после революционных событий 1905 г., с целью укрепления армии в Воронеже начинается активное строительство крупных казарменных зданий, в размещении или проектировании которых Баранов, как городской архитектор принимал непосредственное участие. Так, в 1906 г. по его проекту построили трехэтажные Синицынские казармы, предназначенные для размещения трёх рот 224-го пехотного Скопинского полка (ул. Цюрупы, 5).

В 1909 г. по заказу городской управы он выполнил проект, по которому в этом же году было начато возведение четырёхэтажной казармы на Вальной улице. Это был для того времени чрезвычайно сложный в техническом отношении объект, о чём свидетельствует тот факт, что здания такой этажности в дореволюци-

¹Здание было утрачено во время Великой Отечественной войны и ныне на его месте располагается один из корпусов ВГУ (пл. Ленина, 10).

² Попов П.А. Указ. соч. С. 257.

онном Воронеже рассматривались как уникальные объекты. Возможно, из-за неопытности подрядчика, проявившейся при возведении форсированными темпами столь высокого объекта, 20 августа 1910 г., в 11 часов, недостроенная казарма рухнула. В 1912 г. казарменное здание было достроено (современный адрес: ул. Красноармейская, 43), но уже по проекту, частично переработанному очередным городским архитектором М. Н. Замятниным.

После случившегося Баранов подал в отставку с должности городского архитектора. Это был весьма болезненный удар по его профессиональной репутации, от которого он не смог оправиться и вскоре умер. Трагичность ситуации усиливало и то обстоятельство, что в случае доказанности его вины, престарелого архитектора могли подвергнуть в соответствии с действующим строительным законодательством аресту на срок от 3 недель до 3 месяцев¹.

В ситуации отсутствия жестких канонов проектирования А.М. Баранов последовательно вырабатывал творческий почерк и метод, что более всего проявилось при проектировании жилых домов по частным заказам, где он не был ограничен размерами ассигнуемых на постройку бюджетных средств. Именно в проектах частных построек, отличающихся наиболее богатой отделкой, он обретал свободу творчества и самовыражения, а смешение стилей давало возможность привнести новизну в архитектурный облик проектируемых объектов.

В ряду наиболее значительных жилых зданий зодчего, построенных в период его работы городским архитектором, следует, прежде всего, назвать трехэтажный дом купца Н.А. Михайлова на Большой Дворянской (1888-1889 гг., ныне – левое крыло дома 45/47 по проспекту Революции), который в своем магазине, располагавшемся на первом этаже, предлагал покупателям разнообразные часы. Фасад здания по проекту должны были украшать разнообразные пилястры, наличники, лопатки, миниатюрные колонны, горизонтальные тяги, карнизы, гипсовые маски и большие балконы с ажурной решеткой². Однако предложенная архитектором отделка в то время из-за финансовых проблем не была осуществлена.

¹ Трахтерев О. С. Строительное законоведение: пособие к лекциям, чит. на СПб. высш. жен. политехн. курсах. СПб., 1913. С. 83.

² ГАВО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 1318. Л. 3, 4, 15, 16, 23, 24.

Современный облик, весьма близкий проектному, дом приобрел в процессе послевоенного восстановления. Тогда же было принято решение объединить его с примыкающим к нему вплотную домом № 45, который известен в краеведческой литературе как «дом купца Вансовича». В 1891–1892 гг. этот дом был перестроен предположительно по проекту Баранова таким образом, чтобы по высоте полностью соответствовал дому Михайлова, а на оштукатуренном фасаде именно тогда появилась богатая лепнина. Такое проектное решение зодчего позволяло получить иллюзию цельности на достаточно большом участке центральной улицы Воронежа.

На противоположной стороне улицы, почти напротив бывшего дома Михайлова, разместился еще один очень известный в городе объект (проспект Революции, 46), автором перестройки которого также является А.М. Баранов. Она была проведена в 1891 г. после того, как дом, в котором в своё время жил поэт А.В. Кольцов, приобрел купец Д.Г. Самофалов. Здание получило третий этаж, а уличный фасад новое декоративное оформление в формах эклектики с элементами стилизаторства под классицизм и барокко. К старому корпусу слева пристроили новый объем, отличительной особенностью которого являются три огромных арочных окна, помещенных в уровне второго этажа, за которыми разместился двухсветный зал. Здесь в 1890-1900-е гг. размещалось Общественное собрание. Первые этажи с самого начала были торговыми, а на втором и третьем этажах перестроенного дома размещались просторные квартиры. До войны здание по центру украшал большой купол, увенчанный шаром.

В 1895 г. зодчий перестраивает дом по улице Халютинской, в котором проживал с семьёй. В результате одноэтажный каменный дом, получил фасадный декор, ориентированный на формы русского стиля. Второй деревянный этаж у этого дома был надстроен по его же проекту в 1907 г. Дом архитектора, без второго этажа, утраченного во время войны, сохранился до наших дней (ул. Батуринская, 34)¹. В 1899 г. А. М. Баранов проектирует дом по заказу отставного полковника

¹ Второй этаж из кирпича в четыре оконных оси, расположившийся слева над историческим объёмом, был надстроен в 2007 г.

И.Т. Алисова, который был построен на Второй Острогожской улице (современная ул. Кирова)¹.

Что касается культового строительства, то и в этой области проектирования архитектор также достиг значительных успехов, несмотря на малое количество такого рода заказов в своей практике. Первой такой постройкой в его профессиональной деятельности стала уже упомянутая ранее часовня, посвященная памяти Александра II (1883) на площади у железнодорожного вокзала. Она была разрушена во время Великой Отечественной войны и только фотографии начала XX в. дают представление о её облике.

Следующий заказ на постройку культового сооружения в г. Воронеже появляется у Баранова только в 1896 г. С западной стороны к зданию Реального училища архитектор пристроил двухэтажный объем церкви, получившей имя в честь святого Алексия, митрополита Московского². Церковная пристройка сохранилась и сейчас является частью бывшего училищного здания, занятого ныне военным ведомством (ул. Студенческая, 34).

В августе 1894 г. Баранов вместе с городским главой И.В. Титовым и купцами Н.А. Клочковым и Н.В. Иншаковым вошел в состав «Комитета по возведению храма святого Владимира»³. С этого времени и вплоть до своей смерти он непосредственно руководил всеми работами по возведению и внутреннему обустройству этой самой большой воронежской церкви и нес ответственность за все действия привлекаемых к строительству подрядчиков. Эта особая роль Баранова в процессе её создания, при том, что с 1899 г. имелся епархиальный архитектор, даёт право считать его соавтором губернского архитектора А.А. Кюи, выполнившего проект церкви в 1889 г.⁴

Предположительно А.М. Баранов является и автором проекта часовни иконы Божией Матери Одигитрии, располагавшейся на Староконной площади рядом

¹ Акиншин А.Н. Материалы к биографическому словарю // Труды Воронежского областного краеведческого музея. Воронеж, 1994. Вып. 2. С.75 – 77.

² Акиншин А.Н. Храмы Воронежа. 2-е изд., испр. и доп. Воронеж, 2003. С. 160.

³ Там же. С. 23.

⁴ В настоящее время в Комсомольском сквере, на месте взорванной летом 1931 г. храма, располагается Рождественская церковь, к сооружению которой приступили в 2000 г.

с водонапорной башней. К её строительству из дерева приступили в 1894 г., но уже к 1900 г. она была обложена кирпичом. В тоже время документально известно, что в 1902-1903 гг. по проекту Баранова была осуществлена замена четырёх деревянных глав на Благовещенском соборе Митрофановского монастыря, пострадавшем во время пожара 1892 г., на бетонные¹. Однако до сих пор не удалось выяснить, почему эта работа была поручена ему, а не архитектору Кюи, который был автором деревянных глав, увенчавших собор в 1875 г.

Таким образом, масштабная творческая деятельность зодчего охватила все сферы строительства и поэтому можно смело утверждать, что А. М. Баранов подарил Воронежу богатое архитектурное наследие, без которого сложно представить город. Для того чтобы более полно оценить масштаб сделанного зодчим, следует упомянуть ещё две значимые постройки архитектора, которые сохранились в городе до наших дней и стали его украшением. Здесь представляется целесообразным подчеркнуть, что они были созданы в период, предшествующий его избранию на должность городского архитектора.

В 1881 г. по проекту А. М. Баранова был построен двухэтажный жилой дом и надстроен на этаж примыкавший к нему вплотную флигель (ул. Января, 43, 45)². Заказчиком проекта был зажиточный воронежский купец Н.Ф. Харин. Для архитектора это была первая постройка в Воронеже, где он должен был продемонстрировать уровень своего профессионального мастерства. Фасад жилого дома, бережно восстановленный после войны по проекту архитектора Б.Н. Зотова, поражает торжественностью достигаемой за счёт обилия декоративных деталей, характерных для барочной дворцовой архитектуры.

26 января 1883 г. городской думой по представлению распорядительного комитета женского благотворительного отделения был утверждён проект Баранова на постройку близ Пятницкой церкви здания для швейной мастерской с приютом для бедных девушек³. Оно было построено в 1884 г. и до сих пор вызывает восхищение сложным декором, в котором весьма необычно переплетаются эле-

¹Поликарпов Н. Указ. соч. С. 39.

²ГАВО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 1184. Л. 10.

³Там же. Д. 1239. Л. 1.

менты западноевропейской средневековой архитектуры и русско-византийского стиля характерные для культовой архитектуры (ул. К.Стрелюка, 11/13).

Вполне вероятно, что архитектурные достоинства этих объектов, свидетельствующих о высоком профессионализме А.М. Баранова, сыграли немаловажную роль в утверждении его в должности городского архитектора. К сказанному о Баранове следует добавить, что перечень объектов, где его авторство документально установлено, со временем может быть расширен. Стилистические особенности, характерные для его построек, дают основание предположить авторство архитектора в проектировании таких объектов, как училищный дом (1908, ул. Пушкинская, 16), гостиница Воищева (нач. 1880-х гг., ул. Средне-Московская, 10), гостиница «Гранд-отель» (1893, ул. Средне-Московская, 12), здание Высшего начального училища (1895, ул. Комиссаржевской, 17), дом Шуклина¹ (1902-1903, ул. К. Маркса, 70). Несмотря на то, что в последующие годы эти объекты были частично перестроены, их сравнительный анализ вкуче с сохранившимися архивными фотографиями, делает данное предположение достаточно убедительным.

Говоря о формировании облика Воронежа начала XX в., нельзя обойти вниманием творческую деятельность последнего городского архитектора дореволюционного периода Михаила Николаевича Замятнина (1877–1929). Коренной воронежец, выпускник Института гражданских инженеров, он оставил яркий след в каменной летописи города. Практическую работу в Воронеже М.Н. Замятнин начал в 1902 г. в должности инженера по дорожным и гражданским сооружениям технического отдела губернской земской управы с надзора за реконструкцией «Дома Вигеля», проводимой губернским земством в 1900-1902 гг. С 1904 г. он служил в уездном земстве, где организовал технический отдел при управе. С 1906 г. Замятнин работал младшим инженером строительного отделения губернского правления. После обрушения казармы на Валовой улице для надзора как за новы-

¹ Попов П.А. Дом Шуклина: история и вопрос об авторстве А.М. Баранова // Из истории Воронежского края. Воронеж, 2020. Вып. 26. С. 115–125.

ми строящимися, так и за старыми казармами, он был приглашён управой в конце 1910 г. на временную работу в качестве второго городского архитектора¹.

В должности городского архитектора Замятнин был утверждён в 1911 г. после смерти А.М. Баранова. Однако ещё в октябре 1910 г., т. е. вскоре после скандала, связанного с обрушением, когда стало очевидным, что эпоха Баранова заканчивается и воронежскую архитектуру должен возглавить новый человек, гласным думы гражданским инженером Д.Н. Васильевым была составлена «Инструкция для городского архитектора города Воронежа» (см. приложение № 6). Этот документ определял денежное вознаграждение, права и служебные обязанности городского архитектора, с которыми претендент на должность мог ознакомиться заранее. Возможно, что этот документ составлялся уже под кандидатуру М.Н. Замятнина, которого губернский архитектор Д.Н. Васильев знал по совместной работе в строительном отделении.

Стоит обратить внимание на то, что Замятнин, в отличие от своих предшественников на должности городского архитектора, неоднократно поднимал вопрос о своей перегруженности, указывал на необходимость увеличения архитектурно-технического штата при управе и поднимал вопрос о создании в управе технического отдела, ссылаясь на трагедию, произошедшую с казармой на Вальной улице. Напомним, что в 1912 г. он подал в управу развернутую докладную записку по этим вопросам, содержание которой и её значение для реорганизации городской архитектурной службы Воронежа нами было ранее детально проанализировано. Архитектору было поставлено в вину, что он много времени уделяет частному проектированию и фактически отстранился от части работ, входивших в круг его обязанностей. Например, Замятнин очень мало занимался мощением аварийных воронежских мостовых. Однако благодаря именно этим частным заказам он стал одним из самых узнаваемых архитекторов города и вошёл в историю воронежской архитектуры как самый яркий представитель модного тогда стиля модерн, а его здания на долгие годы стали визитной карточкой дореволюционного Воронежа.

¹ ГАВО. Ф. Р-41. Оп. 2. Д. 61. Л. 450.

Фасады сооружений Замятина отличаются пластикой, обилием лепных украшений, имеющих стилизованно-растительный характер, масками и фигурами животных или мифических героев, плоскими, с большим выносом, карнизами, которые нередко изгибаются по причудливым неправильным кривым, т.е. всем тем, что было столь характерно для модерна.

Благодаря исследованиям П.А. Попова¹ и А.Н. Акинъшина,² составлен практически полный перечень объектов, запроектированных М. Н. Замятиным не только для Воронежа, но для губернии. Однако для того, чтобы оценить масштаб его личности и того, что сделано им в творческом плане, здесь представляется целесообразным перечислить не только все его постройки, но и дать им краткую характеристику.

В 1908 г. в Новохоперске было завершено строительство в стиле модерн двухэтажного здания мужской гимназии, ставшего лучшим и самым крупным общественным зданием в городе. Ныне в нём располагается Новохоперский аграрно-экономический техникум (ул. Ленина, 42). Данное обстоятельство говорит о жизнеспособности предложенного архитектором планировочного решения, в которое вписывается и современный учебный процесс.

В 1910–1911 гг. по проекту Замятина в Воронеже в стиле ампира был построен двухэтажный жилой дом Перрен-Синельниковых (ул. Таранченко, 40). К сожалению, от этого объекта, пережившего войну, ныне осталась только фасадная стена, превращённая во входную группу офисного здания, построенного в 2013 г. Даже в таком ущербном виде благодаря найденным пропорциям и великолепно прорисованным деталям, оно является ярким акцентом на фоне безликой новостройки.

В эти же годы на усадьбе купцов Сеницыных по проекту Замятина строится здание Дворянского и Крестьянского поземельного банка (ул. Орджоникидзе, 41), в котором можно было оформить получение кредита под залог своего земель-

¹ Попов П.А. Модерн в архитектуре Воронежа // Из истории Воронежского края. Вып. 10. Воронеж, 2002. С. 162 – 175.

² Акинъшин А.Н. Материалы к биографическому словарю // Из истории Воронежского края. Вып. 10. Воронеж, 2002. С. 90 – 95.

ного участка. Его первоначальный облик в ходе послевоенного восстановления несколько изменился (левое крыло надстроили третьим этажом), а в 1991-1992 гг. часть здания, в котором разместился Воронежский областной суд, получила четвертый этаж. Тем не менее, его угловая часть и фасад, обращённый на улицу Платонова, до сих пор служит примером качественной архитектуры общественного назначения.

В 1910 г. было начато строительство глазной больницы попечительского общества слепых, завершившееся в 1914 г. Третий этаж у памятника архитектуры «Алекса́ндро-Ма́ринская гла́зная ле́чебница» (ул. Революции 1905 г., 22) появился в результате реставрационно-реконструктивных мероприятий, проводившихся в 2009-2010 гг. в связи с потребностями в новых площадях Воронежской областной клинической офтальмологической больницы. Тогда же под слоем штукатурки на фасадной стене был обнаружен барельеф на тему «Исцеление слепого», считавшийся ранее утраченным. С её обнаружением здание получило не только мощный смысловой, но и визуальный акцент, что было весьма характерно для творчества этого мастера.

Для воронежского купца П. Мысакова Замятнин создал проект двухэтажного жилого дома, построенного в 1913-1914 гг. Он располагался на углу нынешних улиц Куцыгина и Кирова, но был снесён в 1980 г. при строительстве девятиэтажного жилого дома, занявшего целый квартал. Это был единственный дом в городе, в котором в объеме кровли располагались мансардные помещения, акцентированные на фасадах ризалитами.

В 1911-1912 гг. архитектор по долгу службы руководил достройкой рухнувшего казарменного здания, а по собственному проекту в 1911-1913 гг. вёл строительство 4-этажного корпуса казарм Смоленского пехотного полка имени генерала Н.Н. Раевского (ул. Большая Манежная, 13). Оба этих здания, выполненные в краснокирпичном стиле, ныне используются для размещения медицинских учреждений и до сих пор благодаря своим размерам не потерялись в современной застройке центра Воронежа.

На углу Петропавловской и Мало-Петропавловской улиц в 1912-1913 гг. велось строительство двухэтажного дома-приюта для бедных женщин имени М.С. Ягуновой, на средства которой было создано это крупнейшее благотворительное учреждение Воронежа. Здание это, одно из немногих в творчестве архитектора, выполненных в неоклассическом стиле, сохранилось и в настоящее время используется как больничный корпус (ул. Каляева, 19).

Самым выразительным зданием зодчего в Воронеже, выполненным в стиле модерн, стал его собственный трехэтажный жилой дом, известный в городе как «дом с совой». Он был построен в Глухом Покровском переулке (ныне ул. Алексеевского, 12) в 1913 г. Скульптура совы на главном фасаде, поддерживающая балкон второго этажа, блестяще дополняет богатый декор фасада и придает зданию несколько мистический характер и очень запоминающийся облик. Собственная квартира архитектора располагалась на втором этаже, а остальные жилые помещения семьёй сдавались внаём.

Доходными были и трёхэтажные дома купца А.Ф. Петрова и дворянина М.М. Сомова, строительство которых завершилось в годы первой мировой войны. Сохранившиеся до наших дней (ул. Ф. Энгельса, 19, 21) они демонстрируют всю красоту модерна в авторской интерпретации Замятнина.

Модерн во всём своем великолепии нашел отражение и в оформлении фасада двухэтажного здания Музыкального училища, торжественно открытого на Большой Дворянской в 1914 г. Свой современный облик оно получило в самом конце 1950-х гг. в ходе проведения ремонтно-восстановительных работ (пр. Революции, 41).

Строительство четырёхэтажного здания воронежского отделения Волжско-Камского коммерческого банка было осуществлено в 1914-1915 гг. В его богатом уличном фасаде преобладают формы и приемы композиции характерные для неоклассицизма, что весьма точно отвечало характеру первоначального использования этого крупного общественного здания. Вполне вероятно, что именно по этой причине после проведения послевоенных восстановительных работ в нём с начала 1950-х гг. традиционно размещаются городские органы власти: сначала

горсовет и горисполком, а сейчас администрация городского округа город Воронеж (ул. Плехановская, 10).

В 1914-1915 гг. Замятнин проектировал и контролировал ход строительства здания вагонного депо трамвайного парка и относящихся к нему административного и жилого домов (ул. 9 Января, 55). Для обеспечения трамвайного движения, открытие которого намечалось на 1917 г., по его же проекту и в той же стилистике модерна в 1914-1917 гг. велось строительство электростанции, расположившейся на берегу реки (ул. Софьи Перовской, 7). При проектировании этих производственных зданий архитектор продемонстрировал глубокое знание современных конструкций, новых материалов и технологий, что всегда отличало творчество выпускников института гражданских инженеров, каковым он являлся.

В 1914-1917 гг. по проекту М.Н. Замятнина в Воронеже было выстроено небольшое двухэтажное здание бесплатной рисовальной школы, выполненное в формах неоклассицизма. В нём архитектор предусмотрел двухсветный зал, предназначенный для устройства выставок. Ныне сохранившееся здание (ул. Орджоникидзе, 26) соединено с пристроенным в 1930-е гг. корпусом для ветеринарного института.

В 1915-1916 гг. архитектор по заданию городской думы проектирует и контролирует процесс строительства здания инфекционной больницы для солдат русской армии. Как медицинское учреждение оно использовалось до конца 1990-х гг. (ул. Быборгская, 17).

В 1917 г. на углу пересечения улиц Большой Дворянской и Большой Садовой завершилось возведение четырехэтажного доходного дома, принадлежавшего купцу Н.Т. Шуклину. Первый этаж предназначался под магазины, третий и четвертый – для квартир. Второй этаж с самого начала занял синематограф «Увечный воин», который открыло общество инвалидов первой мировой войны. Для этого нового доходного вида развлечений архитектор предусмотрел большой зрительный зал с балконом, фойе и просторные кулуары. Ныне всё это здание – старая часть кинотеатра «Пролетарий» (пр. Революции, 56), который в течение многих лет оставался самым крупным в городе. В оформлении его фасада архитектор

использовал мотивы модернизированной классики, а для придания всей композиции ещё большей торжественности и выразительности на четвертом, аттиковом этаже, разместил скульптурные изображения шести древнегреческих муз, изготовленных предположительно художником Н.В. Валукинским.

Последним по времени общественным зданием, запроектированным Замятниным в должности архитектора городской управы, было двухэтажное здание «Первой общественной галереи», построенной городом около Троицкого собора в 1914-1917 гг. для сдачи в нём помещений в аренду частным торговцам. Сохранившийся в архиве чертёж фасада здания¹, выполненного в неоклассическом стиле, в очередной раз демонстрирует умение и стремление зодчего при разработке проекта новостройки учитывать архитектуру близлежащего окружения. В данном случае торжественность центра Воронежа определялась именно классическим архитектурным наследием, которому Замятнин решил соответствовать.

Исходя из общности стилистических приемов в оформлении и времени строительства, архитектора предположительно можно считать автором ещё целого ряда жилых домов, сохранившихся в городе (ул. Дзержинского, 16; ул. Комиссаржевской, 4; ул. Никитинская, 3 и 5). Скорее всего, он является автором проекта трёхэтажного здания приходского училища, построенного в неоклассическом стиле в 1915 г. на Мокрой улице. Здание ныне занимает Воронежское хореографическое училище (ул. Коммунаров, 36).

При этом документально установлено, что Замятнин является автором проекта перестройки Троицкой церкви в Кантемировке (1911-1917). По его чертежам построены: комплекс зданий среднетехнического училища в с. Рождественская Хава Новоусманского района Воронежской губернии, банк в Старом Осколе, реальное училище в Усмани Тамбовской губернии.

На должности городского архитектора М. Н. Замятнин проработал до конца 1918 г., т. е. до времени, когда она была упразднена, а возглавляемая им служба передана с сохранением обязанностей и полномочий в Коммунальный отдел Городского исполнительного Совета депутатов. Однако, как крупный специалист и

¹ ГАВО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 2808. Л. 1.

организатор строительного производства, он оказался востребованным и после революции¹. Творческое наследие этого замечательного мастера во многом определило лицо воронежской архитектуры начала XX в., в которой получили распространение практически все известные в то время направления: от исторического ретроспективизма до эклектики и модерна, что в целом соответствовало общероссийским тенденциям.

§ 2. Деятельность местных органов власти по созданию нового генерального плана Воронежа во второй половине XIX – начале XX вв.

Проведенный нами сопоставительный анализ планов Воронежа показывает, что с середины XVIII в. и до середины XIX в. его территория выросла примерно в 5 раз и по факту вышла далеко за границы, очерченные планом 1774 г., который формально по-прежнему считался основным градостроительным документом. Новые границы Воронежа пролегли по современным улицам XX-летия Октября, Кольцовской, Революции 1905 года, железнодорожной линии и берегу реки.

В связи с продолжающимся активным расширением городских границ, Воронеж испытывал особенно острую потребность в новом генеральном плане, который бы регламентировал его дальнейшее архитектурно-планировочное развитие в новых социально-экономических условиях. Создание этого градостроительного документа велось на протяжении четырех десятилетий и явилось закономерным продолжением работы над генпланом губернского центра приостановленной в середине XIX века.

¹ В этот период своей жизни Замятнин последовательно занимал должности: заместитель председателя комитета государственных сооружений губернского совета народного хозяйства (с июня 1919 г.), главный инженер ВГУ (им было выполнено 47 эскизных проектов зданий для будущего комплекса университета) и по достройке комплекса зданий СХИ (с начала 1920 г.), председатель комитета государственных сооружений губернского совета народного хозяйства (с сентября 1921 г.), директор треста «Воронежглина» (1923–1924), губернский инженер (с 1924 г.), с 1928 г. – главный инженер Центрально-Чернозёмной области (ГАВО. Ф. Р-41. Оп. 2. Д. 61. Л. 451.). Последней крупной работой зодчего стал проект 1928 г. перестройки мельницы «Третьего товарищества паровых мукомольных мельниц» под первый воронежский хлебозавод (ул. Фр. Энгельса, 88; снесён в декабре 2020 г.).

Старт этому градостроительному марафону был дан 30 ноября 1861 г., когда городская дума одобрила новый для Воронежа план и отправила его на утверждение в столицу¹. Сравнивая его с планом 1856 г., детально рассмотренным нами во второй главе, можно сказать, что они мало отличаются друг от друга по охвату изображенной территории и по подробности приложенной экспликации. Она по-прежнему касалась только монастырей, церквей и наиболее значимых кирпичных общественных и административных зданий и практически полностью повторяла изъяснения предыдущего плана. Новым был лишь пункт, отмечающий местоположение памятника Петру I, сооруженного в сквере на Большой Дворянской.

Наконец-то в июне 1870 г. посланный в Петербург проектный план города был возвращен в Воронеж, однако без необходимого утверждения². Причина, вероятно, состояла в том, что он не мог учитывать «Правила, принятые в руководство при искусственной отделке проектных городских планов и выкопировок, представляемых на рассмотрение главного управления путей сообщения и публичных зданий министерства внутренних дел и высочайшее утверждение», поскольку они были утверждены для исполнения 11 октября 1861 г.³ Этот документ, состоящий из 27 параграфов, детально расписывал требования по составлению плана настоящего расположения города, по составлению проектного плана, по плану нивелировки местности, по графическому оформлению всех 3-х планов и составу поясняющих их документов.

В тоже время в преддверии принятия нового Городового положения в ТСК МВД 25 февраля 1870 г. была утверждена «Инструкция строительным отделениям губернских и областных правлений для руководства при начертании планов на новую обстройку городов и на изменение существующего Высочайше утвер-

¹ Этот план был литографирован и воспроизведен в печати в виде приложения к «Памятной книжке Воронежской губернии на 1861 год» (С. 194).

² ГАВО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 46. Л. 4. После выхода «Городового положения» 1870 г. все изменения в утвержденных для губернских городов планах, также, как и их новые планы, должны были утверждаться по представлениям городских дум министром внутренних дел, а для уездных городов достаточным стало утверждения губернатором (ПСЗРИ. 2-е собр. – Т.45, № 48498).

³ Кириченко Е.И., Нашокина М.В. Русское градостроительное искусство. Градостроительство России середины XIX - начала XX века. В 3 кн. Кн. 1. Общая характеристика и теоретические проблемы. М., 2001. С. 240.

жденного городского регулирования»¹. Наличие этого документа также могло быть причиной отказа, поскольку представленный из Воронежа проект вновь не отвечал предъявляемым для разработки перспективных планов городов требованиям. Теперь их составление, согласно инструкции, должно было вестись на основании всех постановлений, изложенных в сводах законов и уставах: строительном, городского хозяйства, полицейском, медицинском и пожарном, а также отдельных правил, предписанных МВД.

В обнародованной инструкции (она была выпущена в качестве подзаконного акта 10 марта 1870 г.) содержался обязательный перечень документов, которые должны были сопровождать разрабатываемые проекты планировки и были изложены правила их составления:

а) Высочайше подтвержденный в прежнее время план города (напомним, что он в то время не был обнаружен ни в Воронеже, ни в столице);

б) план существующего расположения города, с профилями нивелировки местности, как под существующим городом, так и под его частями, предназначенными под его развитие, т.е. фиксационный чертеж с анализом рельефа всей территории, которую в перспективе должен занять город;

в) план проектируемого расположения города, на котором должны были быть показаны: городская черта, городской выгон, сады, огороды, леса, поля, пашни, пески, дороги, реки, ручьи, озера, болота, разливы вод и т.п. Кроме того на чертеже требовалось обозначить имеющиеся в городе «каменные» и «деревянные» кварталы с показом частных дворовых участков и зданий, а также указать существующие и предполагаемые к застройке участки под казенные и общественные сооружения.

г) ведомость о числе дворовых участков, находящихся в них домов и о числе жителей обоого пола в городе;

¹ Устав Строительный (Издание 1900 г.). Сост. З. В. Зосимовский. СПб., 1901. С. 202.

д) подробное топографическое описание местности, отходящей под проектируемый город, а также окружающих его угодий, на расстоянии от 250 сажень до 1 версты.

В примечаниях к этому документу говорилось о необходимости контроля губернских органов в лице строительных отделений губернских правлений за правильностью составления проектов и проверки, направляемых в министерство чертежей.

Выверенные подробные чертежи давали возможность принимать, с одной стороны, обоснованное для развития города решение, а с другой стороны – позволяли решать очень сложные вопросы, связанные с компенсацией материальных потерь в случае пожаров и других стихийных бедствий. Представленный из Воронежа проект не отличался, как было уже сказано, высокой степенью детализации и не мог даже выполнять функцию качественного фиксационного документа, дающего полное представление о застройке города.

В августе 1870 г. по представлению правления «Русского страхового от огня общества» в МВД принимается решение о снятии копий с подробных планов губернских и уездных городов Российской империи, находящихся в архиве ТСК министерства¹. Старейшее частное российское страховое общество, но работающее под патронажем и контролем государства, было кровно заинтересовано в получении качественной документации. Несмотря на то, что оно занималось страхованием лишь каменных строений, детальные чертежи городов позволяли более объективно оценить риски при страховании принимаемых в залог строений.

4 декабря 1871 г. в ТСК МВД по представлению хозяйственного департамента министерства был принят новый состав проектной документации, порядок разработки и представления на утверждение планов городов, на которые «до сих пор таких Высочайше утвержденных документов не имелось»². По формальным признакам Воронеж, как мы знаем, относился именно к этой категории городов.

¹ РГИА. Ф. 1293. Оп. 76, ч. 2. Д. 270.

² Там же. Д. 256.

В соответствии с уже этими новыми инструкциями и распоряжениями была продолжена работа над составлением перспективного плана Воронежа, которая отражена в весьма объемном деле (475 л.), хранящемся в ГАВО и охватывающем период с 1870 по 1900 г.¹ В нём, в частности, имеются составленные в соответствии с инструкцией ведомости: о числе жителей Воронежа с делением по сословиям и полу; о молитвенных и о прочих зданиях (жилых, магазинах и лавках, театрах и даже полицейских будках) с указанием количества каменных и деревянных. Эти сведения подписали: возглавлявший строительное отделение губернский инженер Ю.И. Волтатис, губернский архитектор В.А. Сербин и городской архитектор А.А. Кюи².

В комплект документов входит пояснительная записка, составленная в 1871 г. к разрабатываемому новому проектному плану и касающаяся непосредственно застройки кварталов, примыкавших к железной дороге. Наряду с вышеназванными должностными лицами её подписал и губернатор князь В.А. Трубецкой³. Этой активно осваиваемой территории городские власти уделяли повышенное внимание.

Новый проектный план был представлен на рассмотрение в городскую думу 6 февраля 1873 г. очередным городским архитектором Д.С. Максимовым. На основном чертеже было указано, где необходимо строить каменные, а где деревянные дома. Здесь же можно было увидеть продолжение Мало-Дворянской улицы на участке от современной улицы Мира до улицы Кольцовской. Оно было предусмотрено планом 1774 г., но в результате расширения в конце 1840-х гг. территории комплекса зданий приказа общественного призрения в этом направлении образовался тупик. Вновь открытая часть улицы прошла вдоль ограды городского сада и прорезала двор больницы, что стало возможным после её передачи в ведение земства⁴.

¹ ГАВО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 46.

² Там же. Л. 7, 7 об., 8, 9.

³ ГАВО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 46. Л. 10 и об.

⁴ Там же. Д. 242. Л. 4.

Поскольку принятие решений по регулированию городской застройки и благоустройству городов было возложено на муниципалитеты, то для рассмотрения плана Воронежа 23 июня 1875 г. была образована специальная комиссия в составе гласных: Д.С. Максимова, И.Е. Вьюнникова, И.М. Тихомирова и других¹. Этот план можно было использовать в случае возникновения спорных вопросов по определению границ земельных участков или по их землепользованию, но перспективным он по заключению комиссии не был².

27 декабря 1876 г. губернатор князь М.А. Оболенский напомнил думе, что план на город Воронеж, возвращенный из МВД в 1870 г. до конца так и не составлен³. После этого обращения наблюдается некоторая активизация городской управы в попытках создания этого градостроительного документа, отсутствие которого сдерживало территориальное развитие города в соответствии со строительными, противопожарными и санитарно-гигиеническими правилами.

В январе 1877 г. частный землемер А.Я. Разуваев изъявил желание составить проектный план Воронежа, однако от его услуг городские власти отказались. Определением городской думы от 18 января 1877 г. на городского архитектора Д.С. Максимова было возложено составление проектного плана на г. Воронеж в срок до июня 1877 г.⁴ Однако к работе он приступил лишь в апреле 1877 г. и поэтому завершил её только к концу года. Проект им был сделан, но без необходимых приложений, определяемых требованиями инструкции 1870 г. «для руководства при начертании планов на новую обстройку городов». По этой причине в мае 1879 г. вновь принимается решение «составить новый проектный план на город Воронеж» и подыскать для этого «сведущие лица»⁵. С этой целью дума предложила городской управе пригласить вместо двух архитекторов одного городского архитектора с жалованием 1500 рублей в год. При этом оставшуюся от такого сокращения сумму в 400 рублей рекомендовано было присоединить «к ассигнован-

¹ Там же. Д. 46. Л. 20–24.

² Постановления Воронежской городской думы за первую треть 1877 г. Воронеж. С.105–108.

³ ГАВО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 46. Л. 34, 35.

⁴ Там же. Д. 8. Л. 54.

⁵ Там же. Д. 46. Л.36, 44, 51.

ным по этой же смете 210 рублям на составление проектного на город Воронеж плана»¹.

В 1881 г. хозяйственный департамент МВД потребовал представить из губернских строительных отделений подлинные высочайше утвержденные планы городов². Вероятно, именно с этим был связан очередной пик активности в разработке генерального плана Воронежа.

Приведем перечень тех, кто в период с января по май 1881 г. заявил о своем желании выполнить эту работу: военные топографы, поручики Яковлев и Ванюрский; межевой инженер, помощник губернского землемера С. Романов; гражданский инженер И.М. Тихомиров; инженер-архитектор С.Л. Мысловский; землемер из Богемии Ф. Р. Кёниг; губернский землемер Н.А. Попов. Тем не менее, по непонятным причинам 18 июня 1881 г. контракт на составление плана Воронежа был заключен не с кем-то из них, а с землемером А.Я. Разуваевым.

Работу предстояло выполнить в течение трёх лет за сумму в шесть тысяч рублей. В августе 1882 г. Разуваевым был составлен черновой план, проверка которого была поручена гражданскому инженеру, а в то время городскому архитектору, А.П. Багалдин-Таишеву и инженеру Р.А. Михайлову. Ими был представлен городской думе список неточностей по домам и улицам, обнаруженных в плане Разуваева. В результате в декабре 1884 г. контракт с ним был расторгнут, а город несмотря на затраченные средства, желаемый проект так и не получил. Контракт на продолжение работы был заключен с Н.А. Поповым, однако по невыясненным причинам он к её выполнению так и не приступил³.

Материалы дела свидетельствуют о том, что в последующие годы городская дума не оставляла многочисленных попыток иметь в своем распоряжении новый градостроительный документ. Свои услуги по составлению нового проектного плана предлагали: в 1885 г. – инженер путей сообщения П.Ю. Майер, частный землемер Г.Г. Вязовой, землемер-таксатор⁴ В.Л. Левин; в 1886 г. – частный зем-

¹ ГАВО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 1126. Л. 1.

² РГИА. Ф. 1287. Оп. 39. Д. 2537. 181 л.

³ ГАВО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 46. Л. 64, 70, 71, 84, 85, 87, 114, 121, 141–145.

⁴ Землемер-таксатор — техник губернской чертежной, снимающий на план земельные угодья.

лемер М.М. Веневитинов; в 1891 г. – военный топограф капитан А.П. Егоров из Гродно; в 1892 г. – военный топограф, воспитатель Михайловского кадетского корпуса, подполковник В.М. Яковлев и штабс-капитан 14-го Можайского полка Ванюрский, землемер М.В. Никольский; в 1893 г. – М. Голинович из Москвы¹.

Из всех, кто претендовал на эту работу, были выбраны Яковлев и Ванюрский, как наиболее квалифицированные из всех соискателей. Очевидно, немаловажную роль в этом сыграл и тот факт, что они при этом проживали в Воронеже. В 1893 г. городская дума заключила с ними договор на разработку нового плана, опираясь при этом на статьи «Городового положения» 1892 г., в соответствии с которыми думы получали право рассмотрения предложений об изменениях в планах и составлении новых². При этом состав проектной документации по-прежнему определялся упомянутой выше инструкцией ТСК МВД 1870 г.

Очевидно, работа над планом в значительной степени усложнилась после выхода указа Сената от 27 апреля 1893 г., который существенно ограничил градорегулирующие возможности городских дум. В нём было сказано: «Владельцам мест, предназначенных по городскому плану под улицы, площади и другие общественные надобности, не может быть воспрещено распоряжаться ими по своему усмотрению и производить на них новые постройки и перестройку старых, пока места эти не будут отчуждены городским управлением на законном основании из частного владения».³ Отчуждение земельных участков для реализации нового городского плана теперь должно было производиться путем выкупа, что требовало значительных средств, которых у городской думы не было, и с этим проектировщикам приходилось считаться.

Проверку промежуточных результатов этой работы в виде геодезической съемки и чернового плана в ноябре 1896 г. осуществил инженер-землемер Харла-

¹ ГАВО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 46. Л. 207, 208, 210, 211, 251, 284, 287, 288, 321.

² ПСЗРИ. Собр. 3-е собр. – Т. 12, № 8708. Это положение вошло в новую редакцию Устава Строительного (1900 г.) в виде статьи под номером 178.

³ Устав строительный: (Св. зак. т. 12, ч. 1, изд. 1900 г.): с разъяснениями по решениям Правительствующего Сената и циркулярам Министерства внутренних дел, и извлечениями из других частей Свода законов и с приложением алфавитного указателя : издание неофициальное. СПб., 1902. С. 198.

мов, по результатам которой она была продолжена. Для ускорения работы над планом, которая чрезвычайно растянулась по времени, в феврале 1902 г. В.М. Яковлев нанял в качестве чертежника капитана И.К. Струсевича, а в 1905 г. – студентов Московского инженерного училища В.Р. Трушковского и И.П. Трунова¹. Итогом этого проектного марафона стали два фиксационных плана Воронежа – 1902 и 1910 гг.

В конце XIX – начале XX вв., как показывают архивные документы, велись дебаты о том, следует ли городу заказывать выполнение планов частным фирмам и на каких условиях это возможно, и следует ли городу купить точный план, составленный Яковлевым. В ГАВО сохранилась обширная переписка по этому поводу. По договору между управой и полковником В.М. Яковлевым от 6 апреля 1911 г. снятый им план Воронежа с показанными "нивелировочными профилями местности" был куплен управой. Кроме того, на чертеж были нанесены все перспективные данные по урегулированию города, по-видимому, предварительно подготовленные для него городским архитектором².

План Яковлева, озаглавленный «План города Воронежа с показанием казенных и общественных зданий, церквей и садов», получил наибольшую известность, поскольку был отпечатан в цвете крупным форматом и большим тиражом (см. иллюстративные материалы, рисунок № 38, 39). Это самый подробный из до-революционных планов города, к которому прикладывалась книжечка с пояснительным описанием указанных на чертеже объектов, составленным по функционально-типологическому принципу.

В силу этого для историков и архитекторов этот план является весьма ценным источником информации, поскольку дает возможность определить местоположение всех наиболее значимых зданий и даже увидеть их конфигурацию в плане, проанализировать характер застройки и планировки, узнать прежние названия практически всех старых улиц.

¹ ГАВО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 46. Л. 331, 395, 399.

² Там же. Л. 438–443.

Сравнивая этот план с другими ранее упомянутыми планами Воронежа, можно увидеть изменения в планировке слобод, которые официально не входили в состав города, но составляли его значительную часть. Так, например, территория Ямской слободы к западу от нового храма Св. Владимира, уже полностью приобрела регулярную планировку. Такую же планировку имеет и часть территории Троицкой слободы, расположившаяся за площадью Старый Бег у железной дороги. Оба этих участка в 1903-1905 гг. были признаны городской думой как чрезвычайно перспективные для города¹. Этому способствовали два обстоятельства: близость к железной дороге и наличие свободных от застройки участков, что в условиях частной собственности на землю было чрезвычайно важно для размещения необходимых городу объектов. К этому следует добавить, что свободные земли между слободами Чижовкой и Ямской были присоединены к городу с разрешения царя в 1903 г.

В тоже время следует заметить, что сложившаяся структура центра и в капиталистический период не подверглась заметным изменениям. По-прежнему здесь сохранились многочисленные незастроенные участки, занятые усадебными садами и городскими парками. Последние образовывали непрерывный парковый массив, начинавшийся от современного Первомайского сада и до улицы Комиссаржевской. На всем протяжении он выходил к границе нынешней улицы Ф. Энгельса, будучи отделенным от нее по всей длине каменной оградой. По данным статистика И.К. Воронова, сады в 1899 г. занимали 27% городской территории и по этому показателю Воронеж, на рубеже веков, в прямом смысле мог называться городом-садом². Этот факт подтверждают и воспоминания современников³.

Отсутствие проектных предложений по территориальному развитию Воронежа в плане Яковлева в какой-то степени можно объяснить тем обстоятельством, что городские власти заранее не согласовали этот вопрос в столице. Дело в том,

¹ Попов П.А. Городское самоуправление Воронежа. С. 230.

² Воронов И.К. Город Воронеж. Население и недвижимые имущества. Материалы для оценки городских недвижимых имуществ. Воронеж, 1903. С. 72.

³ Путевые воспоминания о Кавказе. 1887 г. Е. Ивановой. М., 1889. С. 6; Троицкий Н., Троицкий Б. Сады и парки старого Воронежа // Истоки 81: портреты, очерки, этюды. Воронеж, 1981. С. 208 – 220.

что 7 октября 1909 г., когда работа подходила практически к концу, был опубликован указ сената, который разъяснял возможности и обязанности местных самоуправлений при разработке градорегулирующих документов. В нём, в частности, говорилось: «Хотя городским думам и предоставлено рассмотрение предложений об изменениях в плане города или о составлении новых планов, однако такие изменения могут касаться лишь внутреннего в пределах городской черты расположения кварталов, площадей, улиц и т.п. Поэтому городским думам не может быть присвоено право изменять самые пределы или направление этой черты путем включения в нее земель, до сих пор находившихся в уезде... В тех же случаях, когда к сему представится необходимость, городские управления могут лишь возбуждать ходатайства по сему предмету перед высшим Правительством»¹.

Своего рода попыткой решить накопившиеся в Воронеже проблемы, связанные с дальнейшим развитием его планировочной структуры, стал доклад для городской думы Н.А. Ключкова, озаглавленный «Задачи городского самоуправления»². Он выступил с ним в начале 1908 г., а сам доклад-программа был издан отдельной 161-страничной брошюрой³. В нём Ключков, исходя из своего более чем 30-летнего думского опыта, предлагал, в частности, своё видение по использованию принадлежащих городу земель и зданий, обосновывал необходимость перестройки ряда существующих и строительства новых. В перечень мероприятий, реализация которых планировалась в период 1908-1914 гг., вошло строительство двух крытых капитальных рынков на Щепной площади, новых торговых рядов на Митрофановской площади у монастыря, нового рынка на части свободной от застройки площади Старый бег, нового здания для цирка и двух новых приходских училищ. Кроме этого предлагалось перестроить общественные торговые галереи на Соборной площади, здания 2-го и 3-его городских приходских училищ.

¹ Устав строительный: (Св. зак. т. 12, ч. 1, изд. 1900 г.) : с разъяснениями по решениям Правительствующего Сената и циркулярам Министерства внутренних дел, и извлечениями из других частей Свода законов и с приложением алфавитного указателя: издание неофициальное. СПб., 1902. С. 194.

² ГАВО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 2398.

³ Задачи благоустройства г. Воронежа: доклад в Воронежскую городскую думу гласного Н.А. Ключкова. Воронеж, 1908.

Слому подлежало здание Московской полицейской части. На освободившемся месте должно было быть построено трёхэтажное здание, предназначенное для размещения магазинов, городской лечебницы и городской торговой школы. Новую Московскую полицейскую часть с сыскным отделением предполагалось расположить рядом в специально спроектированном двухэтажном здании, а пожарную часть сделать самостоятельной и перенести её к новому храму св. Владимира. На территории, располагавшейся за ним, в районе Пограничной улицы (ныне ул. Революции 1905 года), планировалось создание нового городского сада и строительство в перспективе учебных и других общественных зданий.

Дворянскую полицейскую часть также планировалось устроить на новом месте. С участка, занятого сейчас зданием телеграфа, её предложено было переместить ближе к началу Большой Дворянской улицы, заняв для этой цели казарму Арнольди, в которой был расквартирован 141-й пехотный полк (нынешний адрес – пр. Революции, д. 5), а рядом возвести пожарную каланчу. На освободившемся месте намечено было построить большое трёхэтажное общественное здание с подвалами, на первом этаже которого собирались разместить магазины, на втором этаже – Воронежскую публичную библиотеку, на третьем – Народный университет, включавший в себя губернский музей и рисовальную школу. Сзади, по Большой Богоявленской Клочков предлагал построить 2-ю женскую гимназию.

К печатному варианту доклада для большей убедительности своих предложений Клочков приложил иллюстрирующие их проектные чертежи, выполненные архитекторами А.М. Барановым и М.Н. Замятниным, которых несомненно можно считать его соавторами. Без их профессионального участия этот самый грандиозный проект городского самоуправления вряд ли получил бы столь серьезное обоснование с точки зрения перспектив более рационального освоения городских территорий.

Что касается экономической составляющей проекта, то для его реализации автором доклада было предложено взять займ в 1750000 рублей, из которого на реализацию строительной части пошёл бы миллион. Однако из-за боязни увеличения долгов Воронежа ходатайство о займе на заседании городской думы в фев-

рале 1909 г. не получило необходимого большинства голосов гласных. Лишь со второй попытки, предпринятой в марте этого же года, предложение о займе было одобрено¹. Однако этот кредит, погашение которого было рассчитано на 49 лет, городом так и не был получен.

Из-за отсутствия финансовых средств для выкупа необходимых для города зданий и участков, а также достаточного количества свободных городских территорий, подавляющее большинство запланированных мероприятий, направленных на улучшение планировочной структуры Воронежа не было реализовано. Денег с трудом хватало только на решение первоочередных проблем, связанных с благоустройством губернского центра и урегулированием его сельских по внешнему виду окраин. По этой же причине фиксация уже сложившихся градостроительных изменений не привела к созданию перспективного проектного плана Воронежа в дореволюционный период.

О чем может сказать исследователю этот факт? В первую очередь напрашивается вывод, что сама государственная власть уже не считала своим долгом строго регулировать и финансово поддерживать такую сферу как градостроительство, а ограничивалась надзором за соблюдением собранных в «Уставе строительном» предписаний и правил, которые носили в большей степени технический характер. Тем не менее, в процессе построения новой модели городского жизнеустройства, вызванном реформами 1860-х гг., были выработаны новые механизмы регулирования городской среды – планы городов разрабатывались и постепенно приводились в исполнение по мере появляющихся в городской казне средств.

¹ Попов П.А. Городское самоуправление Воронежа. С. 247.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Впервые на фоне эволюции системы регулирования архитектурно-строительной деятельности в России нами предпринято комплексное исследование функционирования архитектурно-строительных служб Воронежской губернии с последней четверти XVIII в., т.е. со времени зарождения, и до революции 1917 г., приведшей к переменам в социально-экономическом укладе страны и коренному перелому во всех сферах государственной деятельности.

В связи с этим с максимально возможной степенью полноты были выявлены и изучены нормативно-правовые акты, имеющие отношение к теме исследования, и прослежена их связь с реальными архитектурно-строительными процессами, имевшими место на территории губернии. При этом в хронологической последовательности были изучены графические исторические материалы: карты губернии, высочайше подтвержденные и фиксационные планы расположенных на её территории городов, «образцовые» фасады жилых и общественных зданий, а также многочисленные проекты конкретных объектов, построенных преимущественно в Воронеже.

Проведённый нами анализ документов и фактов демонстрирует, с одной стороны, последовательность в деятельности архитектурно-строительных служб губернии и их должностных лиц по реализации установок, идущих из столицы, а с другой стороны – региональную специфику и первенство в целом ряде случаев воронежского опыта по отношению к общероссийскому. Нам удалось с использованием множества примеров продемонстрировать механизм работы этих служб на разных временных этапах их деятельности, связанных с законодательными преобразованиями в регулировании архитектурно-строительной деятельности в стране.

Полученные результаты в значительной степени подтверждают гипотезу о большей, нежели было принято считать ранее, самостоятельности губернской и городской архитектурных служб в регулировании строительных процессов на ме-

стах. Их деятельность в значительной степени определила особенности архитектурно-градостроительного освоения и развития Воронежской губернии, что подтверждается сопоставлением полученных результатов с той информацией, которая содержится в научных исследованиях последних лет, выполненных по другим регионам.

Одной из таких особенностей является то, с какой инициативой и рвением местная администрация приступила в последней четверти XVIII - XIX вв. к реализации новой градостроительной политики. Этому способствовала, как было показано в исследовании, разработанная к тому времени законодательная база, а также наличие в губернии столь редкого для провинции тех лет специалиста – московского архитектора Н.Н. Иевского, который, находясь в отставке, проживал в родовом имении в селе Грязи Липецкой округи.

Нами было установлено, что пожар, вспыхнувший в Воронеже 10 августа 1773 г., стал лишь поводом для ускорения этой работы по осуществлению идей, идущих из столицы. О «допожарных» попытках губернских властей по урегулированию застройки города свидетельствует проведённый анализ планов, составленных С. Шишковым (1763-1764 гг.) и П. Акиндиновым (1771-1773 гг.).

Архитектор Н.Н. Иевский, нанятый губернской администрацией для выполнения фиксационного чертежа застройки послепожарного города, в какой-то степени продолжил эти начинания и выполнил проектное предложение по развитию Воронежа, ставшее основой его первого регулярного плана, т.е. фактически возглавил первый этап работы над ним.

Проведённый анализ убедительно доказал этот факт, что даёт основание считать Иевского соавтором столичного зодчего И.Е. Старова, который официально считается единоличным автором этого градостроительного документа «высочайше подтвержденного» 11 марта 1774 г.

С конфирмацией плана закончился второй этап работы по его созданию и начался третий – его корректировка на месте службой губернского архитектора, без чего он не был бы так успешен в плане жизнеспособности. В дальнейшем такая деятельность губернских архитекторов стала характерна для их взаимодей-

ствия с «Комиссией о каменном строении Санкт-Петербурга и Москвы» при создании генеральных планов и других городов. О качестве проведённой работы свидетельствует тот факт, что по этому плану город жил вплоть до 1939 г., т.е. почти 165 лет, пока не был разработан и официально утверждён новый. Даже после Великой Отечественной войны, когда масштаб разрушений в городе, полученных в ходе боёв, позволял кардинально изменить планировочную структуру исторического центра Воронежа, её решено было сохранить при разработке первого послевоенного генерального плана 1946 г.⁹⁶⁵

Следовательно, отсчёт начала формирования губернской архитектурной службы следует вести с начала работы Н.Н. Иевского над составлением плана Воронежа, а не с сентября 1779 г. когда в штате Воронежского наместничества была впервые официально учреждена должность губернского архитектора. Доказанный факт полностью опровергает широко распространённое утверждение о том, что первым в России губернским архитектором, имя которого сохранилось в истории, был Ф.Ф. Штенгель, назначенный на эту должность в январе 1776 г. в Тверь для восстановления города после пожара. В связи с этим следует отметить, что нам удалось опровергнуть ещё одно заблуждение, кочующее из одной публикации в другую, о том, что должность губернского архитектора была введена по всем губерниям повсеместно манифестом Екатерины II от 7 ноября 1775 г. «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи». В процессе тщательного изучения этого документа было установлено, что такой информации в нём не содержится. При этом следует отметить, что действительно после выхода манифеста в местные правления стали вводиться должности губернских архитекторов более активно. Удалось выяснить, что в виду недостатка специалистов, знающих архитектурную науку, должности губернских архитекторов учреждались именными указами или в связи с утверждением штатов «по каждой губернии особо».

Как было показано в работе, в зоне ответственности Иевского, помимо губернского центра, находилась гигантская территория (примерно в 50 тысяч квадратных верст), на которой под его присмотром строились дороги и мосты, а в

⁹⁶⁵ Воронежская энциклопедия: в 2 т. Воронеж, 2008. Т. 1. С. 192.

уездных городах присутственные места, соляные магазины, денежные кладовые и остроги. При этом нами было установлено, что землемеров «знающих архитектуру» нередко привлекали к надзору за строительством казённых зданий в уездных городах Воронежской губернии. Они же составляли многочисленные фиксационные планы и даже разрабатывали на регулярной основе генеральные планы городов: Боброва, Нижнедевицка, Павловска.

Лишь с образованием в 1779 г. Воронежского наместничества объём работы, осуществляемой непосредственно губернским архитектором, стал несколько меньше, поскольку при Воронежской казенной палате была создана строительная экспедиция со своим штатом, которой в 1796 г., помимо надзора за казёнными объектами, было передано и частное строительство. Тем не менее, губернский архитектор по-прежнему непосредственно осуществлял всю основную практическую работу по претворению в жизнь первого генерального плана Воронежа и последовательно, как показывают архивные документы, боролся с теми, кто нарушал изложенные в нём требования.

После проведённого исследования информация, содержащаяся в рапорте 1843 г. чиновника особых поручений МВД А.П. Компанейщикова о том, что «конфирмованного в 1774 г. плана на город не отыскалось», воспринимается как историческое недоразумение. Тем не менее, именно она послужила толчком для последовавших со стороны губернских и городских властей неоднократных попыток по разработке нового проектного плана города. Все они, как было показано, не были доведены до стадии утверждения, но при этом опирались на тот первый план, закреплённый в дальнейшем в виде многочисленных фиксационных чертежей. Тем не менее, их сравнительный анализ наглядно демонстрирует результаты целенаправленной деятельности архитектурной службы города, направленной на улучшение качества городской среды.

Помимо Н.Н. Иевского, колоссальная работа по преобразованию городской планировки и по созданию новой системы контроля за строительством в губернии до начала XIX вв. была проделана последовательно сменившими его губернскими архитекторами П.Н. Сахаровым, И.И. Волковым и В.Б. Белокопытовым (перечень

лиц в хронологическом порядке, занимавших эту должность на всём протяжении её существования в Воронежской губернии см. в приложении № 3). Лишь с 1805 г. контроль за строительством в Воронеже становится прерогативой городского архитектора, должность которого была введена в связи с увеличением объёма строительных работ в губернском центре.

Факт учреждения этой должности представляется весьма важным для становления архитектурно-строительной службы в Воронежской губернии, т.к. впервые за все время её существования государственными служащими стали одновременно числиться два архитектора, что привело к дифференциации их функций.

При этом следует подчеркнуть, что Воронеж, как и в случае с губернским архитектором, стал одним из первых провинциальных городов, где была введена должность городского архитектора. Исходя из этого факта, даже без учета личных творческих заслуг занявшего эту должность архитектора Т.С. Кондратьева, его имя и опыт работы заслуживают того, чтобы занять достойное место в истории становления службы, переросшей со временем в современные управленческие структуры главных архитекторов городов.

В ходе исследования удалось установить, что в 1817 г. Кондратьевым, когда он «по небытности губернского архитектора исправлял его должность», был подготовлен уникальный для своего времени документ, озаглавленный «Примерный план сельских усадеб по Воронежской губернии», опередивший законодательство о желаемом облике сельского строительства, которое в то время было практически вне поля градостроительного регулирования.

Уникальность воронежского опыта по сравнению с другими губерниями подчеркивает и тот факт, что на фоне тотального дефицита архитекторов уже в середине 1810-х гг. у городского архитектора появился (возможно, впервые в провинции!) профессиональный помощник И. А. Блицын. Его имя, установленное А.Н. Акиншиным, по нашему мнению, так же является знаковым для Воронежа, поскольку именно с него (он был первым!) ведут свою историю свободные от государственной службы воронежские «вольнопрактикующие архитекторы».

Исследуя указы об установлении архитектурских должностей в губерниях Российской империи, удалось выяснить, что в плане появления епархиального архитектора Воронежская губерния, наоборот, оказалась одной из последних среди центральных районов страны. При традиционно большом объёме культового строительства этот пост появился здесь только в 1899 г., т.е. в годы, когда в основном проходили назначения по окраинным епархиям страны (Кавказ, Сибирь и Дальний Восток). В результате случилось так, что первым и единственным епархиальным архитектором дореволюционного периода оказался гражданский инженер И.Н. Афанасьев, занявший эту должность в январе 1900 г.

Причиной этого удивительного, с нашей точки зрения факта, могло быть наличие уже практически с начала XIX в. в губернском центре достаточного количества высококлассных архитекторов способных не только проконтролировать возведение сложных в техническом плане культовых построек, но и разработать свои оригинальные проекты. С отменой обязательного применения в конце 1850-х гг. образцовых проектов не только гражданских зданий, но и храмов, составленных в николаевские времена, существенно расширились возможности архитекторов в творческом плане, что также стало привлекать к этому виду проектных работ ведущих воронежских архитекторов. Сложившееся положение вещей вполне устраивало епархиальное начальство, которое с 1864 г. непосредственно отвечало за строительство и ремонт культовых зданий и сооружений.

В первой половине XIX в. в связи с возрастанием объемов строительства наблюдается процесс постепенной передачи функций по рассмотрению проектов и смет в регионы, следствием чего стало создание губернских строительных комиссий. В компетенцию структур этого уровня было включено, в первую очередь всё, что было связано с возведением казенных зданий и соблюдением градостроительной дисциплины при возведении обывательских построек, поскольку именно эти вопросы находилась под жёстким контролем со стороны государства.

Воронежская ГСК, штат которой был определён ещё в 1833 г., по факту пришла на смену строительной экспедиции лишь в 1836 г. Этот руководящий орган после объединения с дорожной комиссией в 1849 г. стал именоваться губер-

ской строительной и дорожной комиссией, штат которой в связи с этим был расширен. Персональный состав этих комиссий по годам удалось проследить по «Адрес-календарям Российской империи» начиная с 1837 г. и до завершения функционирования ГСДК в 1865 г.

Также с большим опозданием была введена и должность архитектора в казенной палате Воронежской губернии. Она появилась только в 1834 г., т.е. спустя десять лет после её учреждения и просуществовала до 1864 г. Все эти годы её занимал архитектор С.И. Соколов, который осуществлял надзор за состоянием и строительством всех казенных и публичных зданий в городах губернии, а также в деревнях государственных крестьян.

По своим функциям архитектор казённой палаты в значительной степени дублировал обязанности инженера Воронежской палаты государственных имуществ. Должность инженера, предусмотренная в штатах палат с 1838 г., в Воронеже была введена только в 1845 г. и до конца 1860-х гг. её занимал гражданский инженер В.И. Егоров. Запоздыванию по времени введения названных должностей в губернские штаты в данном случае мы нашли объяснение – их разрешалось вводить по губерниям по мере надобности.

Следствием проведённых в 1830–1860-е гг. реорганизаций по управлению строительным комплексом страны, стало создание в масштабе губернии достаточно разветвлённой структуры архитектурно-строительной службы, встроенной в местные органы власти. В результате её интенсивной разрешительно-запретительной деятельности и умелой адаптации образцовых проектов к местным условиям удалось в кратчайшие сроки изменить в соответствии с обязательными для того времени принципами классицизма и регулярности облик не только Воронежа, но и многих уездных центров.

Проведённые исследования по истории проектирования и строительства культовых, общественных зданий и жилых домов в Воронеже, убедительно свидетельствуют, что именно в первой половине XIX в. их возведение по чертежам стало обязательным требованием. Причём это касалось не только уникальных построек, но и рядовых жилых домов, для каждого из которых составлялся план

владения и фасад, т.е. прилагался необходимый комплект документов. Впоследствии это стало обязательным требованием, что нашло отражение в Строительном уставе. Начиная с 1832 г., он становится важнейшим источником информации в Российской империи по всем действующим строительным нормам и правилам.

В 1865 г. в структуру губернских правлений вместо существовавших прежде ГСДК вошли строительные отделения, предназначенные для обсуждения и решения вопросов по строительной части. В ходе этой реформы их функции, осуществляемые под контролем МВД, перешли к органам местного управления, что означало начало процесса децентрализации управления строительством в масштабе государства, которое отказалось от мелочного контроля в строительном деле. Теперь проекты рядовых гражданских и общественных сооружений не нужно было согласовывать в Петербурге — достаточно было визы губернского строительного отделения. С этого времени жёсткая вертикаль, существовавшая в этом процессе, стала потихоньку приближаться к горизонтали.

Нами было установлено, что начальником вновь образованного строительного отделения Воронежского губернского правления был назначен подполковник Л.Н. Жеденов, занявший в январе 1865 г. должность губернского инженера. Наблюдавшееся при этом расширение кадрового состава губернского строительного отделения, в которое теперь в обязательном порядке входили младшие инженер, архитектор и в случае необходимости назначались техники, было закономерным следствием капитализации экономики и реформ, способствовавших активизации строительных процессов в стране.

В 1860-1870 - е гг. в Воронежской губернии произошло расширение многих промышленных предприятий, и возник целый ряд новых, капиталистического типа. Одним из наиболее важных факторов, оказавших влияние на этот процесс, стало строительство в крае железных дорог. К сожалению, нам не удалось обнаружить архивных данных, которые позволили бы детально проследить в этом грандиозном строительстве участие местных архитектурно-строительных служб, которые не могли не быть задействованы при определении направления трасс железнодорожных путей и выборе мест для размещения станций и вспомогательных

сооружений. В какой-то степени это можно объяснить тем, что для скорейшего ввода её в эксплуатацию при обустройстве многочисленных станций зачастую использовались типовые проекты, разработанные в столице. Тем не менее, представляется необходимым в дальнейшем продолжить поиски документов по этому малоизученному вопросу.

В результате строительства в губернии железных дорог и появления в Воронеже железнодорожных станций город навсегда теряет планировочный характер приречного поселения. Вдоль железнодорожных линий начинают формироваться промышленно-складские зоны, а примыкающие к ним земли городским самоуправлением признаются перспективными для дальнейшего развития и здесь возникает жилая застройка.

С начала 1880-х гг. в губернии наблюдается значительный рост объемов частного жилищного строительства, которое наряду с дворянством велось представителями купечества и зажиточных граждан, по проектам, которые создавались местными архитекторами. На этом фоне, когда для получения разрешения на строительство миновать этап проектирования при возведении даже самых простых и небольших объектов было невозможно, произошло активное развитие рынка частных проектных услуг, исследование которого нашло отражение в работе. При этом воронежская специфика проявилась в том, что уплотнение застройки в губернском центре происходило в основном за счёт строительства на исторически сложившихся участках домовладений флигелей и разного рода служб, т.е. без массового дробления их территорий с целью продажи. Классические доходные дома в Воронеже не получили широкого распространения, т.к. их роль в значительной степени выполняли как раз эти флигели, существенно повышающие коммерческую составляющую усадебного места.

Ещё одним важным следствием проводимых реформ стало перенесение основной тяжести контроля над благоустройством и строительством городов на местные органы власти и самоуправления, которые с большим рвением стали заниматься этой одной из сложнейших сфер городской жизни. В связи с этим следует подчеркнуть, что после выхода «Городового положения» 1870 г. вопрос об

утверждении архитектурных проектов и выдаче разрешений на строительство частных зданий был выделен как один из важнейших в деятельности Воронежской городской управы. Тем не менее, как удалось установить, полноценный технический отдел, призванный разгрузить городского архитектора и более оперативно реагировать на все вопросы, связанные не только с застройкой, но и благоустройством Воронежа, был создан только в 1915 г.

Становление новых механизмов контроля за строительством на местах привело к появлению архитектурно-строительных служб в новых земских органах. В Воронежской губернской земской управе в 1867 г. был сформирован технический отдел, именованный с 1883 г. дорожно-строительным, который занимался ремонтом и строительством мостов, шоссейных дорог, земских школ и больниц. Заботой губернской земской управы было и внедрение в губернии строительства из огнеупорных материалов, что привело к организации в 1913-1914 гг. отдела огнестойкого строительства. При этом следует отметить, что по-прежнему существенную помощь уездным земским управам по выполнению требований по застройке и благоустройству в городах и селениях воронежской провинции оказывало строительное отделение Воронежского губернского правления.

В условиях снижения уровня государственного регулирования в области строительства степень свободы губернских и городских архитекторов в местном строительном процессе во второй половине XIX в. заметно возросла, что значительно повысило и степень их персональной ответственности. Руководствуясь Строительным уставом и местными законодательными актами они, не только успешно контролировали многочисленное строительство, но и сами внесли большой вклад в формирование облика городов Воронежской губернии как самобытные творческие личности, авторы выразительных проектов частных и общественных зданий. Изучение творческих биографий ведущих воронежских зодчих позволило проследить обстоятельства, в результате которых складывались конкретные архитектурные решения, определившие их отношение к общероссийским тенденциям, существовавшим на тот или иной период в архитектуре.

В тоже время проведённое исследование показало, что участие крупных столичных зодчих в создании объектов на территории воронежского края в сравнении с другими регионами Центральной России было чрезвычайно редким явлением. Данный факт в очередной раз подтвердил не только высокий профессионализм местных архитекторов, но и в целом архитектурно-строительных служб губернии, деятельность которых в течение всего исследуемого периода имела свою региональную специфику, нашедшую неоднократно отражение в первенстве воронежского опыта по отношению к общероссийскому.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Источники

1.1. Неопубликованные источники

(материалы архивов)

Государственный архив Воронежской области

Фонд И-1. Воронежское губернское жандармское управление.

Опись 1. Д. 4.

Фонд И-2. Воронежское губернское правление.

Опись 1. Д. 8939.

Фонд И-14. Воронежское наместническое правление.

Опись 1. Д. 4, 8, 12, 15, 16, 18, 26, 34, 37, 128, 129, 140, 142, 196, 212, 213, 246, 247, 266, 268, 271, 306.

Фонд И-18. Воронежская казённая палата.

Опись 1. Д. 182.

Фонд И-19. Воронежская городская управа.

Опись 1. Д. 8, 32, 39, 40, 41, 46, 53, 74, 84, 91, 109 – 112, 117, 143, 158, 159, 162 – 164, 169, 172, 173, 176 – 178, 182, 187, 188, 190, 192, 194, 234, 239, 242, 306, 319, 320, 321, 331, 333, 345, 347, 360, 364, 376, 441, 453, 454, 458 – 460, 479, 505, 511, 529, 539, 541, 544, 546, 593, 596, 598, 606, 610, 625, 635, 639, 646, 656, 659, 666, 668, 669, 672 – 675, 775, 778, 780, 784, 803, 813, 824, 826, 840, 852, 856, 860, 917, 918, 920, 975, 976, 1030, 1033, 1054, 1092, 1100, 1110, 1121, 1123 – 1126, 1143, 1163, 1164, 1169, 1184, 1185, 1199, 1200, 1214, 1228, 1238, 1239, 1243, 1249, 1262, 1278, 1301, 1316 – 1319, 1324, 1624, 1773, 1797, 1899, 1982, 2398, 2632, 2808, 3351.

Фонд И-20. Воронежская губернская земская управа.

Опись 1. Д. 182, 9719, 9721.

Фонд И-21. Воронежское губернское по земским и городским делам присутствие.

Опись 1. Д. 152, 1389.

Фонд И-22. Воронежская губернская строительная и дорожная комиссия.

Опись 1. Д. 1.

Фонд И-24. Воронежское губернское управление земледелия и государственными имуществами.

Опись 1. Д. 9.

Фонд И-29. Воронежское дворянское депутатское собрание.

Опись 123. Д. 100.

Опись 124. Д. 61.

Опись 125. Д. 58.

Опись 131. Д. 35, Д. 46.

Фонд И-30. Воронежский губернский предводитель дворянства.

Опись 1. Д. 62, 90, 662, 679, 1049, 1238, 1269, 1362, 1864, 2121, 2639.

Фонд И-61. Воронежская городская дума.

Опись 1. Д. 1, 2, 4, 5, 7, 16, 20, 23, 26, 27, 44, 49.

Фонд И-167. Воронежская палата гражданского суда.

Опись 1. Д. 21205.

Фонд Р-41. Отдел коммунального хозяйства Воронежского губернского исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов.

Опись 2. Д. 61, 65.

Фототека.

№ 0-20678.

Российский государственный архив древних актов

Фонд 16. Разряд XVI. Внутреннее управление – (коллекция) Государственного архива Российской империи.

Опись 1. Д. 100, ч. 1; 655, 656, ч. 1; 1000, ч. 1, ч. 2.

Графические материалы № 798, 799, 811, 869, 919, 949, 950, 1016–1019.

Фонд 192. Картографический отдел библиотеки Московского Главного архива Министерства иностранных дел (коллекция).

Опись 1. Д. 1.

Фонд 248. Сенат и его учреждения (объединение фондов) гг. Петербург, Москва.

Кн. 4487, 4590.

Фонд 1356. Губернские, уездные и городские атласы, карты и планы генерального межевания 1766 – 1883 гг. (коллекция).

Опись 1. Д. 713, 891, 892.

Российский государственный военно-исторический архив

Фонд 349. Главное инженерное управление.

Опись 9. Д. 2932

Фонд 846. Военно-учётный архив. Коллекция.

Опись 16. Д. 18667, 18674, 18677, 20729, 20730, 21528, 21837– 21839.

Российский государственный исторический архив

Фонд 200. Штаб корпуса инженеров путей сообщения МПС.

Опись 2. Д. 70, 219, 239, 541, 694, 1787.

Фонд 207. Особенная канцелярия Главноуправляющего путей сообщения и публичных зданий.

Опись 16. Д. 27.

Опись 17. Д. 15, 60, 72, 90, 154.

Фонд 216. Второй департамент ГУПС и ПЗ.

Опись 2. Д. 295.

Фонд 218. Департамент искусственных дел ГУПС и ПЗ.

Опись 1. ч. 5, Д. 6579, 7762.

Опись 2. Д. 218 – 220.

Опись 3. Д. 587, 1708, 1760, 1778, 1815, 1884, 1903.

Опись 4. Д. 35, 148, 397, 447, 527, 638, 639, 649, 725, 829, 830, 898, 910, 997, 2647, 2665.

Фонд 350. Планы и чертежи по строительству железных дорог и искусственных сооружений.

Опись 56. Д. 780.

Фонд 733. Департамент народного просвещения.

Опись 50. Д. 631.

Фонд 796. Канцелярия Синода.

Опись 650. Д. 79.

Фонд 823. Канцелярия митрополитов греко-униатских церквей.

Опись 1. Д. 3.

Фонд 835. Строительные планы и фотографии Синода.

Опись 1. Д. 67, 68.

Фонд 1263. Комитет министров.

Опись 1. Д. 1574.

Фонд 1281. Совет министра внутренних дел.

Опись 2. Д. 52.

Опись 4. Д. 45, 58.

Опись 5. Д. 64, 81.

Опись 11. Д. 34.

Фонд 1285. Департамент государственного хозяйства МВД.

Опись 8. Д. 7, 12, 93, 202, 232, 554, 600, 796, 1053, 1455, 1845.

Фонд 1286. Департамент полиции исполнительной МВД.

Опись 3. Д. 79.

Опись 4. Д. 140.

Фонд 1287. Хозяйственный департамент МВД.

Опись 6. Д. 943.

Опись 8. Д. 12, 453, 646, 733.

Опись 16. Д. 2144.

Опись 31. Д. 98.

Опись 39. Д. 21, 24, 31, 33, 35, 42, 47, 50, 54, 57, 59 – 61, 65, 77, 156, 358, 896, 915, 1596, 1897, 2537, 2568, 2638.

Фонд 1289. Главное управление почт и телеграфов МВД.

Опись 15. Д. 64.

Фонд 1293. Техническо-строительный комитет МВД.

Опись 76, ч. 1. Д. 40, 48, 68, 92, 244, 246.

Опись 76, ч. 2. Д. 242, 256, 270, 273, 347.

Опись 166. Д. 1, 4, 82, 93.

Опись 168. Д. 4 – 7, 31, 36 – 40, 47 – 62, 71, 78 – 81, 1845.

Фонд 1374. Канцелярия генерал-прокурора Сената.

Опись 6. Д. 943.

Фонд 1399. Карты, планы и чертежи Петербургского Сенатского архива.

Опись 1. Д. 315, 326.

Фонд 1488. Планы и чертежи гражданской архитектуры.

Опись 1. Д. 717, 722, 733 – 739, 745, 749.

Архив Санкт-Петербургского института истории РАН

Коллекция 115. № 10.

Коллекция 220. Д. 206.

Российская национальная библиотека

Отдел рукописей: Ф. 342, № 1143; Ф. ВЭО, 20 1/40.

1.2. Опубликованные источники

1.2.1. Официальные документы Российской империи (законодательные материалы)

Полное собрание законов Российской империи – Собр. 1–е. – СПб. : Гос. тип., [1649–1825] – 45 Т.

Т. 4, № 1825; № 1963.

Т. 6, № 3708; № 4122.

Т. 7, № 4988.

Т. 9, № 13541.

Т.10, № 7323.

Т. 11, № 8458.

Т. 12, № 9510.

Т. 13, № 10003.

Т. 14, № 10467.

Т. 16, № 11723, № 11862, № 11883, № 12196; Т. 17, № 12474; № 12799.

Т. 18, № 16380.

Т. 19, № 13866; № 14134; № 14144.

Т. 20, № 14242; № 14392; № 14923; № 15141.

Т. 21, № 15140; № 15141; № 15379; № 15641.

Т. 22, № 16024; № 16187.

Т. 24, № 17634; № 17670; № 17803.

Т. 25, № 18498; № 18584; № 18663; № 18822.

Т. 26, № 19281; № 19701.

Т. 27, № 20406; № 21036; № 20205; № 20633; № 20372.

Т. 28, № 21717; № 21178.

Т.29, № 22114; № 22426; № 22034; № 22114.

Т. 30, № 23214; № 23831.

Т. 31, № 24133; № 24233; № 24326.

Т 32, № 25392; № 24989; № 24989; № 25392; № 25027; № 25027.

Т. 33, № 26259.

Т. 34, № 27180.

Т. 36, № 27761; № 27986.

Т. 37, № 28556.

Т. 38, № 29516а.

Т. 39, № 29961.

Т. 40, № 30291; № 30567.

Т. 44: Книга штатов: Часть 2: Штаты по духовной и по гражданской части: Штаты по гражданской части (1715 - 1800). С. 67, 123, 200, 205, 254 –257.

Полное собрание законов Российской империи – Собр. 2–е. – СПб. : Гос. тип., [1830–1884] – 55 Т.

Т. 1, № 186.

Т. 2, № 1202; № 1235; № 1455.

Т. 3, № 1804; № 2192; № 2423; № 2431.

Т. 4, № 2770; № 2857; № 2857; № 3026.

Т. 5, № 3874; № 4007; № 4037, ч. 2; № 4165.

Т. 6, № 4302; № 4333; № 4539; № 4573; № 4805; № 4956.

Т. 7, № 5138; № 5624; № 5712; № 5768; отделение 1, № 6294.

Т. 8, № 6294, ч.2: Штаты и таблицы.

Т. 9, № 6790; № 7199, ч.2: Штаты и таблицы; Т. 9, № 6792.

Т. 10, № 7848; № 8517.

Т. 11, № 8608; № 8914; № 9030.

Т. 12, № 10303; № 10326; № 10384; № 10511; № 10580.

Т. 13, № 11053; № 11189, ч. 2: Штаты и таблицы.

Т. 14, № 12436.

Т. 15, № 13681.

Т. 16, № 14392; № 14819; № 14820; № 14944.

Т. 17, № 16251; № 16256; № 16401.

Т. 18, № 16503.

Т. 19, № 17698; № 18013; № 18395; № 18529.

Т. 20, № 18703.

- Т. 21, № 20214.
- Т. 22, № 20826.
- Т. 23, № 22364; № 22794; № 22807.
- Т. 24, № 23213.
- Т.25, № 24729.
- Т. 26, № 24888; № 25778; № 25803.
- Т. 27, № 26117; № 26848.
- Т. 28, № 26919; № 27291; № 27391; № 27394; № 27514.
- Т. 29, № 27831; № 28307; № 28405, ч. 2: Штаты и таблицы; № 28422; № 28762.
- Т. 30, № 28987; № 29384.
- Т. 31, № 30320; № 30855; № 31120; № 31251.
- Т. 32, № 31771; № 31950; № 32433; № 32447.
- Т. 33, № 33064; № 33110; № 33155; № 33636.
- Т. 34, № 34757.
- Т. 35, № 35335.
- Т. 36, № 37322.
- Т. 37, № 38709; № 39087.
- Т. 38, № 39817; № 40289; № 40369.
- Т. 39, № 40457; № 40458; № 40643; № 41394; № 41478.
- Т. 40, № 41991; № 42180. ч.2: Штаты и таблицы; № 42288.
- Т. 41, № 43726.
- Т. 32, № 31351.
- Т. 43, № 45638Т; № 46113.
- Т. 44, № 46978.
- Т. 45, № 46978а; № 48498; № 48597.
- Т. 46, № 50291.
- Т. 47, № 51031.
- Т. 49, № 53355.

Полное собрание законов Российской империи – Собр. 3–е. – СПб. : Гос. тип., [1885–1916] – 33 Т.

Т. 3, № 1495.

Т. 9, № 6196.

Т.12, № 8708.

Т. 19, № 16897; № 17692.

Т. 20, № 18011; № 18355.

Т. 32, № 37242.

Свод законов Российской империи, повелением гос. имп. Николая Павловича составленный. Т. 12. Ч. 4. Учреждения и уставы путей сообщения, устав строительный и устав пожарный. Ч. 5. Постановления о благоустройстве в городах и селениях. СПб.; Тип. Второго отделения Собственной Е.И.В. канцелярии, 1832. – 677 с. разд. пар.

Свод законов Российской империи. Том двенадцатый. Часть I. Уставы путей сообщения, почтовый, телеграфический, строительный, и пожарный. – СПб. : Тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1857. – 664 с.

Свод законов Российской империи. Том двенадцатый. Часть II. Уставы о городском и сельском хозяйстве, о благоустройстве в казенных и казачьих селениях, и о колониях иностранцев в империи. – СПб. : Тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1857. – 591 с.

1.2.2. Нормативно-правовые акты, ведомственные распоряжения и образцовые фасады

Атлас проектов и чертежей сельских построек, изданный от Департамента сельского хозяйства М.Г.И. – СПб: лит. Гундризера, 1853. – 36 с., 39 л. ил.

Образцовые фасады, высочайше утвержденные для обывательских в городах домов. В 12 тетр. – СПб. : Из-во Департамента военных поселений, 1840-1841. – 178 л.

Образцовые фасады, удостоенные Высочайшего одобрения. Тетр. 10. – СПб.: литография ГУПСИПЗ, 1852. – 12 л.

Образцовые фасады деревянных домов в 3, 4 и 5 окон с воротами и заборами, удостоенные Высочайшего одобрения, для постройки таких домов в уездных городах, где Высочайшим повелением, в 26 д. июля 1853 г. последовавшим, предоставлено Городничим разрешать постройку обывательских домов, имеющих до 5 окон включительно. – СПб. : литография ГУПСИПЗ, 1854. – 24 с.

Правила о производстве строительных работ по Министерству императорского двора : [утв. 3 нояб. 1857 г.]. СПб., 1857. – 81 с.

Положение о губернских и уездных земских учреждениях / Свод Законов Российской Империи : неофиц. изд. – 1912. – Т. II. – С. 209–228.

Сборник циркуляров и инструкций Министерства Внутренних Дел за 1870 – 1871 годы. – СПб. : типография МВД, 1872. – 605 с.

Собрание планов, фасадов и профилей для строения каменных церквей с кратким наставлением, как о самом производстве строения, так и о вычислении потребных к тому материалов. – Спб. : тип. медицинского департамента МВД, 1824. – 60 грав. л.

Собрание фасадов, Его Императорского Величества, высочайше апробованных для частых строений в городах Российской империи. 1809 - 1812 года. В 5 ч. Ч I—V. СПб., 1809-1812. – 287 л.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1866 года : с дополнениями по 1 янв. 1876 г. / сост. проф. С.- Петерб. ун-та Н. С. Таганцевым ; [авт. предисл. Н. С. Таганцев]. – 2-е изд., перераб. и доп. – Спб. : Тип. М. Стасюлевича, 1876. – 726 с.

Урочные положения на все вообще работы, производящиеся при крепостях, гражданских зданиях и гидротехнических сооружениях / 2-е изд., испр. по замечаниям деп. Воен. м-ва: Инженерного и Воен. поселений и Гл. упр. путей сообщ. и публичных зданий. – СПб. : Тип. Деп. воен. поселений, 1839. – 413 с.

Устав строительный : (Св. зак. т. 12, ч. 1, изд. 1900 г.) : с разъяснениями по решениям Правительствующего Сената и циркулярам Министерства внутренних

дел, и извлечениями из других частей Свода законов и с приложением алфавитного указателя : издание неофициальное / сост. О. П. Бертинский. – СПб. : изд. Я. А. Канторовича, 1902. – 343 с.

Устав Строительный. (Св. зак. т. 12, ч. 1, изд. 1900 г. и по Прод. 1912 и 1913 г.). : измененный и дополненный узаконениями, обнародованными по 1 дек. 1914 г. С разъяснениями Правительствующего Сената и циркулярами Министерства Внутренних Дел и с приложениями правил строительной полиции для губерний царства Польскаго / сост. Членом Харьковской Судебной Палаты М. Шрамченко. – 10 изд., значит. допол. – Пг.: Изд. юрид. кн. магазина К. К. Мартынова, 1915. – 510 с.

1.2.3. Справочные издания, статистические материалы и энциклопедии

Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской империи. 1806. В 2-х ч. Ч. 2. Месяцеслов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской империи на лето 1806 от Рождества Христова. – СПб. : Имп. Академия наук, 1806. – 492 с.

Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской империи. 1809. В 2-х ч. Ч. 2. Месяцеслов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской империи на лето 1809 от Рождества Христова. – СПб. : Имп. Академия наук, 1809. – 496 с.

Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской империи. 1818. В 2-х ч. Ч. 2. Месяцеслов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской империи на лето 1818 от Рождества Христова. – СПб. : Имп. Академия наук, 1818. – 548 с.

Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской империи. 1837. В 2-х ч. Ч. 1. Месяцеслов и Общий штат Российской империи на 1837. – СПб. : Имп. Академия наук, 1837. – 1010 с.

Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской империи. 1837. В 2-х ч. Ч. 2. Месяцеслов и Общий штат Российской империи на 1837. – СПб. : Имп. Академия наук, 1837. – 513 с.

Адрес-календарь. Общая роспись всех чиновных особ в государстве. 1851. В 2-х ч. Ч. 1. Власти и места Центрального управления и ведомства их. – СПб. : Имп. Академия наук, 1851. – 344 с.

Адрес-календарь. Общая роспись всех чиновных особ в государстве. 1855. В 2-х ч. Ч.1. Власти и места Центрального управления и ведомства их. – СПб. : Имп. Академия наук, 1855. – 314 с.

Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Империи, и по главным направлениям в Царстве Польском и Великом княжестве Финляндском. На 1862-1863 год. Часть I. Власти и места Центрального управления и ведомства их. СПб. : Имп. Академия наук, 1863. – 780 с.

Военно-статистическое обозрение Российской империи. Том 13. Ч.2. Воронежская губерния. / [по рекогносцировкам и материалам, собр. на месте, сост. Руктешель и Казимирский]. – СПб. : Тип. Деп. Ген.штаба 1850. – 126 с.

Воронов И. К. Город Воронеж. Население и недвижимые имущества : материалы для оценки городских недвижимых имуществ : с планами и диаграммами на отдельных листах и в тексте / сост. И. Воронов. – Воронеж : типо-лит. В. И. Исаева, 1903. – 225 с.

Историко-Статистический очерк торговли и промышленности г. Воронежа / сост. Г.М. Веселовский // Памятная книжка Воронежской губернии на 1865-1866 г. – Воронеж : типография Воронежского Губернского Правления, 1867. – С.1 – 98.

Календарь-справочник городского деятеля на 1915 г. / Сост. Б.Б. Веселовский / – Пг.: Изд. журналов «Городское дело» и «Земское дело»; Тип. «Двигатель», 1914. – 384 с.

Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. В 20 т. Т. 4. Воронежская губерния / Сост. В. Михалевич. – СПб. : глав. упр. Ген. штаба, 1862. – 413 с.

Памятная книжка Воронежской губернии на 1856 г. / под ред. Н. И. Второва. – Воронеж: Изд. Воронеж. губ. стат. Ком.; типо-литогр. Губ. прав., 1856. – 289 с.

Памятная книжка Воронежской губернии на 1861 год. – Воронеж: Изд. Воронеж. губ. стат. Ком.: типография В. Гольдштейна, 1861. – 194 с.

Памятная книжка Воронежской губернии на 1863-1864 г. / под ред. А. Н. Трухачева, Г. М. Веселовского. – Воронеж : Изд. Воронеж. губ. стат. Ком.; типо-литогр. Губ. прав., 1864. – 236 с.

Памятная книжка Воронежской губернии на 1865-1866 г. / под ред. Г. М. Веселовского и др. – Воронеж: Изд. Воронеж. губ. стат. Ком.; типо-литогр. Губ. прав., Воронеж, 1867. – 490 с.

Памятная книжка Воронежской губернии на 1887 год. – Воронеж : Изд. Воронеж. губ. стат. ком.; типо-литогр. Губ. прав, 1886. – 475 с.

Памятная книжка Воронежской губернии на 1891 год. Вып. Первый. – Воронеж : Изд. Воронеж. губ. стат. ком.; типо-литогр. Губ. прав, 1891. – 148 с.

Памятная книжка Воронежской губернской гимназии. Воронеж : Высочайшее утвержд.; товарищ. «печатня С. П. Яковлева», 1891. – 212 с.

Прогулка по 12-ти губерниям с историческими и статистическими замечаниями в 1838 г. / [Соч.] Павла Сумарокова. – СПб. : тип. А. Сычева. 1839. – 334 с.

Справочная книга для духовенства Воронежской Епархии / Сост. П. Никольский, под ред. прот. А. М. Спасского. – Воронеж : тип. В. И. Исаева, 1900. – 217 с.

Статистические таблицы о состоянии городов Российской империи, Великого княжества Финляндского и Царства Польского : сост. в Стат. отд. Совета Министерства внутренних дел. - СПб. : Тип. Карла Крайя, 1842. - [1], 74 с.: табл. ; 3 л. табл.

Щербина Ф. А. Воронежское земство. 1865 – 1889 гг.: историко-статистич. обзор / Сост. Ф. А. Щербина. – Воронеж : Издание Воронежского губернского земства; Тип. В. И. Исаева, 1891. – 800 с.

Экономическое состояние городских поселений Европейской России в 1861-62 г. : материалы для составления предположений об улучшении общественного управления в городах. Ч. 1. – СПб. : Типография К. Вульфа, 1863. – 917 с.

Энциклопедический лексикон, посвященный Е. В. Государю Императору Николаю Павловичу. Т. 12. Воо – Вяз. – в тип. А. Плющара, 1838. – 480 с.

Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. В 86 томах. Т. XXVIII (54). Репина – Рясское и Россия / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. – СПб. : Издание акц. изд. об-во Ф. А Брокгауз - И. А. Ефрон, 1899. – С. 576.

Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. В 86 томах. Т. XXXIII (66). Томбигби – Трульский собор / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. – СПб. : Издание акц. изд. об-во Ф. А Брокгауз - И. А. Ефрон, 1901. – С. 479 – 960.

Энциклопедический словарь ЦЧО. Т. 1. Абакумовка — Ессаулово / Ред. совет: В. Н. Алексеев, А. А. Андреев, М. И. Генкин и др.; гл. ред. В. Н. Алексеев. — Воронеж : Коммуна, 1934 – 742 стб.

Юбилейный сборник сведений о деятельности бывших воспитанников института гражданских инженеров (Строительного Училища). 1842 – 1892. /сост. Г. В. Барановский. – СПб. : Издание Института Гражданских Инженеров, типо-лит. К. Л. Пентковского, 1893. – 428 с.

1.2.4. Материалы периодических изданий

Воронежская старина: [научные труды Воронежского церковного историко-археологического комитета]. Вып. 1 – 15. – Воронеж. 1902 – 1916.

Воронежские губернские ведомости. – 1848, № 4 – 8; 1868, № 2; 1863, № 2; 1883, № 31.

Дон. – 1897, № 139, 140.

Зодчий. – 1905, № 33; 1908, № 43; 1909, № 40; 1914, № 24, 28, 41, 50.

1.2.5. Документация органов самоуправления Воронежа

Задачи благоустройства г. Воронежа: доклад в Воронежскую городскую думу гласного Н. А. Ключкова. – Воронеж: Тип.-Литогр. Т-ва «Н. Кравцов и К», 1908. – 161 с.

Постановления Воронежской городской думы за вторую треть 1914 г. – Воронеж: Тип. Гор. управы 1914. – 156 с.

Постановления Воронежской городской думы за первую треть 1877 г. – Воронеж: Тип. Г. М. Веселовского, 1878. – 116 с.

Постановления Воронежской городской думы за первую треть 1912 г. – Воронеж: Тип. Гор. управы 1913. – 400 с.

Постановления Воронежской городской думы за первую треть 1915 г. – Воронеж: Тип. Гор. управы 1917. – 315 с.

1.2.6. Прочие источники

Аркин Д. Е. Должность архитектурной экспедиции. Трактат-кодекс 1737-1740 годов / Д. Е. Аркин // Архитектурный архив. – М., 1946. – Вып.1. – С.7 – 100.

Болховитинов Е. А. Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии / Е. А. Болховитинов; [вступительная статья и примечания А.Н. Акиншина]. – Воронеж: ГУП ВО «Воронежская областная типография», 2011. – 250 +[228]+6 (вклейка) с.

Веселовский Г. М. Воронеж в историческом и современно-статистическом отношениях (с подробным планом города и его окрестностей) / Г. М. Веселовский. – Воронеж : тип. Губ. правл., 1866. – 456 с.

Веселовский Г. М. Город Острогожск (Воронежской губернии) и его уезд : Ист.-стат. и этногр. очерк с пл. города и геогр. картой уезда / сост. д. чл. Воронеж. губ. стат. ком. Г. М. Веселовский. - Воронеж : тип. Губ. правл., 1867. – 220 с.

Веселовский Г. М. Города Воронежской губернии : их история и современное состояние, с кратким очерком всей Воронежской губернии / сост. сост. д. чл.

Воронеж. губ. стат. ком. Г. М. Веселовский и Н. В. Воскресенский. – Воронеж : типография Г. М. Веселовского, 1876. – 122 с.

Веселовский Г. М. Исторический очерк города Воронежа. 1586–1886: [издание Воронежской Городской Думы] в память празднования г. Воронежем 300-летнего юбилея / сост. д. чл. Воронеж. губ. стат. ком. Г. М. Веселовский. – Воронеж : тип. Воронежской городской управы, 1886. – 298 с.

Вестник постройки Воронежского губернского музея : журнал. – Воронеж : Изд-ие Вор. Учен. Архив. Комиссии. Тов-во "Печатня С.П. Яковлева", 1914. – №2 (февраль).

Воронеж в документах и материалах / Сост. Г.И. Васильева и др.; [вступ. ст. В.П. Загоровского. – Воронеж : Центрально-Черноземное книжное издательство, 1987. – 272 с.

Воронежский край XVIII века в описаниях современников / Сост. В.П. Загоровский. – Воронеж, 1992. – 256 с.

Гайн В. И. О старинной архитектуре города Воронежа / В.И. Гайн // Воронежский историко-археологический вестник. – 1921. – Вып. 1. – С. 23–27.

Города Воронежского наместничества. Записка Е. Щербинина Екатерине II. 1779 г. // Воронежский край в XVIII веке. документы и материалы по истории края : сборник документов / Сост. и автор пояснительного текста В.М. Проторчина. – Воронеж : изд-во Воронежского университета, 1980. – 176 с.

Димитрий (Самбикин), [архимандрит]. Указатель храмовых празднеств в Воронежской епархии. Вып. I–IV / Димитрий (Самбикин). – Воронеж : Типография В. И. Исаева, 1884–1886. – 4 вып.

Димитрий (Самбикин), [архимандрит]. Хронологический указатель церквей Воронежской епархии. 1586 – 1886. / Димитрий (Самбикин). – Воронеж, 1886. – 172 с.

Записки сенатора Н. П. Синельникова / Н. П. Синельников // Исторический вестник : историко-литературный журнал. – Т. LIX (год 16-й, 1895 г.). – СПб. : тип. К. С. Суворина, 1895. – С. 721-736.

Лем И. М. Опыт городским и сельским строениям, или Руководство к знанию, как располагать и строить всякого рода строения по неимению архитектора / И. М. Лем. — 2 издан., исправ. и допол. — Спб. : Импер. тип., 1802. — 128 с.

Никольский П. В. История Воронежской духовной семинарии. В 2 ч. Ч.2. — Воронеж : типография В. И. Исаева, 1899. — 229 с.

Описание Воронежского наместничества 1785 года / Сост. Т. Б. Ананьева; отв. ред. д. ист. н. В. П. Загоровский. — Воронеж : Изд-во ВГУ, 1982. — 147 с.

Письма Евдокима Алексеевича Щербинина к графу Александру Романовичу Воронцову. 1774 - 1782 гг. / Публ., предислов. и прим. Воскобойниковой В. П. // Из истории Воронежского края : Сб. статей. — Воронеж : Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 2009. — Вып. 16. — С. 234 – 242.

Поликарпов Н. И. Постройка зданий корпуса / Н. И. Поликарпов // Юбилейный сборник Михайловского Воронежского кадетского корпуса. 1845-1895 / сост. свящ. Ст. Зверев. — Воронеж : т-во «Печатня С. П. Яковлева», 1898. — С. 117–158.

Путеводитель по Воронежу: с 15 видами и планом города / изд. М. Н. Ключникова. — Киев : Тип.-лит. Р. Н. Лубковского, 1901 — 117 с.

Путеводитель по городу Воронежу для школьных экскурсий. — Воронеж : тип.-литогр. товарищества «Печатник», 1914. — 68 с.

Путевые воспоминания о Кавказе. 1887 г. Е. Ивановой / Е. Иванова. — М. : типография П. В. Васильева. 1889. — 49 с.

Путевые записки по России, в двадцати губерниях : С.-Петербургской, Новгородской, Тверской [и др.] Михаила Жданова / М. П. Жданов. — Спб. : издание В. Полякова в типографии А. Иогансона. — 214 с.

Связев И. И. Учебное руководство к архитектуре, составленное для студентов Горного института : практическое пособие в 2 ч. / И. И. Связев. — СПб. : Типография Конрада Вингебера, 1833. — Часть 1, 2. — 201 с., 12 л. черт.

Славинский М. И. Историческое, топографическое и статистическое описание Воронежской губернии / М. И. Славинский. — Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2014. — 240 с .

Успенский Ю. И. Старый Воронеж: художественно-исторический очерк : с 21 репродукцией с картин, акварелей и фотографий в тексте и 2 листами чертежей / Ю. И. Успенский. – Воронеж : Государственное издательство, 1922. – 77 с.

Устав Строительный (Издание 1900 г.). Сост. З. В. Зосимовский. СПб. : Типография МВД, 1901. – 250 с.

Шмеллинг Л. В. О служебном положении городских архитекторов. СПб: Тип. А. С. Хомовского, 1894. – 120 с.

2. Литература

2.1. Монографии, брошюры, сборники статей и статьи

Акинъшин А. Н. Описания города Воронеж периода 1773 – 1838 годов / А. Н. Акинъшин // Из истории города Воронежа / под ред. В. П. Загоровского. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 1984. – С. 77 – 86.

Акинъшин А. Н. «Воронежский дворец» / А. Н. Акинъшин // Подъем. – 1984. – №1. – С. 11–120.

Акинъшин А. Н. Историческая география Воронежа по планам города (XVIII – середина XIX в.) / А. Н. Акинъшин, Г. А. Чесноков // Историческая география Черноземного центра России (дооктябрьский период): межвуз. сб. научн. тр. – Воронеж: гос. ун-т, 1989. – С. 118–132.

Акинъшин А. Н. Организация строительства в Воронежской губернии в конце XVIII – начале XX вв./ А. Н. Акинъшин // Елец и его окрестности : тезисы науч. конф. – Елец, 1991. – С. 46–48.

Акинъшин А. Н. Материалы к биографическому словарю воронежских архитекторов (конец XVII – начало XX вв.) / А.Н. Акинъшин // Труды Воронежского областного краеведческого музея. – Воронеж, 1994. – Вып. 2. – С. 70–89.

Акинъшин А. Н. Материалы к биографическому словарю воронежских архитекторов (конец XVII – начало XX вв.) / А. Н. Акинъшин // Из истории Воронежского края : сб. статей. – Воронеж, 2002. – Вып. 10. – С. 76 –100.

Акинъшин А. Н. Записки старого пешехода / А. Н. Акинъшин, О. Г. Ласунский. 2-е изд., перераб. и доп. – Воронеж : «Правдивцев и К», 2002. – 352 с.

Акинъшин А. Н. Материалы к биографическому словарю воронежских архитекторов (конец XVII – начало XX вв.) / А. Н. Акинъшин // Из истории Воронежского края : сб. статей. – Воронеж, 2003. – Вып. 11. – С. 150–177.

Акинъшин А. Н. Храмы Воронежа. / А. Н. Акинъшин. – 2-е изд., испр. и доп. – Воронеж : Кварта, 2003. – 239 с.

Акинъшин А. Н. Материалы к биографическому словарю воронежских архитекторов (конец XVII – начало XX вв.) / А. Н. Акинъшин // Из истории Воронежского края : сб. статей. – Воронеж, 2004. – Вып. 12. – С. 97–107.

Акинъшин А. Н. Материалы к биографическому словарю воронежских архитекторов (конец XVII – начало XX вв.) / А. Н. Акинъшин // Из истории Воронежского края : сб. статей. – Воронеж, 2005. – Вып. 13. – С. 112–135.

Архитектурная практика и история архитектуры / Под ред. В. И. Пилявского. – М., 1958. – 186 с.

Архитекторы-строители Санкт-Петербурга середины XIX — начала XX века: справочник / авт.-сост. А. М. Гинзбург, Б. М. Кириков, при участии С. Г. Федорова, Е. В. Филиппова; под. общ. ред. Б. М. Кирикова. — СПб. : Пилигрим, 1996. – 397 с.

Барановский Г. В. Основы строительного уложения / Г. В. Барановский // Строитель. Вестник Архитектуры, домовладения и санитарного зодчества. – 1903 г. – № 5-8. – С.13–18.

Бартенъев И. А. Строительная наука в России (XVIII в. - первая половина XIX в.) / И. А. Бартенъев // Труды Всероссийской Академии Художеств. – 1947. – Вып. 1. – С. 145–160.

Борисова Е. А. Русская архитектура конца XIX — начала XX вв. / Е. А. Борисова, Т. П. Каждан. – М. : Наука, 1971. – 240 с.

Борисова Е. А. Русская архитектура второй половины XIX в. / Е. А. Борисова. – М. : Наука, 1979. – 320 с.

Борисова Е. А. Русский неоклассицизм. / Е. А. Борисова, Г. Ю. Стернин. – М.: Галарт, 2002. – 287 с.

Бунин А. В. История градостроительного искусства. Градостроительство рабовладельческого строя и феодализма / А.В. Бунин, Т.Ф. Саваренская. – М. : Стройиздат, 1979. – Т. 1. – 496 с.

Бутырский Д. И. Дополнение к 3-му изданию устава Строительного / Д. И. Бутырский – М.. 1912. – 73 с.

Вайтенс А. Г. Развитие правовых основ градостроительства в России XVIII-начала XXI веков : опыт исторического исследования / А. Г. Вайтенс, Ю. Л. Косенкова. – Обнинск : Институт муниципального управления, 2006. – 523 с.

Веселовский Б. Б. Земство и земская реформа / Б. Б. Веселовский – Пг.: Т-во О. Н. Поповой, 1918. – 48 с.

Власюк А. М. Эволюция строительного законодательства России в 1830-1910-е годы / А. М. Власюк // Памятники русской архитектуры и монументального искусства. Стиль, атрибуции, датировки. – 1985. – Вып. 3. – С. 226-239.

Воронежская историко-культурная энциклопедия / под общ. ред. Ласунского О. Г. – 2 изд., доп. и испр. – Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2009. – 660 с.

Воронежская энциклопедия. В 2 т. Т. 1. А - М. / Гл. ред. М. Д. Карпачёв. — Воронеж : Центр духовного возрождения Чернозёмного края, 2008. – 524 с.

Воронежские губернаторы и вице-губернаторы. 1770-1917: ист.- биограф. очерки / ред.- сост. А.Н. Акиншин. – 2-е изд. испр. и доп. — Воронеж : Центр духовного возрождения Черноземного края, 2015. – 424 с.

Герасименко Г. А. Земское самоуправление в России / Г. А. Герасименко. – М.: Наука, 1990. – 264 с.

Городовое положение Екатерины II 1785 г.: опыт исторического комментария / А.А. Кизеветтер. — М.: Тип. Импер. Моск. Ун-та, 1909. – 473 с.

Горюнов В. С. Архитектура эпохи модерна. Концепции. Направления. Мастера / В. С. Горюнов, М. П. Тубли. – Спб. : Стройиздат. – 1992. – 360 с.

Градостроительство / под ред. В. А. Шкварикова – М. : издательство Академии архитектуры СССР. – 1945. – 328 с.

Гурьев Г.С. Архитектурно-градостроительная деятельность в Воронеже середины XIX - начала XX вв. / Г.С. Гурьев // Архитектурные исследования. – 2019. – №2. – С. 129–136.

Данилова Л. В. Изучение истории России в период позднего феодализма / Л. В. Данилова, Ю. Р. Клокман // Очерки истории исторической науки в СССР. – М. : Издательство АН СССР, 1985. – Т. 5. – С. 188–189.

Диканский М. Г. Русское строительное законодательство. Систематическое изложение строительных законов и обязательных постановлений с Сенатскими решениями и комментариями / М. Г. Диканский. – Пг., 1918. – С. 288–294.

Дитятин И. И. Устройство и управление городов России. В 2 т. Т.1. Введение. Города России в XVIII столетии / И. И. Дитятин. – СПб. : Типография П. П. Меркулева, 1875. – 508 с.

Дитятин И. И. Устройство и управление городов России. В 2 т. Т.2. Городское самоуправление в настоящем столетии / И. И. Дитятин. – Ярославль : Типография Г. В. Фальк, 1877. – 565 с.

Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России / Н. П. Ерошкин. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Высшая школа, 1968. – 368 с.

Ерошкин Н. П. Местные государственные учреждения дореформенной России (1800—1860-е гг.) : учебное пособие / Н. П. Ерошкин — М.: МГИАИ, 1985. – 98 с.

Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. / П. А. Зайончковский. – М. : «Мысль», 1978. – 288 с.

Зайцева А. А. Историко-культурное наследие Борисоглебской земли (материалы Свода памятников Воронежской области) / А. А. Зайцева, Л. В. Кригер. – М. : Российский институт культурологии., 1994 – 208с.

Залесов В. Г. Деревянная застройка городов Сибири в строительном законодательстве России XIX – начале XXв. / В. Г. Залесов // Баландинские чтения. Т. IX. Ч.1. – Новосибирск, 2014.– С. 189 – 195.

Зодчие Москвы. В 2 кн. Кн. 1. Зодчие Москвы XV—XIX вв. / сост. Ю. С. Яралов, научн. ред. С. М. Земцов — М.: Московский рабочий, 1981. — 304 с.

Зодчие Москвы. В 2 кн. Кн. 2. Зодчие Москвы XX век / сост. Ю. С. Яралов, научн. ред. С. М. Земцов — М.: Московский рабочий, 1988. — 368 с.

Зодчие Санкт-Петербурга : XVIII век / ред. Ю. В. Артемьева, С. А. Прохвятилова. — СПб. : Лениздат, 1997. — 1021 с.

Золотарева М. В. Регулирование архитектурно-строительного процесса в России в XVIII в. : монография / М. В. Золотарева. — СПб. : СПбГАСУ, 2007. — 122 с.

Ильин А. Ю. Развитие городского хозяйства региональных центров России в условиях урбанизации XVIII - XX вв / А. Ю. Ильин. — Тамбов : "Издательский дом "Мичуринск", 2018. — 486 с.

Исаченко В.Г. Зодчие Санкт-Петербурга XVIII—XX веков / В. Г. Исаченко. — М. : Центрполиграф, 2010. — 320 с.

Историко-культурное наследие Воронежа : материалы Свода памятников истории и культуры Российской Федерации / М-во образования и науки Российской Федерации, Российский ин-т культурологии, Гос. инспекция охраны историко-культурного наследия Воронежской обл. ; [рук. науч. проекта Э. А. Шулепова ; науч. ред. Е. Н. Чернявская, Т. С. Старцева]. - [Доп. тираж к изд. 2002 г.]. — Воронеж : Центр духовного возрождения Черноземного края, 2009. — 574 с.

Кизеветтер А. А. Из истории законодательства в России XVII-XIX вв. / А. А. Кизеветтер. — Ростов на Дону : тип-я Т-ва "Донская речь", 1904. — 42 с.

Кириков Б. М. Архитектура Петербурга конца XIX – начала XX века: Эkleктика. Модерн. Неоклассицизм : монография / Б. М. Кириков. — СПб. : Коло, 2006. — 447 с.

Кириллов В. В. Русский город эпохи барокко (культурный и эстетический аспект) / В. В. Кириллов // Русский город. Выпуск 6. — М. : МГУ, 1983. — С. 127-162.

Кириченко Е. Н. Русская архитектура 1830–1910-х годов / Е. И. Кириченко. - изд. 2-е, испр. и доп. — М.: Искусство, 1982. — 400 с.

Кириченко Е. И., Нащокина М. В. Русское градостроительное искусство. Градостроительство России середины XIX - начала XX века. Общая характеристика и теоретические проблемы. Книга I / Е. И. Кириченко, М. В. Нащокина М.: Прогресс-Традиция, 2001. – 340 с.

Кожемякин А. В. Новые историко-краеведческие находки / А. В. Кожемякин // Записки воронежских краеведов / Сост. А.И. Гайворонский. – Воронеж, 1983. – Вып. 2. – С.120 – 129.

Колычев А. А. Городовое положение 11 июня 1892 г. и по Продолжению 1906 и 1908 гг., со всеми к нему приложениями... / А. А. Колычев.– СПб. : изд. В.П. Анисимова, 1910. – 613 с.

Кононов В. И. Воронеж: история города в памятниках и мемориальных досках. – Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2005. – 349 с.

Крашенинников А. В. Неизвестный проект Кваренги ансамбля архиерейского двора в Воронеже / А. В. Крашенинников // Архитектурное наследие : сборник научн. статей. – М., 1985. – Т. – 33. – С. 266–270;

Крашенинников А.Ф. Проекты архитектора Кваренги для Воронежа / А.Ф. Крашенинников // Воронежский краеведческий сборник: из истории культуры края. / Сост. А. И. Гайворонский. – Воронеж : Издательство Воронежского университета, 1985. – С. 163 –191.

Крашенинников В. В. Жизнь русской провинции как предмет исторического исследования / В. В. Крашенинников // Актуальные проблемы современной исторической науки. – Брянск, 1998. – С. 64–68.

Кретьева О. К. Летопись дней минувших / О. К. Кретьева // Воронеж. – 2-е изд., доп. – Воронеж : Центрально-Черноземное книжное издательство, 1967. – 327 с.

Кригер Л. В. Архитектура исторических городов Воронежской области. / Л. В. Кригер, Г. А. Чесноков – Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2009. – 317 с.

Кригер Л. В. Историко-культурное наследие Воронежской области: исследование и использование : метод. пособие для подготовки документов территори-

ального планирования муниципальных образований / Л. В. Кригер. – Воронеж : Альбом, 2007. – 128 с.

Кригер Л. В. Александр Михайлович Баранов / Л. В. Кригер // Воронежцы: известные люди в истории края. – Воронеж: Кварта, 2011. С. 27– 30.

Кригер Л. Эволюция архитектурных форм в храмовом строительстве Воронежской области: с хронологическим иллюстрированным перечнем сохранившихся храмовых зданий XVIII- первой четверти XX веков / Л. Кригер, М. Дьяков. – Воронеж, 2011. – 128 с.

Кригер Л. В. Усадьбы Воронежской области / Л. В. Кригер. – изд. 2-е, исправ. и доп. – Воронеж : Центр духовного возрождения Черноземного края, 2018. – 367 с.

Кригер Л.В. История градостроительства Центрального Черноземья: XVIII – нач. XX вв. – Воронеж : Центр духовного возрождения Черноземного края, 2021. – 396 с.

Кузнецов В. В. Формирование и деятельность всесословного самоуправления в уездных городах Воронежской губернии (1870-1918 гг.): монография / В. В. Кузнецов; под общ. ред. А. В. Перепелицына. – Воронеж : Воронежский институт МВД России. 2020. – 254 с.

Лавров В. А. Типовые проекты в застройке центров русских городов второй половины XVIII века / В. А. Лавров // Архитектура СССР. – 1956. – № 7. – С. 37–38.

Леготина А. В. Специалисты Строительного отделения Оренбургского губернского правления и их роль в развитии южноуральской архитектуры начала XX в / А. В. Леготина // Вестник культуры и искусств. – 2017. – № 4 (52). – С. 167–172.

Леденева Г. Л. Гражданская архитектура российской провинции конца XIX – начала XX столетий (на примере застройки г. Тамбова): учебное пособие / Г. Л. Леденева. – Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2003. – 80 с.

Лихорадова И. Н. Развитие дорожной сети на территории воронежского края в XVI –начале XX вв. / И. Н. Лихорадова // Из истории Воронежского края :

Сборник статей. – Воронеж : Изд-во Воронежского гос. университета, 2003. – Вып. 11. – С. 55 – 64.

Лихорадова И. Н. История дорожного строительства на территории Воронежского края / И. Н. Лихорадова, Вл.П. Подольский. – Воронеж : Изд-во Воронежского гос. университета, 2006. – 174 с.

Лукомский Г. К. О прошлом и современном состоянии провинциальной художественной архитектуры / Г. К. Лукомский. – СПб. : издание автора; [тип. СПб. Град.], 1912. – 35 с.

Лукомский Г. К. Воронежская старина / Г. К. Лукомский. – Пг. : тип. Петрогр. градоначальства, 1915. – 56 с.

Лукомский Г. К. Памятники старинной архитектуры России. Ч. 1. Наша провинция / Г. К. Лукомский. – Пг. : Изда-во «Шиповник». Сенатская Типография. Петроград, 1916. – 396 с.

Мальцев В. Михаил Николаевич Замятнин / В. Мальцев // Воронежцы. Знаменитые биографии в истории края / ред.-сост. Ю. Л. Полевой. – Воронеж : Издательский дом «Кварта», 2007. – С. 95 – 98.

Материалы Свода памятников истории и культуры Российской Федерации. Воронежская область. Вып. 2. В 2 ч. Ч. 1. Бобровский, Бутурлиновский, Воробьевский районы / М-во культуры Рос. Федерации, Рос. акад. наук. Рос. ин-т культурологии, Гос. инспекция охраны историко-культур. наследия Воронеж. обл.; [Редкол.: Э.А. Шулепова (отв. ред.) и др.]. – М., 1993. – 144 с.

Материалы Свода памятников истории и культуры Российской Федерации. Воронежская область. Вып. 2. В 2 ч. Ч. 2. Каменский, Каширский, Ольховатский, Острогожский, Подгоренский районы / М-во культуры Рос. Федерации, Рос. акад. наук. Рос. ин-т культурологии, Гос. инспекция охраны историко-культур. наследия Воронеж. обл.; [Редкол.: Э.А. Шулепова (отв. ред.) и др.]. – М., 1993. – 128 с.

Материалы Свода памятников истории и культуры Российской Федерации. Воронежская область. Вып. 3. В 3 ч. Ч. 1. Аннинский, Грибановский, Калачеевский районы / М-во культуры Рос. Федерации, Рос. акад. наук. Рос. ин-т культу-

рологии, Гос. инспекция охраны историко-культур. наследия Воронеж. обл.; [Редкол.: Э.А. Шулепова (отв. ред.) и др.]. – М., 1993. – 148 с.

Материалы Свода памятников истории и культуры Российской Федерации. Воронежская область. Вып. 3. В 3 ч. Ч. 2: Лискинский, Новохоперский районы / М-во культуры Рос. Федерации, Рос. акад. наук. Рос. ин-т культурологии, Гос. инспекция охраны историко-культур. наследия Воронеж. обл.; [Редкол.: Э.А. Шулепова (отв. ред.) и др.]. – М., 1993. – 180 с.

Материалы Свода памятников истории и культуры Российской Федерации. Воронежская область. Вып. 3. В 3 ч. Ч. 3: Панинский, Поворинский, Таловский, Терновский районы / М-во культуры Рос. Федерации, Рос. акад. наук. Рос. ин-т культурологии, Гос. инспекция охраны историко-культур. наследия Воронеж. обл.; [Редкол.: Э.А. Шулепова (отв. ред.) и др.]. – М., 1993. – 115 с.

Материалы Свода памятников истории и культуры Российской Федерации. Воронежская область. Вып. 4. В 2 ч. Ч. 1: Верхнехавский, Хохольский и Эртильский районы / М-во культуры Рос. Федерации, Рос. акад. наук. Рос. ин-т культурологии, Гос. инспекция охраны историко-культур. наследия Воронеж. обл.; [Редкол.: Э.А. Шулепова (отв. ред.) и др.]. – М., 1997. – 140 с.

Материалы Свода памятников истории и культуры Российской Федерации. Воронежская область. Вып. 4. В 2 ч. Ч. 2: Нижнедевицкий, Репьевский и Семилукский районы / М-во культуры Рос. Федерации, Рос. акад. наук. Рос. ин-т культурологии, Гос. инспекция охраны историко-культур. наследия Воронеж. обл.; [Редкол.: Э.А. Шулепова (отв. ред.) и др.]. – М., 1997. – 210 с.

Материалы Свода памятников истории и культуры РСФСР. Воронежская область. Вып. 1. В 2 ч. Ч. 1. Богучарский, Верхнемамонский районы. – М., 1990. – 80 с.

Материалы Свода памятников истории и культуры РСФСР. Воронежская область. Вып. 1. В 2 ч. Ч. 2. Кантемировский, Павловский, Петропавловский, Россошанский районы. – М., 1990. – 130 с.

Митин В.А. Постройки Джакомо Кваренги в Воронеже / В.А. Митин // Из истории города Воронежа : сборник статей. – Воронеж : Изд-во Воронежского университета, 1984. – С. 87–98.

Митин В. А. Проекты архитектора Кваренги для Воронежа / В. А. Митин // Воронежский краеведческий сборник. Из истории культуры края / сост. А. И. Гайворонский. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 1985. – С. 163–191.

Митин В. А. Историко-градостроительные особенности формирования центра Воронежа / В. А. Митин // Региональные проблемы архитектуры и градостроительства : межвузовский сб. науч. трудов. – Воронеж, 1988. – С. 40–55.

Митин В. А. Усадьбы города Воронежа XVIII, XIX, XX веков / В. А. Митин – Воронеж : Изд-во «Никитинское», 2004. – 223 с.

Митин В. А. Иван Егорович Старов, Николай Никитович Иевский, Джакомо Кваренги. Начало Большого Воронежа. В 2 т. Т. 1. От крепостных стен до генплана. Серия "Зодчие Воронежа". Вып. 2. / В. А. Митин. – Воронеж : Альбом, 2009. – 96 с.

Митин В. А. Иван Егорович Старов, Николай Никитович Иевский, Джакомо Кваренги. Начало Большого Воронежа. В 2 т. Т. 2. Екатерининский классицизм. Серия "Зодчие Воронежа". Вып. 2. / В. А. Митин. – Воронеж, : Альбом, 2010. – Т. 2. – 95 с.

Митин В. А. Василий Борисович Белокопытов. Губернский архитектор / В. А. Митин. – Воронеж : ООО «Творческое объединение «Альбом», 2015. – 96 с.

Молодость столетней магистрали / И. В. Бубнов, В. М. Попов, А. С. Поливанов и др.; под. ред. А.В. Охремчика; Упр. Юго-Вост. ж. д., дор. Дом науч.-техн. информации и пропаганды. – Воронеж : Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1966. – 286 с.

Москва и сложившиеся русские города XVIII – первой половины XIX веков / И. А. Бондаренко, М. В. Нащокина, М. П. Кудрявцев, Т. Н. Кудрявцева ; под общ. ред. Гуляницкого Н.Ф.; Гос. акад. архитектуры и строит. наук, НИИ теории архитектуры и градостроительства. – Москва : Стройиздат, 1998. – 439 с.

Муртазина Л. М. Казанские архитекторы конца XVIII – начала XX века : биографический справочник / Л. М. Муртазина. – Казань : ООО «Татполиграф», 1999. – 72 с.

Нардова В. А. Городское самоуправление в России в 60-х – начале 90-х гг. XIX в. / В. А. Нардова. – М. : Наука. Ленинградское отделение, 1984. – 260 с.

Нащокина М. В. Сто архитекторов московского модерна. Творческие портреты / М. В. Нащокина. – 2-е изд.. – М. : Жираф, 2000. – 304 с.

Никулина Н. Основные даты развития строительной техники России XIX - начала XX вв. / Н. Никулина – Л., 1971. – 93 с.

Ожегов С. С. Типовое и повторное строительство в России в XVIII-XIX веках / С. С. Ожегов. – М.: Стройиздат, 1984. – 168 с.

Петербург и другие новые российские города XVIII - первой половины XIX веков / Гуляницкий Н. Ф., Нащокина М.В., Кудрявцев М. П. и др.; под общ. ред. П. Ф. Гуляницкого. – М. : Стройиздат. – 1998. – 440 с.

Пилявский В. И. История русской архитектуры / В. И. Пилявский, А. А Тиц, Ю. С. Ушаков. – Л.: Стройиздат, 1984. – 512 с.

Пирожкова И. Г. Жилищный вопрос и градостроительство Тамбова в XIX – начале XX вв.: научная монография / И. Г. Пирожкова. – СПб. : «Нестор», 2004. – 119 с.

Пирожкова И. Г. «Образцовые» фасады как нормативный источник регулирования градостроительства в Российской империи / И. Г. Пирожкова // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2006. – № 3 (43). – С. 6 – 8.

Пирожкова И.Г. Нормативное регулирование культового строительства в российской империи / И. Г. Пирожкова // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. –2010. – Вып. 1 (81). – С. 298 – 305.

Поликарова И. В. Реставрация главного фасада дома объекта культурного наследия «Больница красного креста: дом, флигель» на основе историко-архивных и библиографических исследований (г. Воронеж, ул. Фридриха Энгель-

са, 72) / И. В. Поликарпова, П. А. Попов, А.С. Танкеев // Архитектурные исследования. – 2021. – №1. – С. 38 – 44.

Попов П. А. Купеческая фамилия Кряжовых в Воронеже / П. А. Попов // Из истории Воронежского края: Сборник статей. – Воронеж, 1998. – Вып. 7. – С. 87 – 104.

Попов П. А. Модерн в архитектуре Воронежа / П. А. Попов // Из истории Воронежского края: сборник статей. Вып. 10. / Отв. ред. Акиньшин А. Н. – Воронеж, 2002. – С. 162 – 175.

Попов П. А. Воронеж. История города в названиях улиц / П. А. Попов – Воронеж : Кварта, 2003. – 447 с.

Попов П.А. Городское самоуправление Воронежа. 1870 – 1918. – Воронеж: Кварта, 2006. – 424 с.

Попов П. А. Историко-архитектурный комплекс в Богучаре / П. А. Попов // Воронежский вестник архивиста. – Воронеж, 2008. – Вып. 6. – С. 143 – 152.

Попов П.А., Старый Воронеж : из истории городского быта XVIII - начала XX века / П. А. Попов, Б.А. Фирсов. – 2-е изд. испр. и доп. – Воронеж : Центр духовного возрождения Черноземного края, 2009. – 324 с.

Попов П. А. Русский стиль и его носители в архитектуре Воронежа середины XIX – середины XX в. / П. А. Попов // Воронежский вестник архивиста. – Воронеж, 2010. – Вып. 8. – С. 134 – 163.

Попов П. А. Русский стиль и его носители в архитектуре Воронежа середины XIX – середины XX в. / П. А. Попов // Воронежский вестник архивиста. – Воронеж, 2012. – Вып. 10. – С. 147 – 160;

Попов П. А. Здравствуй, старый дом! : самые замечательные здания Воронежа / П. А. Попов. – Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2014. – 312 с.

Попов П. А. Следы творчества В. П. Стасова в Воронеже / П.А. Попов // Воронежский вестник архивиста: научно-информационный ежегодник. Вып. 16. – Воронеж: «Фортуна», 2018. – С.111 – 121.

Попов П. А. Дом Шуклина: история и вопрос об авторстве А.М. Баранова. / П. А. Попов // Из истории Воронежского края: сборник статей. Вып. 26 / Отв. ред. Акиньшин А. Н. – Воронеж, 2020. – С. 115 – 125.

Пульвер Е. А. Знакомьтесь с Воронежем : путеводитель-справочник / Е. А. Пульвер. – Воронеж, 1965. – 270 с.

Пульвер Е.А. Здравствуй, Воронеж! : путеводитель / Е. А. Пульвер – Воронеж : Центрально-Черноземное книжное издательств, 1970. – 232 с .

Пунин А. Л. Типовое проектирование в русском зодчестве XVIII-XIX вв. / А. Л. Пунин // Архитектура и строительство Ленинграда. – 1956. №3. – С. 28.

Рашин А. Г. Население России за 100 лет (1811-1913) : статистические очерки. / А. Г. Рашин; под ред. академика С. Г. Струмилина. – М. : Госстатиздат, 1956. – 352 с.

Реброва Р. В. Архитекторы духовного ведомства, виды должностей. Архитекторы Санкт-Петербургской епархии / Р. В. Реброва // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2008. – №1. – С.83–87.

Русские провинциальные усадьбы / сост. Р. В. Андреева, Л. Ф. Попова. – 2-е изд. – Воронеж, 2011. – С. 66 – 218.

Рындзюнский П. Г. Изучение городов России первой половины XIX века / П. Г. Рындзюнский // Города феодальной России. – М., 1966. – С. 65 –74.

Савельев Ю. Р. Искусство историзма и государственный заказ. Вторая половина XIX – начало XX века / Ю. Р. Савельев. – М. : Совпадение, 2008. – 400 с.

Семенов В. Н. Благоустройство городов / В. Н. Семенов. – М. : Тип. П. П. Рябушинского, 1912. – 184 с.

Семенова Н. Л. Организация строительной и дорожной комиссии в Оренбургской губернии в 30–60-е гг. XIX в. / Н. Л. Семенова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2010. – № 15 (196) История. – С. 55–60.

Славина Т. А. Исследователи Русского зодчества. Русская историко-архитектурная наука XVIII начала XX века / Т. А. Славина. - Л. : ЛГУ, 1983. – 192 с.

Словарь архитекторов и мастеров строительного дела Москвы XV – середины XVIII века : сборник статей / Отв. ред. И. А. Бондаренко, науч. ред. И. Л. Бусева-Давыдова. – М. : ЛКИ, 2008. – 784 с.

Столин О. В. Архитектура казённых винных складов конца XIX - начала XX веков: история создания, типология и способы их сохранения в современных условиях / О. В. Столин, Г. А. Чесноков, Л. В. Кригер // Архитектурные исследования. – 2020. – №1. – С. 73 – 85.

Сытина Т. М. Русское архитектурное законодательство первой четверти XVIII века / Т. М. Сытина // Архитектурное наследие : сборник статей. Вып. 18 / гл. редакторы П. Н. Максимов, О. Х. Халпахчян. – М. : Изд-во литературы по строительству, 1969. – С. 150 – 162.

Тарловская В. Р. Провинциальный город и просвещенный абсолютизм / В. Р. Тарловская // Русская провинция. Культура XVIII - XX вв. / под ред. В. Ю. Афиани и др. – М., 1993. – С. 39 – 40.

Трахтерев О. С. Строительное законоведение : пособие к лекциям, чит. на СПб. высш. жен. политехн. курсах / О.С. Трахтерев — Спб. : Типо-лит. Г. П. Эйхгорн, 1913. – 84 с.

Троицкий Н. В. Облик будущего Воронежа. / Н. В. Троицкий — Воронеж : Воронежское книжное издательство, 1953. – 63 с .

Троицкий Н. В. Воронеж / Н. В. Троицкий. – М. : Госстройиздат, 1959. – 118 с. – (Архитектура городов СССР).

Троицкий Н., Троицкий Б. Сады и парки старого Воронежа // Истоки, 81: портреты, очерки, этюды. – Воронеж: Центр.-Чернозём. Кн. Изд-во, 1981. – С. 208 – 220.

Троицкий Н. Я – коренной воронежец : воспоминания архитектора / Н. Троицкий ; публикация, вступ. ст. и примеч. А. Акиньшина, Г. Чеснокова ; предисл. И. Суровцева. – Воронеж : Альбом, 2005. – 208 с.

Тубли М. П. Авраам Мельников. Мастера архитектуры. / М. П. Тубли Л. – Л. : Стройиздат, 1980 . – 144 с.

Тыдман Л. В. Изба, дом, дворец : Жилой интерьер России с 1700 по 1840-е годы / Л. В. Тыдман; Гл. упр. охраны памятников г. Москвы [и др.] – М. : Прогресс-Традиция, 2000. – 332 с.

Успенский Ю. И. Старый Воронеж : Художественно-исторический очерк / Ю. И. Успенский. – Воронеж : Государственное издательство, 1922. – 77 с.

Филиппцева С. В. Организация деятельности земских учреждений в Воронежской губернии (1865-1918 гг.) : монография / С. В. Филиппцева; науч. ред. А.Н. Акиншин; Воронежский институт экономики и социального управления. – Воронеж : Издатель О.Ю. Алейников, 2010. – 332 с.

Холодова Е. В. Зодчие Курского края XVII-XXI веков : ил. биограф. Словарь / Е. В. Холодова. – Курск : Крона; Изд-во Кур. гос. ун-та, 2003. — 279 с.

Хомутова О. Ю. Управление градостроительством в провинциальных городах конца XVIII – 60-х гг. XIX вв. на примере Калужской губернии / О. Ю. Хомутова // История: факты и символы. – 2019. – № 1(18). – С. 104 – 117.

Царькова А. С. Деятельность А.М. Баранова на должности городского архитектора Воронежа / А. С. Царькова, Г. А. Чесноков, П. А. Попов // Архитектурные исследования. – 2019. – №2. – С. 98 – 102.

Чесноков Г. А. Архитектура Воронежа: история и современность. / Г. А. Чесноков. – Воронеж : гос. архитектур.- строит. акад., 1999. – 394 с.

Чесноков Г. А. Воронеж. Каменная летопись. Архитектура и строительство. В 2 т. Т.1. / Г. А. Чесноков. – Воронеж: ООО "Творческое объединение "Альбом", 2011. – 200 с.

Шевченко Е. А. Воронежское наместничество (1779–1796 гг.): система управления : монография / Е. А. Шевченко. – Воронеж. : Изд-во ВГУ, 2010. – 302 с.

Ширина Д. А. Русский дореволюционный город в досоветской историографии: (середина XIX - 1917 год) / Д. А. Ширина // Исторические записки. – 1982. – Т. 108. – С. 38 – 63.

Шквариов В. А. Планировка городов России XVIII и начала XIX века / В. А. Шквариов. – М. : Изд-во Всес. акад. архитектуры. – 1939. – 256 с.

Шквариов В. А. Очерк истории планировки и застройки русских городов / В. А. Шквариов. – М. : Гос. изд-во лит. по стр-ву и архит., 1954. – 201 с.

Щавинская Л. Б. История формирования инженерно-строительных кадров Томской губернии во второй половине XIX – начале XX в. (постановка проблемы) / Л. Б. Щавинская // Хозяйственное и культурное развитие Урала и Сибири в XIX – начале XX в. Вып. 3. – Томск : Изд-во Том. гос. архит.-строит. ун-та, 2011. – С. 312 – 318.

Щербаков В. И. Городской водопровод / В. И. Щербаков. – Воронеж : Воронежский гос. арх.-строит. университет, 2000. – 240 с.

Этапы большого пути: Очерк истории Воронежского ордена Трудового Красного Знамени тепловозремонтного завода имени Ф.Э. Дзержинского, 1868-1968гг. – Воронеж : Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1969. – 248 с.

Юсупов Э. С. Словарь терминов архитектуры / Э. С. Юсупов. – СПб. : Фонд "Ленингр. галерея", 1994. – 416 с.

2.2. Диссертации и авторефераты

Александров П. А. Русские административные здания и их роль в формировании площадей : дис. ... канд. архит./ П. А Александров.– М., 1946. – 210 с.

Акиншин А. Н. Социально-экономическое и политическое развитие города Воронежа периода позднего феодализма : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Акиншин Александр Николаевич. – Воронеж, 1987. – 207 с.

Баранова А. А. Развитие архитектурно-строительной документации в дореволюционной России (XIX - начало XX вв.) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Баранова Алевтина Анатольевна. – М., 1984. – 258 с.

Вайтенс А. Г. Исторический опыт регулирования архитектурно-градостроительного развития Санкт-Петербурга – Ленинграда : 1870-е - конец 1950-х гг. : автореф. дис. ... д-ра арх. : 05.23.20 / Вайтенс Андрей Георгиевич. – М., 2014. – 45 с.

Воронина О. С. Развитие планировочной структуры города Томска в XVII – XX вв. : автореф. дис. ... канд. арх. : 05.23.22 / Воронина Ольга Салаватовна. – Томск, 2017. – 19 с.

Грязнова Н. В. Архитектурно-пространственное преобразование российской провинции в конце XVIII – начале XIX веков: замысел и реализация (на примере Тамбовской губернии) : автореф. дис. ... канд. арх. : 18.00.01 / Грязнова Надежда Владимировна. – М., 2000. – 25 с.

Гудков А. А. Регулярное градостроительство в Сибири в конце XVIII – первой половине XIX вв. : автореф. дис. ... канд. арх. : 18.00.01 / Гудков Алексей Алексеевич. – М., 1989. – 24 с.

Гуменюк А. Н. Архитектура Омска XIX – начала XX веков : дис. ... канд. искусствоведения : 17.00.04 / Гуменюк Алла Николаевна. – Б. м., 2002. – 486 с.

Демин Б. О. Проблемы реконструкции центров российских провинциальных городов в конце XVIII – начале XX веков (На примере Тамбова, Козлова (Мичуринска) и Моршанска) : автореф. дис. ... канд. арх. : 18.00.01 / Демин Борис Олегович. – М., 2005 – 24 с.

Емельянова М. С. Архитектура города Рыбинска конца XVIII – начала XX веков : автореф. дис. ... канд. культурологии : 24.00.01 / Емельянова Мария Сергеевна. – Ярославль, 2004. – 22 с.

Золотарёва М. В. Регулирование архитектурно-строительного процесса в России XVIII – начала XX века : дис. ... д-ра арх. : 05.23.20 / Золотарёва Милена Владимировна. – СПб., 2010. – 669 с.

Князева М. В. История генерального планирования провинциального русского города: замыслы и реализация (1780-1991 гг., на примере г. Рязани) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. : 07.00.02 / Князева Марина Вячеславовна. – М., 2013. – 26 с.

Коновалов А. В. Государственное управление развитием городов Поволжья во второй половине XIX века : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Коновалов Александр Валентинович. – Самара, 2006. – 23 с.

Котова И. Г. Градостроительство и архитектура Симбирска второй половины XVIII - начала XX веков : дис. ... канд. искусствоведения : 17.00.04 / Котова Ирина Геннадьевна. – М., 2006. – 284 с.

Леденева Г. Л. Гражданская архитектура Тамбова конца XIX начала XX столетий: дис. ... канд. арх. : 18.00.01/ Леденева Галина Леонидовна. – М., 1999. – 180 с.

Лемытская Д. Е. Архитектурно-планировочное развитие и историко-культурное наследие городов Хакасии (на примере Абакана и Черногорска) : автореф. дис. ... канд. арх. : 05.23.20 / Лемытская Дарья Евгеньевна. – СПб, 2015. – 22 с.

Литвинов С. В. Архитектурно-планировочное развитие городов Среднего Приобья (исторический анализ и оценка) : автореф. дис. ... канд. арх. : 18.00.04 / Литвинов Сергей Викторович. – СПб., 2007. – 26 с.

Лихорадова И. Н. Становление и развитие дорожного строительства на территории Воронежского края в XIX-XX веках: автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Лихорадова Ирина Николаевна. – Воронеж, 2004. – 20 с.

Лобанова А. С. Деятельность административных и общественных институтов Тамбова по созданию условий для функционирования подведомственных им учреждений (конец XIII – начало XX вв.) : автореф. дис. ...канд. ист. наук: 07.00.02 / Лобанова Алина Сергеевна. – Воронеж, 2013. – 20 с.

Ломако Е. Л. Русский провинциальный город екатерининской эпохи (по материалам Коломны второй половины XVIII века) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. : 07.00.02 / Ломако Евгений Львович. – М., 2008. – 26 с.

Манонина Т. Н. Государственное регулирование застройки городов России в XIX – начале XX века : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.10 / Манонина Татьяна Николаевна. – Томск, 2011. – 31 с.

Митин В. А. Архитектурно-планировочное развитие Воронежа и его застройка в конце XVII – начале XIX вв. : дис. ... канд. арх.: 18.00.01 / Митин Виктор Антонович. – М., 1983. – 146 с.

Михайленко Т. Г. История планировки и застройки Курска (конец XVIII – начало XIX веков) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Михайленко Татьяна Георгиевна. – Курск, 2010. – 28 с.

Муртазина Л. М. Профессиональная и общественная деятельность архитекторов Казанской губернии (вторая половина XIX - начало XX вв.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Муртазина Лилия Мансуровна. – Казань, 2000. – 23 с.

Николаева Н. А. Архитектурно-градостроительное развитие уездных городов Вятской губернии последней трети XVIII – начала XX века : автореф. дис. ... канд. искусствоведения : 17.00.04 / Николаева Надежда Анатольевна СПб, 2002. – 23 с.

Овсянников С. Н. Ярославский губернский архитектор П.Я. Паньков: творческая личность в контексте среды и эпохи : автореф. дис. ... канд. искусствоведения : 24.00.01 / Овсянников Сергей Николаевич. – Ярославль, 2006. – 18 с.

Павлова Г. В. Воронежская губернская администрация (губернское правление и канцелярия губернатора) в 60-е гг. XIX – начале XX вв. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Павлова Галина Васильевна. – Воронеж, 2004. – 269 с.

Пирожкова И. Г. Жилищный вопрос и гражданское строительство в русском провинциальном губернском городе в XIX – начале XX вв. (на материалах Тамбова) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Пирожкова, Ирина Геннадьевна. – Тамбов, 2002. – 264 с.

Пирожкова И. Г. Строительное законодательство Российской империи : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Пирожкова, Ирина Геннадьевна. – Тамбов, 2006. – 203 с.

Попов П. А. Городское самоуправление Воронежа (1870–1918 гг.) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Попов Павел Александрович. – Воронеж, 2005. – 529 с.

Поцешковская И. В. Архитектурно-градостроительное развитие городов Нижнего Дона во второй половине XVIII – первой половине XIX веков : автореф. дис. ... канд. арх. : 18.00.01 / Поцешковская Ирина Витальевна. – М., 2005. – 28 с.

Русинова А. А. Формирование архитектуры жилой застройки в уездных городах Казанской губернии 2-й половины XIX – начала XX вв. : автореф. дис. ... канд. арх. : 05.23.20 / Русинова Анастасия Анатольевна. – Казань, 2017. – 30 с.

Савельев В. В. Градостроительная реформа Екатерины II: формирование приемов "регулярного" градостроительства и механизм их осуществления (По материалам Тверского наместничества) : дис. ... канд. искусствоведения : 17.00.04 / Савельев Вячеслав Вадимович СПб., 2002. – 20 с.

Семенова С. Ю. Историческое развитие планировки и застройки Уфы, конец XVI – начало XX вв. : автореф. дис. ... канд. арх. : 18.00.01 / Семенова Светлана Юрьевна. – М., 1998. – 24 с.

Сергеев И. М. Промышленные мануфактуры – архитектурно-планировочная основа городов Чернозёмного центра России XVIII века: автореф. дис. ... канд. арх. : 18.00.01 / Сергеев Игорь Михайлович. – М., 1986. – 24 с.

Смирнов Г. К. Общественная архитектура второй половины XVIII века в провинциальных городах России : автореф. дис. ... канд. искусствоведения : 18.00.01 / Смирнов Георгий Константинович. – М., 2003. – 28 с.

Смирнова А. Г. Градостроительство и органы московского городского управления (60-е гг. XVIII в. – 30-е гг. XIX в.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Смирнова Александра Геннадьевна. – М., 2002. - 25 с.

Терещенко А. А. Социально-экономическое развитие провинциального города в России второй половины XIX - начала XX вв. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Терещенко Анатолий Андреевич. – Курск, 1999. – 218 с.

Шульгина Д. П. Архитектура эклектики в российской провинции второй половины XIX – начала XX века: региональные особенности (на примере Владимирской и Калужской губерний) : автореф. дис. ... канд. искусствоведения : 24.00.01 / Шульгина Дарья Павловна. – М., 2009. – 27 с.

Шумилкин А. С. Эволюция архитектурно-планировочной структуры Нижнего Новгорода конца XVIII - начала XX веков : автореф. дис. ... канд. арх. : 05.23.20 / Шумилкин Александр Сергеевич. – Нижний Новгород, 2010. – 27 с.

Щавинская Л. Б. История формирования строительных и инженерно-технических кадров Томской губернии во второй половине XIX – начале XX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Щавинская Людмила Борисовна. – Томск., 2015. – 23 с.

Ястребов А. Е. Культурный облик губернского провинциального города Центрального Черноземья в конце XIX - начале XX вв. (Орел, Курск, Воронеж): дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Ястребов Алексей Егорович. – Орел, 1999. – 248 с.

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Чесноков Владимир Геннадиевич

**ОРГАНИЗАЦИЯ АРХИТЕКТУРНО-СТРОИТЕЛЬНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ВОРОНЕЖСКОЙ ГУБЕРНИИ**

(последняя четверть XVIII – начало XX вв.)

Том 2

Приложения и иллюстративные материалы

Специальность 5.6.1. Отечественная история

Диссертация

на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук,
профессор Карпачёв М. Д.

Воронеж – 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРИЛОЖЕНИЯ	6
Приложение № 1. Воронежские губернские архитекторы	7
Приложение № 2. Воронежские губернские инженеры	8
Приложение № 3. Городские архитекторы Воронежа	9
Приложение № 4. Из указа Воронежского наместнического правления городской думе от 1 марта 1789 г.....	10
Приложение № 6. Инструкция для городского архитектора города Воронежа..	18
Приложение № 7. Хронология законодательных инициатив, оказавших влияние на организацию и деятельность архитектурно-строительных служб в Российской провинции	21
Приложение № 8. Соподчинение и взаимодействие государственных структур и архитектурно-строительных служб.....	32
Схема I. (период с 1811 по 1832 гг.)	32
Схема II. (период с 1833 по 1865 гг.).....	33
Схема III. (период с 1865 по 1917 гг.).....	34
Приложение № 9. Регулирование строительной деятельности при возведении и «распространении» культовых зданий	35
Схема I. Для всех православных церквей (до 1828 г.)*	35
Схема II. Для церквей, строящихся или перестраиваемых за счёт прихожан (с 1828 г.) и за счёт казны (с 1865 г.).....	36
Схема III. Для церквей, строящихся или перестраиваемых за счёт прихожан (с 1865 г.).....	37
ИЛЛЮСТРАТИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ.....	38
Рисунок № 1. План города Воронежа с показанием погоревшей части, минувшего августа 10 дня 1773 года (РГИА. Ф. 1293. Оп. 168. Д. 4. Л. 1).	39
Рисунок № 2. План губернскому городу Воронежу. 1774 г. (ПСЗРИ. 1-е собр. – Книга чертежей и рисунков. СПб., 1839. С. 66).....	40
Рисунок № 3. Карта составляющемуся Воронежскому наместничеству. 1779 г. (РГВИА. Ф. ВУА. Д. 18667).....	41
Рисунок № 4. Планы и фасады казенных строений в г. Воронеже. 1800 г. Усадьба губернатора И.А. Потапова: главный дом, развертка по главному фасаду усадьбы и планы служебных корпусов (РГИА. Ф.1399. Оп.1. Д. 314). ..	42

Рисунок № 5. Планы и фасады казенных и общественных зданий в гор. Воронеже. б/д. Соляной магазин и почта (РГИА. Ф.1399. Оп.2. Д. 180).....	43
Рисунок № 6. Ансамбль архиерейского двора в Воронеже. Реконструкция А.Ф. Крашенинникова. 1985.	44
Рисунок № 7. Проект перестройки архиерейского дома в Воронеже. 1783 г. (Государственный Музей истории Санкт-Петербурга. Архив фондов музея, Д. 390).....	44
Рисунок № 8. Ансамбль наместнического правления и губернских присутственных мест в Воронеже. 1784-1785 гг. (РГАДА. Ф.248. Кн. 4487. Л. 187).....	45
Рисунок № 9. Проект корпуса казённой палаты 1786-1787 гг. (РГИА. Ф. 1488. Оп. 1. Д. 721. Л.2).....	45
Рисунок №10. Планы и фасады казенных и общественных зданий в гор. Воронеже. б/д. Здания присутственных мест: губернского правления, уголовной и гражданской палат, батальонной школы, казённой палаты (РГИА. Ф.1399. Оп.2. Д.180).....	46
Рисунок № 11. Планы и фасады казенных строений в г. Воронеже. 1800 г. Проект перестройки присутственных мест (РГИА. Ф.1399. Оп.1. Д. 314).....	47
Рисунок № 12. План губернского города Воронежа. 1799 г. (РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. Д. 892).....	48
Рисунок № 13. План и фасад каменной теплой церкви внутри Воронежского Покровского Девичьего монастыря (РГИА. Ф.218. Оп. 4. Д.587. Л.9. 1853-54 гг.).	49
Рисунок № 14. Планы и фасады казенных строений в г. Воронеже. 1800 г. Дом генерал-губернатора Е.А. Щербинина. (РГИА. Ф.1399. Оп.1. Д.314. Л. 1, 2).....	50
Рисунок № 15. Мещанская полицейская часть. План, фасад. Копия. 1841г. (РГИА. Ф.1488. Оп.1. Д. 722).....	51
Рисунок № 16. План губернского города Воронежа с показом мест, где размещаются объекты приказа общественного призрения. Составлен около 1818 г. (РГИА. Ф. 1293. Оп. 168. Д. 5).	52
Рисунок № 17. План губернского города Воронежа. 1818 г. (РГИА. Ф. 1293. Оп. 168. Д. 6).....	53
Рисунок № 18. План предполагаемых к постройке в г. Воронеже богоугодных заведений приказа общественного призрения. 1818 г. (РГИА. Ф. 1293. Оп. 168. Д. 39).....	54

Рисунок №19. Фасад Богоугодных заведений предполагаемых в г. Воронеже (РГИА. Ф. 1293. Оп. 168. Д. 40).....	54
Рисунок №20. Проект сиропитательного дома, инвалидного дома и дома умалишённых (РГИА. Ф. 1293. Оп. 168. Д. 80).	55
Рисунок № 21. Планы Военно-градской больницы на 350 человек, предлагаемой к постройке в губернском городе Воронеж (РГИА. Ф. 1293. Оп. 168. Д. 37).	56
Рисунок № 22. Планы и фасады Военно-градской больницы на 350 человек, предлагаемой к постройке в губернском городе Воронеже (РГИА. Ф. 1293. Оп. 168. Д. 38).....	56
Рисунок № 23. Фасады каменных строений в нынешнем их виде фабриканта Якова Гарденина близ церкви Св. Онуфрия в г. Воронеже, покупаемых приказом для помещения воспитательного и инвалидного домов (РГИА. Ф. 1293. Оп. 168. Д. 60).....	57
Рисунок № 24. Фасады инвалидного дома, больничному дому, рабочему и смирительному дому (РГИА. Ф. 1293. Оп. 168. Д. 51).	58
Рисунок № 25. Проект строений приказа общественного призрения. Воспитательный дом (РГИА. Ф. 1293. Оп. 168. Д. 52).	59
Рисунок № 26. Фасады строений на покупаемых у фабриканта Якова Гарденина местах в г. Воронеже в новом предположении: дома для чиновников, воспитательного дома, инвалидного дома (РГИА. Ф. 1293. Оп. 168. Д. 59).	59
Рисунок № 27. Планы и фасады Богоугодным заведениям Воронежского приказа общественного призрения (РГИА. Ф. 1293. Оп. 168. Д. 62).	60
Рисунок № 29. План каменному Воспитательному дому с принадлежащими к оному строениями и садом, состоящему в губернском городе Воронеже Онуфриевском приходе (РГИА. Ф. 1293. Оп. 168. Д. 55).....	61
Рисунок № 30. Уменьшенный план усадебной земли гор. Воронежа. 1852 г. (РГИА. Ф. 1293. Оп. 166. Д. 4).....	62
Рисунок № 31. План Воронежа с ближайшими окрестностями. 1856 г. (РГИА. Ф. 1289. Оп. 15. Д. 64).....	63
Рисунок № 32. Проект перестройки Спасской церкви в г. Воронеже. 1854-57 гг. (РГИА. Ф.218.Оп.4.Д.649. Л. 23-26).....	64
Рисунок № 34. Воронежская духовная семинария. Фасады, разрезы, план места. 1835-1838 гг. (РГИА. Ф.835. Оп.1. Д. 67).	66
Рисунок № 35. Фасады Воронежского сельскохозяйственного института Императора Петра I. 1913 г. (РГИА. Ф. 1293 Оп. 166 Воронежская губ. Д. 79). 67	67

Рисунок № 36. Проект Католической церкви в гор. Воронеже. 17 января 1890 г. РГИА. (Ф. 1293 Оп. 166. Воронежская губ. Д. 87).	68
Рисунок № 37. План части гор. Воронежа с проектом постановки памятника поэту И.С. Никитину на Театральной площади. 1911 г. (РГИА. Ф. 1293 Оп. 166. Воронежская губ. Д. 11).	69
Рисунок № 38. План города Воронежа с показанием казённых и общественных зданий, церквей и садов. 1910 гг.	70
Рисунок № 39. Карта города Воронежа, составленная О.Ф. Будановым в 2007 г. на основе плана 1910 г.	71

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение № 1. Воронежские губернские архитекторы
(с указанием времени нахождения на должности)

1. Иевский Николай Никитович (1773 – 1781)
2. Сахаров Пётр Никифорович (1781 – 1783)
3. Волков Иван Иванович (1783 – 1793, 1804 – 1807)
4. Белокопытов Василий Борисович (1793 – 1804, 1807 – 1808)
5. Кондратьев Тимофей Сергеевич (1808 – 1810, 1816 – 1817, 1819 – 1831)
6. Древиц Фридрих Иоганн Эрнест (1809 -1816)
7. Амвросимов Михаил Андреевич (1817 – 1819)
8. Блицын Иван Андреевич (1831 – 1835)
9. Денисенков Авксентий Иванович (1835 - 1839)
10. Мокринский Андрей Маркович (1839 – 1842)
11. Баранов Иван Петрович (1843 - 1844)
12. Краснов Михаил Федорович (1844 - 1847)
13. Шебалин Владимир Николаевич (1847 - 1867)
14. Сербин Владимир Аркадьевич (1867 - 1870)
15. Кюи Александр Антонович (1870 - 1906)
16. Васильев Дмитрий Николаевич (1906 - 1918)

Приложение № 2. Воронежские губернские инженеры

(с указанием времени нахождения на должности)

1. Жеденов Лев Николаевич (1865 – 1868)
2. Волгатис Юрий Иванович (1868 – 1877)
3. Михайловский Владимир Георгиевич (1877 – 1880)
4. Ержемский Егор Иванович (1880 – 1882)
5. Купинский Антон Станиславович (1882 – 1906)
6. Мысловский Станислав Людвигович (1906 – 1918)
7. Замятнин Михаил Николаевич (1924 – 1929; с 1928 г. гл. инженер ЦЧО до смерти в 1929 г.)

Приложение № 3. Городские архитекторы Воронежа

(с указанием времени нахождения на должности)

1. Кондратьев Тимофей Сергеевич (1805 – 1819)
2. Блицын Иван Андреевич (1819 – 1831)
3. Краснов Михаил Федорович (1842 – 1844)
4. Мирский Михаил Осипович (1845 – 1847)
5. Клейнер Михаил Иванович (1847 – 1848, 1851 – 1859)
6. Македонский Андрей Константинович (1848 – 1851)
7. Кюи Александр Антонович (1859 -1870)
8. Богданович Марцелий Викентьевич (1870 – 1872)
9. Максимов Даниил Семёнович (1872 – 1879)
10. Багалдин-Таишев Алексей Петрович (1879-1883)
11. Тихомиров Иван Михайлович (1883 – 1886)
12. Баранов Александр Михайлович (1886-1911)
13. Замятнин Михаил Николаевич (1911 – 1918)

**Приложение № 4. Из указа Воронежского наместнического правления
городской думе от 1 марта 1789 г.**

«Относительно ж отобрания от тех, кои получили порозжие места для разных строений, планов, изданных на земли, выписей и обращения оных для рассмотрения в думу, равно оставления всех пустых мест, внутри города Воронежа состоящих, в пользу города для общественных и публичных строений и о не даче впредь без сношения с думою никому на порозжие места выписей и планов, также высылки живущих в Воронеже однодворцев, экономических и помещичьих крестьян и прочих состоящих в подушном окладе и записаться в гильдию, посад и цех не желающих для жительства в их селы и слободы, а остальным военнотружущим, буде не имеют дач, также и статским нижним чинам, назначения вне города в пристойном месте для поселения особой слободы, то благоволило бы сие наместническое правление учинить о сих обстоятельствах на основании законов рассмотрение и определение и что учинено будет <...> думе дать знать того ради <...>

Выданные жителям города Воронежа как до состояния Высочайшего о городах положения, так с состоянием, а равно и после оногo на места для постройки домов планы и владенья выписи всем тем жителям немедленно внести в поминаемую общую градскую думу, за чем и наблюдать, а в случае медленного представления оных планов и выписей в думу надлежащим образом к тому понуждать, ему ж, господину коменданту, оной же думы принимая от жителей сих для нее надобные укрепления и записывая их у себя или сняв с них копии, возвращать владельцам по-прежнему с распискою, а оставленные ж записки или копии хранить ей у себя впредь как для грядущих справок, так и для сочинения по силе Городового Положения, 55-й статьи, городской обывательской книги; у кого из незастроенных мест против состояния персоны лишняя земля окажется, и такое количество, что на оном и другой дом в полную пропорцию выстроен быть может <...> о таковых рассмотренный его план представлен <...>

По мнению оной думы, пустые места, нужные городу для общественных и публичных всякого рода строений, в рассуждении приобретения от того доходов, о чем дума по силе 187-й статьи того ж Положения пещись (*заботиться – В.Ч.*) должна, оной думе запретить оные в городе и вообще, с архитектором освидетельствовав, отнестись сему правлению, объясняя при том, на что именно они для города надобны, и строение по сей части не может выходить из утвержденного Ея Императорским Величеством плана, при всем том остерегается в противность 4-й статьи Городового Положения, дабы захватываемы не были у жителей места такие, какие им законно принадлежат <...> протчие же пустые места, которые взяты уже донныне к застройке жителями, но еще не застроены и находятся в пусе, тем хозяевам выстроить жилые дома вскорости и, конечно, в положенный срок, дабы тем самым могли быть сомкнуты улицы и удобно б было вымостить оныя. ибо без того пока город весь не выстроится, нет возможности улицы линейно связать и оныя. где пустые внутри места есть, в сущь привести и тот из жителей, за подтверждением взятого им места по плану в положенный срок не застроит, о таковом думе представлять в то время сему правлению, по чему тогда и должная по сей части резолюция дана будет <...>

Поелику ж регулирование города по плану и перемены в оном, а равным образом и места под дворы и строение отводить не выходя из настоящего в плане положения, представлено во власть начальничею, следовательно, градская дума и не может сего присвоить собственному ея наблюдению, кроме заселения города и приведения строения в порядок, а в рассуждение сего есть ли кто из жителей градских впредь пожелает порозжее место занять и на оном выстроиться, то, во-первых, да подать прошение в наместническое правление, которое, приняв сие прошение, подошлет его с надлежащею надписью в думу, а сия потому же и долженствует обще с архитектором рассмотреть, можно ли просителю то место отвесь, и имеет ли он к тому право, что ж в состоянии им регулярное строение каменное или деревянное на нем произвести, и буде кажется, что отвесь то место ему можно и он застроит ево таким строением, какое на оном месте по плану полагается в состоянии, оное назначается ему без излишества и сделать чрез

архитектора план с фасадом, представить оной на опробацию наместническому правлению, сие ж правление апробовав и надписав на нем ту апробацию, возвращать имеет для должного выполнения <...> в думу, откуда план с фасадом для застройки места и возвращать просителю».

(ГАВО. Ф. И-61. Оп. 1. Д. 1. Л. 59 – 61).

Приложение № 5. Докладная записка городского архитектора М.Н. Замятнина в Воронежскую городскую управу (29 марта 1912 г.)

29 марта 1912 года.

Въ Воронежскую Городскую Управу.

Городского Архитектора Гражданскаго
Инженера М. П. Замятнина.

Докладная записка.

Ознакомившись за истекшій годъ съ тѣми требованіями кои можетъ и должно предъявлять ко мнѣ, какъ въ Городскому Архитектору, Воронежское Городское Управление, имѣю честь донести Управѣ, что въ дальнѣйшемъ я весьма затрудняюсь безукоризненно исполнить таковыя требованія въ ихъ полномъ объемѣ безъ необходимой организаціи Техническаго Отдѣла Управы, такъ какъ на Городскаго Архитектора возлагается слишкомъ много техническихъ обязанностей, а именно:

I.

- 1) составленіе проектовъ и смѣтъ, а также расчетовъ для различныхъ новыхъ городскихъ построекъ;
- 2) наблюденіе за производствомъ таковыхъ построекъ;
- 3) составленіе исполнительныхъ чертежей и смѣтъ для оконченныхъ работъ;
- 4) наблюденіе за производствомъ ремонтныхъ работъ въ городскихъ зданіяхъ, вмѣстѣ съ составленіемъ надлежащихъ смѣтъ и отчетности;

II.

- 1) разсмотрѣніе представляемыхъ въ Управу проектовъ частныхъ построекъ, какъ со стороны собственно технической, такъ и стороны соблюденія въ нихъ правилъ Устава Строительнаго;

2) наблюдение за исполнением построекъ по упомянутымъ проектамъ, согласно отдѣльныхъ предложеній по сему предмету Управы;

3) производство техническо-полицейскаго осмотра городскихъ и частныхъ построекъ, съ составленіемъ надлежащихъ актовъ;

4) составление расцѣночныхъ вѣдомостей на основаніи Урочнаго Положенія для строительныхъ работъ;

III.

1) производство техническихъ осмотровъ, съ дачей заключеній, городскихъ усадебныхъ мѣстъ и зданій, а равно и частныхъ зданій на предметъ финансовыхъ операцій;

2) участіе въ работахъ городскихъ Комиссій по техническо-строительнымъ вопросамъ;

3) провѣрка съ натурой (фактическая) плановъ различныхъ усадебъ и всякихъ зданій, а равно провѣрка составленныхъ чертежей существующихъ городскихъ зданій;

IV.

1) производство ремонта мостовыхъ и новыхъ замощеній съ составленіемъ требуемыхъ нивелировочныхъ чертежей, техническихъ смѣтъ и веденіе по сему дѣлу отчетности;

2) производство работъ по укрѣпленію овраговъ и откосовъ и по устройству искусственныхъ сооружений, вообще.

Позволяю себѣ обратить вниманіе Управы на то, что не смотря на упомянутыя обязанности, каковыя всецѣло возлагаются на Городскаго Архитектора, и отвѣтственность съ одной стороны, а отсутствіе Техническаго Отдѣла при Управѣ съ другой, -- я въ 1911 году выполнялъ по столько возложенныя на меня обязанности, хотя быть можетъ и съ нѣкоторымъ замедленіемъ, но сколько мнѣ позволило физическая возможность добросовѣстно и внимательно исполнять; не желая же въ будущемъ замедленія общаго хода техническихъ дѣлъ Управы или получения какихъ либо дефектовъ въ исполненіи работъ въ натурѣ, и покорабѣше прошу Управу

Городскому Архитектору
полю, конечно, по...

въ помощь Городскому Архитектору въ настоящее время пока организовать Технический Отдѣлъ, а въ дальнѣйшемъ съ развитіемъ города, слѣдовательно съ возрастаніемъ обязанностей Городского Архитектора, какъ кабинетнаго, такъ и административнаго характера, пригласить помощника, на котораго можно было бы возложить часть обязанностей поименованныхъ въ пунктахъ 2 и 4-мъ.

Организация Техническаго Отдѣла при Управѣ является не только необходимомъ въ силу того, что Городской Архитекторъ не въ состояніи замѣнить собой десятниковъ-техниковъ, а слѣдовательно бывать ежедневно и по долгу на работахъ, но и вести послѣдними табельную часть работъ, что необходимо для полной технической отчетности, какъ должной правильности и экономичности возведенія городскихъ построекъ, такъ и предотвращеніе несчастныхъ случаевъ на таковыхъ. Отсутствие правильного технического надзора въ лицѣ слѣдующаго десятника и было причиной катастрофы при постройкѣ казармъ на Валовой улицѣ, каковая катастрофа была въ нѣкоторыхъ послѣдствіяхъ — роковой. Были и въ другихъ городахъ строительныя катастрофы и онѣ весьма извѣстны, но быть можетъ не извѣстно то, что всегда вызываетъ катастрофы, а именно — недостаточность наличнаго состава низшаго технического персонала. Долженствующаго дипломатически точно слѣдить за исполненіемъ распоряженій Архитектора.

Въ случаѣ если Управѣ будетъ угодно принять въ принципѣ высказанныя мною предложенія объ организаци Стрительной Части при Управѣ, состоящей изъ завѣдывающаго, изъ состава Управы, Техническимъ Отдѣломъ, Городского Архитектора, четырехъ постоянныхъ должностей городскихъ техниковъ (съ низшимъ техническимъ образованіемъ) и одного или двухъ чертежниковъ.

На обязанности десятниковъ-техниковъ лежитъ помимо низ слѣдующаго и всякіе обмѣры, связанные съ составленіемъ проектовъ, смѣты и отчетности; кромѣ того техники-десятники не должны быть отвѣтственными передъ Управой непосредственно, но должны состоять въ распоряженіи Стрительной Части Управы, исполняя порученія ея, состоящія въ:

... (неясно) ...

- 1] возможно безотлучномъ нахожденіи на той или иной городской постройкѣ для руководства работами;
- 2] веденіе приказныхъ тетрадей по постройкамъ и ремонту городскихъ зданій съ отмѣтками объ исполненіи работъ, что необходимо для расчета съ городскими подрядчиками;
- 3] веденіе требованій, ежедневныхъ и мѣсячныхъ вѣдомостей по отдѣльнымъ постройкамъ и ремонтамъ городскихъ зданій, какъ необходимыхъ для технической отчетности и учета работъ и матеріаловъ городскихъ подрядчиковъ и поставщиковъ и
- 4] веденіе на основаніи вышеименованныхъ документовъ журнала работъ построекъ и ремонта городскихъ зданій и книги «Ресконтро» т. е. личные счета подрядчиковъ и поставщиковъ.

Упомянутая отчетность ведется техниками по выработаннымъ формамъ, образцы коихъ при сей докладной запискѣ прилагаются.

Вся Строительная Часть подчиняется непосредственно Управѣ, при чемъ упомянутые техники-десятники подчиняются также въ строительномъ отношеніи и Городскому Архитектору.

Учрежденная по сему предложенію Строительная Часть при Управѣ, конечно, вызоветъ дополнительный расходъ изъ бюджета Городскаго Управленія въ слѣдующемъ приблизительно размѣрѣ: на содержаніе Городскаго Архитектора 2400 руб. въ годъ, четырехъ десятниковъ до 4000 руб., двухъ чертежниковъ — 1200 руб., на первоначальное оборудованіе Техническаго Отдѣла чертежными принадлежностями и инструментами — 800 руб. и ежегодно пока по 300—400 р. Такимъ образомъ получится увеличеніе противъ ассигнуемыхъ городомъ на Строительную Часть, но такой расходъ вполне окупится урегулированіемъ технической стороны Городскаго Управленія, экономичностью въ расходованіи строительныхъ суммъ по постройкамъ и ремонту, правильностью и проч.

ностью зданий и даже неоспоримостью отчетности на строительные потребности города и, наконец, предотвращение катастроф на постройках или ремонтах.

Что касается меня лично, то я, цѣня свою службу при Городскомъ Управленіи и доброе ко мнѣ отношеніе Управы, могу, конечно, продолжать службу по прежнему одинъ, но рѣшительно заявляю Управѣ, что при теперешней постановкѣ Строительной Части въ городѣ, и совершенно не въ состояніи своевременно исполнять и нести передъ Городскимъ Управленіемъ полную отвѣтственность за постройки, ремонтъ, техническій надзоръ и отчетность.

Городской Архитекторъ *М. Замитинъ.*

(Постановления Воронежской городской думы за первую треть 1912 г. Воронеж, 1913. Вкл. С. 357.)

Приложение № 6. Инструкция для городского архитектора города Воронежа

1) Городской Архитектор принимается и увольняется непосредственно Городской Управой. При увольнении от службы Городского Архитектора Управа предупреждает его за 2 месяца. И, наоборот, при нежелании служить, Городской Архитектор предупреждает Управу тоже за 2 месяца.

2) Должность Городского Архитектора только могут занимать лица, получившие высшее специальное техническое образование, соответствующее занимаемой должности. Напр.: Гражданские Инженеры, окончившие курс Высшего художественного училища, - окончившие курс политехнических институтов по специальной части и т.д.

3) Оклад жалования Городскому Архитектору присваивается в 2400 рублей в год и 1% со всех строительных работ, производящихся в городе, как новых, так и по ремонту существующих городских зданий, мостовых и т.д. Вообще отчислений 1% должно делаться во всех тех случаях и со всех тех работ, которые будут поручены Городскому Архитектору Управой.

4) Означенное в пункте 3-ем настоящей инструкции 1% вознаграждение выдается архитектору по предоставлении им Архитектором годового отчета по произведенным работам.

5) Городской Архитектор должен наравне с прочими служащими в присутственные дни, каждый день быть в Управе. В случае же невозможности по какой-либо причине быть в Управе, обязан уведомить об этом Управу или чина Городской Управы, заведующего непосредственно Строительной частью в Управе.

6) Городскому Архитектору полагается постоянный помощник с окладом 1500 р. с специальным техническим образованием не ниже «техника с правом производства работ М.В.Д.». Во время же строительного сезона, или вообще, смотря по потребности – достаточное количество низшего технического персонала, приглашаемого Управой с ведома и по представлению Городского Архитектора.

Обязанности Городского Архитектора

1.) На Городского Архитектора возлагается: составление проектов и смет, а также и наблюдение, как по новым работам, так и по ремонтам:

А) Городских зданий

Б) Мостовых, набережных и шоссе

С) Канализационных сооружений

Д) Памятников общественного характера

Е) Искусственных сооружений на мостовых, набережных и шоссе, как то : труб, лотков, мостов и т.д.

Ж) Укреплений оползней в городе.

2.) Рассмотрение предоставляемых в Городскую Управу, на предмет выдачи разрешения на постройку, проектов обывательских построек с целью выяснения: нет ли нарушений от правил Строительного Устава и действующих обязательных постановлений в городе по этой части. Причем на каждом рассмотренном Городским Архитектором проекте должна быть его надпись с подписью: «Проект составлен правильно»; или же « - составлен неправильно» по тем-то и тем-то соображениям.

3.) Общий надзор полицейско-технический за возводимыми обывательскими постройками по городу. Причем о каждом произведенным им таком осмотре Городской Архитектор обязан сообщать рапортом Городской Управе.

4.) На Городского Архитектора возлагается неременная обязанность составления расценочных ведомостей по всем работам, которые входят в круг его деятельности.

5.) При продаже городских усадебных мест предварительный осмотр и заключение: насколько они удовлетворяют своему назначению.

6.) Участие в работах городских комиссий по вопросам строительного характера, которым он должен оказывать полное содействие для наилучшего выяснения данного вопроса.

7.) По окончании как новых, так ремонтных работ Городской Архитектор обязан предоставлять исполнительные сметы, сопровождаемые пояснительными чертежами и записками.

8.) Все предварительные проекты и сметы на все предполагаемые работы, должны Городским Архитектором представляться своевременно. Никакая работа – новая или ремонт, не может производиться без предварительных проектов и смет. Причем сметные исчисления должны составляться на основании составленных Городским Архитектором расценочных ведомостей, утвержденных Городской Управой.

9.) Городской Архитектор должен помнить, что занимая должность при Городском Самоуправлении, он тем самым обязался не только охранять букву закона по Строительной части в городе, следить за благоустройством города и охранять интересы города в Строительном отношении; но Городской Архитектор должен быть всегда готовым оказать возможное содействие каждому Гражданину города Воронежа с целью выяснения всяких недоразумений по Строительной части, часто возникаемых, как между самими Гражданами, так и Граждан с Высшей Губернской Администрацией.

Гласный Думы Гр. Инж. Д. Васильев.

29.X.1910.

(ГАВО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 2632)

Приложение № 7. Хронология законодательных инициатив, оказавших влияние на организацию и деятельность архитектурно-строительных служб в Российской провинции
(вторая половина XVIII – начало XX вв.)

1762, 11 декабря – учреждена «Комиссия для устройства городов С. Петербурга и Москвы», занимавшаяся до 1796 г. в том числе составлением планов всех губернских городов и новых «образцовых» проектов использовавшихся в их застройке.

1763, 25 июля – указ «О сделании всем городам, их строению и улицам специальных планов по каждой губернии особо».

1775, 7 ноября – манифест «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи», в соответствии с которым органами управления на местах становились губернское правление и казённые палаты. Функции канцелярии от строений, ведавшей прежде строительством городов были переданы в строительные экспедиции при казённых палатах. После выхода манифеста активизировался процесс введения в местные правления губернских архитекторов.

1781, 24 марта – строительным экспедициям именованным указом помимо содержания дорог и мостов поручались «дела по всем казенным и публичным в городах строениям».

1782 – учреждены управы благочиния, которые возглавили полицмейстеры в губернских или городничие в уездных городах. Им были переданы функции полицмейстерских канцелярий контролировавших рассмотрение проектов частных построек, выдачу разрешений на производство строительных работ и работ по благоустройству городов.

1785, 21 апреля – «Грамота на права и выгоды городам Российской империи» (первое «Городовое положение»), которой содержался окончательный

запрет на стихийную застройку городов. Отныне полагалось «город строить по утвержденному плану, за подписанием руки Императорского Величества».

1796 – строительным экспедициям при губернских правлениях было поручено «смотрение» и за частным строительством.

1796, 21 декабря – упразднена Комиссия о строении городов (Комиссия о строении Санкт-Петербурга и Москвы).

1802, 8 сентября – издан манифест об учреждении министерств в России, закреплявший «построение и содержание всех публичных зданий» и благоустройство в целом за министерством внутренних дел.

1803, 13 ноября – указом надзор за строительством и содержанием публичных строений, составление и контролирование планов, смет возлагались на губернаторов и губернские правления. При этом средства по строительной части передавались в МВД.

1803, 24 февраля – изданы правила о производстве работ по строительной части.

1803 – разработаны А.Д. Захаровым и разосланы по губерниям первые «образцовые» проекты казённых зданий.

1805, 18 апреля – строительные экспедиции были переведены из казенных палат в губернские правления.

1806, 2 мая – при Департаменте внутренних дел МВД учреждён СК, осуществлявший до 1832 г. общее управление строительной частью в стране.

1809, 2 декабря – учреждено Главное управление путей сообщения, объединившее управление всеми сухопутными и водными транспортными путями империи.

1809 – 1812 – изданы «образцовые» чертежи фасадов частных жилых домов, ворот, оград и планировок городских кварталов.

1809, 20 ноября – в составе Корпуса инженеров путей сообщения был создан Институт инженеров путей сообщения, выпускники которого могли привлекаться к производству всех видов инженерных и военно-строительных работ.

1809, 31 декабря – указ о строении частных домов «по высочайше апробированным образцовым» фасадам.

1810, 15 мая – указ о запрещении во всех городах «производить строения не по плану».

1810, 17 августа – в соответствии с «Высочайше утвержденным разделением государственных дел по министерствам» министерству полиции были переданы в ведение: планировка, общее благоустройство, снабжение городов «для частных построений планами и фасадами», содержание дорог и всевозможных транспортных сооружений. В ведении МВД оставались вопросы строительства и содержания казенных и церковных зданий.

1810 – Санкт-Петербургская военная инженерная школа была преобразована в Николаевское инженерное училище, выпускники которого (военные инженеры) владели знаниями в области строительного искусства и архитектуры.

1811 – для внедрения в жизнь государственных строительных нормативов изданы первые «Урочные Положения». Они регламентировали технологию выполнения различных видов строительных работ, состав и качество используемых строительных материалов.

1813, 29 мая – указ «О передаче из Министерства Полиции в Министерство Внутренних дел всех дел, до строительной части относящихся, и о бытии под ведением оного Строительным Экспедициям», устранивший дублирование функций двух министерств.

1819 – в Министерстве внутренних дел учрежден департамент государственного хозяйства и публичных зданий, ведавший постройкой и эксплуатацией этих объектов.

1821, 25 апреля – утверждены «образцовые» проекты тюремных зданий в уездных городах.

1821, 12 февраля – разрешение архитекторам в отличие от других чиновников совмещать по несколько должностей с получением жалования по разным местам.

1822 – изданы «образцовые» проекты присутственных мест в уездных городах.

1823 – изданы «образцовые» проекты станционных домов с гостиницами.

1823, 28 февраля – утверждены «образцовые» проекты тюремных зданий и присутственных мест.

1823, 25 июня – утверждены «образцовые» чертежи зданий заведений приказа общественного призрения.

1824 – издано первое «Собрание планов, фасадов и профилей для строения каменных церквей», составленное А.А. Михайловым.

1824, 24 июня – принимается Высочайше утвержденное положение Комитета Министров «Об определении в казенные палаты 29 Великороссийских Губерний особых Архитекторов», поскольку «губернские архитекторы... почти всегда заняты».

1824, 20 июля – предписано хранить в строительных экспедициях губернских правлений в виде технических описей информацию по всем зданиям ведомства МВД.

1824, 25 октября – указ о запрещении отступать от утверждённых проектов и смет при производстве казённых построек.

1826, 9 марта – учреждены правила о порядке составления и рассмотрения и проектов православных церквей, в соответствии с которыми они должны были утверждаться в СК МВД, а выполняться губернскими, городскими или другими аттестованными архитекторами.

1827, 4 июля – указ об обязательном предоставлении на «высочайшее благоусмотрение» всех составляемых и рассматриваемых в СК МВД проектов всех новых или перестраиваемых казённых зданий.

1827, 11 июля – указ, разрешивший разделять в городах «обширные места и дворы» на части для продажи.

1828 – изданы «образцовые» проекты зданий присутственных мест в губернских городах и вице-губернаторов.

1828, 7 февраля – утверждены «образцовые» чертежи тюремных зданий в губернских городах.

1828, 11 февраля – определен новый порядок составления, рассмотрения и утверждения проектов православных церквей. Прежний сохранялся только для тех храмов, которые «создаются казенным иждивением», а если строительство и ремонт осуществлялся за счет прихожан, работы разрешалось проводить по планам, рассмотренным местными аттестованными архитекторами.

1828, 12 ноября – указ о представлении на «высочайшее» рассмотрение только проектов «на важные здания» и тех, которые отступают от «образцовых» чертежей и требуют значительных средств. Все остальные проекты утверждаются министром внутренних дел после рассмотрения в СК МВД.

1828, 15 ноября – указ о необходимости представления в МВД вместе с планами строений казённых зданий планов их местоположения в структуре улицы или квартала, чтобы можно было судить о «приличии фасада».

1829, 23 июля – в провинциальных городах разрешено возводить деревянные дома на каменном фундаменте, «где по плану назначено быть каменному строительству».

1830 – утверждены правила, отнесшие утверждение проектов церквей иностранных исповеданий в городах к компетенциям СК МВД.

1830, 26 августа – утверждено положение о начале подготовки в академии художеств воспитанников «для архитектурских должностей».

1830, 27 октября – утверждены примерные проекты для устройства селений.

1831 – учреждено Московское дворцовое архитектурное училище.

1831, 10 марта – положение о представлении на «высочайшее» рассмотрение проектов всех новых построек и капитальных перестроек зданий гражданского ведомства.

1831, 6 мая – проекты построек на сумму до 5 тыс. рублей из городских доходов, не выходящих на главные улицы и площади, составленные без отступления от «образцовых» чертежей, разрешено утверждать после согласования с СК министру внутренних дел.

1832, 29 сентября – утверждено положение о новом образовании строительной части гражданского губернского ведомства. В ГУПС из МВД была передана строительная часть.

1832 – в Санкт-Петербурге учреждено училище гражданских инженеров (с 1883 г. – институт гражданских инженеров).

1832 – первое издание Устава строительного.

1832 – губернские строительные экспедиции преобразованы в ГСК.

1832, 1 ноября – разрешено было «в городах производить строения на местах, имеющих по улице менее 10-ти саженной меры».

1833 – учреждено ГУПСиПЗ, объединившее в единую систему управление дорожным и гражданским строительством в стране, в котором до 1864 г. делами по гражданским объектам ведали 3 департамента: искусственных дел; проектов и смет; хозяйственных дел.

1837 – на законодательном уровне определен статус городских архитекторов и архитекторских помощников.

1838, 30 апреля – введена должность гражданского инженера палаты государственных имуществ.

1839 – утверждены «Правила по производству работ, составления и ревизии технических отчётов по ведомству путей сообщения», определившие порядок составления и утверждения проектов казенных зданий, состав и содержание технической документации.

1841, 25 марта – именным указом рекомендовано при составлении проектов на построение православных церквей ориентироваться преимущественно на русско-византийский стиль и чертежи К. Тона.

1841, 27 марта – в «Уставе духовных консисторий» нашли отражение правила о сооружении и перестройке церквей.

1842, 24 ноября – указ регламентирующий включение городских архитекторов в состав губернских строительных комиссий.

1842 – издание второй редакции Устава строительного.

1843, 4 февраля – принято Урочное положение «...на все вообще работы», по которому должна была исчисляться потребность в строительных материалах и рабочих.

1843-1852 – изданы 12 тетрадей «образцовых» фасадов частных домов.

1844, 1 июня – указ о недопущении к постройке зданий в городах лиц, не получивших звания архитектора или свидетельств о «достаточных сведениях в строительном искусстве».

1844, 14 декабря – указом на губернские строительные комиссии была возложена обязанность предварительного рассмотрения проектов на индивидуальное жилищное строительство с последующим утверждением в окружном правлении ГУПСиПЗ.

1847, 20 января – начало снижения утверждающей инстанции для проектов частных построек: право утверждать проекты частных домов в городах с числом окон по длине фасада не более 7, предоставлено генерал-губернаторам, а где их нет – губернским строительным комиссиям.

1847, 14 июня – решением Государственного совета губернским строительным комиссиям было дано право утверждать сметы в размере до 4 тысяч по проектам, которые были предварительно рассмотрены в ГУПСиПЗ.

1848, 9 декабря – указ о том, чтобы «вообще никакие проекты и сметы на казённые постройки не были приводимы в действие» до их рассмотрения в ГУПСиПЗ.

1849, 28 апреля – в результате объединения губернских строительных и дорожных комиссий были образованы ГСДК.

1851, 4 декабря – право утверждения проектов частных построек в городах, независимо от количества окон на фасаде и этажей, предоставлено генерал-губернаторам, а где их нет – губернским строительным и дорожным комиссиям.

1853 – выпущен атлас типовых проектов чертежей сельских построек, изданный по инициативе департамента сельского хозяйства.

1853, 19 августа – в уездных городах право утверждать проекты частных деревянных домов с числом окон не более пяти по уличному фасаду предоставлено городничим.

1854, 7 июля – принято исправленное и дополненное «Положения о губернских и областных строительных и дорожных комиссиях», в котором оговаривалась возможность использования городских архитекторов в работе ГСДК только «по делам тех городов, в которых они состоят».

1854 – изданы 10 рекомендуемых «образцовых» фасадов для каменных частных одно и двухэтажных жилых домов в уездных городах в 3-4-5 окон.

1855, 26 января – городничим предоставлено право утверждать проекты надворных строений и самих домов, без ограничения числа окон на фасаде.

1856, 7 марта – приказ ГУПСИПЗ о порядке предоставления проектов и смет на новые постройки и перестройки.

1856, 31 марта – утверждены 14 «образцовых» фасадов для частных построек в уездных городах.

1857 – издание третьей редакции Устава строительного.

1857, 12 ноября – генерал-губернаторам разрешено предоставлять право утверждения проектов частных построек ГСДК.

1858 – указ «О порядке разрешения частных построек, коих фасады отступают от образцовых чертежей». Теперь генерал-губернаторам и ГСДК разрешалось утверждать при производстве частных построек фасады, отличающиеся от изданных образцовых чертежей при условии правильности их исполнения.

1858, 20 октября – указ об отмене использования примерных чертежей при строительстве зданий приказа общественного призрения.

1863, 19 ноября – городским архитекторам даровано право давать разрешения на «мелочные поправки в существующих обывательских домах и надворных строениях» во всех городах (за исключением столичных).

1863, 1 июля – право утверждения проектов частных деревянных построек в уездных городах предоставлено городским архитекторам и уездным или городским полицейским управлениям без ограничения числа окон на фасаде.

1864, 29 октября – указ в соответствии, с которым управление строительной и дорожной частью гражданского ведомства вновь передано в структуру МВД и в этом виде сохранялось до конца рассматриваемого периода. В губерниях строительные и дорожные комиссии были заменены строительными отделениями, во главе которых были поставлены губернские инженеры.

1865, 6 апреля – для управления строительной частью в масштабе государства и заведывания техническими вопросами по строительству при МВД учреждён ТСК.

1865, 15 июня – ГУПСиПЗ было преобразовано в МПС, которое сконцентрировалось исключительно на развитии и обустройстве транспортной сети: водных, шоссейных и железных дорог.

1865, 30 июня – рассмотрение проектов зданий духовного ведомства возложено на строительные отделения губернских правлений и архитекторов духовного ведомства по мере появления их в штатах епархий.

1865, 29 июля – епархиальным архиереям предоставлено право разрешать постройку и перестройку церквей в городах, кроме тех, средства на сооружение которых испрашиваются в Синоде, после рассмотрения их проектов в строительных отделениях губернских правлений.

1869, 17 апреля – именным указом приняты «Урочные положения для строительных работ», в которых была прописана техническая часть архитектурно-строительного дела.

1870, 10 марта – инструкция ТСК МВД строительным отделениям губернских и областных правлений «для руководства при начертании планов на новую обстройку городов».

1870, 16 июня – утверждено «Городовое положение», предусматривавшее создание строительных отделений при городских управах. Думам официально было дано право учреждать должности городских архитекторов.

1870 – рассмотрение проектов частных лиц по представлению департамента Полиции исполнительной было передано из Общих присутствий губернских правлений непосредственно Строительным комиссиям, которые создавались при городских, губернских и уездных земских управах.

1892, 11 июня – утверждено новое «Городовое Положение», в соответствии с которым думы получили право рассмотрения предложений об изменениях в планах городов и составления новых.

1900 – издание четвертой редакции Устава строительного.

Приложение № 8. Соподчинение и взаимодействие государственных структур и архитектурно-строительных служб

Схема I. (период с 1811 по 1832 гг.)

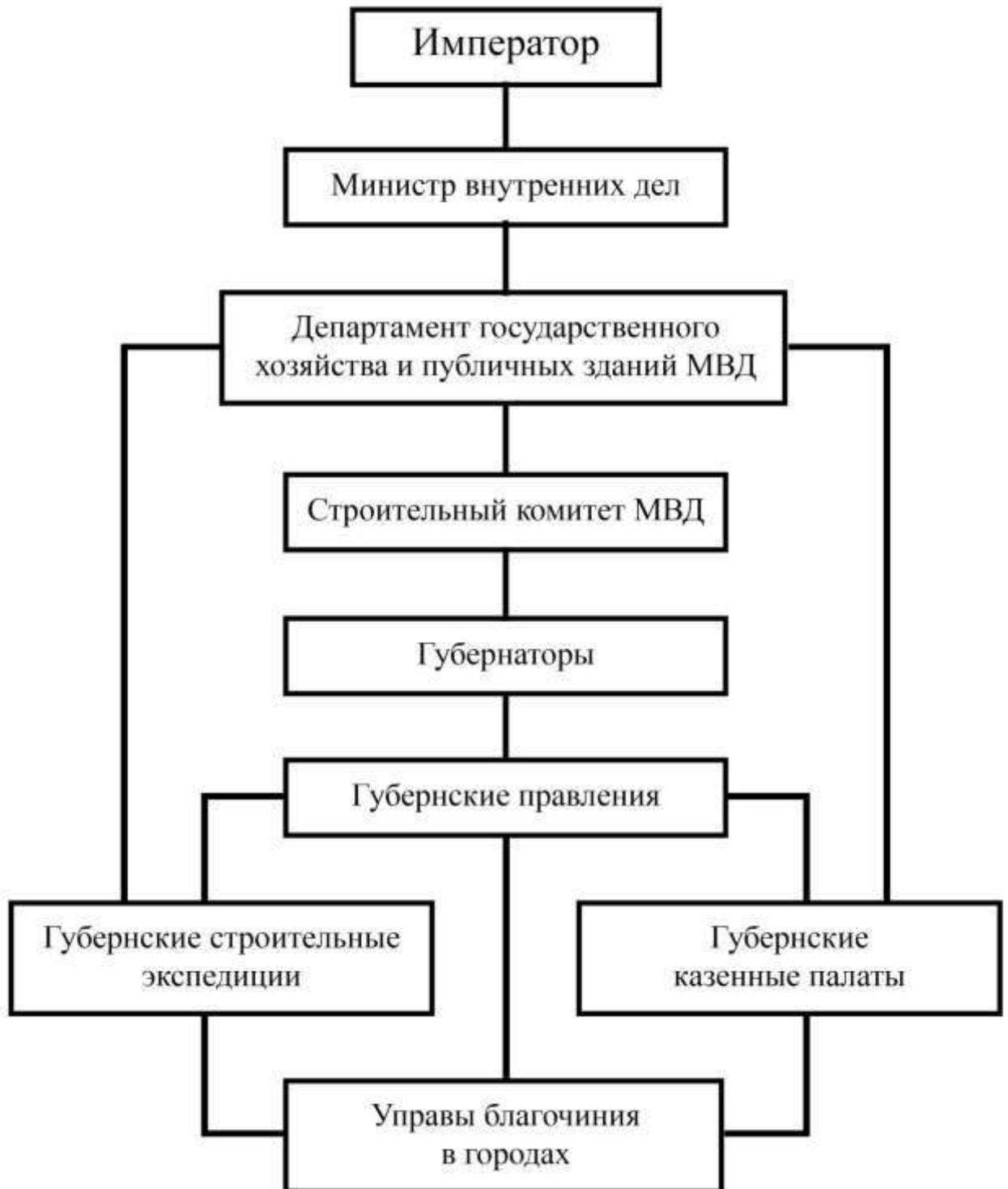

Схема II. (период с 1833 по 1865 гг.)

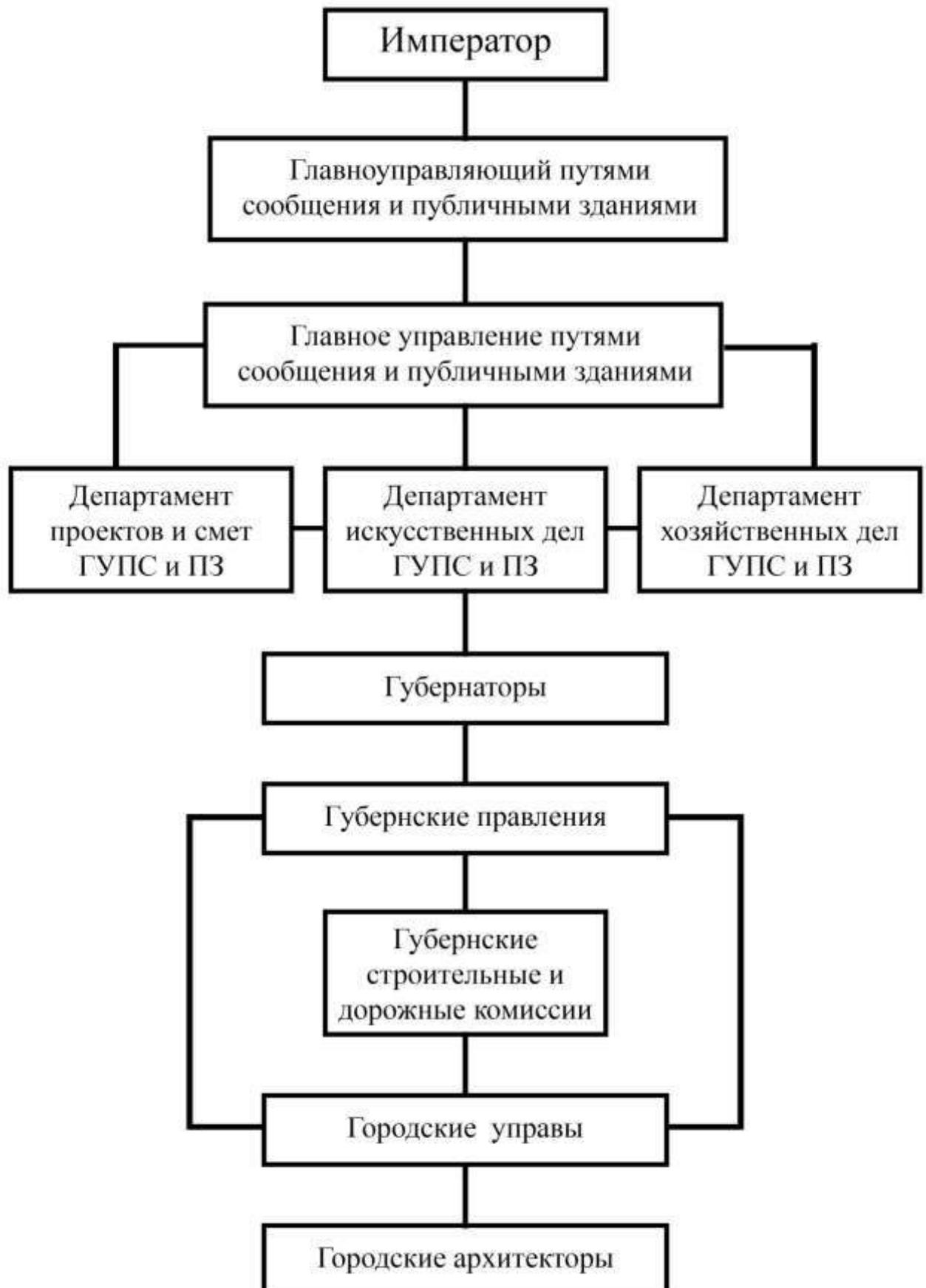
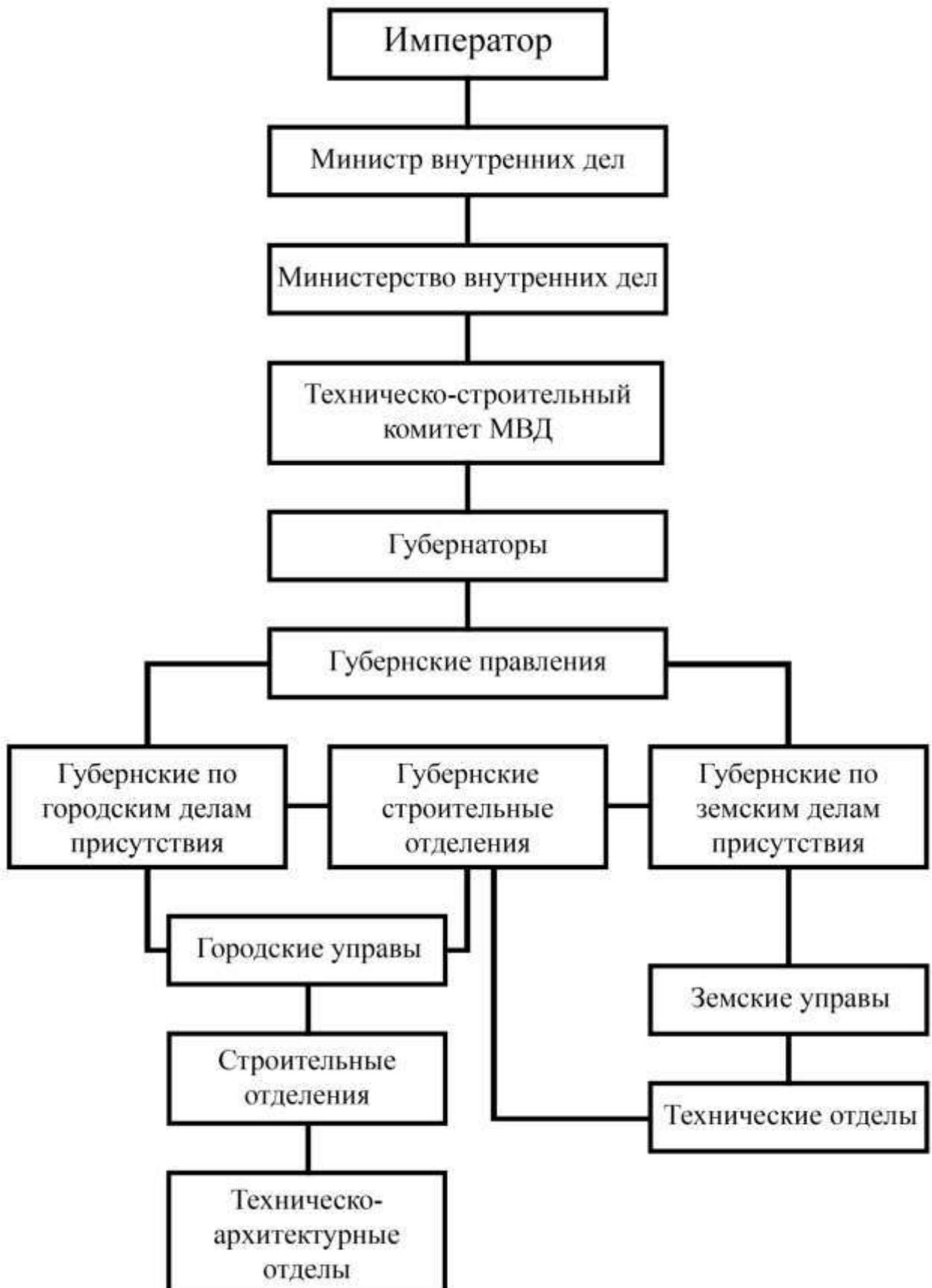
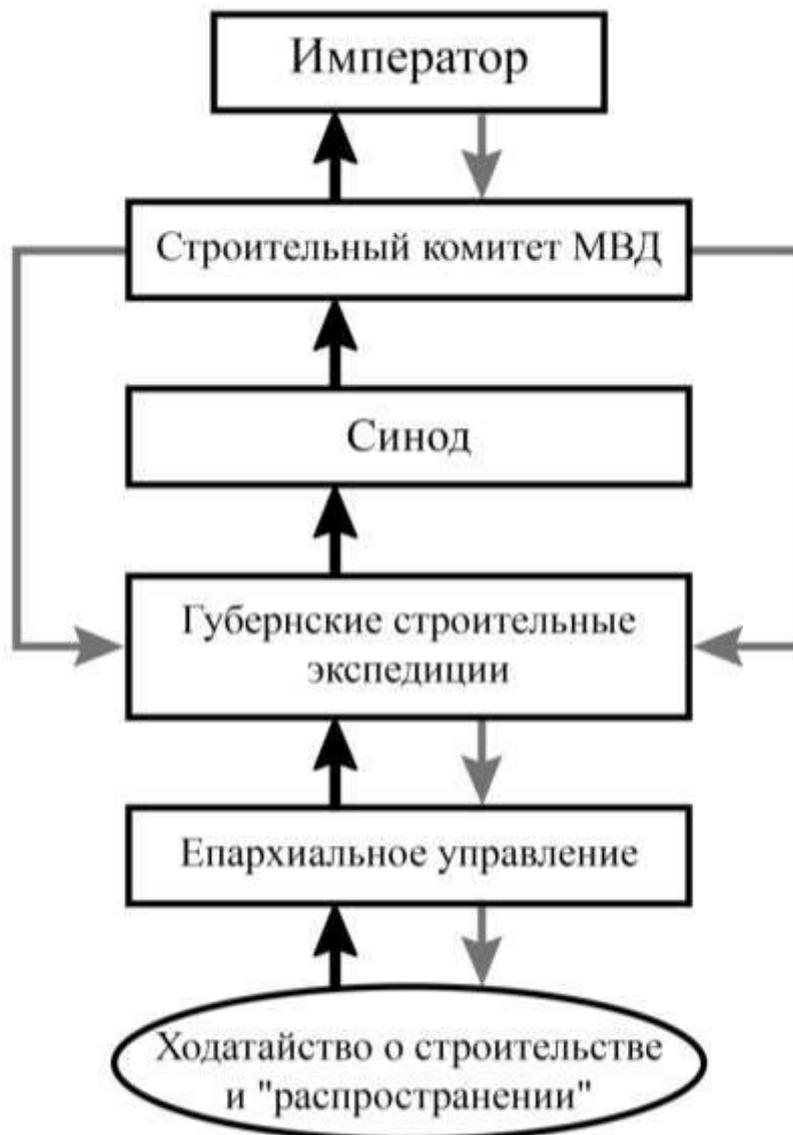

Схема III. (период с 1865 по 1917 гг.)

**Приложение № 9. Регулирование строительной деятельности при возведении
и «распространении» культовых зданий**

Схема I. Для всех православных церквей (до 1828 г.)*

* До 1865 г. такой же порядок согласований сохранялся для церквей, строящихся за счёт казны.

Схема II. Для церквей, строящихся или перестраиваемых за счёт прихожан (с 1828 г.) и за счёт казны (с 1865 г.)

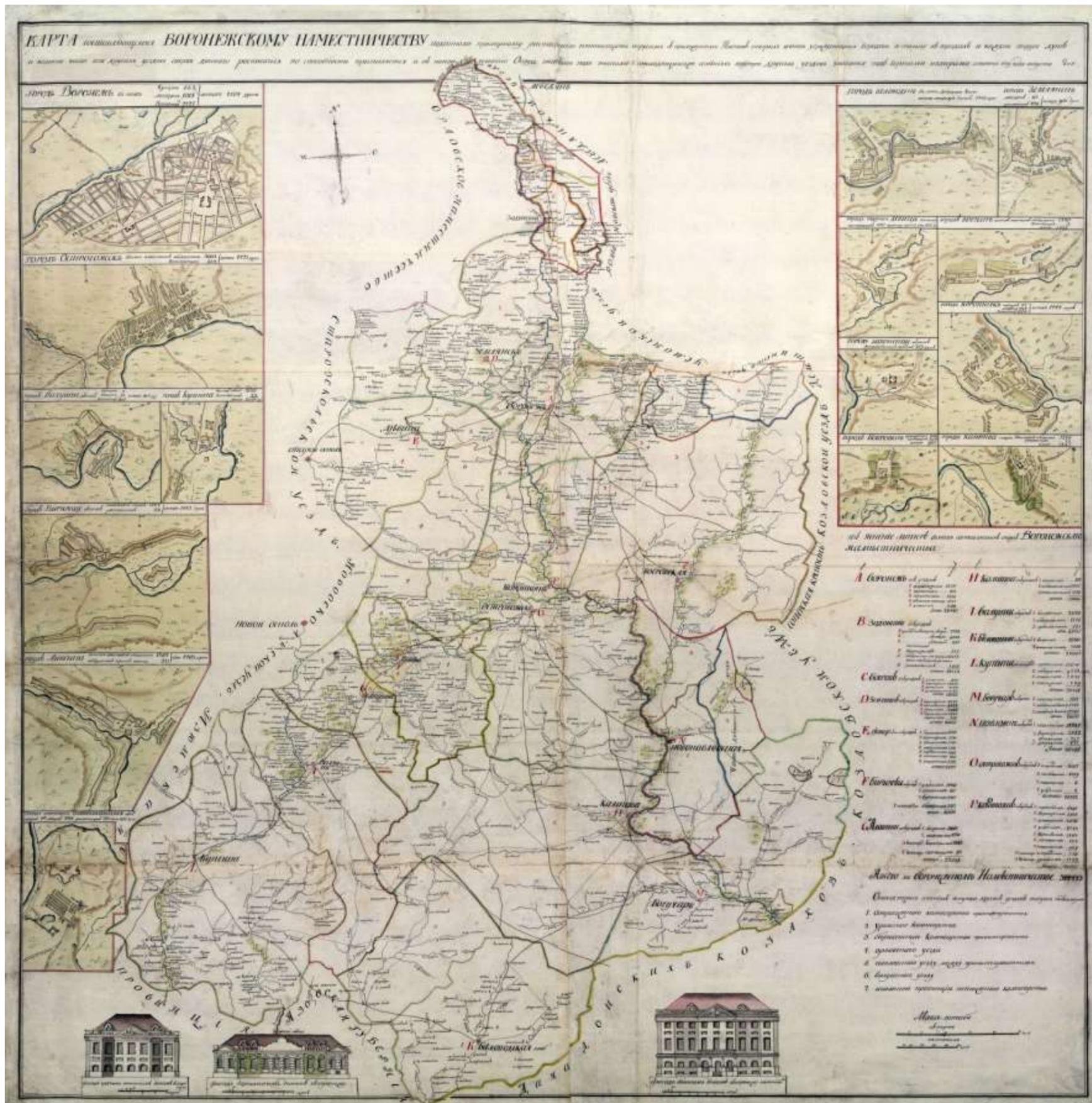

* С 1832 г. на смену губернским строительным экспедициям были созданы губернские строительные комиссии, после 1849 г. – губернские строительные и дорожные комиссии, с 1865 г. – строительные отделения губернского правления.

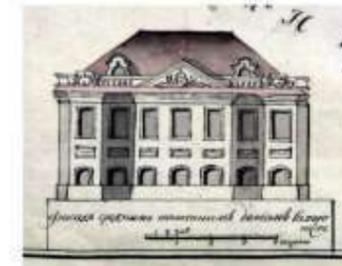
Схема III. Для церквей, строящихся или перестраиваемых за счёт прихожан
(с 1865 г.)

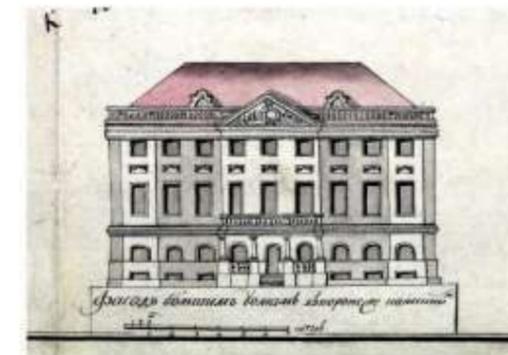
ИЛЛЮСТРАТИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Фасад деревянным домам в Воронеже.

Фасад средним каменным домам в Воронеже.

Фасад большим домам в Воронеже каменным.

Рисунок № 3. Карта составляемуся Воронежскому наместничеству.1779 г. (РГВИА. Ф. ВУА. Д. 18667).

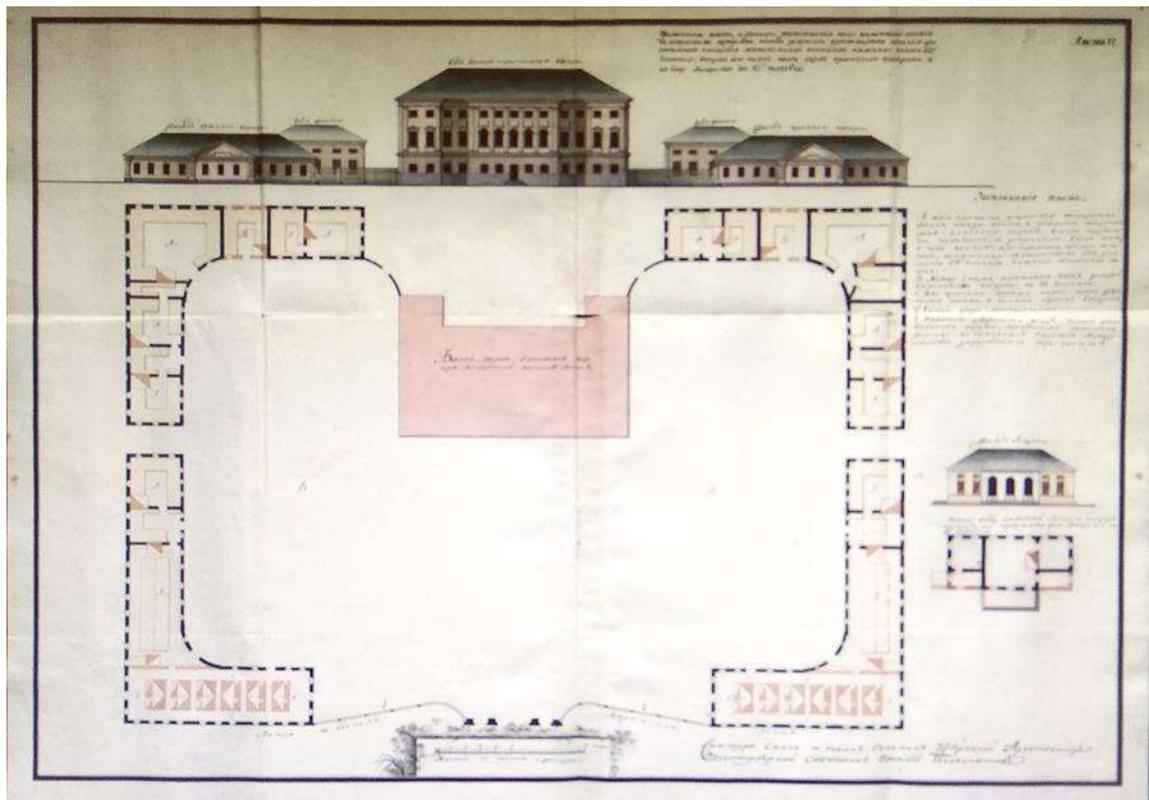
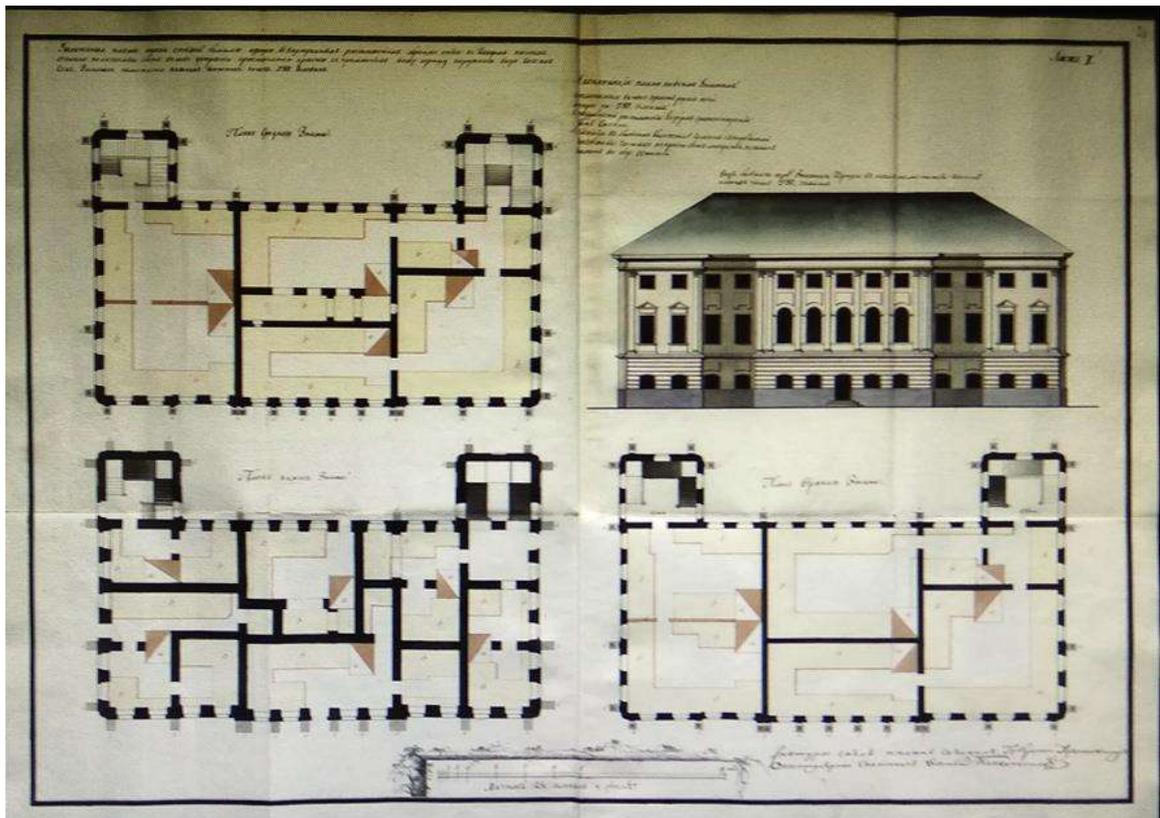

Рисунок № 4. Планы и фасады казенных строений в г. Воронеже. 1800 г. Усадьба губернатора И.А. Потапова: главный дом, развертка по главному фасаду усадьбы и планы служебных корпусов (РГИА. Ф.1399. Оп.1. Д. 314).

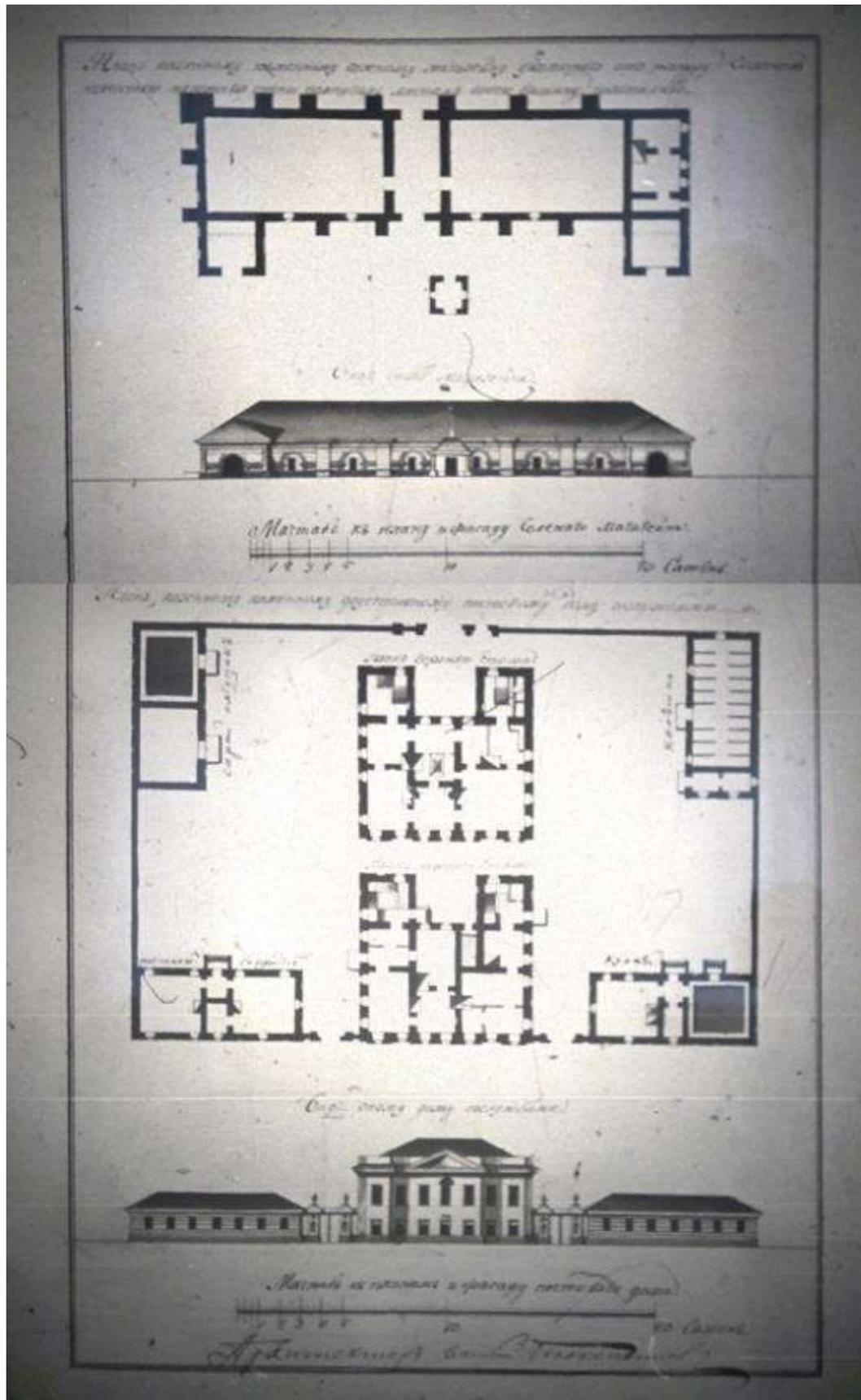

Рисунок № 5. Планы и фасады казенных и общественных зданий в гор. Воронеже. б/д. Соляной магазин и почта (РГИА. Ф.1399. Оп.2. Д. 180).

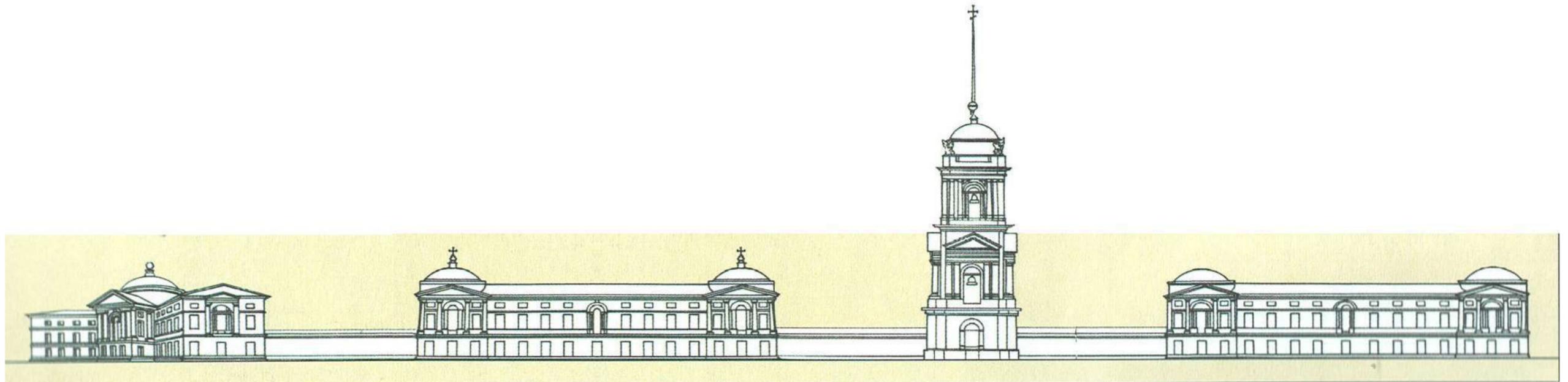

Рисунок № 6. Ансамбль архиерейского двора в Воронеже. Реконструкция А.Ф. Крашенинникова. 1985.

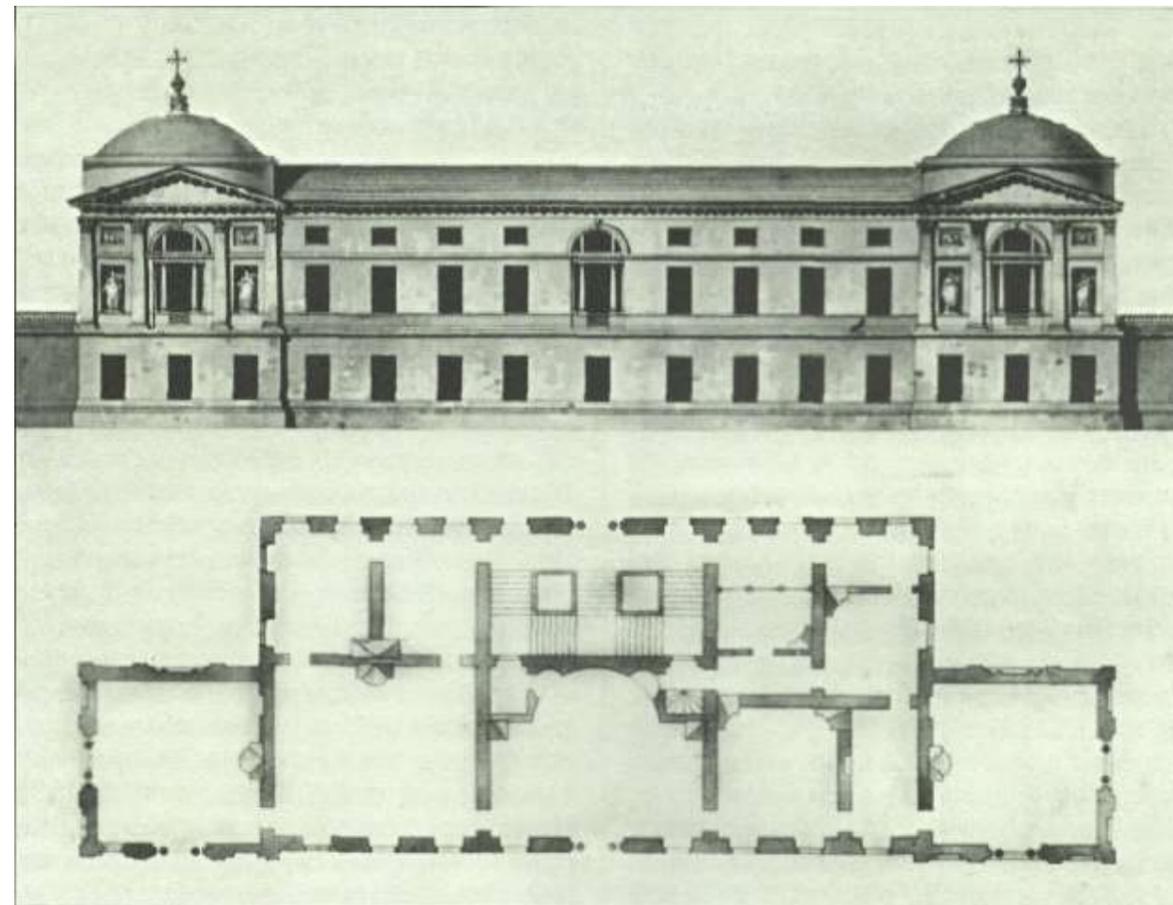

Рисунок № 7. Проект перестройки архиерейского дома в Воронеже. 1783 г. (Государственный Музей истории Санкт-Петербурга. Архив фондов музея, Д. 390).

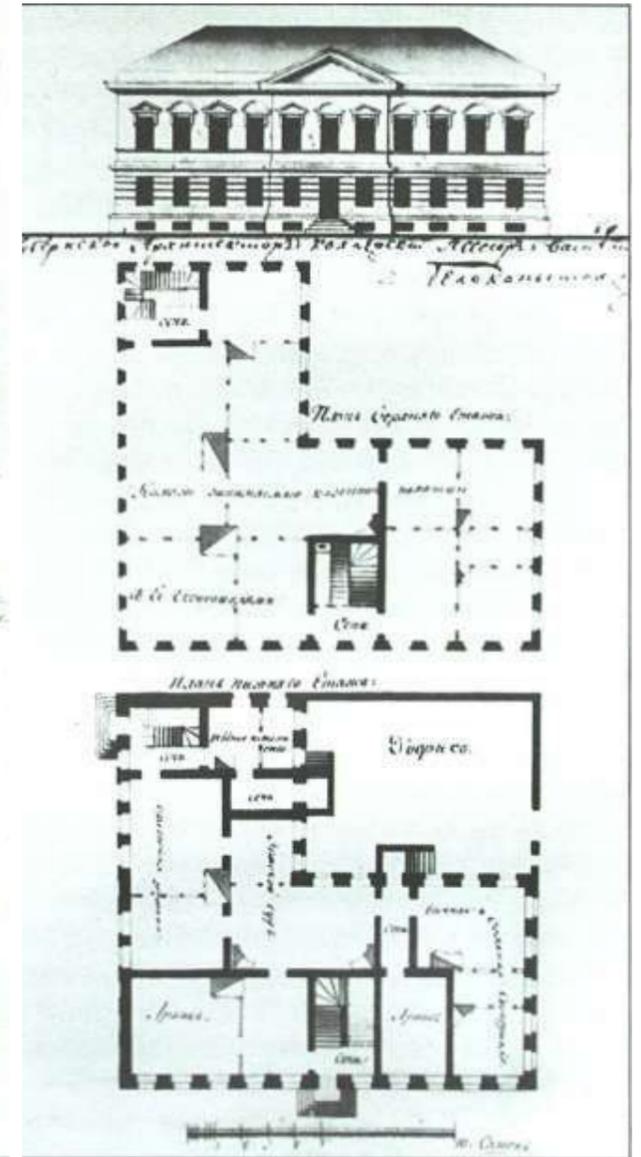
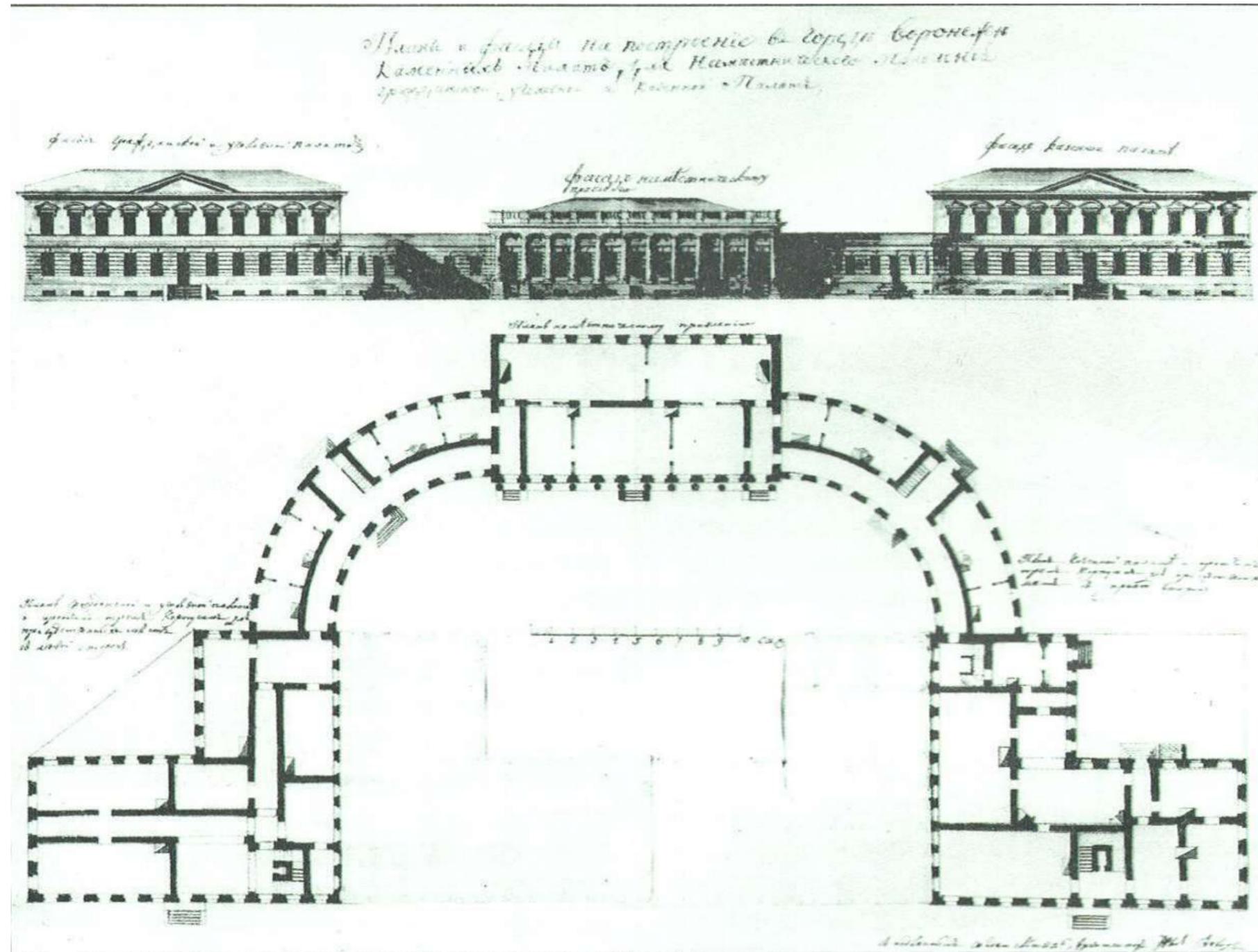

Рисунок № 8. Ансамбль наместнического правления и губернских присутственных мест в Воронеже. 1784-1785 гг. (РГАДА. Ф.248. Кн. 4487. Л. 187).

Рисунок № 9. Проект корпуса казённой палаты 1786-1787 гг. (РГИА. Ф. 1488. Оп. 1. Д. 721. Л.2).

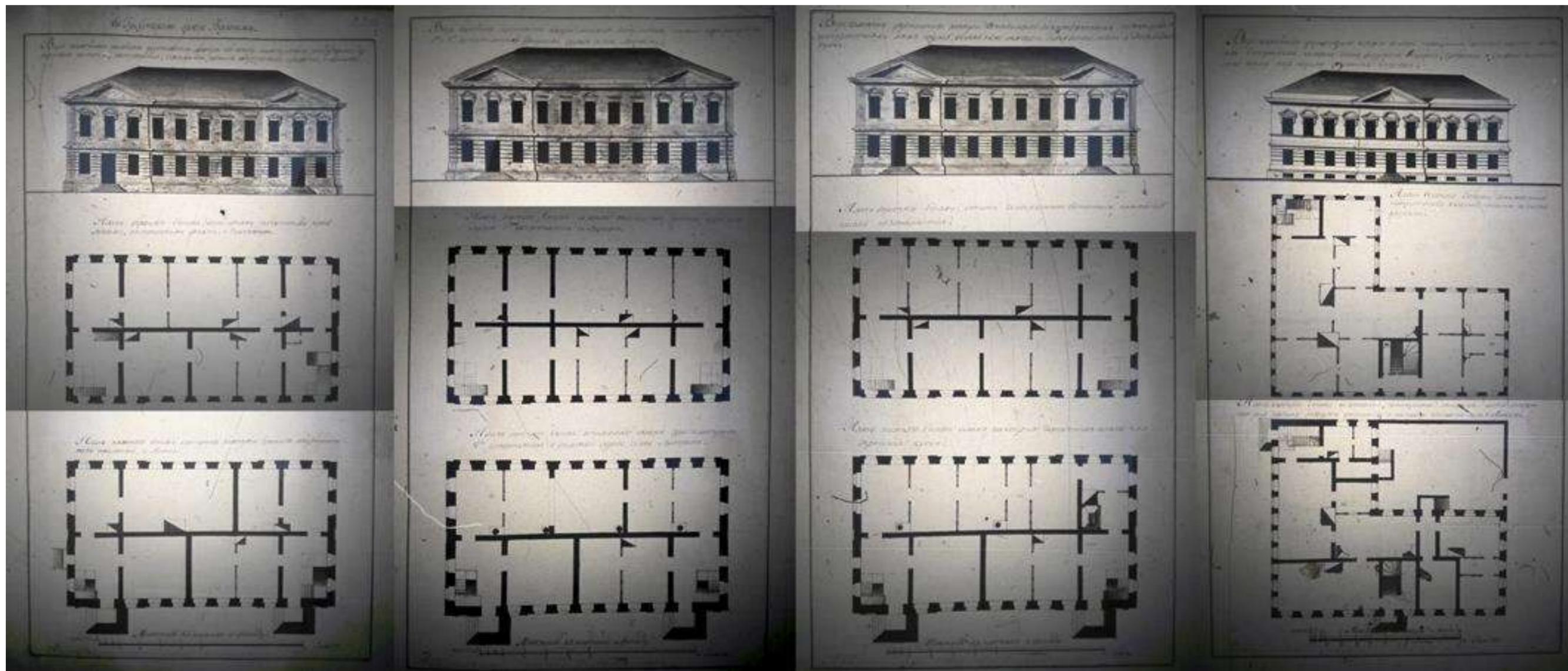

Рисунок №10. Планы и фасады казенных и общественных зданий в гор. Воронеже. б/д. Здания присутственных мест: губернского правления, уголовной и гражданской палат, батальонной школы, казённой палаты (РГИА. Ф.1399. Оп.2. Д.180).

Рисунок № 16. План губернского города Воронежа с показом мест, где размещаются объекты приказа общественного призрения. Составлен около 1818 г. (РГИА. Ф. 1293.

Оп. 168. Д. 5).

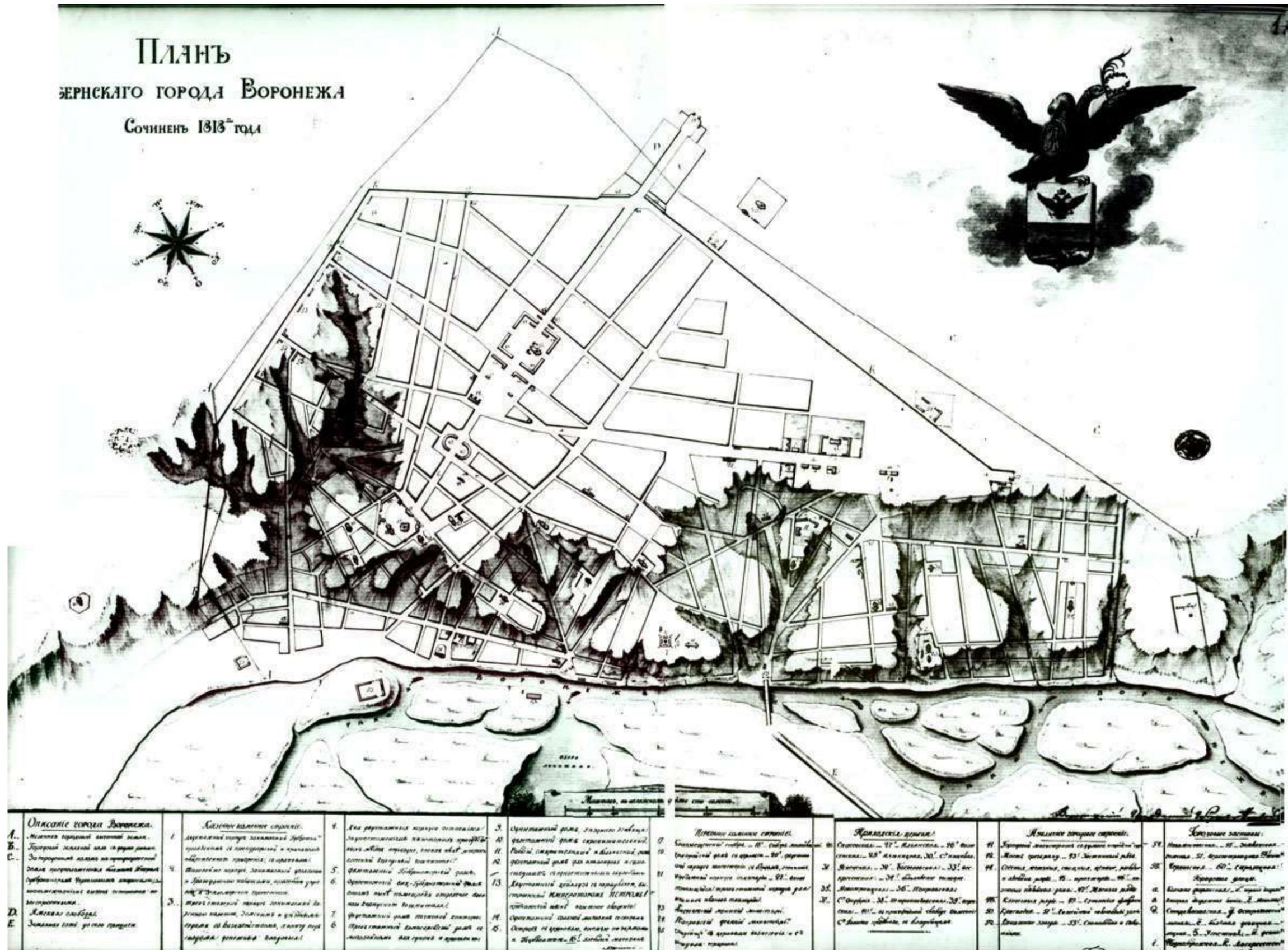

Рисунок № 17. План губернского города Воронежа. 1818 г. (РГИА. Ф. 1293. Оп. 168. Д. 6).

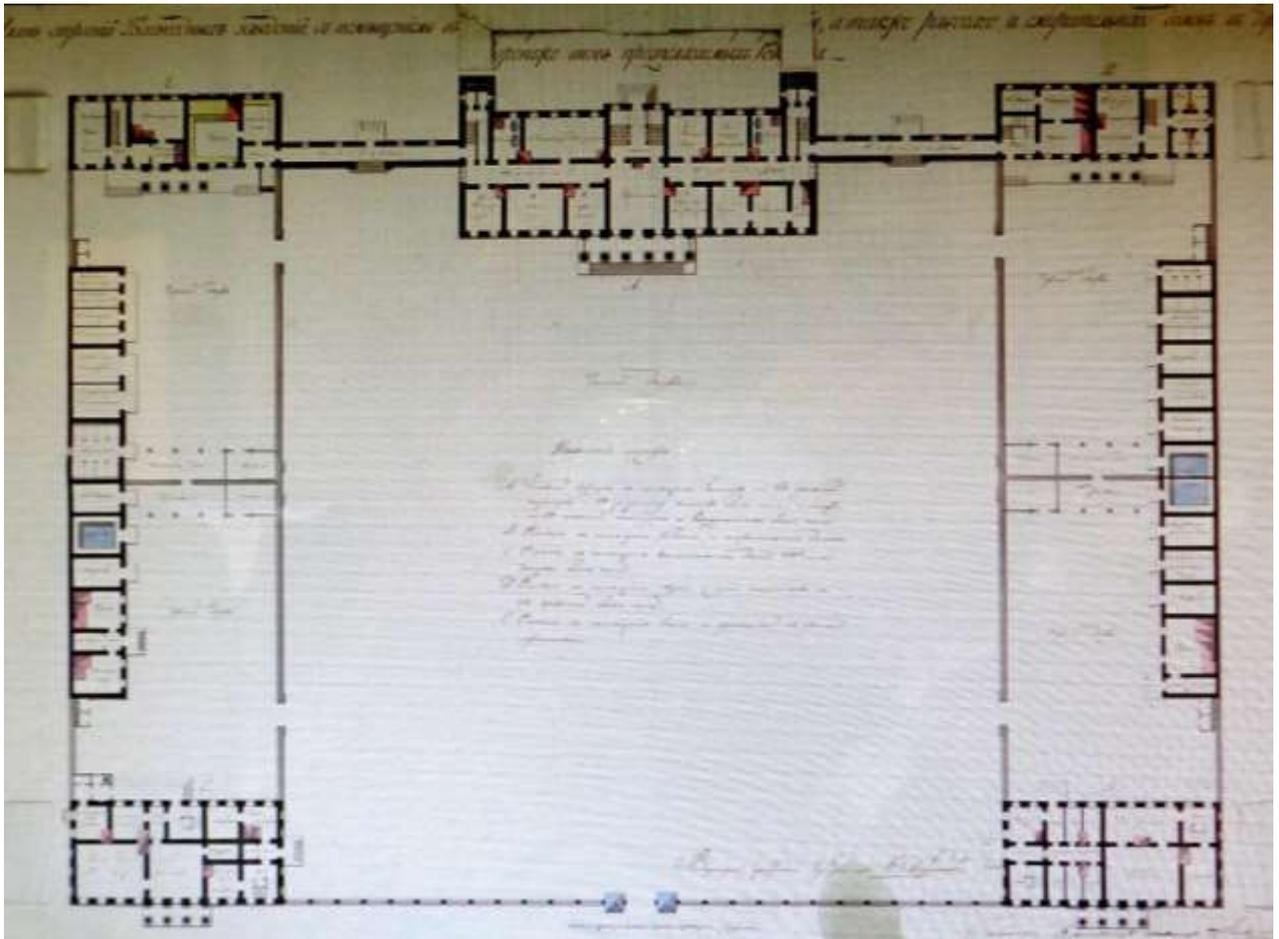

Рисунок № 18. План предполагаемых к постройке в г. Воронеже богоугодных заведений приказа общественного призрения. 1818 г. (РГИА. Ф. 1293. Оп. 168. Д. 39).

Рисунок №19. Фасад Богоугодных заведений предполагаемых в г. Воронеже (РГИА. Ф. 1293. Оп. 168. Д. 40).

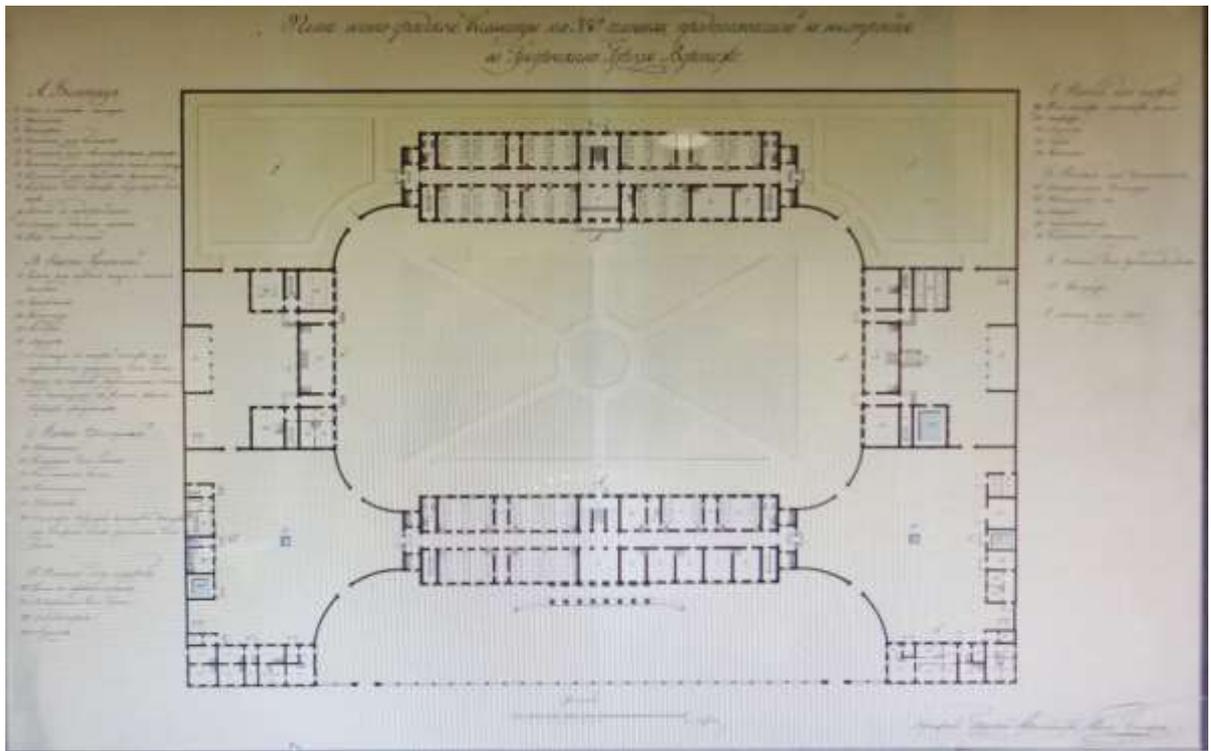

Рисунок № 21. Планы Военно-градской больницы на 350 человек, предлагаемой к постройке в губернском городе Воронеж (РГИА. Ф. 1293. Оп. 168. Д. 37).

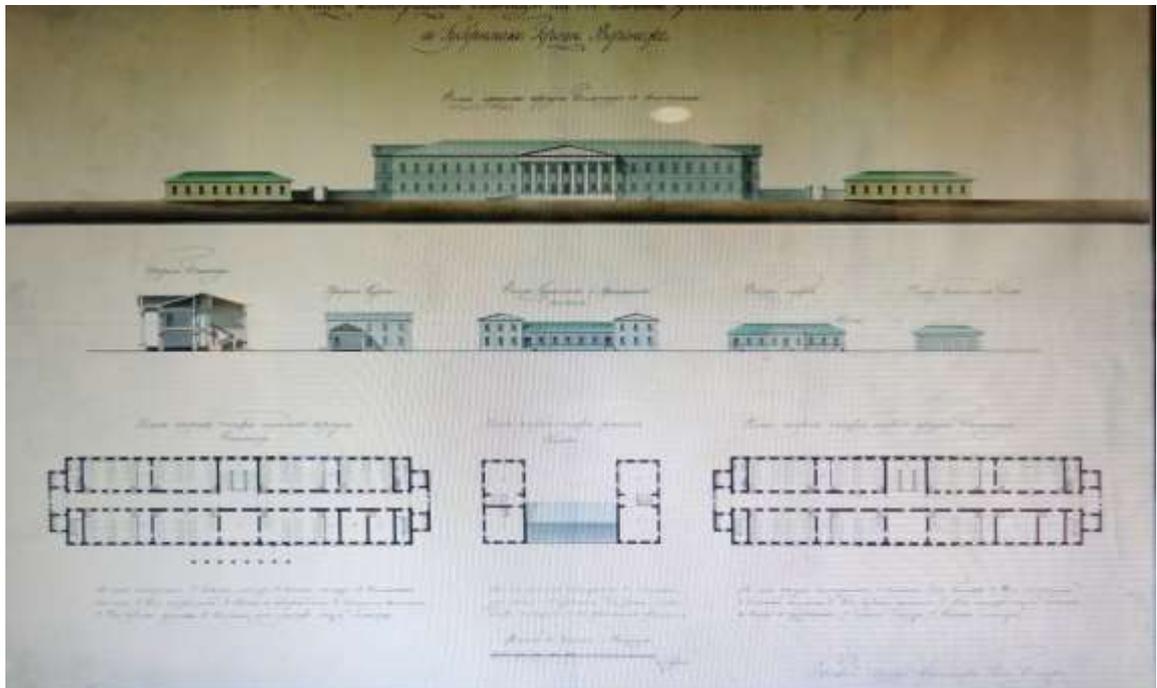

Рисунок № 22. Планы и фасады Военно-градской больницы на 350 человек, предлагаемой к постройке в губернском городе Воронеже (РГИА. Ф. 1293. Оп. 168. Д. 38).

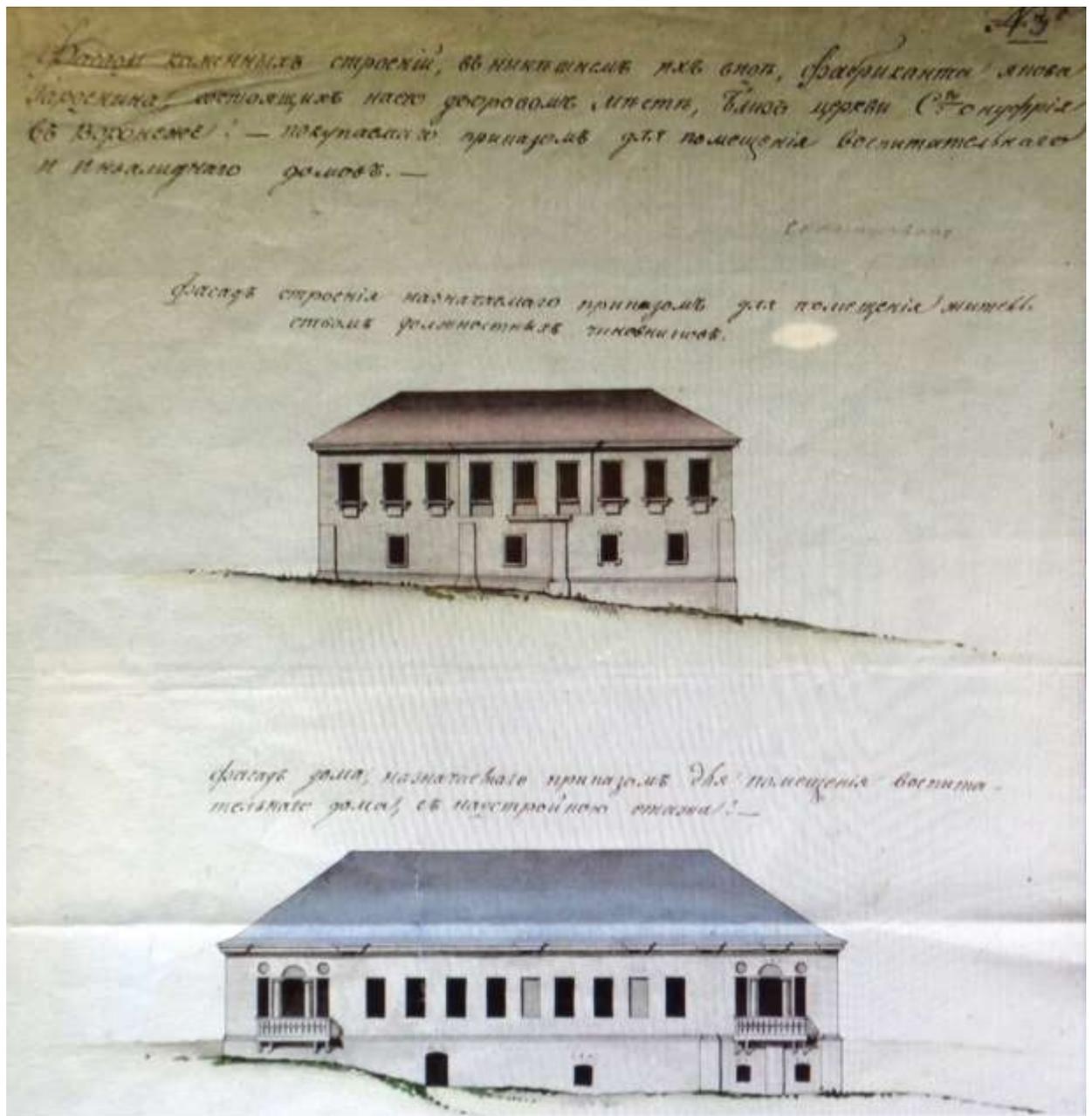

Рисунок № 23. Фасады каменных строений в нынешнем их виде фабриканта Якова Гарденина близ церкви Св. Онуфрия в г. Воронеже, покупаемых приказом для помещения воспитательного и инвалидного домов (РГИА. Ф. 1293. Оп. 168. Д. 60).

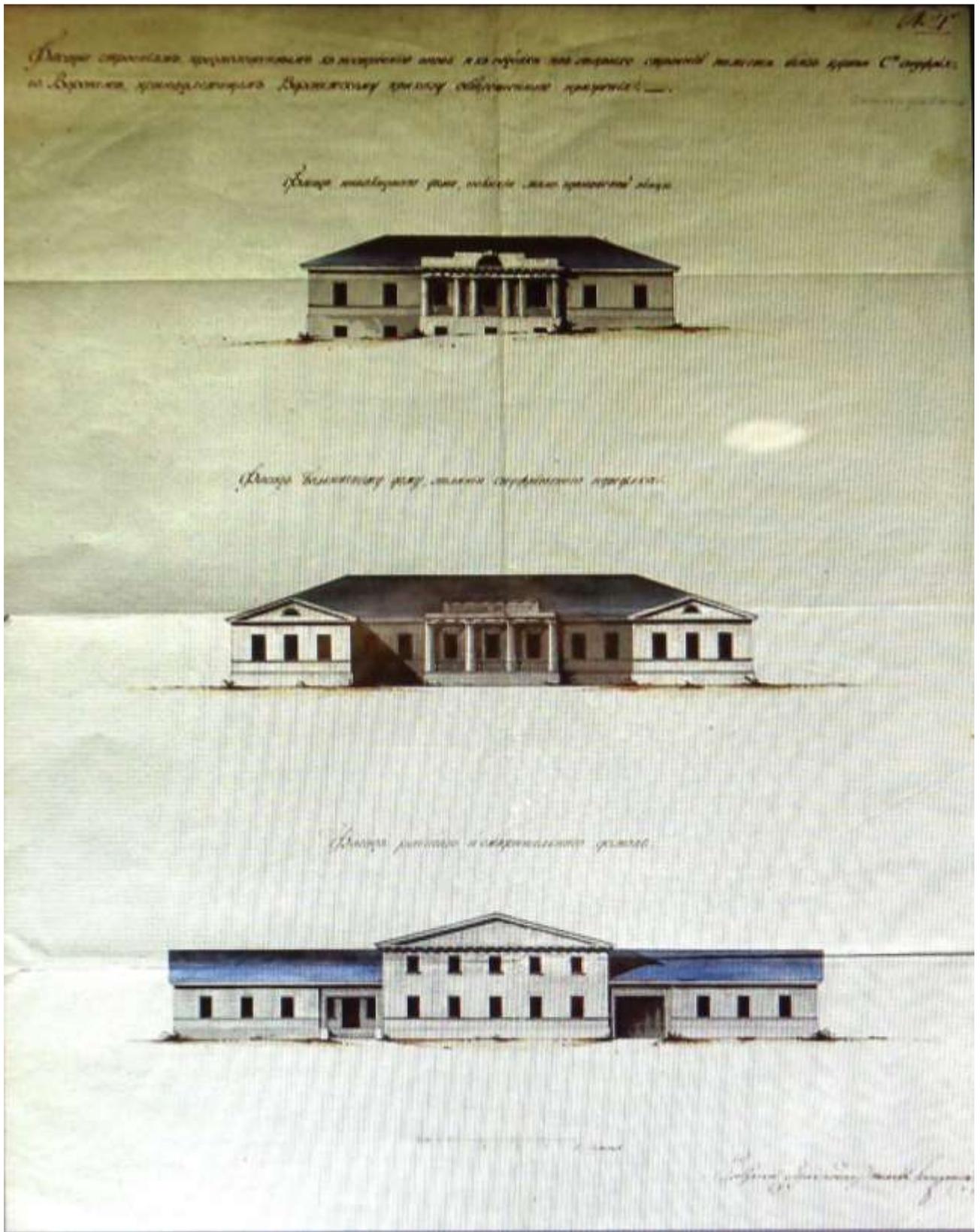
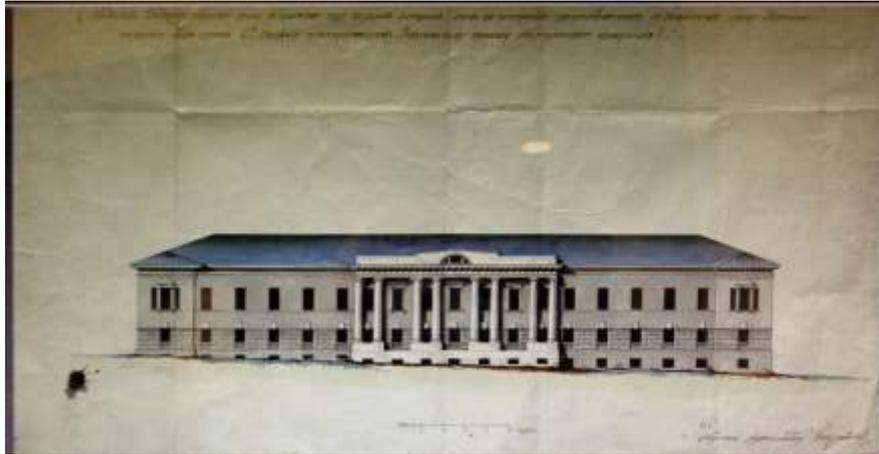
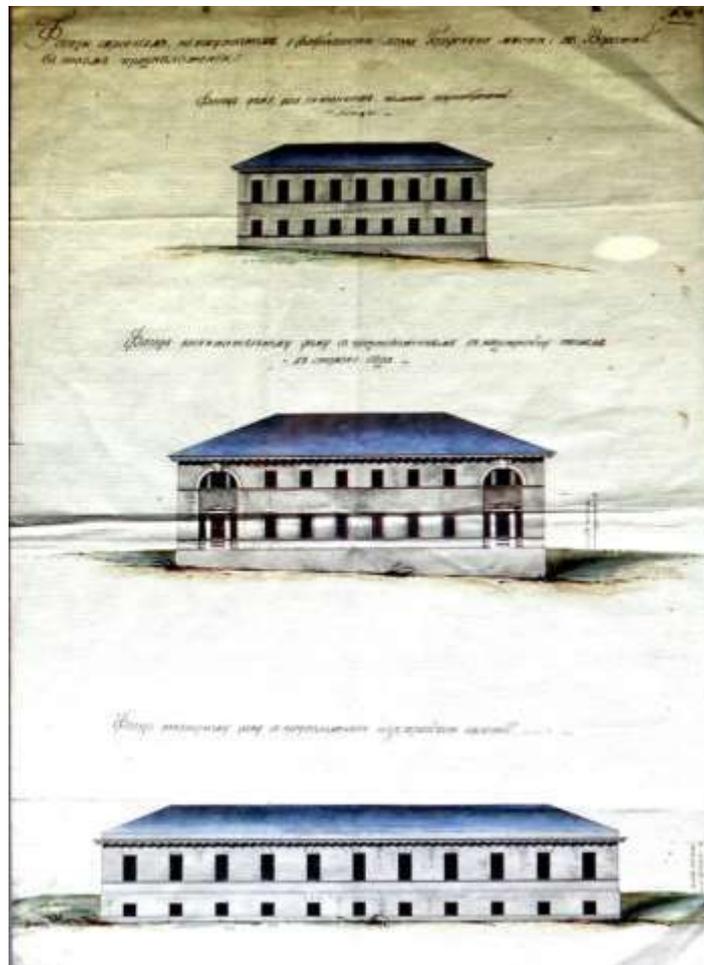

Рисунок № 24. Фасады инвалидного дома, больничному дому, рабочему и смирительному дому (РГИА. Ф. 1293. Оп. 168. Д. 51).

**Рисунок № 25. Проект строений приказа общественного призрения.
Воспитательный дом (РГИА. Ф. 1293. Оп. 168. Д. 52).**

**Рисунок № 26. Фасады строений на покупаемых у фабриканта Якова
Гарденина местах в г. Воронеже в новом предположении: дома для
чиновников, воспитательного дома, инвалидного дома (РГИА. Ф. 1293. Оп.
168. Д. 59).**

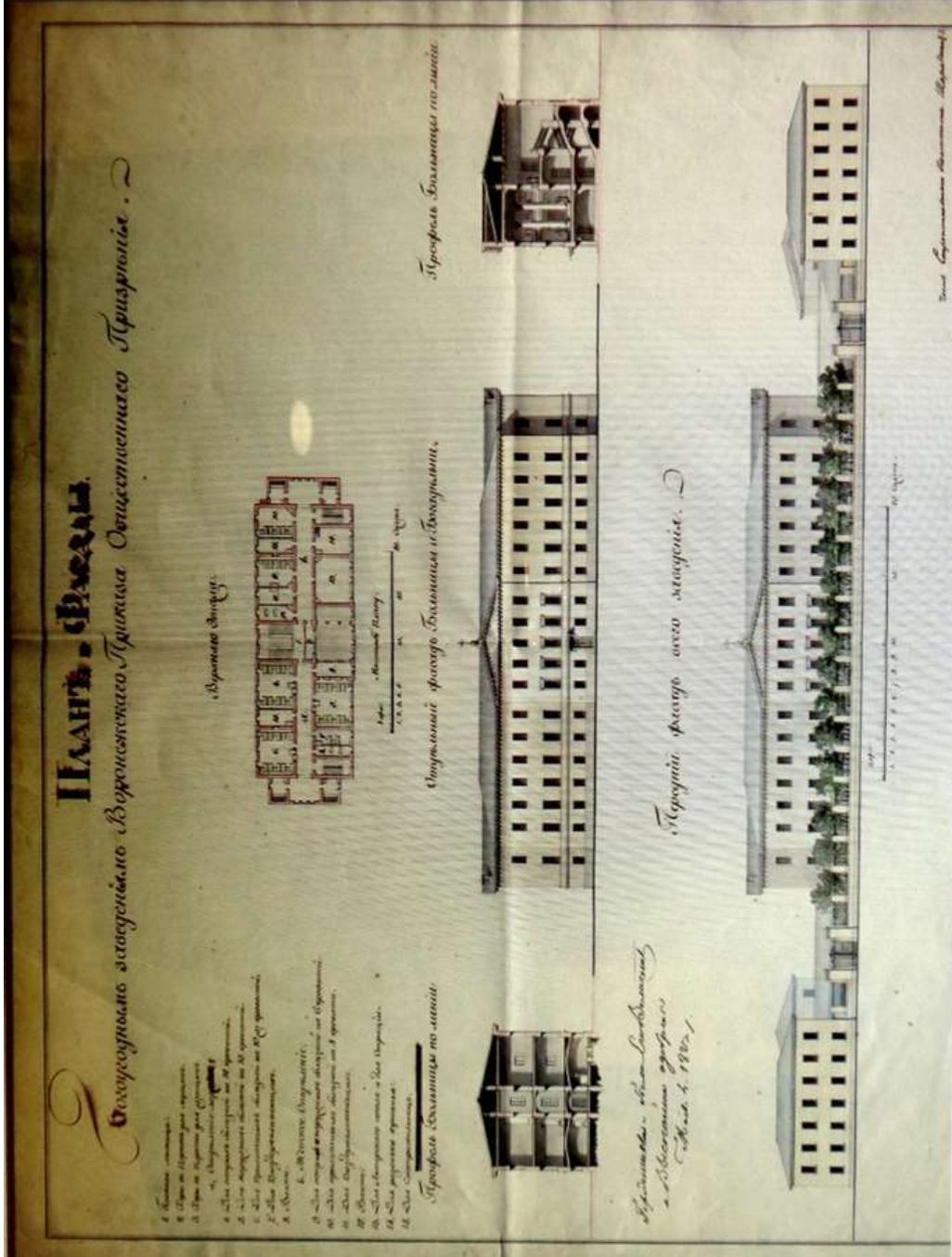

Рисунок № 27. Планы и фасады Богоугодным заведениям Воронежского приказа общественного призрения (РГИА. Ф. 1293. Оп. 168. Д. 62).

Рисунок № 30.. Уменьшенный план усадебной земли гор. Воронежа. 1852 г.
(РГИА. Ф. 1293. Оп. 166. Д. 4)

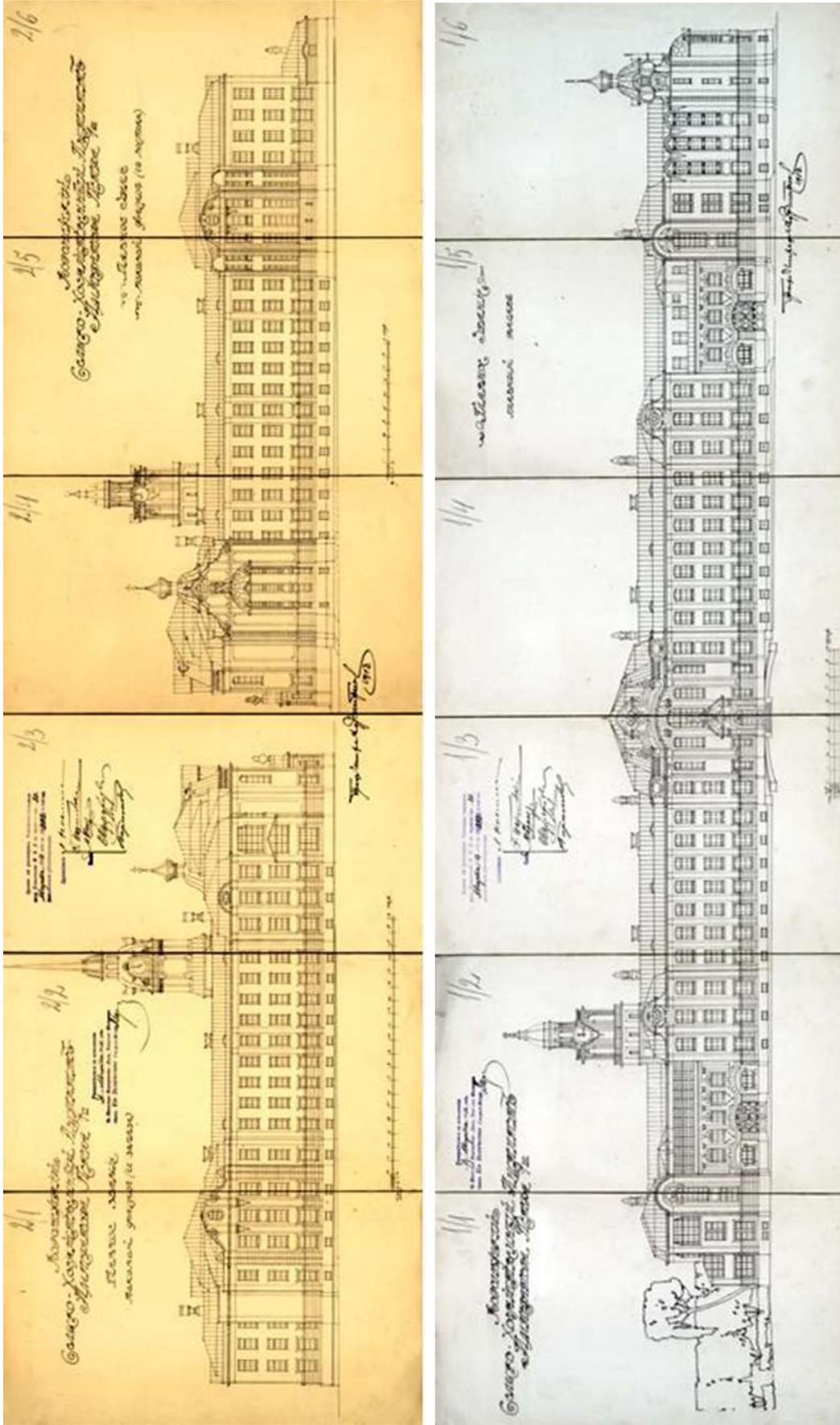

Рисунок № 35. Фасады Воронежского сельскохозяйственного института Императора Петра I. 1913 г. (РГИА. Ф. 1293 Оп. 166 Воронежская губ. Д. 79).

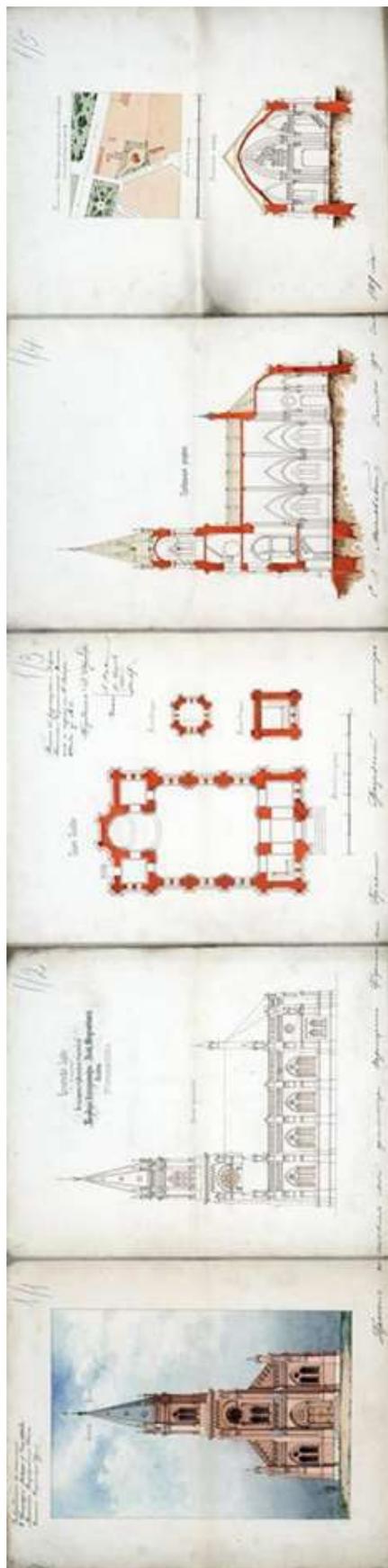

Рисунок № 36. Проект Католической церкви в гор. Воронеже. 17 января 1890 г. РГИА. (Ф. 1293 Оп. 166. Воронежская губ. Д. 87).

Рисунок № 39. Карта города Воронежа, составленная О.Ф. Будановым в 2007 г. на основе плана 1910 г.